

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Кузьмин С.Л.** «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. 5
Лапин П.А. Очерк истории преподавания иностранных языков и подготовки переводчиков
в Китайской империи (с древнейших времен до первой половины XVII в.)..... 14

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Саранцева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В.**
Результаты геофизических исследований усадьбы Алестуй в Забайкалье..... 25
Гарковик А.В., Сергушева Е.А. Боголюбовка-1 – поселение ранних земледельцев Приморья..... 34
Федорченко А.Ю. Трасологическое исследование каменных украшений из палеолитического погребения
VII культурного слоя стоянки Ушки-I (Центральная Камчатка): новые данные..... 45
Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни
белорусских крестьян-переселенцев в Приамурье в устных историях..... 53
Стрельцова И.В. Пояс в системе традиционной культуры украинцев и белорусов
в Приморье в конце XIX – начале XX в. 61

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Измозик В.С.** Дело «красных финнов»..... 69
Оплаканская Р.Н. К вопросу о репатриации польских военнопленных –
участников «белого движения» в 1921 г. 83
Петрова В.Д. Деятельность общества «друзей радио» в Якутии в 1920–1930-х годах XX в. 89
Юрганова И.И. Якутский Спасский мужской монастырь: этапы деятельности..... 96

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

- Православский С.С.** Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе..... 105
Сидорин А.А. Проблематизация ценности здоровья молодежи..... 109

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

- Короткова К.Е.** Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана в зеркале западной прессы..... 117
Мишулина А.Ф., Мургазина Э.И. Исследование характеристик эмоционального интеллекта
и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин..... 125

ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВО ПРЕКРАСНОГО

- Завьялова В.Л.** Когнитивные фонологические исследования в языкознании..... 131
Филиппова О.Н. М.А. Волошин – поэт и художник..... 144
Забяко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период..... 150
Лю Чжицян Стихотворение Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» в переводе Л.Е. Черкасского..... 166

ЮБИЛЕЙ: К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА ИСАЕВИЧА ПРУЖИНИНА

- Борису Исаевичу Пружинину – 70 лет..... 172
Пружинин Б.И. Отрывки из книги «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы.
К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина» (М.: Политическая энциклопедия, 2014)..... 173
Мюрберг И.И. Достоинство научного метода: культурно-историческая эпистемология
в зеркале современной политической теории..... 179

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, профессор, Центр криминологии и социально-правовых исследований (Centre for Criminology and Sociolegal Studies), Университет Торонто (University of Toronto)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

Редактор, корректор Л.М. СМЕРНОВА
Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 10.12.2014.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 22,60.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 4 (30) 2014

Sertificate
ПИ № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

Lapin P.A. Sketch of the history of foreign language teaching and interpreter training in the Chinese Empire (from the ancient period to the first half of the 17th century).....	5
Kuzmin S.L. Counter-revolutionary center in the 1930s Mongolia.....	14

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Kradin N.N., Bessonova E.A., Sarantseva S.E., Kovychev E.V., Harinskiy A.V. Results of geophysical exploration of Alestuy estate in Transbaikalia.....	25
Garkovik A.V., Sergusheva E.A. Bogolyubovka-1 – early agricultural site in Primorye.....	34
Fedorchenko A.Yu. Trastological research of personal stone ornaments from Paleolithic burial of VIIth cultural layer of Ushki-I site (Central Kamchatka): new data.....	45
Fedorov R.Yu., Bogordaeva A.A. Historical and ethnographic aspects of Belarusian peasant settlers' life in Priamurye in oral history records.....	53
Streltsova I.V. Belt in the system of traditional culture of Ukrainians and Byelorussians in Primorye at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century.....	61

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Izmozik V.S. The «Red Finns» case.....	69
Oplakanskaya R.V. Toward the repatriation of Polish prisoners of war involved in the White movement in 1921.....	83
Petrova V.D. The activities of the «Friends of Radio» Society in Yakutia in 1920s–1930s.....	89
Yurganova I.I. Yakut Monastery of the Savior: stages of activity.....	96

THEORETICAL DIMENSION OF SOCIETY

Pravoslavskiy S.S. Transformation of social communication in the information-oriented society.....	105
Sidorin A.A. Problematization of the value of youth health.....	109

ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS

Korotkova K.E. The Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan in the mirror of Western press.....	117
Minullina A.F., Murtazina E.I. Investigation of characteristics of emotional intelligence and tolerance to uncertainty indicators of men and women.....	125

LANGUAGE AND THE SPHERE OF THE BEAUTIFUL

Zavyalova V.L. Cognitive phonological research in linguistics.....	131
Filippova O.N. Maximilian Voloshin: a poet and a painter.....	144
Zabiyako A.A., Levchenko A.A. Ethnographic aspect of the art of Venedikt Mart: Far Eastern period.....	150
Liu Zhiqiang Poem by Xu Zhimo «I do not know which way the wind blows» translated by Leonid E. Cherkasskiy.....	166

JUBILEE: CELEBRATING 70th BIRTHDAY OF BORIS I. PRUZHININ

Congratulation from editorial staff.....	172
Pruzhinin B.I. Excerpts from the book «Cultural-historical epistemology: problems and prospects. Tributes on the 70th birthday of Boris Isaevich Pruzhinin» (Moskva: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014).....	173
Myurberg I.I. The worth of a scientific method: cultural-historical epistemology in the mirror of political theory.....	179

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Far Eastern Federal University, corresponding member of Russian Academy of Science
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), University of Toronto
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), National Research University «Higher School of Economics»
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 94(517)

С.Л. Кузьмин*

«КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЦЕНТР» В МОНГОЛИИ В 1930-х гг.**

В статье описывается дело так называемого «контрреволюционного центра» в Монгольской Народной Республике, которому приписывали план свержения правительства с помощью зарубежных сил, организацию заговоров и восстаний в стране в 1930-х гг., попытку восстановить монархию и т.д. В доказательство главных обвинений использовались не документы, а признания на допросах и фальсифицированные материалы. Показательный суд над членами «контрреволюционного центра» в 1937 г. был призван дискредитировать высших лам МНР в связи с проводившейся тогда политикой ликвидации религии. Позже осужденные были реабилитированы.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, Панчен-лама, МНРП, восстание, репрессии.

Counter-revolutionary center in the 1930s Mongolia. SERGEY L. KUZMIN (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences).

In 1930s several rebellions and conspiracies against the pro-communist government had been suppressed in Mongolian People's Republic (MPR). The unrest was caused by people's discontent with the policy of collectivization and suppression of Buddhism, conducted under the Bolshevik guidance by Comintern. Searches for "spies and saboteurs connected with imperialist intelligence" represented one of the key responses to the unrest. Disclosure of the "counter-revolutionary lamas' center" was announced in 1937. The restoration of theocratic monarchy in Mongolia was declared as its main goal. The "Center" was declared the largest counter-revolutionary organization behind all rebellions and conspiracies in the MPR. Yonzon Khamba Luvsankhaimchig, one of the highest lamas and the teacher of the last Great Khan of Mongolia – the 8th Bogd Gegeen Javzandamba Khutagt, was labeled the key figure of the "Center". The article focuses on the law suit on this organization and analyzes main accusations. It is shown that testimonies and statements during the suit were used as the main evidential matter. Main material evidences were falsified. Nineteen of 23 accused lamas had been sentenced to death. They were rehabilitated in 1990.

Keywords: Mongolia, Buddhism, Yonzon Khamba Luvsankhaimchig, Panchen Lama, Mongolian People's Revolutionary Party, rebellions, repressions.

В 1930-х гг. в МНР были ликвидированы восстания и заговоры против власти Монгольской народно-революционной партии (МНРП). Они были вызваны недовольством населения политикой коллективизации и подавления религии, проводившейся по рекомендациям Коминтерна и руководства ВКП(б). В 1930-х гг., в связи с усилением угрозы нападения Японии и осложнением советско-японских отношений, внимание советского руководства к МНР усилилось. С декабря 1933 г.

* КУЗЬМИН Сергей Львович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

E-mail: ipe51@yahoo.com

© Кузьмин С.Л., 2014

** Автор выражает благодарность за содействие в работе С. Чулууна и Ж. Оюунчимэг.

по 5 сентября 1952 г. в Москве состоялась 21 официальная и неофициальная встреча И.В. Сталина с монгольским руководством [2, с. 142]. Еще в 1933 г. Сталин расспрашивал руководителей МНР о «ламстве» и рекомендовал вести с последним борьбу, позже, в 1935 г., он указывал на то, что главным для МНР является вопрос об обороне (Российский государственный архив социальной и политической истории, далее РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 352. Л. 11–12). Исходя из того, что «национальное усиление несовместимо с одновременным усилением «ламства», Сталин и его окружение предложили монгольскому руководству ряд мер по ликвидации духовенства в МНР (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 352. Л. 13–15, 22–24, 42). Эти «предложения» соответствовали аналогичному курсу, проводившемуся в то время в СССР.

Одним из ключевых положений в борьбе с религией были поиски «шпионов и диверсантов – агентов японской и прочих разведок» (см., напр.: [5, с. 99–130]). 13 сентября 1937 г. заместитель наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский телеграфировал из Улан-Батора наркому внутренних дел Н.И. Ежову об аресте, с согласия монгольских лидеров Х. Чойбалсана и А. Амара, «Энзона – английского резидента, переведенного японцами», и о планах разгрома «ламской тибетской колонии» в Монголии и проникновении «в сеть английской связи на Тибет и японской на Хайлар» (Российский государственный архив новейшей истории, далее РГАНИ. Ф. 89. Оп. 29. Д. 1. Л. 3. Цит. по: [1, с. 19]). Имелся в виду Ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчиг – один из высших лам Монголии, – обвинения которого легли в основу дела «контрреволюционного центра» (монг.: хувьсгалын эсэргүү төв), крупнейшей организацией в МНР, которая, по мнению монгольского руководства, стояла за всеми предыдущими заговорами и восстаниями. В литературе до недавнего времени были известны лишь самые общие сведения об этом деле (см., напр.: [6, с. 292–293]). В последние годы в Монголии появились важные публикации, основанные на документах [4, 8]. Однако ряд других документов из архивов Монголии и России пока не был проанализирован. Данная статья посвящена анализу таких материалов.

10 сентября 1937 г. ночью в МНР были арестованы около ста лам. В большом секретном документе МВД в ЦК МНРП от 25 мая 1937 г. содержатся подробные сведения по этому делу. Согласно им, главной целью «центра» было поставить во главе страны следующего теократического монарха – Богдо-гэгэна IX. Во главе заговора стоял

Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг – тибетец и учитель Богдо-гэгэна VIII, имевший связи с Далай-ламой XIII и Панчен-ламой IX. С последним, а также с реакционными феодалами имел связи и другой высший лама – Манджушри-хутухта Цэрэндорж, который в 1930 г. якобы принимал активное участие в «деле 38», или «заговоре Эрэгдэндагвы». Другой крупный фигурант – Дамдин – дэд-хамбо¹ Хурэ – был близок к Богдо-гэгэну VIII. Он пользовался большим влиянием среди контрреволюционных лам, имел связи с феодалами в МНР, Тибете и Внутренней Монголии. Все трое были идейными вождями и руководителями этой группы.

Вначале группа проводила работы по выявлению Богдо-гэгэна IX, а в 1929 г. создала отделения в монастырях нескольких аймаков страны. Затем были изменения, и в 1929–1930 гг. в «центр» входили также дворянин Эрэгдэндагва, высшие ламы Егузэр-хутухта, Дилова-хутухта в составе тех «38». Первые двое были казнены, последний вместе с Манджушри-хутухтой получил испытательные сроки, Дилова-хутухта бежал за границу. После 1930 г. руководство «центра» перешло к цоржам Чойнзону, Янжину, габджу² Навану и Джамьяндиву.

В Южно-Гобийском аймаке средоточием контрреволюции был монастырь Улгий-хийд³. Там контрреволюционеры возглавляли габджу Цэвэндорж, хамбо Санжмятав и Цогжав. Последний был связан с монастырем Гандан и с границей. С Улгий-хийдом поддерживал связь Дилова-хутухта, когда бежал за границу в 1931 г. Арестованный лама Вандан показал, что организации

¹ Заместитель настоятеля.

² Высшая ученая степень в тибетском буддизме.

³ По спецсообщению иностранного отдела НКВД СССР от 15 сентября 1935 г., контрреволюционная организация в Южно-Гобийском и Восточно-Гобийском аймаках (дело «юго-запад») насчитывала 100 чел., охватывала 17 пограничных монастырей, где были сосредоточены запасы продовольствия для повстанцев и войск Панчен-Богдо в случае их вторжения в МНР. Вторая организация охватывала Дзобханский, Кобдосский, Убсунурский и Хубсугульский аймаки. Предположительно, в ней более 300 чел. Она имела связи с закордонной армией, госаппаратом, оружие. По агентурным данным, контрреволюционное восстание было намечено на 15 октября. Президиум ЦК МНРП вынес решение о частичной ликвидации этих организаций. Предполагался арест 5 чел. в гобийских аймаках и 5 чел. во главе с крупным ламой ловоном Санжитом, составляющих «центральное ядро» в Дзобханском аймаке. Гэндэн при обсуждении в ЦК пытался сорвать решение, оттянуть арест (Центральный архив Федеральной службы безопасности, далее ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 204–205).

Улгий-хийда и «центра» имели связь, а осенью 1936 г. в Улан-Батор приехал связной – лама Шанжмятав, контрреволюционной деятельностью в Улгий-хийде руководили Шанжмятав и Наван. «Центр» и Улгий-хийд ставили целью пригласить в МНР Богдо-гэгэна IX и Панчен-ламу. В 1936 г. по делу Улгий-хийда был арестовано 21 человек. У заговорщиков конфисковали 41 винтовку, 4433 патрона, 3 кавалерийские шашки, 1 легкую горную пушку и желтое знамя. Верховный суд в том же году рассмотрел это дело, и шесть человек были расстреляны⁴.

По показаниям цоржа⁵ Чойнжина, в 1930 г. «центром» руководили Ёнзон-хамбо, джасын-хамбо⁶ Дамдин и Манжушри-хутухта, а сам он должен был распоряжаться выявлением Богдо-гэгэна IX и поддерживать связь с Панчен-ламой. Примерно о том же говорил в своих показаниях Дамдинсурэн. Он показывал также, что должен был помогать японским солдатам и Панчен-ламе, организовывал тайные собрания, поддерживал связь с учителем Наваном, а когда тот умер, с цоржем Джанцаном. По его показаниям, Наван перед смертью говорил ему, что на приглашение Панчен-ламы Ёнзон-хамбо выделяет 500 тыс. тугриков, тибетский унзат-лама⁷ – 500 тыс., сам Нанзад – 10 тыс. тугриков уже отдал их под проценты.

Допрашиваемые давали показания о том, что восстание 1932 г. было также связано с «центром». Так, габджу Хаша показал, что в 1932 г. из Гандана отправили на запад ламу Вандансамбу, чтобы тот подготовил контрреволюционное восстание. Он руководил восставшими, был арестован и наказан и дал показание, что раньше был учеником дэд-хамбо Дамдина, получал от него поручения, Дамдин говорил ему, что организует восстание в 1932 г.

По словам габджу Хаса, контрреволюционная организация в Гандане ставила целью выявление Богдо-гэгэна IX, главой ее был дэд-хамбо и т.д. По показаниям цоржа Чойнзона, он в 1933 г. слышал, что через Цогжава отправят письмо Панчен-ламе, но сам не участвовал в этом. Отправляли письмо и через цоржа Б. Содова из монастыря Тамсаг. Он выехал через границу, но его арестовали ки-

⁴ Это дело было фальсифицировано. Показания арестованных противоречат друг другу, но суд этого не учел. В течение 22 месяцев заключения не было прокурорского надзора, дело велось по произволу следователя [4, с. 82–85].

⁵ Тиб.: чойдже – титул и должность, вторая после настоятеля.

⁶ Руководитель джассы – накопленный имущества общины монастыря.

⁷ Уставщик.

тайские пограничники. Говорили, что у него есть письмо от Ёнзон-хамбо, где было сказано, что религия в Халхе приходит в упадок, необходимо ее охранять. Халха попала в руки красной России, пришло время гибели религии. Говорили также, что этот Содов был убит при переходе границы в 1933 г. Цогжав был расстрелян в 1936 г. по приговору Верховного суда.

Чойнзон показал также, сколько средств собирали с разных аймаков и дацанов Гандана для приглашения Панчен-ламы. Например, джасса дацана Гунгачойлин должна была выделить 25 ямбов серебра, несколько серебряных тугриков, 2000 лан и 8–9 лан золота.

О контрреволюционной деятельности Ёнзон хамбо говорил также Лувсанданзан, сообщивший о тайных встречах в его юрте. В совещаниях участвовал хубилган⁸ Гунгасамбу. Лувсанданзан показал, что лично отправлял Панчен-ламе письма, в которых говорилось о числе монгольских солдат и оружия. Якобы пришел ответ, что в 1935–1936 гг. японские солдаты обязательно придут в Монголию, надо объединить силы, будет организована помощь восстанию. Эти показания подтвердил цорж Чойнжин. То же сообщал и лама Джамьяндив (расстрелян в апреле 1936 г. за связь с бежавшим из МНР Гончигдо и японским шпионом Инагучи). Гончигдо получил в 1931 г. от Панчен-ламы титул Хамбо-Номун-хан и латунную печать, потом жил в монастыре Намгур в Барге, вел активную агитацию против власти с помощью Японии. Джамьяндив передавал ему информацию.

Хубилган Гэндэнпунцаг показал, в числе прочего, что по заданию своего учителя Хаса выучил монгольское письмо, русское письмо, читал книги, собирался изучать внутреннее положение России.

В приложении к письму МВД есть перевод книги, написанной цоржем Джанцаном. Ее основная идея состоит в том, что в МНР дела обстоят плохо, религия уничтожается, молодых лам удаляют из монастырей, народные хуралы выступают против религии ... Халхи индийские, Панчен-лама и Дилова-хутухта стали хубилганами; необходимо собираться, чтобы выступить против власти, приближается время, когда будет восстановлена традиция, но монголы должны быть осторожны. Даны также некоторые пророчества о Халхе.

На основании допросов МВД сделало вывод о том, что заговорщики хотели держать связь с Панчен-ламой через Дилова-хутухту, бежавшего за границу. Во главе «центра» стоял Ёнзон-хам-

⁸ Перерожденный лама.

бо, активными членами были цоржи Джанцан, Чойнзон; анги Цогжав из Улгий-хийда отправлял письма Панчен-ламе, через Дилова-хутухту хотели просить Панчен-ламу выявить Богдо-гэгэна IX и уничтожить народную власть. В 1935 г. решили собрать с аймаков Гандана 9 млн тугриков, распределяли, кто сколько должен выделить. Кроме того, следовало выделить 7 больших юрт и палатку, каждый аймак и дацан должен был отдать 1 тыс. голов скота, лошадей и т.д. Дацаны Зунхурэ хранили 4 скорострельных винтовки, 79 единиц разного оружия старых образцов и 99 шашек. Основные слухи, которые распространяли контрреволюционеры, были о том, что с японскими солдатами придет Панчен-лама и уничтожит народную власть в Монголии. Отделения «центра» располагались в монастырях Хан-Ундурийн-хурэ (Архангайский аймак), Ван-хурэ и Булган-хурэ (Селенгинский аймак) (Монгол Улсын Үндэсний төв архив [Монгольский гос. национальный центральный архив], далее МУУТА, МАН-ын баримтын төв. Ф. 4. Д. 6. Х. н. 82. Тал 1–68).

Ключевой фигурой «контрреволюционного центра» был назван Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг. Согласно протоколам допросов, Лувсанхаймчиг приехал из Тибета в Монголию по поручению Панчен-ламы в 5-м (1915) г. с поручением распространять буддизм, быть близким другом Джебцундамбы, поддерживать дружбу и с монгольской аристократией. Он сразу стал одним из семи цоржей Джебцундамбы, имел 8 тыс. учеников (шавь нар), изучил монгольский язык. Он был тибетским учителем Богдо-гэгэна VIII в высокой должности Жавтуй-хамбо (МУУТА, МАН-ын баримтын төв. Ф. 4. Д. 6. Х.н. 80. Тал 1–112). По указу Богдо-гэгэна VIII от 20 июня 1915 г. он получил звание номч-билигт и цоржи. 10 августа 1916 г. его сделали Ёнзон-багш (учитель высокого ламы), все его должны были почитать. Об этом Богдо-гэгэн издал указ [8, с. 174–275].

В мае 1922 г. Лувсанхаймчиг в заявлении в МВД Монголии просил разрешить ему поехать на двадцать месяцев на родину в Тибет для встречи с родственниками. Просьбу удовлетворили в июне 1922 г. На время отсутствия исполнять его обязанности стал дэд-хамбо Гоошдэндэв. Ёнзон-хамбо уехал, чтобы встретиться с Далай-ламой, Панчен-ламой, Саж-Богдо⁹ и своими родственниками [8, с. 277–279]. От имени Богдо-гэгэна он поднес подарки и письма Далай-ламе (по случаю праздника его интронизации как монарха Тибета) и

⁹ Саж-Богдо, или Сакья-пандита, – глава школы Сакья тибетского буддизма (тогда как Далай-лама, Панчен-лама и Богдо-гэгэн относятся к школе Гэлуг).

Панчен-ламе (МУУТА, МАН-ын баримтын төв. Ф. 4. Д. 6. Х.н. 80. Тал 1–112).

Ёнзон-хамбо не успел вернуться из Тибета до кончины Богдо-гэгэна VIII, поэтому все необходимые молитвенные собрания организовывал Гоошдэндэв, у которого была печать Ёнзон-хамбо, чьи религиозные обязанности он исполнял. В его отсутствие цоржи Их-хурэ Чойнзон и Ринчиндорж проводили ритуалы, распространяли по Монголии книги о выявлении нового воплощения Богдо-гэгэна [8, с. 280–285].

Пока Ёнзон-хамбо жил в Монголии, под его руководством находились столичные монастыри Гандан и Дзун-хурэ. Так как было много пожеланий выявить Богдо-гэгэна IX, на 3-м собрании религиозной комиссии 24 июня 1926 г. решили создать комиссию по выявлению Богдо-гэгэна IX под руководством Лувсанхаймчига, дэд-хамбо Дамдина, аграмбы Цогжава, габджу Чойжила, Жамрснжава, Мишига и Мангала, гэскуя Очира, габджу Дамдина и аграмбы Гочо (МУУТА. Ф. 179. Д. 1. Х.н. 384. Тал 8). На 6-м собрании 20 февраля 1927 г. хамбо сказали, что гадали перед бурханом Цэдэрлхам и получили не очень хорошие результаты. Поэтому решили просить хамбо провести ритуал аврал (очищение), выяснить подходящий день и определить, что надо делать [8, с. 280–290].

21 мая 1930 г. Ёнзон-хамбо сделал заявление в администрацию по делам религии, что он уже много лет отправляет эту должность, сейчас здоровье уже не позволяет это делать, и он просит освободить его от должности Ёнзон-хамбо. 26 мая 1930 г. собрание обсуждало заявление и приняло решение его освободить. Но через десять дней они отошли от своего решения, и 10 июня 1930 г. состоялось собрание высших лам, которое постановило отменить решение об освобождении Ёнзон-хамбо от занимаемой должности (МУУТА. Ф. 179. Д. 1. Х. н. 499. Тал 1; Х. н. 480. Тал 55. Цит. по: [8, с. 292–293]).

После ареста Лувсанхаймчига его первый допрос 6 сентября 1937 г. вел Хаймчиг – старший следователь секретного политотдела МВД. Согласно допросам, Ёнзон-хамбо сказал, что находился в Монголии по поручению Панчен-ламы восемь лет, потом ездил к нему, т. к. от Богдо-гэгэна было письмо [8, с. 323–324]. Ёнзон-хамбо поддерживал связь с Панчен-ламой через караваны (Центральный архив ФСБ России, далее ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 21).

Следствие особо подчеркивало работу Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчига на иностранные государства посредством контактов с Панчен-ламой IX. Согласно протоколам допросов Лувсанхайм-

чига, он сообщил Далай-ламе и Панчен-ламе о положении в Монголии, о том, как пришли гаminy и солдаты барона Унгерна, а также красные солдаты и установили народную власть, которая поддерживает дружбу с красными русскими, но не смог документально рассказать о новом режиме. В Лхасе он говорил аристократу Чисрин Гэлэгу, что в Монголии установилась народная власть, руководит которой Сухэ-Батор, по его словам, Монголия ушла от Китая и опирается на Россию, а Россия забрала Монголию и прислала солдат. Там же он встречался с калоном Царонгом¹⁰ (монг.: Цэрэн гэлэн) и рассказал о ситуации в Монголии. Он хотел остаться в Тибете, но Панчен-лама сказал ему: «Богдо Джебцундамба в письме просил тебя отправить обратно, поэтому ты должен вернуться». По дороге врач Панчен-ламы, посланный к нему, передал его просьбу сообщать о ситуации в Монголии.

На другом допросе Лувсанхаймчига спросили: «Каких людей вы принимали у себя для разведдеятельности в пользу Англии»? Он ответил: «Когда я приехал в Тибет, встречался с Далай-ламой и калоном Царонгом, которые держали сторону Англии». Цэрэн поручил ему узнать, что происходит в Монголии, настроения лам и народа, политику партии и правительства, просил посылать разведсообщения. По показаниям Лувсанхаймчига, эти сведения были нужны не столько Далай-ламе, сколько Англии, которая хотела знать, как влияние красных распространяется в Тибете.

В Монголию Лувсанхаймчиг, по его словам, вернулся в 1923 г. После того как Панчен-лама уехал в Китай, в 1927 г. он прислал к нему сойбона Лага. С последним он отправил хадак и сообщение о политической ситуации в стране, о числе солдат и оружия, подавлении хутухт, хубилганов и нойонов. Он сказал, что имеет поручение Панчен-Богдо и «одного государства» о проведении тайной разведработы в Монголии для уничтожения народной власти и восстановления староя. В своих показаниях говорил, что получил поручение Панчен-Богдо, «державшего английскую сторону Цэрэна» (=Царонг) и аристократа Гэлэга, разведать, каково число солдат и оружия монгольского правительства, положение народа, проводимые русскими в Халхе работы, как обстоит дело с буддийской религией, с иностранными подданными. Он получил 1000 лан серебра, вино и шелк в награду. Лувсанхаймчиг сказал также, что его ученику Самбу-Дувчину передано от него через

¹⁰ Фаворит Далай-ламы XIII, проводивший модернизацию Тибета при содействии Великобритании.

Вандансамбу разрешение на организацию контрреволюционного движения в 1932 г.

В 1933 г. дэд-хамбо Дамдин, Манджушри-хутухта через анги Цогжава передали сообщение Панчен-ламе. Потом Цогжав во главе ряда лам Улгий-хийда организовал контрреволюционную группу, опиравшуюся на Пачен-ламу и Японию. Ёнзон-хамбо якобы в свое время создал и контрреволюционную организацию при Амарбуянт-хийде в Дзобханском аймаке, давал там указания ловону Санжиду. Более того, якобы Агван Лхарамба (Агван Доржиев), Цыбен Жамцарано, Эринчинов (Э. Ринчино) тоже имели отношение к его организации, т. к. делали подарки, когда приезжали сами и когда приезжал официальный представитель Панчен-ламы.

Лувсанхаймчиг, по его словам, держал связь с Панчен-ламой, чтобы вести разведработу. В 1931 г. от Панчен-ламы приехал цорж Содов. Когда он возвращался, «я говорил устно о ситуации в Монголии, положении властей и солдат, количестве оружия, о религии». Таких контактов было три. В 1937 г. он стал учеником габджу Нава-на аймака Гандан-Бизья. Они очень дружили и совместно с дэд-хамбо Дамдином и Манджушри-хутухтой Цэрэндоржем вели разведработу, через Агван-Джамьяндива и Гончигдо передавали Панчен-ламе и Японии сведения о положении в Монголии. В числе руководителей «Центра» были Дамдин, Джамьяндив, Гончигдо, цорж Чойнзон, Чодогцэндэг, а также габджу, аграмбы и простые служащие, которых допрашиваемый хорошо не знал, а давал им только общие руководящие указания. Кроме того, был составлен список 26 тибетцев из Амдо, которые участвовали в деятельности «центра». Они ежегодно утром на Цаган-сар приходили в юрту к Лувсанхаймчигу, выражали почтение и желание уничтожить народную власть, пригласить Панчен-ламу, молились за это.

В 1934 г., по словам Лувсанхаймчига, он отправил сообщение к Панчен-ламе. Он показал, что получил в общей сложности пять писем с печатью Панчен-ламы с указаниями о разведработе. Ведя религиозную деятельность, он якобы заработал авторитет среди монголов и благодаря этому проводил разведработу. В том же году он устно передал сведения о Монголии Царонгу через Зундуй-чоймбола и Ванжила, возвращавшихся в Тибет с Самба Ринпоче. Других контактов с Царонгом не было. Но, по словам Лувсанхаймчига, связь с Англией имеют тибетский финансовый представитель Далай-ламы в МНР Самба, тибетские торговцы Минжур, Цэдэн и Жадон, работник фонда Далай-ламы Равсал, с которыми он встречался на

Цаган-сар (МУУГА, МАН-ын баримтын төв. Ф. 4. Д. 6. X. н. 80. Тал 1–112).

Однако важная и детальная «шпионская информация» от Ёнзон-хамбо в Маньчжурию не могла переправляться устно, если ее действительно просто запомнили, – она не могла быть сколько-нибудь детальной и существенной. Сведения о том, что Ёнзон-хамбо через калона Царонга стал английским агентом, снабжая Англию данными для проникновения в Монголию, явно навеяны советскими чекистами: МНР в то время мало интересовала Англию, да и у последней были куда более простые каналы получения информации через Китай, а не через Тибет.

Кроме того, есть основания полагать, что допросы Лувсанхаймчига фальсифицированы: на бумаге одного из них не указаны вопросы следователя, в пометках сказано, что он встречался с Царонгом и давал сообщение о монгольской армии и государственной власти, но эти пометки противоречат друг другу. Хронология японской экспансии в Китае и деятельности Панчен-ламы с хронологией признаний Лувсанхаймчига в шпионаже содержит ряд несогласованностей [8, с. 323–324, 341–342].

Вскоре после ареста членов «центра» политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение П53/106 от 19 сентября 1937 г., в котором говорилось: «Принять предложение т. Фриновского об организации специальной тройки в составе Чойбалсана, министра юстиции и секретаря ЦК МНРП для рассмотрения дел на монгольских лам» [7]. Показательный судебный процесс над «центром» был проведен Верховным судом МНР 4–8 октября 1937 г., суду предали 23 человека. Помимо перечисленных выше обвинений им инкриминировали попытку свергнуть народную власть, восстановить старые порядки, связи с Панчен-ламой и японцами, а также контакты с «группой Гэндэна – Дэмида».

Судебный процесс проходил в центральном театре Улан-Батора при полном зале. Вокруг театра поставили пулеметы. По воспоминаниям политика Нямбу, тибетец Ёнзон-хамбо плохо говорил по-монгольски, и его речь на суде было трудно понять¹¹. Заседания транслировали по громкоговорителям толпе, собравшейся вокруг театра. Большинство слушателей были араты и ламы. «Признания» обвиняемых на процессе затем опубликовала газета «Үнэн», например сообщение Ёнзон-хамбо о том, что он приехал в Монголию в 1914 г. как шпион Панчен-ламы [10, р. 326–327].

¹¹ Это вызывает сомнения в достоверности показаний в его сохранившихся допросах.

На суде Ёнзон-хамбо говорил также о том, что в 1931 г. кружок продолжал работать, в него входили Дилова-хутухту, дэд-хамбо Дамдина и Манджушри-хутухту. Были созданы отделения в монастырях Сан-бэйсэ и Улгий-хийд; что он возглавлял контрреволюционную группу Эрэгдэндагвы, а потом вместе с Манджушри-хутухтой и Дамдином возобновил работу подпольного кружка. Они держали связь с границей для уничтожения власти, т.к. она плохо относится к буддизму. Интересно, что этих сведений нет в предыдущих показаниях, однако суд не обратил внимания и на это и ничего не уточнял. Были и другие противоречия в показаниях Лувсанхаймчига на суде. Ёнзон-хамбо признался также, что вел контрреволюционную работу вместе с Гэндэном [8, с. 35–359]. Однако суд, не рассмотрев противоречий, продолжал заседания. Предполагается, что судебный протокол мог быть фальсифицирован.

Из 23 обвиняемых монахов 19 были приговорены к расстрелу: Ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчига, дэд-хамбо Б. Дамдина, Манджушри-хутухту С. Цэрэндоржа, Б. Чойнзона, Б. Джанцана, Б. Цогтвандана, Д. Алтангэрэла. Д. Дамдинсүрэна, Б. Хасбазара, Ч. Сандана, Б. Намжила, Д. Дашдана Ш, Чултэма, А. Цэрэнбадму, Г. Гунгасамбу, Ц. Гомсүрэна. Д. Лувсанбадму, Ж. Гэгдэнпунцага и Б. Лувсанданзана. Двое были приговорены к 5 и 8 годам, один – к 3 годам условно, в отношении 1 дело было прекращено в связи со смертью. Имущество приговоренных конфисковали. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 156. Л. 103–109; Хүрэлбаатар, 2008, с. 65–73). Глава «центра» – Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг был расстрелян 9 октября 1937 г. в 00 час 42 мин в Далан-давхар (кладбище в Улан-Баторе) [3, с. 541].

Сфальсифицированные обвинения выдвигались не только в адрес участников «контрреволюционного центра». В отношении ряда лам к делу «центра» «пристегнули» обвинения в заговорах начала 1930-х гг. Это касалось Манджушри-хутухты и ряда других фигурантов, которых приговорили к расстрелу. Например, хубилган А. Гончигжанцан из монастыря Эрдэнэ-Дзу был арестован в 1931 г. «за распространение слухов среди народа» и получил 7 лет, но был освобожден в 1932 г. по амнистии. В 1937 г. его снова арестовали и обвинили в критике власти за нарушение традиций, следование тому, что ей (власти) скажут из-за границы; кроме того, было сказано, что он – хубилган, «сосет подаяние из народа»; в 1931 г. А. Гончигжанцан якобы распространял слухи о том, что придет Панчен-лама. В декабре 1937 г. особая

комиссия на 5-м заседании инкриминировала ему связь с «центром» Ёнзон-хамбо и приговорила к расстрелу [9, с. 65–73].

В январе 1938 г. советник министра внутренних дел МНР М.И. Голубчик направил заместителю наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновскому и полпреду СССР в МНР С.Н. Мионову совершенно секретный доклад «О предварительных итогах оперативной работы МВД по ламству и вновь намечаемых мероприятиях». В нем на «Всемонгольский контрреволюционный ламский центр, созданный японской разведкой» он списал все восстания в МНР. По его донесению, с 1925 г. реакционная верхушка ламства в блоке с феодалами стала формировать кадры для борьбы с правительством за возвращение светской власти в лице Богдо-гэгэна и к 1929 г. «локальные ламские контрреволюционные формирования объединились и создали названный центр. Окончательное формирование произошло при реализации решений VII съезда МНРП»¹².

М.И. Голубчик писал далее, что «в виде компенсации за оказание военной помощи контрреволюционный центр гарантировал признание господствующей власти Китая в Монголии». После раскрытия «заговора Эрэгдэндагвы» в 1930 г. «периферические филиалы контрреволюционного центра следствием не были вскрыты и остались нетронутыми». В 1931 г. руководители «центра» связались с Панчен-ламой. Заговорщик Жамьян-тиб руководил филиалами контрреволюционной организации в группе восточных аймаков, связался с японской разведкой. От Панчен-ламы регулярно приезжал эмиссар «Содбо» (=Содов). «Центр» широко практиковал нелегальную переброску через границу своих агентов с письменными материалами. Из Улан-Батора регулярно посылали в разные монастыри для создания там филиалов.

«В 1932 г. в западных аймаках МНР (Хубсугульском, Архангайском, Увэрхангайском, Дзавханском) ламский контрреволюционный центр подготовил и поднял вооруженное восстание», одновременно центр готовил восстания в центральных и восточных аймаках. В 1932–1933 гг. ламский центр заблокировался с Гэндэно-Дэмидовским заговором и заручился их поддержкой в борьбе с революционной властью. По заданию Гэндэна и Дэмида контрреволюционный центр стал вести активную диверсионную работу. <...> Целый ряд диверсионных актов «Центру» удалось осуществить, ряд попыток к совершению диверсий был предотвращен». Готовилось новое воору-

¹² Который положил начало «левому уклону».

женное восстание. Всего было создано 48 филиалов «центра».

Согласно донесению М.И. Голубчика, «ЦК МНРП по линии агитационно-массовой и МВД – по линии специальной был проведен ряд мероприятий для обеспечения правильного реагирования населения на процесс» над «центром»: широкие собрания до и во время процесса, более чем тысячная аудитория в зале суда – в Улан-Баторе и аймачных центрах. В глубинке, однако, об этом суде знали хуже, «а во многих еще пунктах араты знают о процессе по заведомо ложным рассказам лам. Этот процесс и последовавший за ним процесс по делу Гэндэн-Дэмида, которые обнаружили перед массами угрозу со стороны Японии монгольской независимости, значительно повысили революционную активность аратских масс, вызвали рост патриотического самосознания и движение за укрепление обороны страны. <...> Совершенно естественно: заявления высших лам на процессе, что ламаистские институты по своей сущности контрреволюционны, активный рост враждебных отношений арат к высшему ламству, массовая работа МВД по разоблачению контрреволюционных намерений высшего ламства и его феодальная эксплуатация аратства и низшего ламства, не могли не вызвать процесса отчуждения низших лам от высших. Совокупность изложенных фактов совершенно ясно определила наступивший кризис в ламаизме в Монголии и разрушение его устоев. Перед МВД встает задача своими мероприятиями обеспечить дальнейшее углубление этого процесса. В ноябре 1937 г. МВД приступило к ликвидации филиалов ламского контрреволюционного центра и массовому изъятию его участников» (Российский государственный военный архив, далее РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1083. Л. 52–65).

Если были «регулярные приезды», «широкая практика переброски», «регулярная посылка» материалов, то где все это? Еще раз подчеркнем, что обвинения были построены лишь на показаниях арестованных, а затем массовая агитация превращала их в глазах населения в истину.

Агитация велась особенно активно в первой половине октября 1937 г. в газетах, на митингах и собраниях аратов и духовенства, которые проводили члены партии и ревсомола. Их участники – как и участники подобных собраний в СССР – требовали самого сурового наказания «заговорщикам» и воздавали хвалу своему вождю – министру внутренних дел маршалу Чойбалсану. Сам Чойбалсан корреспондентам «Үнэн» и «Ардын эрх» объявил в тех же выражениях, какими отчитывались советские чекисты в МНР: раскры-

тие организации идет с 1930 г., Лувсанхаймчига в 1923 г. завербовал Панчен-лама и подослал для шпионажа в Монголию. В частности, в интервью газете «Үнэн» 3 октября 1937 г. помощник прокурора МНР Пунцагдорж сказал, что с целью уничтожения партии и правительства, восстановления монархии, возвращения потерянных прав и привилегий контрреволюционная организация, опираясь на Японию, занималась активной подрывной вредительской работой. Через Панчен-Богдо, делегацию Гомбо-Идшина в Тибете она получила благословение на приглашение Богдо-гэгэна IX, послала к Панчен-ламе своего члена Эрэгдэндагву для переговоров. В работе «центра» приняли участие Гэндэн и Дэמיד (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 63. Л. 3–8).

Даже после суда над «центром» и после закрытия всех монастырей и фактической ликвидации духовенства преследования в МНР продолжались. Полпред СССР Миронов в докладной от 11 февраля 1938 г. (вх. № ОС37) писал: «Как и следовало ожидать, разгром очагов японской разведки и высшего ламства обострил процессы борьбы, местами ламство пытается перейти в контрнаступление <...> Ламы, разбежавшись из монастырей, ушли в худоны. В худонах они повели активную агитацию в следующих направлениях (помещая по смыслу, а не текстуально): 1. Правительство по требованию русских уничтожает всех лам и религию, мы колония России, а не независимое государство. 2. Возвращается политика «левого загиба»: нужно резать скот и готовиться к восстанию, это помогло изменить курс в 1932 г., поможет и сейчас. 3. Япония разгромила красных в Китае, разгромит нашу и советскую армии и весной займет нашу страну. Панчен-лама идет с ними на защиту нашей религии. Кто не хочет быть весной уничтожен, тот должен идти против русских». В западных аймаках, где было восстание и «верхушка ламства наименее репрессирована, – там и настроения более густые». В Убсунурском аймаке на почве активной ламской агитации в аймачном руководстве началась паника, «они вооружаются, просят прислать войсковую часть». Миронов «посоветовал Чойбалсану крепче ударить там по контрреволюционному ламству» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1083. Л. 29–40).

Дело «центра» было одним из самых крупных показательных процессов в МНР, призванных дискредитировать духовенство в глазах народа и устрашить недовольных. Процесс был проведен по сталинским лекалам – главные обвинения не были подтверждены документами. Как доказательства использовались признания допрашиваемых. От-

носиться к ним надо с большой осторожностью, т.к. общеизвестно, что чекисты силой выбивали из обвиняемых необходимые им показания. Попытка объединить в единый заговор поиски Богдо-гэгэна IX и все восстания до 1937 г., добавив туда «группу Гэндэна – Дэмида», несостоятельна: это были разные (хотя и взаимосвязанные) события, не имевшие единого организационного центра.

Главными обвинениями подсудимых по делу «центра» были разведывательная деятельность в пользу иностранных государств и организация свержения власти МНРП. Ключевыми уликами послужили пять писем Панчен-ламы IX, которые нашли у Ёнзон-хамбо. Недавно были опубликованы новые архивные материалы: набранные кириллицей старомонгольские переводы этих писем, кратких выписок, использованных судом в 1937 г., перевод тибетских оригиналов писем в 1960 г., факсимиле этих оригиналов и их переводов для суда на старомонгольском языке с тибетскими выписками. В этих письмах не сказано о шпионаже или работе на иностранцев. Перевод 1960 г. не соответствует переводу, сделанному для суда в 1937 г., он сфальсифицирован с тем, чтобы доказать обвинение (архивные материалы см.: [4, с. 110–113, 193–199]). Следовательно, «признания» Лувсанхаймчига и прочих фигурантов дела в 1937 г. были выбиты силой. Не подтверждается фактами и обвинение в том, что Ёнзон-хамбо и другие были связаны с иностранными агентами, Панчен-Богдо, Гэндэном, Дэמידом [3, с. 297–298]. Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг и другие члены «контрреволюционного центра» были реабилитированы 25 июля 1990 г. [4, с. 174–176; 8, с. 354–359].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «Делу КПСС» / сост. И.И. Кудрявцев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995.
2. Батсайхан О. Монголын суулчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар : Адмон, 2011.
3. Гадаадаас түрхирсан 1932 оны бослого / сост. Б. Зинамидар. Улаанбаатар : Анар цэнт, 2013.
4. Лам нарыг егүүтгэсний учир / сост. А. Эрдэнэсайхан. Улаанбаатар, 2013.
5. Постановления III пленума ЦК МНРП // Современная Монголия. 1937. № 6(25). С. 124–130.
6. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
7. Составы троек НКВД – УНКВД 1937–1938 гг., созданных для рассмотрения дел аре-

стованных в ходе массовой операции по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. [Электронный ресурс] : <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240>

8. Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 11/ редактор М. Ринчин. Улаанбаатар, 2008.

9. Хүрэлбаатар П. Эрдэнэ зуугийн сүүлчийн хувилгаан // Лам нар сум хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. 2008. Улаанбаатар. С. 64–73.

10. Kaplonski, C., 2008. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia. American Ethnologist, Vol. 32, no. 2, pp. 321–337.

REFERENCES

1. Kudryavtsev, I.I. ed., 1995. Arkhivy Kremlya i Staroi ploshchadi. Dokumenty po «Delu KPSS» [Archives of Kremlin and Staraya Square. Documents on the CPSU case]. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf. (in Russ.)

2. Batsaikhan, O., 2011. Mongolyn suulchiin ezen khan VIII Bogd Javzandamba [The last Mongolian Great Khan the 8th Bodgo Javzandamba]. Ulaanbaatar: Admon. (in Mongolian.)

3. Zinamidar, B. ed., 2013. Gadaadas turkhirsan 1932 ony boslogo [The rebellion of 1932 incited by foreigners]. Ulaanbaatar: Anar Tsent. (in Mongolian.)

4. Erdenesaikhan, A. ed., 2013. Lam naryg eguutgesnii uchir [The cause of repressions towards lamas]. Ulaanbaatar. (in Mongolian.)

5. Postanovleniya III plenuma TsK MNRP [Resolutions of the 3rd Plenum of CC MPRP], 1937, Sovremennaya Mongoliya, no. 6(25), pp. 124–130. (in Russ.)

6. Roshchin, S.K., 1999. Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.) [Political history of Mongolia (1921–1940)]. Moskva: Insitut vostokovedeniya RAN. (in Russ.)

7. Sostavy troek NKVD – UNKVD 1937–1938 gg., sozdannykh dlya rassmotreniya del arestovannykh v khode massovoi operatsii po prikazu NKVD SSSR N 00447 ot 30 Julya 1937 g. [Composition of «triad-tribunals» NKVD – UNKVD in 1937–1938, created for cases of people arrested during the mass mperation by the NKVD USSR Order No. 00447, July 30, 1937. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240> (in Russ.)

8. Rinchin, M., 2008. Uls turiin khelmegegdsdiin namtryn товчоон, боть 11 [Biographies of people repressed by the state], Vol. 11. Ulaanbaatar, 2008. (in Mongolian)

9. Khurelbaatar, P., 2008. Erdene zuugiin suulchiin khuvilgaan [The last khuvilgaan of Erdene Zuu], Lam Nar Sum Khiidiin Khelmegegel ba Tsagaatgal. Ulaanbaatar. (in Mong.)

10. Kaplonski, C., 2008. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia. American Ethnologist, Vol. 32, no. 2, pp. 321–337.

УДК: 372.8

П.А. Лапин*

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

Для обеспечения контактов китайских дипломатов с иностранными посольствами, с древнейших времен регулярно посещавших Китай, при дворах местных правителей учреждались должности переводчиков, для подготовки которых открывались специализированные языковые школы. Преподававшиеся там иностранные языки обеспечивали потребности китайской дипломатии в восточном регионе, однако во многом примитивное представление китайцев о межгосударственных контактах и специфическая внешнеполитическая доктрина, возвышавшая Китайскую империю над всеми остальным миром, существенно ограничивали систему подготовки специалистов-языковедов в этом государстве.

Ключевые слова: китайские переводчики, преподавание иностранных языков, китайская дипломатия, межгосударственные связи.

Sketch of the history of foreign language teaching and interpreter training in the Chinese Empire (from the ancient period to the first half of the 17th century).
PAVEL A. LAPIN (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation).

In order to facilitate contacts between Chinese diplomats and foreign missions, which have regularly visited China since ancient times, the posts of interpreters were created at the courts of local governors, and language schools were opened to train the interpreters. The foreign languages that were taught there could quite meet the requirements of Chinese diplomacy in the Eastern region. However, Chinese primitive thinking of interstate relations and their peculiar foreign affairs concept, which raised Chinese Empire above the rest of the world, put essential limitations on the language training system of the country.

Keywords: Chinese interpreters, foreign languages teaching, Chinese diplomacy, interstate relations.

История китайской дипломатии тесным образом связана с подготовкой специалистов-языковедов, обеспечивавших осуществление внешних контактов Поднебесной с сопредельными государствами и регионами. Развитию переводческого дела китайские монархи уделяли большое внимание, с течением времени выделив его в отдельное направление работы государственного аппарата. В этой связи изучение истории преподавания иностранных языков в Китае представляется весьма

важным как для понимания принципов функционирования китайской внешней политики и оценки роли Китайской империи в международных процессах, так и для реконструкции хода межкультурных контактов в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Переводческое ремесло и практика подготовки переводчиков в Китае имеют многовековую историю (то же самое можно сказать о многих областях китайского образования и науки, но

от этого данное суждение не становится менее справедливым). Необходимость в переводе возникла на самых ранних этапах существования китайской цивилизации. Ученые находят некое подобие «примитивного словаря» уже в гадательных надписях (*цзягувэнь*) иньской эпохи (XIV–XI вв. до н. э.), где на одном из гадательных панцирей были зафиксированы «знаки неизвестной письменности», которые «поясняются иньскими иероглифами» [12, с. 17]. Первые официальные упоминания о переводчиках имеются в трактате «Ли цзи» (*Книга ритуалов*), описывавшем обрядовую практику эпохи Западная Чжоу (1025–771 гг. до н.э.). В нем указывалось на то, что «народы пяти сторон света не понимают языки друг друга», и пояснялось, что для общения с сопредельными землями в Китае использовались особые служащие, которые, видимо, и выполняли функции переводчиков. Судя по тексту, они именовались по-разному, предположительно в зависимости от курируемого ими региона (примечательно, что для обозначения тех из них, кто обеспечивал контакты с посольствами, прибывавшими с севера, использовался иероглиф «и», в современном китайском языке обозначающий «переводить», «объяснять», «толковать») [15, цз. 12, ванчжи, с. 399]. В другом трактате – «Чжоу ли» (*Ритуалы Чжоу*), – составители которого ставили себе целью описать систему правления ранних чжоуских времен (11 в. до н.э.), говорится, что переводчики-*сянсю* «отвечали за передачу речей вана и его указаний [с тем, чтобы быть] в мире и согласии [с сопредельными народами]» [33, цз. 38, с. 1035].

После объединения Китая под властью династии Цинь в 221 г. до н.э. и, особенно, в эпоху Южных и Северных династий (420–581 гг. н.э.) переводческое дело в Китае вышло на новый уровень. При центральных и местных правителях учреждались должности *синжэнь* (букв. «путники»), *дянькэ* (букв. «чиновник по приему гостей»), *хунлу* (букв. «церемониймейстер»). Чиновники, занимавшие эти должности, отвечали за встречи и проводы посольств от правителей других земель и руководили переводчиками, именовавшимися тогда *игуань*. В государстве Северная Ци (550–577) появилось первое в истории Китая централизованное ведомство, которое курировало вопросы дипломатического протокола и церемониала, — Хунлусы (*Церемониальное управление*), в котором на постоянной основе работали переводчики иностранных языков. Это учреждение за века своего существования (расформировано в 1906 г.) неоднократно видоизменялось, а его функции время от

времени как расширялись, так и сокращались [32, с. 72].

Новый этап в развитии системы подготовки переводчиков в Китае приходится на начало правления династии Юань (1279–1368), и связано это было с весьма специфическим отношением правившей тогда Китаем монгольской элиты к китайскому языку. В течение продолжительного времени юаньские императоры, равно как и высшие сановники империи, пренебрегали изучением китайского языка. Все документы царствовавшего дома писались на монгольском языке, а затем переводились переводчиками на китайский. Естественно, что такой порядок предполагал наличие значительного количества переводчиков, знавших монгольский и китайский языки.

В связи с этим в 1271 г. в столице империи Ханбалыке (кит. Даду, совр. Пекин) открывается Государственное училище монгольского языка (*Мэнгу гоцзы сюэ*, букв. «Монгольское училище Сынов отечества») [35, цз. 81, сюэсяо чжи, с. 26 930]. Первоначально в училище принимались 30 человек из числа «молодых и одаренных монголов и китайцев», в 1306 г. указом императора Тэмур (известного также под своим посмертным именем Чэн-цзун) количество принимаемых абитуриентов было увеличено до 60 человек, а в 1315 – до 100. При зачислении в учебное заведение предпочтение отдавалось монголам – для них было предусмотрено 50 мест, для китайцев – 20 и еще 30 – для иностранцев [35, цз. 81, сюэсяо чжи, с. 26930]. Последние именовались тогда по-китайски «*сэ-мужэнь*», что представляло собой сокращение от «*гэ сэ мин му*» (букв. «разные названия»). К их числу относились тюрки, фарсиязычные выходцы из Центральной Азии и Ближнего Востока, арабы, тибетцы и представители других народностей.

По окончании училища выпускники сдавали экзамены по переводу с монгольского на китайский и с китайского на монгольский языки; затем, получив чиновничий ранг, они назначались на должность переводчика (*иши*) [35, цз. 81, сюэсяо чжи, с. 26930].

В 1289 г. в китайской столице появилось еще одно языковое учебное заведение – Государственное училище языка фарси (*Хуэйхуэй гоцзы сюэ*, букв. «Мусульманское училище Сынов Отечества»). О предыстории его учреждения в «Юань

¹³ У монголов весьма продолжительное время не было своей письменности. В начале XIII в. они пользовались уйгурским письмом, и лишь в 1269 г. Хубилай издал указ о создании нового письма, получившего название «квадратное» – по форме букв, или «Паг-ба» – по имени своего создателя [10, с. 94].

* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, второй секретарь Первого департамента Азии Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: wajjiao2000@mail.ru

© Лапин П.А., 2014

ши» («История династии Юань») сказано следующее: «В 5-м месяце 26 года правления императора Чжюань (1289 г.) министр (*шаниу*) докладывал: язык государства Западного края *исытифэй* (так его название было записано в китайской транскрипции. — прим. авт.)¹⁴ используется весьма широко. Халудин, служащий в [академии] Ханьлиньюань, понимает этот язык. [Следовало бы] перевести его на должность преподавателя. Сыновей чиновников вместе с ханьцами [следует] определить для обучения [этому языку]» [35, цз. 81, сюэсю чжи, с. 26930]. Вскоре после доклада сановника император учредил училище языка фарси. В первой четверти XIV в. в стенах этого учебного заведения была проведена реформа. В 1325 г., в связи с его переводом в училище Гоцзыцзянь (букв. «Государственное конфуцианское училище Сынов Отечества». — прим. авт.), количество учеников, изучавших фарси, увеличилось до 50 человек [18, с. 114]. Во время занятий для работы над переводами с монгольского языка на фарси и наоборот ученики использовали «Словарь по переводу с монгольского на фарси», составленный еще в 1245 г. [37, с. 378]. Примерно тогда же был создан первый «Монголо-китайский словарь» (*Мэнгу и юй*, букв. «Монгольские переводы») [37, с. 378, 392].

Дальнейшее развитие переводческого дела в период правления династии Мин (1368–1644) связывают с активизацией внешней политики империи, прежде всего с увеличением ее внешнеполитической активности в районах, традиционно не

входивших в сферу влияния Китая. Лишь за 28 лет правления первого минского императора Чжу Юаньчжана (1368–1399) Китай посетило 87 посольств от 29 правителей государств Юго-Восточной и Южной Азии [20, с. 43–44], при этом лишь за первые десять лет существования новой династии с 1369 по 1379 г. в Китае побывали дипломатические миссии из 11 стран этого региона [2, с. 27]. А за все время существования Минской империи Китай установил контакты с 197 иностранными государствами и народностями (30, с. 10).

Вполне очевидно, что развитие полноценных отношений китайского двора с этими государствами было невозможно без наличия специалистов, владевших иностранными языками, даже несмотря на то, что в Восточной Азии китайский язык как иностранный занимал бесспорно лидирующие позиции. Идея создания учебного заведения по подготовке переводчиков начала обсуждаться при дворе еще в 1403 г., но в практическое русло решение этой проблемы было переведено лишь в 1407 г. «В 5-м году правления императора Юнлэ (1407 г.) для перевода посланий варваров четырех стран света [было принято решение] открыть школу Сыигуань (букв. «Школа [языков] варваров четырех стран света»)»¹⁵. [Там было предусмотрено] восемь [учебных] отделений [для изучения] монгольского (*дада*)¹⁶, чжурчжэньского (*нюйчжэнь*)¹⁷, тибетского (*сифань*), санскрита (*ситянь*, букв. «[язык] Западного Неба»), фарси (*хуэйхуэй*), уйгурского (*гаочан*)¹⁸ языков, языка *байи* ([языки] ста варваров)¹⁹, бирманского языка²⁰» [7, цз. 221.

¹⁵ В англоязычной историографии с целью более точного толкования иероглифа «сы» («четыре»), имевшегося в названии учебного заведения, его заменяют местоимением «all» («все», «всех»), в результате в буквальном смысле название школы Сыигуань переводится как «The College of all the Foreigners». Сыигуань также переводится как «The Linguistic School for Asiatic Languages», «The Oriental College», либо «The Chinese Oriental College» (см.: [29, с. 203; 8, с. 689–690]).

¹⁶ Подробнее об изучении монгольского языка в Сыигуань см.: [28, с. 62–68].

¹⁷ О преподавании чжурчжэньского языка в Сыигуань см.: [11].

¹⁸ Так идентифицирует этот язык американский исследователь Н. Вайлд (см.: [36, с. 618]).

¹⁹ По мнению Вайлда, под языком байи подразумевается шанский язык (см.: [36, с. 618]).

²⁰ Кроме открытия отделения бирманского языка в Сыигуань, в конце XIV в. в Куньмине (пров. Юньнань) была сформирована группа по изучению этого языка. Прошедшие обучение затем использовались для ведения коммерческой переписки и оформления документов, необходимых для осуществления торговли с бирманскими купцами.

Л. 14–14об; 9, цз. 22, иянь, с. 103]»²¹. Так в Китае появилось первое крупное учебное заведение по преподаванию иностранных языков – минская школа иностранных языков Сыигуань. С момента своего создания она была переведена в ведение академии Ханьлиньюань. В 1511 г. в Сыигуань было открыто отделение по изучению языка государства *Бабай* (так именовали в Китае язык государства Лана, располагавшегося на севере совр. Таиланда), а в 1579 г. – «государства Сяньло» (старое китайское название самого Таиланда. — прим. авт.)²² [7, цз. 221. Л. 14об]. В поздние периоды работы школы здесь также велось преподавание вьетнамского, японского, камбоджийского, корейского и яванского языков [29, с. 204]. Новое учебное заведение, по мнению китайских ученых, вполне отвечало потребностям своего времени и логике развития международных отношений, «являлось продуктом расцвета минской дипломатии» [13, цз. 4, с. 437].

Набор учеников осуществлялся в соответствии с распоряжением императора Юнлэ от 1407 г. Тогда «Ведомству обрядов было приказано отобрать из учащихся Гоцзыцзянь 38 слушателей для отправки в Ханьлиньюань во главе с куратором Цзян Ли с целью обучения переводам. Каждому выделять по одному *даню* риса. По окончании обучения [следовало] проводить экзамены. Сдавших [их] — зачислять на должность» [21, цз. 69, сюаньцзюй чжи, с. 28 896]. В 1426 г. количество учеников школы составляло 64 человека, в 1466 г. оно выросло до 154 [13, цз. 4, с. 430–431].

Система аттестации была разработана довольно быстро. Основные правила относительно времени, места и формы проведения экзаменов были приняты уже в 1490 г. Срок обучения составлял девять лет и делился на три этапа. Указ императора Хунчжи от 1490 г. гласил, что «после трех лет об-

²¹ Образцы письменности языков, преподававшихся в Сыигуань, см.: [26, цз. 8–10, с. 550–566].

²² Открытию отделения Сяньло (Сяньло гуань) предшествовала весьма неудобная ситуация, с которой столкнулись китайские дипломаты годом ранее, в 1578 г. В том году тогдашний тайский правитель направил к китайскому императору своего посла с подарками и грамотой, написанной на листе из золота. Однако среди китайских чиновников «не нашлось никого, кто был бы способен прочесть эту грамоту, что существенно подрывало престиж китайских властей». Вскоре после случившегося придворный советник (дасюэши) Чжан Цзюйчжэн подал доклад на имя императора с просьбой разрешить учредить новое отделение по изучению языка этого государства, а в качестве преподавателей предложил использовать прибывшего из Сяньло посла и его окружение [20, с. 48–49].

учения [следует] сдавать экзамены. Тем, кто сдал, ежемесячно выдавать один *дань* риса и представлять к званию студент *шилян юйди* («ученик, получающий жалование»). По прошествии еще трех лет вновь [следует] проводить экзамены, сдавших назначать на должность переводчика (*шцзыгуань*), [при этом они будут] продолжать числиться учениками школы и посещать занятия. После сдачи третьего экзамена, проводимого еще через три года, [сдавших следует] представлять к восьмому рангу и определять на вакантные должности. Тем, кто не сдал первый экзамен, разрешить сдавать его повторно [во время] следующей сессии; тех, кто не сдал экзамен в третий раз, отчислять» [7, цз. 221, л. 15]. Кроме переводных и выпускного экзаменов, все ученики сдавали единые месячные, квартальные и годовые экзамены. В 1564 г. Ведомство обрядов разработало систему аттестации. Новое положение включало одиннадцать статей и регламентировало основные аспекты прохождения обучения в школе, а также все вопросы проведения вступительных и выпускных экзаменов [13, цз. 4, с. 434–435].

Преподавательский состав школы комплектовался по большей части из числа представителей тех народов, чей язык там изучался [7, цз. 221, л. 14об.]. При этом ввиду большой заинтересованности в носителях языка минские администраторы назначали на эти должности, порой применяя угрозы, руководителей дипломатических миссий и официальных представителей, прибывших в Пекин [16, с. 67]. Как указывалось выше, первыми преподавателями тайского языка (сяньло) в Сыигуань были сиамиский посол У-мэнь-ла и члены его делегации в количестве четырех человек, оказавшиеся в Пекине в 1578 г. и задержанные там. Схожая ситуация была и с другими главами посольств: еще задолго до этого «в 1451 и 1458 [гг.] Бирма безуспешно просила отпустить своих послов», которые приехали в Пекин и были оставлены там для преподавания в Сыигуань [24, с. 108–109]²³. Минский же двор «по той причине, что ученик Ван Чэнь, изучающий перевод, и другие не закончили обучение», отказывался отпустить дипломатов обратно [25, с. 628]²⁴. Конфликтная ситуация, однако, не повлияла на дальнейшее развитие отношений между Китаем и Бирмой: в 1504 г. Бирма

²³ Дипломаты из Бирмы стали первыми иностранными преподавателями Сыигуань.

²⁴ Как не требовали бирманские власти отпустить своих дипломатов, они в течение продолжительного времени насильно удерживались в Китае вплоть до своей смерти. Похоронены они были с почестями в Нанкине [25, с. 628].

по приглашению минского двора официально направила в Пекин трех преподавателей для обучения в Сыигуань, которые также были зачислены на должности в Хунлусы [25, с. 628].

В поздние годы работы школы, видимо, в связи с падением интереса к ней со стороны местных властей (об этом см. ниже), острая необходимость насильно удерживать при ней иностранцев отпала, и на эти должности также начали назначать китайских преподавателей. Так, например, в 1490–1604 гг. на том же отделении бирманского языка служили 28 китайских преподавателей [34, с. 290], если же среди местных подданных отыскать подходящего преподавателя не представлялось возможным, то вакантные должности заполнялись самими же выпускниками. «В случае отсутствия преподавателя в каком-либо из отделений, – говорилось в Дополненном уложении школы Сыигуань, – [следует] выбрать среди учеников [данного отделения] наиболее талантливого и отправить для экзаменов в *Нэйгэ* (Дворцовая канцелярия), после успешной сдачи которых назначать на преподавательскую должность» [27, цз. 2, с. 2].

В качестве учебных пособий в Сыигуань использовались учебники по переводу, подготовленные самими же преподавателями и учениками. Все они имели общее название «Хуа-и и юй» («Китайско-варварские переводы») и схожую структуру²⁵. Они делились на две части: первая – «цзацзы» (смешанные знаки)²⁶ представляла собой своеобразный словарь для перевода слов и словосочетаний с иностранного языка на китайский, вторая – «лайвэнь» (присланные документы)²⁷ состояла из образцов посланий, написанных на иностранном языке. Ученики некоторых отделений, как, например, маньчжурского, монгольского языков, языка

фарси, имели возможность пользоваться не только разговорниками-переводами «Хуа-и и юй», но и словарниками «И юй» (букв. «Переводы [слов]»), составленными в Хуэйтунгуань (Управление гостевых резиденций) [19, с. 49].

Сложно точно сказать, какое количество пособий «Хуа-и и юй» и по каким языкам было подготовлено в стенах Сыигуань. В составленном китайскими, японскими и европейскими учеными каталоге упоминаются словники «Хуа-и и юй» по 20 иностранным языкам, которые в разное время преподавались в этом учебном заведении [20, с. 53]. Кроме переводов, предусмотренных «Хуа-и и юй», ученики также упражнялись в переводах речей, произносимых при погребениях (*лэйвэнь*), а также указов императора [34, с. 291].

Система распределения выпускников школы на должности в государственном аппарате имела свои особенности и стала решающим фактором, определившим судьбу этого учебного заведения. Дело в том, что в начале XV в. китайские переводчики получили уникальную возможность занимать высокие посты в империи и поступать в академию Ханьлиньюань после сдачи лишь одного выпускного экзамена. Впервые эта форма квалификационной аттестации была опробована в Сыигуань в 1411 г., когда выпускникам (предположительно их было 38 человек) предлагалось принять участие в дворцовых экзаменах (*дяньши*) на получение высшей ученой степени *цзиньши* [23, с. 79]²⁸. По результатам экзамена пятеро учеников

²⁸ Система государственных экзаменов (кэцзюй), зародившаяся в Китае в древности и просуществовавшая вплоть до начала XX в., формально предоставляла всем подданным Китайской империи право получить ученую степень и соответствующую ей должность в государственном аппарате. Экзамены делились на три больших тура: тунши (трехэтапные отборочные экзамены), по итогам которых претендент получал первую ученую степень шэньюань («студент»; неофициально обладатель этой степени именовался сюцай), далее следовали сянши (провинциальные экзамены), проводившиеся один раз в три года в главном городе провинции; сдавшие этот экзамен кандидаты получали степень цзюйжэнь (вознесенный). Третий тур – дяньши (дворцовые экзамены) – проводились также один раз в три года в Императорском дворце (зал Баохэдянь). Кандидаты, выдержавшие экзамены при дворе, получали степень цзиньши (продвинувшийся муж); утверждение этой степени и распределение ее обладателей по разрядам происходило во время дополнительного экзамена при дворе (юйши), известным также как чакао, темы для которого определялись самим императором (подробнее о системе государственных экзаменов в императорском Китае см., на-

получили степень *цзиньши* второго и третьего разрядов и были рекомендованы в Ханьлиньюань на должность *шучзюши* (состоящий при академии) [21, цз. 69, сюньцзюй чжи, с. 28896]. В 1412 г. степень *цзиньши* получили еще 17 человек из первого набора, а в 1421 г. еще 15 человек были удостоены этой высшей степени; наконец последний выпускник, зачисленный в Сыигуань еще в 1407 г., сдал экзамен и получил степень *цзиньши* в 1428 г. Так, в период с 1411 по 1428 г. все 38 учеников, зачисленные в школу во время первого приема учащихся в 1407 г., получили высшую степень *цзиньши* и были зачислены на разные должности в академии Ханьлиньюань [13, цз. 4, с. 430].

Новые правила подготовки переводчиков повысили их социальный статус и предоставили отличные возможности для карьерного роста. По указу императора Тяньшуня от 1458 г. следовало впредь «без степени *цзиньши* не давать звание *ханьлинь* (состоящий в Ханьлиньюань. – прим. авт.), без звания *ханьлинь* не назначать [на должности] в Дворцовой канцелярии (*Нэйгэ*)» [21, цз. 70, сюньцзюй чжи, с. 28905]. В сложившихся условиях переводчики, которые не сдавали экзаменов на более низких, нежели при дворе, уровнях и лишь изучали в Сыигуань иностранные языки, могли вполне законно претендовать на высшие посты в государстве. Появление такого относительно легкого способа добраться до вершин власти привело к возникновению различных злоупотреблений. В нарушение имевшихся правил среди претендентов на участие в экзаменах стало появляться все больше проходимцев и авантюристов, имевших к Сыигуань более чем условное отношение. Нередко в дворцовых экзаменах (*дяньши*) принимали участие частные ученики преподавателей, не обучавшиеся в школе. Известно, например, что 1466 г. во всем Сыигуань официально числились лишь 154 учащихся, тогда как у одного

пример: [3, с. 220–223; 5, с. 82–87, 110; 32, с. 155]). Все цзиньши распределялись на вакантные должности в центральных ведомствах и в провинции. Безусловно, самым перспективным местом распределения считалась академия Ханьлиньюань, служба в которой впоследствии давала потенциальные возможности для занятия высших государственных постов империи. Она являлась не столько научным или образовательным, сколько политическим органом: в ее стенах разрабатывались правовые акты, ее служащие привлекались для написания официальных династийных историй, обучения членов императорского семьи и т.д. (подробнее о Ханьлиньюань см.: [3, с. 60–62; 32, с. 153–157]).

из преподавателей по имени Ма Минь было 126 частных учеников [13, цз. 4, с. 431]²⁹.

Во второй половине XV в. активное продвижение случайных людей на должности переводчиков начало вызывать опасение у властей. В период между 1457 и 1464 гг. первый помощник (*цзо шилан*) главы Ведомства обрядов Цзоу Гань направил на имя императора доклад, в котором указал, что «в последние годы сыновья чиновников, военных и гражданских лиц, ремесленников и поваров доверяются учителям и частным образом учат [иноземные языки]» (цитата приводится в переводе А.А. Бокщанина, см.: [2, с. 27]). По мнению докладчика, подобная ситуация могла угрожать безопасности государства [14, с. 426]. В результате власти несколько преобразовали систему подготовки переводчиков в Сыигуань, существенно ограничив их деятельность и возможности быстрого продвижения по службе. В 1469 г. последовал указ императора Чэнхуа, в соответствии с которым общее количество младших переводчиков (*сяо тунши*) в столице и на местах (всего 18 мест прикомандирования)³⁰, в общей сложности обеспечивавших контакты двора с 18 иностранными государствами и регионами, не должно было превышать 60 человек (см.: [9, цз. 22, иянь, с. 104])³¹. Начиная с 1490 г. в Сыигуань для сдачи государственных экзаменов на высшее ученое звание начали допускать только *цзяньшэнь* – учеников, принятых в Сыигуань из Гоцзыцзянь, где они получали базовое классическое образование. В 1495 г. практика льготной сдачи экзаменов на степень *цзиньши* для учеников Сыигуань была отменена и вовсе, и с этого момента все выпускники, изъявившие желание участвовать в экзаменах

²⁹ Надо сказать, что до этого Ма Минь уже был уличен в подобном нарушении установленного порядка. Известно, что в 1459 г. он обучал 136 человек, которые были незаконно вписаны в списки учащихся (общее количество тех, кто обучался тогда в Сыигуань, составляло 290 человек). После выявления этого нарушения император приказал Ведомству обрядов оставить в школе несколько наиболее способных учеников, а остальных отправить в Ведомство чинов для выяснения их статуса. Но предварительно всех незаконно включенных в списки лиц необходимо было отчислить [16, с. 66].

³⁰ Младшие переводчики (*сяо тунши*) оказывали переводческие услуги при проведении торговых операций между иностранными и китайскими торговцами, а также от имени иностранных торговых компаний осуществляли различные мероприятия коммерческого характера.

³¹ Больше количество переводчиков приходилось на специалистов по монгольскому языку (8 чел.), фарси (8 чел.), языка «байи» (6 чел.), корейскому языку (5 чел.), японскому языку (4 чел.) (см.: [9, цз. 22, иянь, с. 104]).

²⁵ Первым учебным пособием, использовавшимся учениками Сыигуань, был «Хуа-и и юй» по монгольскому языку. Учебник был подготовлен в 1382 г. и состоял из двух частей. Первая часть представляла собой словарь, включавший 840 слов и предложений, переведенных с монгольского языка на китайский. Все слова и словосочетания были распределены по 17 разделам, объединенным по тематическому признаку: строение неба, география, травы и деревья, птицы и животные, правящая династия, инструменты, одежда, пища, великие личности, важные события, числа, человек и его организм и др. Вторая часть состояла из шести сочинений, описывавших историю монголов, и позднее включенных в учебник семи докладов монголов минским императорам (см.: [19, с. 47]).

²⁶ Образец цзацзы из «Хуа-и и юй» по чжурчжэньскому языку см.: [11, с. 91].

²⁷ Образец лайвэнь из «Хуа-и и юй» по чжурчжэньскому языку см.: [11, с. 93].

на получение ученой степени, были вынуждены сдавать их на общих основаниях, начиная с уровня провинциальных экзаменов (*сянши*) [13, цз. 4, с. 436]³². Выпускники, не желавшие сдавать такие экзамены, по итогам выпускных экзаменов в Сыигуань получали восьмой ранг и распределялись на низшие вакантные должности в государственном аппарате или занимались частными переводами, что, как указывалось, властями не поощрялось³³.

Ужесточение системы распределения выпускников школы понизило популярность этого учебного заведения среди местной политической элиты. Первыми, кто стал терять интерес к обучению, стали дети местного чиновничества (*гуань цзыди*). «Большинство учеников из богатых и влиятельных фамилий с пренебрежением относятся к своему делу, – указывалось в докладе Ведомства обрядов императору в 1521 г., – не посещают занятия якобы по причине болезни. Их следует отчислить и удержать с них ранее выданные [им] средства» [36, с. 635–636]. В будущем ситуация стала еще более сложной. В 1566 г. директор школы Цю

³² Надо сказать, что проведение реорганизации системы выпускных экзаменов, ограничившей быстрый карьерный рост переводчиков, совпало по времени с глубокими изменениями основ внешней политики Минской империи. В 80-х гг. XIV в. император Чжу Юаньчжан (1368–1398), утвердивший авторитет империи среди правителей близлежащих государств, отказался от активной внешней политики и перешел к курсу на самоизоляцию государства, что привело к резкому сокращению контактов Китая с внешним миром. В 1381 г. он издал указ о запрете частной торговли с иностранными государствами по морю, в 1390 г. Ведомству финансов было приказано тщательно следить и пресекать несанкционированные контакты китайских купцов с иноземными. В правление Юнлэ (1403–1424) минская внешняя политика активизировалась, однако в дальнейшем тенденции к самоизоляции усилились, что понизило интенсивность международных контактов империи Мин и привело к падению интереса к изучению иностранных государств и их языков (подробнее об особенностях внешней политики в минский период см., например: [31, с. 279–281, 287–288]).

³³ Есть, однако, данные, позволяющие говорить о том, что сдача экзаменов на высшую ученую степень выпускниками Сыигуань продолжалась и в более поздние времена, хотя, несомненно, носила неофициальный характер. Известно, например, что в 1607 г. 49 учеников во главе с неким Ван Цзелуном, выдержавших экзамен, были распределены на вакантные места в Ханьлиньюань [36, с. 627]. Какие экзамены сдавали выпускники, к сожалению, неизвестно, но с учетом того, что в академию принимали только обладателей ученой степени цзиньши, можно предположить, что все эти 49 человек на незаконных основаниях участвовали в дворцовых экзаменах, где и получили эту степень.

Юэ направил монарху доклад, в котором указал на то, что большинство преподавателей и учеников покинули школу и практически все учебные отделения пустуют [36, с. 634]. Кроме этого говорилось, что к тому времени уже в течение почти 30 лет не было возможности набрать необходимое количество слушателей [4, с. 66].

С целью преодоления кадрового кризиса, в который в конце XV – начале XVI вв. погрузилось учебное заведение, власти предприняли ряд срочных мер по реформированию системы набора учеников. В 1490 г. придворный советник (*дасюэши*) Ши Люэцзе направил на имя императора доклад, в котором предложил поручить Ведомству обрядов набирать из Гоцзыцзянь 20 учеников (*цзяньшиэн*) младше 25 лет и еще 100 отдельно из числа детей чиновников и простолюдинов (*гуаньминь цзыди*) в возрасте младше 20 лет и детей тех, кто служил в школе (*шиэ цзыди*) и проявлял интерес к изучению иностранных языков (возрастные ограничения в этом случае отсутствовали) [36, с. 635]. После этого будущие ученики зачислялись на разные отделения школы. По установленной квоте предполагалось, что в Сыигуань на всех отделениях будет одновременно обучаться 120 человек.

Принимая на учебу детей сотрудников школы (*цзешиэн*), местные администраторы пытались придать должности преподавателя наследственный характер, что, очевидно, должно было благоприятно сказаться на формировании кадрового резерва (там преподавали носители языка, и, видимо, предполагалось, что их дети также в какой-то мере будут относиться к этой категории)³⁴. Зачисление же с 1425 г. в школу детей простолюдинов (*минь цзыди*), видимо, рассматривалось как способ обеспечить в нем наличие учеников в принципе [7, цз. 221, л. 14 об].

Предпринимаемые меры, однако, не принесли ожидаемых результатов. С набором абитуриентов по-прежнему имелись трудности. Известно, например, что если в 1537 г. в школу были приняты 120 слушателей, а в 1604 г. – 94, то уже в 1607 г. количество новопринятых учеников составило все-

³⁴ Впервые на законодательном уровне решение принимать в школу детей тамошних преподавателей было принято в 1490 г., однако наиболее широко эта практика начала применяться лишь с 1579 г. [7, цз. 221, л. 14б]. С этого момента дети преподавателей стали основной категорией абитуриентов, рекомендованных к зачислению в школу: так, среди принятых в 1605 и 1626 гг. новых учеников подавляющее большинство являлось детьми местных учителей [4, с. 66], а на отделении бирманского языка начиная с 1584 г., постепенно сменяя друг друга, преподавали более 10 человек, имевших родственные отношения и носивших одинаковую фамилию Чжао [34, с. 290].

го 36 человек, в 1625 г. – 44 [20, с. 49]. В 1628 г. в Сыигуань были зачислены 68 учеников, и это, по-видимому, был последний набор учащихся в это учебное заведение в минский период [20, с. 49].

Основным местом прохождения службы для выпускников Сыигуань было Церемониальное управление Хунлусы³⁵. Кроме этого ведомства молодые переводчики распределялись в Департамент посланцев (*Синжэньсы*), основанный еще в 1380 г. О функциях этих служащих говорится в докладе, поданном в середине XV в. одним из сановников императору: «Посланцы учреждены в государстве, чтобы отбывать и прибывать с посольскими миссиями» (цитата приводится в переводе А.А. Бокщанина [2, с. 57]). Есть основания полагать, что в поездках их сопровождали переводчики, обучавшиеся в Сыигуань. Другим местом службы переводчиков был департамент по приему гостей (*чжукэсы*) Ведомства обрядов. Чиновники этого департамента, так же, как и посланцы, выезжали на границу для встречи послов и представителей иностранных государств с целью их последующего сопровождения в столицу. В случае прибытия иностранного гостя морем соответствующая информация доставлялась в столицу чиновниками Управления торговых кораблей (*Дучжуаньюньсы*), которые «ведали всеми делами, касающимися иноземцев, доставлявших дань» [21, цз. 75, чжигуань, с. 28 972].

Свою работу в указанных службах переводчики выполняли в рамках идеологической модели, определявшей деятельность всей тогдашней дипломатии и рассматривавшей любой приезд иностранного посла исключительно как прибытие «данника» к своему истинному сюзеру – китайскому монарху. Все грамоты, привозившиеся иностранными послами для передачи китайскому императору, переводчики преднамеренно переводили таким образом, чтобы низвести статус государства, которое прислало своего представителя, до уровня «вассала» Китая [2, с. 28]³⁶.

³⁵ Первые упоминания о зачислении переводчиков на должность в Хунлусы относятся к первым годам династии Мин (1382 г.). К концу XIV в. в Хунлусы в качестве переводчиков служили 60 человек [2, с. 59].

³⁶ Таким образом, в соответствии с устоявшейся практикой, одной из особенностей работы переводчиков того времени было преднамеренное искажение при переводе содержания государственных грамот, адресованных китайскому монарху. Это обстоятельство существенно выделяло китайских переводчиков среди их коллег из других государств. Например, в разработанной в XVI в. «клятве» для переводчиков Посольского приказа Русского государства, которую они давали при поступлении на работу, специально оговаривалось, что «толмач» должен был «всякие государственные дела переводить вправду» [1, с. 56].

Такова была история переводческого дела в монархическом Китае до середины XVII в. Развитие системы подготовки специалистов этой категории достаточно четко отражало изменения приоритетов внешней политики Китайской империи и специфику ее государственного устройства. Так, в юаньскую эпоху, когда китайские земли на какое-то время были интегрированы в мир монгольских государств, там появилось училище монгольского языка, а продвижение монголов на Запад привело к появлению в Китае училища языка фарси. В минский период в XIV–XV вв. активный обмен дипломатическими миссиями между Китаем и странами Южной и Юго-Восточной Азии в свою очередь обусловил необходимость открытия школы Сыигуань. Иными словами, главным критерием открытия учебного заведения был вопрос практической необходимости и четкая «регионализация». Языки государств, которые не состояли с Китаем в каких-либо контактах, даже если они находились в непосредственной близости от китайской границы, в империи не преподавались.

При открытии ранних языковых школ местные администраторы нарабатывали неплохой организаторский опыт, который был учтен во время учреждения минской школы Сыигуань. Основные вопросы функционирования учебного заведения – подбор преподавательского состава, набор учащихся, составление учебных программ, разработка системы аттестации и практики последующего назначения выпускников на службу – в целом были проработаны, что позволяло готовить неплохие кадры, способные обеспечивать контакты двора с иностранными делегациями. Однако даже в этом случае прослеживалась четкая выборность преподававшихся там языков в зависимости от реальных потребностей.

Некоторые успехи, которых добились китайские чиновники в вопросах функционирования учебного заведения, тем не менее не перекрывали всех недостатков, присущих системе подготовки языковых кадров в Китайской империи. Переводческие школы, включая Сыигуань, в течение всего времени своего существования продолжали оставаться исключительно образовательными учреждениями, не выходящими на более высокий уровень работы, предполагавший проведение языковедческих исследований, составление словарей, грамматик, постоянного обновления учебных пособий, разработку методики преподавания иностранных языков. Вся учебная литература была представлена прими-

тивными и однотипными тематическими словарями, входившими в серию «Хуа-и и юй», основательное изучение языка при помощи которых было просто невозможным. Учащийся лишь заучивал определенный набор слов и выражений на иностранном языке, тогда как основы языка – правила построения слов, чтение, письмо, грамматика – ему не преподавались. В этих условиях многое определялось не системой преподавания, а исключительно личными качествами преподавателя (с набором которых у администраторов, например, Сыигуань часто возникали трудности).

Как можно судить, там не велось систематического изучения сопредельных государств, за исключением тех земель, с которыми Китай поддерживал тесные торговые и дипломатические связи или находился в состоянии конфликта. Это делало невозможным подготовку страноведческих пособий и лишало слушателей необходимых знаний о стране изучаемого языка.

Другой особенностью работы школ стало включение их в государственно-бюрократическую систему. Неудачная попытка совместить итоговую аттестацию в Сыигуань с экзаменами на получение высшей степени, дававшей право занимать высокие должности при дворе, в итоге привела к кадровому кризису учебного заведения. Было очевидно, что минская школа иностранных языков рассматривалась большинством ее обитателей не как возможность приобрести знания, которые можно было бы использовать для работы переводчиком, но как возможность относительно легко продвинуться по службе.

Также стоит сказать о том, что подготовка переводчиков, несмотря на свое внешнее ориентирование, осуществлялась в рамках замкнутой китаецентричной модели мира «Китай – варвары», в рамках которой традиционным посредником между двумя культурами был не китаец, изучивший иностранные языки и культуру чужой страны, а «варвар», приобщившийся к китайским ценностям. Это лишало столичных администраторов возможности наладить практику командирования китайских учащихся на обучение в те государства, язык которых они изучали в Китае, что, естественно, сказывалось на их профессиональном уровне.

В целом подготовка переводчиков в Древнем и Средневековом Китае соответствовала своему времени, а ее особенности диктовались спецификой международных контактов на Востоке, местом Китайской империи в этих процессах, а также своеобразием ее бюрократического устройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокуров С.А. О Посольском приказе. М.: Изд-во МГУ, 1906.
2. Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968.
3. Бруннерт И.С., Гегельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин: Типография Успенского монастыря при Российской духовной миссии, 1910.
4. Ван Сюн, 1987. Минчао дэ сыигуань цзици дуй ицзышэн дэ пэйян (Минская школа иностранных языков и подготовка в ней переводчиков) // Миньцзу яньцзю. № 2. С. 62–69.
5. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Изд-во «Восточная литература», 1999.
6. Гао Сяофан. Ваньцин янью сюэтан дэ вайюй цзяосюэ яньцзю (Исследования по преподаванию иностранных языков в иностранных школах в позднецинский период). Пекин: Шанью иньшуагуань, 2007.
7. Дай Мин хуэйдянь (Свод узаконений Великой династии Мин). [Б. м., б. г.].
8. Ross, E.D, 1908. New light on the history of the Chinese college and a 16-th century vocabulary of the Luchuan language. T'oung Pao, Vol. IX, Ser. II, pp. 689–695.
9. Дэнтань бицзю (Стремительные перестроения при военном наступлении), 2000 // Сюйсю сыку цюаньшу («Продолжение полного собрания книг по четырем разделам»). Пекин: Бэйцзин чубаньшэ.
10. Зограф И.Т. Язык монгольской канцелярии в Китае в XIII–XIV в. // XII Научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 2. М., 1981. С. 90–97.
11. Kane, D., 1989. The Sino-Jurchen vocabulary of the Bureau of Interpreters. Indiana: Indiana University Press.
12. Крюков М.В. Язык иньских надписей. М.: Наука, 1973.
13. Ли Гоцзюнь, Ван Фаньжао. Чжунго цзяоюй чжиду тунши (Общая история системы образования в Китае). Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 2000.
14. Ли Наньцю. Чжунго коуи ши (История устного перевода в Китае). Циндао: Циндао чубаньшэ, 2002.
15. Ли цзи (Книга ритуалов) Пекин. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1999.
16. Линь цзы. Миндай дэ гуаньбань юйянь сюэсяо сыигуань (Минская казенная школа по преподаванию иностранных языков – Сыигуань) // Синьцзян цзяоюй сюэюань сюэбао (чжэшэбань), 1989, no. 2, pp. 66–69.

17. Лю Иншэн. Миндай чжунго гуаньбань босы юйянь цзяосюэ цзяоцай юаньлю яньцзю (Исследования истоков казенного преподавания языка фарси и [соответствующих] учебных материалов в Китае в минский период) // Наньцзин дасюэ сюэбао (чжэсюэ жэньвэнь шэхуэй кэсюэ), 1991, no. 3, pp. 104–109.

18. Лю Иншэн. Сун юань чжи цин чу вого вайюй цзяосюэ ши яньцзю (Исследование истории преподавания иностранных языков в Китае с династий Сун и Юань до раннецинского периода) // Цзяннань сюэкань, 1998, no. № 3, pp. 112–118.

19. Лю Хунцзюнь. Сунь Боцзюнь. Цунь ши хуа-и и-юй цзици яньцзю (Ныне существующие «Китайско-варварские переводы» и их исследования) // Миньцзу яньцзю, 2008, no. 2, pp. 47–55.

20. Ма Цзуи. Чжунго фань ши (История переводческого дела в Китае). Т. I. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 1999.

21. Мин ши (История династии Мин). Т. 1. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

22. Mozafar Bakhtyar. «Исыгифэй» као (Разыскание о [языке] «исыгифэй») // Илан сюэ цай чжунго луньвэнь цзи. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1993, pp. 44–50.

23. Ни Цинси. Вого лиши шан фаньши чжиду дэ яньбянь (Эволюция системы подготовки переводчиков в истории Китая) // Нанькай сюэбао, 1980, no. 5, pp. 78–80.

24. Панкратов Б.И. Изучение восточных языков в Китае в период династии Мин (1368–1644) // Страны и народы Востока. 1998. Вып. 29. С. 105–127.

25. Сыигуань дэ вайцзи цзяоши (Иностранные преподаватели Школы [по подготовке] переводчиков [языков] четырех стран света) // Чжунго фаньши цыдянь (Китайский словарь перевода). Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 1997, p. 628.

26. Сыигуань као. (Разыскания о минской школе [языков] варваров четырех стран света). Пекин: Бэйцзин тушугуань гуцзи чжэньбэнь экань, 1998.

27. Сыигуань цзэндин цзэли (Дополненное Уложение минской школы [языков] варваров четырех стран света). Пекин: Цюаньго тушугуань вэньсянь совэй чжунсинь, 1991.

28. Уюньгаова, Лю Иншэн. Мин сыигуань «дада гуань» яньцзю (Исследования «монгольского отделения» Минской школы иностранных языков) // Чжуньян миньцзу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань), 2002, no. 4, pp. 62–68.

29. Hirth, F., 1887. The Chinese oriental collage. Journal of the China Branch of The Royal Asiatic Society, Vol. 22, pp. 203–223.

30. Цянь Шифу. Циндай дэ вайцзю цзигуань (Цинские внешнеполитические ведомства). Пекин: Саньянь шуянь, 1959.

31. Чжан Гоган, У Ливэй. Чжуньси вэньхуа гуаньши ши (История культурных контактов Китая с Западом). Пекин: Гаодэн цзяоюй, 2006.

32. Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цзигуань каолюэ (Разыскания о системе государственной власти в цинский период). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2001.

33. Чжоу ли (Ритуалы Чжоу). Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 1999.

34. Чэнь Янь. Хай шан сычоу чжи лу юй чжуньвай вэньхуа цзяолю (Морской шелковый путь и культурные обмены между Китаем и зарубежными странами). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1996.

35. Юань ши. (История династии Юань) // Эршиши ши (Двадцать четыре династийных истории). Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

36. Wild, N., 1945. Materials for the study of the Ssu i Kuan [Si] [Yi] [Yi] [Guan] (Bureau of Translators). Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 11, no. 3, pp. 617–640.

37. Yong, P. and Peng, J., 2008. Chinese lexicography. A History from 1046 BC to 1911 AD. Oxford: Oxford University Press.

REFERENCE

1. Belokurov, S.A., 1906. O posol'skom prikaze [On the ambassadorial office]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo Universiteta. (in Russ.)
2. Bokchanin, A.A., 1968. Kitay i strany Uzhnih morey v XIV–XVI vv. [China and the states of the Southern seas in 14-th – 16-th centuries]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Brunnert, I.S. and Gagel'strom, V.V., 1910. Sovremennaya politicheskaya organizatsiya Kitaya [Modern political organization of China]. Pekin: Tipografiya Uspenskogo monastirya pri Rossiyskoy dukhovnoy missii. (in Russ.)
4. 王雄, 1987. 明朝的四夷馆及其对译字生的培养 // 民族研究. 第2期, pp. 62–69. (in Chinese)
5. Volkov, S.V., 1999. Sluzhiliesloinatradsionnom Dal'nem Vostoke [Service classes on the traditional Far East]. Moskva: Izd-vo «Vostochnaya Literatura». (in Russ.)
6. 高晓芳, 2007. 晚清洋务学堂的外语教育研究. 北京: 商务印刷馆. (in Chinese)
7. 大明会典. [no date, no place of publishing]. (in Chinese)
8. Ross, E.D, 1908. New light on the history of the Chinese college and a 16-th century vocabulary of

the Luchuan language. T'oung Pao, Vol. IX, Ser. II, pp. 689–695.

9. 登坛比究, 2000 // 续修四库全书. 北京: 北京出版社. (in Chinese)

10. Zograf, I.T., 1981. Yazik mongol'skoy kancelyarii v Kitae v XIII–XIV vv. [The language of the Mongolian office in China in 13-th – 14-th centuries]. In: XII Nauchnaya konferenciya «Obchestvo i gosudarstvo v Kitae». Vypusk. 2. Moskva, pp. 90–97. (in Russ.)

11. Kane, D., 1989. The Sino-Jurchen vocabulary of the Bureau of Interpreters. Indiana: Indiana University Press. (in English)

12. Krukov, M.V., 1973. Yazyk in'skih nadpisey [The language of the Yin inscriptions]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

13. 李国均, 王炳照, 2000. 中国教育制度通史. 济南: 山东教育出版社. (in Chinese)

14. 黎难秋, 2002. 中国口译史. 青岛: 青岛出版社. (in Chinese)

15. 礼记, 1999. 北京: 北京大学出版社. (in Chinese)

16. 林子, 1989. 明代的官办语言学校 — 四夷馆 // 新疆教育学院学报 (哲社版). 第 2 期, pp. 66–69. (in Chinese)

17. 刘迎胜, 1991. 明代中国官办波斯语言教学教材源流研究 // 南京大学学报 (哲学人文社会科学). 第 3 期, pp. 104–109. (in Chinese)

18. 刘迎胜, 1998. 宋元至清初我国外语教学史研究 // 江南学刊. 第 3 期, pp. 112–118. (in Chinese)

19. 刘红军, 孙伯君, 2008. 存世华夷译语及其研究 // 民族研究. 第 2 期, pp. 47–55. (in Chinese)

20. 马祖毅, 1999. 中国翻译史. 上册. 武汉: 湖北教育出版社. (in Chinese)

21. 明史, 1958. 第 1 册. 上海: 中华书局. (in Chinese)

22. Mozafar Bakhtyar, 1993. «亦思替非» 考 // 伊朗学在中国论文集. 北京: 北京大学出版社, pp. 44–50. (in Chinese)

23. 倪庆伉, 1980. 我国历史上翻译制度的演变 // 南开学报. 第 5 期, pp. 78–80. (in Chinese)

24. Pankratov, B.P., 1998. Izuchenine vostochnih yazikov v Kitae v period dinastii Min (1368–1644) [Studying of the eastern languages in China during the Min dynasty (1368–1644)], Strany i narody Vostoka. Issue 29, pp. 105–127. (in Russ.)

25. 四夷馆的外籍教师, 1997 // 中国翻译词典. 武汉: 湖北教育出版社, p. 628. (in Chinese)

26. 四夷馆考, 1998. 北京: 北京图书馆古籍珍本业刊. (in Chinese)

27. 四夷馆增订则例, 1991. 北京: 全国图书馆文献缩微中心. (in Chinese)

28. 乌云高娃, 刘迎胜, 2002. 明四夷馆 «鞞鞞» 研究 // 中央民族大学学报 (哲学社会科学版). 第 4 期, pp. 62–68. (in Chinese)

29. Hirth, F., 1887. The Chinese oriental collage. Journal of the China Branch of The Royal Asiatic Society, Vol. 22, pp. 203–223.

30. 钱实甫, 1959. 清代的外交机关. 北京: 三联书店. (in Chinese)

31. 张国刚, 吴莉苇, 2006. 中西文化关系史. 北京: 高等教育. (in Chinese)

32. 张德泽, 2001. 清代国家机关考略. 北京: 学苑出版社. (in Chinese)

33. 周礼, 1999. 北京: 中国文史出版社. (in Chinese)

34. 陈炎, 1996. 海上丝绸之路与中外文化交流. 北京: 北京大学出版社. (in Chinese)

35. 元史, 1958 // 二十四史. 上海: 中华书局. (in Chinese)

36. Wild, N., 1945. Materials for the study of the Ssu i Kuan [Si] [Yi] [Yi] [Guan] (Bureau of Translators). Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 11, no. 3, pp. 617–640.

37. Yong, P. and Peng, J., 2008. Chinese lexicography. A History from 1046 BC to 1911 AD. Oxford: Oxford University Press.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902

Н.Н. Крадин, Е.А. Бессонова, С.Е. Саранцева,
Е.В. Ковычев, А.В. Харинский*

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УСАДЬБЫ АЛЕСТУЙ В ЗАБАЙКАЛЬЕ**

В статье представлены результаты изучения усадьбы Алестуй, расположенной в 9 км. к северо-востоку от Хирхирина городского монгольского времени в Восточном Забайкалье. Были исследованы северная и западная части платформы дворцового здания и северная часть двора. Общая площадь раскопа составила 407 кв.м. Черепица, составившая наиболее массовый материал памятника, типологически сопоставима с черепицей Хирхирина городского и имеет много общего с черепицей усадьбы Нарсатуй в Бурятии и черепицы городища Дён-терек в Туве. На усадьбе были также проведены геомагнитные исследования, которые позволили реконструировать структуру центрального здания и усадьбы в целом.

Ключевые слова: Забайкалье, Монгольская империя, Алестуй, усадьба, дворец, черепица, геомагнитные исследования

* КРАДИН Николай Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заведующий центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: kradin.nn@dvfu.ru

БЕССОНОВА Елена Александровна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: belenal@yandex.ru

САРАНЦЕВА Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: sarantceva@mail.ru

КОВЫЧЕВ Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории исторического факультета Забайкальского государственного университета.

E-mail: kovychevgeniy@mail.ru

ХАРИНСКИЙ Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета.

E-mail: kharinsky@mail.ru

© Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Саранцева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ. Проекты № 13-06-00660, 14-06-10018.

Results of geophysical exploration of Alestuy estate in Transbaikalia. NIKOLAY N. KRADIN (Far Eastern Federal University), ELENA A. BESSONOVA (Pacific Oceanological Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), SVETLANA E. SARANTSEVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences), EVGENIY V. KOVYCHEV (Transbaikalian State University), ARTUR V. HARINSKIY (National Research Irkutsk State University).

The article presents the results of the study of Alestuy estate located 9 kilometers north-east of the Khirkhira Mongolian mediaeval town in East Baikal region. The authors investigated the northern and western parts of the platform of the palace building and the northern part of the yard. The total excavation area was 407 sq.m. Roof tiles, which turned out to be among the most common findings of the site, are typologically compatible to tiles from the Khirkhira town and have many features in common with the tiles from Narsatui estate (Buryatia) and from Den-Terek town (Tuva). The site was also geomagnetically studied that allowed to reconstruct the structure of the central building and the whole estate.

Keywords: Transbaikalia, the Mongol Empire, Alestuy, estate, palace, roof tiling, geomagnetic research

Империи Чингис-хана занимают особое место в истории Евразии. Расцвет данной империи связан с крупномасштабными перемещениями больших масс людей, строительством городов, интенсификацией культурного обмена между народами и цивилизациями [7]. На территории Забайкалья известно два уникальных археологических памятника городской культуры периода Монгольской империи. Первый из них – Кондуйский дворец – находится на юге Читинской области. Памятник исследовался С.В. Киселевым [3, с. 323369]. Дворцовое здание располагалось на двухметровой глиняной платформе, имевшей форму креста. Платформа была выстлана кирпичным полом. К ней вели пять кирпичных пандусов – по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон. Сверху дворец был покрыт зеленой поливной черепицей, украшен изображениями драконов. Стены дворца также были украшены изображениями животных и фантастических существ. Вокруг дворца были расположены павильоны. С юга находились ворота. Комплекс датируется XIV в.

Другой известный памятник монгольского времени – Хирхинское городище – находится в 60 км к юго-востоку от Кондуйского городка. Он также исследовался экспедицией С.В. Киселева. Памятник представляет собой целый комплекс усадеб (более 30) и отдельных жилищ (не менее 100), протянувшийся по линии запад – восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север – юг. В восточной части памятника располагалась самая большая цитадель (110-100 м), которая была

окружена валом и рвом. Внутри находилось здание дворцового типа (15x30 м) и несколько других строений. Предполагается, что главное здание было одноярусным и сверху было покрыто черепичной крышей [3, с. 23-58]. Вокруг цитадели располагались усадьбы. Одни из них стояли отдельно друг от друга, другие – объединялись в сложную систему кварталов, улиц и проулков. Считается, что Хирхинское городище было ставкой Исунке – сына Хасара, родного брата Чингис-хана. Основанием для этого заключения является надпись от 1225 г. на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Памятник был датирован XIII в., однако, по результатам наших полевых исследований 2014 г. получены данные, которые свидетельствуют о его возможном существовании и позднее.

В начале нынешнего миллениума памятник исследовался А.Р. Артемьевым [1], который раскопал несколько усадебных комплексов в восточной и западной частях городища. Усадьбы были огорожены невысокими стенами из деревянных или сырцовых стен. Внутри находились жилища с канами. В некоторых жилищах пол был сделан из сырцовых кирпичей. Внутри самой крупной из исследованных западной усадьбы было построено здание площадью 261 кв.м. с колоннами. Его крыша опиралась на 12 колонн.

Кондуйский и Хирхинский комплексы не были единственными дворцами на территории северных провинций Монгольской империи. Еще одно дворцовое здание раскапывалось С.В. Даниловым на территории Бурятии в с. Нарсатуй. Здание также было сооружено на глинобитной платформе, укрепленной кирпичной стеной. Внутренняя площадь здания рав-

нялась 16x19 м. Пол был выложен из обожженных кирпичей. В качестве фундамента деревянных колон использованы гранитные базы. Здание было покрыто черепичной крышей [2, с. 8384].

В 9 км к северо-востоку от Хирхинского городища на предгорном участке левобережной поймы Урулюнгуйской долины в нижней приустьевой части распадка Алестуй находится отдельно стоящая усадьба. Впервые информация о ней была опубликована А.Р. Артемьевым [1]. Усадьба представляет собой насыпную платформу высотой около метра, размером примерно 20x30 м, вытянутую по линии север – юг с азимутом 353°. Высота платформы в северной части 58 см, в южной части 79 см. В центре здания имеется небольшая западина прямоугольной формы. С южной стороны склон имеется пологий спуск – пандус. Ориентировка на юг – типичная для монгольских жилищ. Юрта всегда ставится выходом на юг. Точно так же ориентированы дворцы в Каракоруме, Кондуде, Аварге, на Хирхире. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0.30.5 м), прямоугольной формы размером примерно 70x70 м. Вал ориентирован почти по сторонам света. Он условно обозначен нами как основной двор. На западном и восточном валах имеются скопления камней (впоследствии оказалось, что вал был сделан с использованием камня). Юго-восточный угол вала разрушен и визуально почти не прослеживается.

В южной части обвалованного пространства через западный и восточный валы проходит проселочная дорога. Где-то здесь должен был быть основной выход из усадьбы.

К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы. Участок вытянут в широтном направлении и смещен на 18 м к западу по отношению к основному двору усадьбы. При этом северный вал основной усадьбы одновременно является южной стеной вспомогательного двора. Ее длина составляет 70 м. Длина восточного и западного валов 33 м. Длина северного вала 65 м. Этот участок условно обозначен как вспомогательный или хозяйственный двор. К востоку от места соединения восточного вала вспомогательного двора и северного вала основного двора имеется выход шириной 3 м. В 30 м к западу от второго обвалованного участка находятся остатки какой-то каменной обвалованной конструкции овальной формы с проходом с юго-восточной стороны. Внутри основного двора и на платформе были встречены фрагменты черепицы серого цвета (Рис.1).

Результаты раскопок

В 2009–2011 гг. изучалась северная и западная части усадьбы и прилегающая к усадьбе с севера территория двора [8]. Общая площадь раскопок трех лет составила 407 м². Платформа была сложена из плотной глины серого цвета. На поверхности платформы было зафиксировано множество

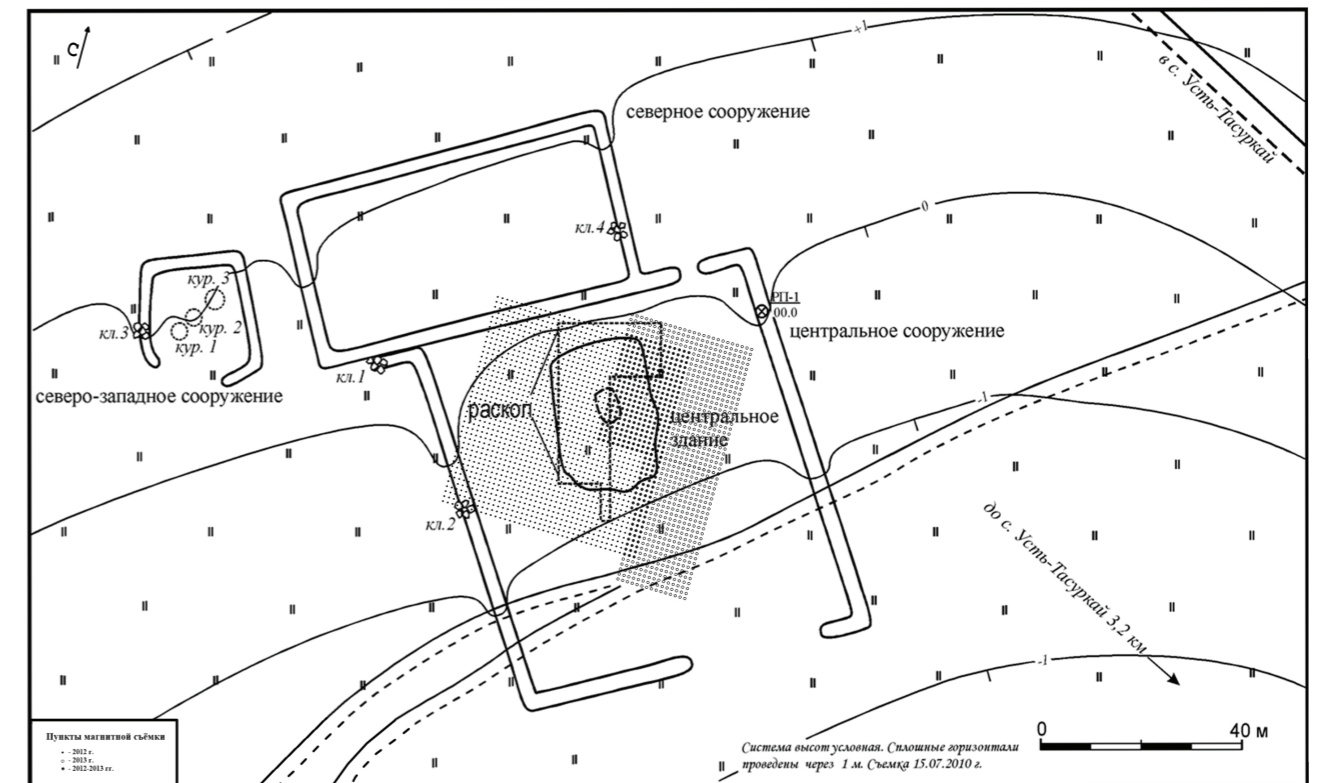

Рис. 1. Усадьба Алестуй

находок черепицы, кирпичей и их обломков, других категорий артефактов. Особую важность имеет находка остатков дымоходных конструкций – канов с 4-5 дымоходными каналами. Кроме канов была найдена печка, сложенная из кирпичей.

Культурный слой оказался очень насыщенным. Из находок было встречено большое количество железных гвоздей различных размеров, обломки различных железных и бронзовых изделий, плоский наконечник стрелы, каменное лощило, обломок лемеха, куски шлака, обломки тигля, железный замок чжурчжэньского и монгольского типов, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, фрагменты бересты с отверстиями, две игральные фишки из черепицы и изделия из черепицы прямоугольной формы с отверстиями. Найдено много целых кирпичей. Размеры целых кирпичей соответственно 25.5x14x5, 23x14x5, 25.5x14x4.8, 28.5x14x5 см. Интересно, что керамики не было встречено вообще, а находки костей очень незначительны. Это подтверждает дворцовый статус раскапываемого здания. Аналогичные наблюдения касательно костей были сделаны А.Р. Артемьевым при раскопках различных комплексов Хирхирина городского городища [1, с. 13, 14].

Черепица

Наиболее массовым материалом, обнаруженным при исследовании усадьбы является керамическая кровельная черепица. Она сильно фрагментирована. Черепица в основном серого цвета. Внешняя поверхность ее гладкая, внутренняя всегда имеет оттиски ткани. Согласно разработанной классификации, найденная на памятнике черепица по форме поперечного сечения является плоской. Черепица имеет вид широкого жёлоба. Лицевая (внешняя) поверхность ее гладкая, по форме выгнутая, тыльная (внутренняя) – вогнутая. Ширина плоской черепицы составляет $\frac{1}{4}$ окружности, т.е. по своей сути хорду; черепица в продольном сечении трапециевидной формы, ширина нижнего края всегда больше, чем верхнего.

Помимо обычной плоской черепицы встречается плоская черепица с вдавленными линиями на внешней поверхности и плоская черепица с отливом. По технико-технологическим особенностям черепица в изломе серого и серо-голубого цвета. Черепок пористый, довольно рыхлый, часто замыт. Визуально определяется, что черепица памятника изготовлена из запесоченной глины; размер видимых включений достаточно крупный: как правило, белого цвета и варьирует от 0,2 до 1,3 см. На гладких поверхностях и в изломе черепицы отмечено присутствие мелких частиц биотита. Еще одной

специфической особенностью черепицы памятника являются отпечатки растительных включений, оставшихся после выгорания в виде крупных палочек, которые вероятнее всего применявшейся в качестве отошителя к глиняному тесту. Анализ черепицы на водопоглощение черепка горячим способом показал средние результаты 17,3%.

Черепица формовалась на шаблоне, имевшем форму усеченного конуса, диаметр нижнего основания которого всегда больше верхнего. В горизонтальном разрезе шаблон имел вид трапеции. Шаблон, скорее всего, был изготовлен из дерева. Одновременно на таком шаблоне можно было изготовить четыре черепицы установленных типов. После формовки часть черепицы подвергалась доработке: некоторые черепицы снабжались отливом; другая часть с внешней поверхности покрывалась вдавленными прямыми и волнистыми линиями. Для наиболее легкого снятия сформованной черепицы шаблон покрывался тканью, отчего на ее внутренней поверхности всегда имеются текстильные отпечатки.

Судя по всему, ткань, покрывавшая шаблон плотная, изготовлена на ткацком станке простым (полотняным) переплетением довольно толстых продольных и поперечных нитей. В настоящее время установить сырье, из которого она изготовлена, не представляется возможным. Ткань распределялась на шаблоне равномерно, по горизонтали, подгонялась под форму шаблона. Для ее закрепления на шаблоне оба конца сшивались нитью, образуя швы, имевшие вертикальное направление. К сожалению, отпечатки на внутренней поверхности найденной черепицы фиксируются плохо, что, очевидно, в первую очередь, обусловлено как качеством самой ткани, так и глины, из которой была изготовлена черепица. Количество швов на одной черепице разное: от одного до трех. Некоторые черепицы не имеют таких швов. Отпечатков заплат и вставок на ткани на черепице памятника не выявлено.

Внешняя поверхность черепицы гладкая и, несмотря на некоторую степень замытости черепка, покрыта слоем тонкодисперсной глины. На одном образце видно, что обмазка отслоилась. Поверхность черепицы затиралась в горизонтальном направлении, будучи еще на шаблоне. Затирание черепицы происходило узким торцовым краем инструмента.

Прямые и волнистые линии на внешней поверхности черепицы были «прочерчены» пальцем или тонкой и тупой палочкой, будучи еще на шаблоне, но уже после того, как черепица была сформована, перед сушкой. Отливы черепицы изготовлены очень тщательно. Определенно нам удалось зафиксировать два способа

изготовления отлива. Первый способ – когда отдельно сформованная заготовка отлива присоединялась к черепице. При этом нижний стык черепицы ножом специально покрывался вертикальными насечками, довольно глубокими. Такими же насечками покрывался и отлив. Затем, с помощью некоторого количества глиняного теста они скреплялись друг с другом и в таком виде, после сушки, подвергались обжигу. Обнаружены фрагменты как самих черепиц, так и отливов, на которых хорошо фиксируются оттиски этих насечек. Второй способ заключался в следующем: к нижнему стыку сформованной черепицы присоединялось некоторое количество глиняной массы с дальнейшим изготовлением из нее отлива. После этого следующей операцией было нанесение декора на его поверхности. Как уже упоминалось ранее, на лицевой поверхности отлива отмечено несколько типов декора, стилистически и технически очень близких друг другу. Первоначально с помощью специальной матрицы, которая накладывалась на отлив, отпечатывались несколько довольно глубоких бороздок. Далее, с помощью полой палочки или косточки промежутки между этими бороздками в том или ином порядке заполнялись штамповкой небольших вертикальных линий с наклоном, либо кружков. Следующей операцией было нанесение декора на боковой бортик отлива. Декор на боковых бортиках отлива всех найденных черепиц однообразный, в виде отпечатков веревочных оттисков, расположенных слева направо, под углом, образуя при этом волнистый край; нанесен, очевидно, палочкой с намотанным на нее шнуром либо же веревкой.

Особенностью черепицы, обнаруженной на памятнике, явилось полное отсутствие так называемых «закроев» – вырезки кромок боковых стыков и нижних торцов, обеспечивавших хорошее замыкание черепиц в кровле постройки. Исходя из цветовых показателей черепицы, а она в подавляющем большинстве случаев серого цвета, обжиг изделий проходил в восстановительной среде.

При сопоставлении черепицы усадьбы с материалами из других средневековых памятников выяснилось, что размерный стандарт изделий полностью совпадает с размерами черепицы из Хирхирина городского городища, а также другой средневековой усадьбы – Нарсагуй в Бурятии и с одним из стандартов черепицы городища Дён-терек в Туве. Вместе с тем, изделия очень схожи по своим технологическим характеристикам, что дает возможность предположить одновременность их существования.

Особенностью применения черепицы на крыше центрального здания усадьбы является ее довольно «узкий» ассортимент: не найдена полукруглая черепица, нет концевых дисков, отсутствуют плоские узкие черепицы и т.д. Конечно, можно предположить, что черепица этих типов могла быть изъята при перестройках, которым было подвергнуто здание усадьбы. Другой характерной чертой для данного памятника является применение черепицы с волнистыми и прямыми вдавленными линиями на внешней поверхности. Учитывая немногочисленность таких находок, можно предположить большую вероятность применения ее в качестве гребневой, покрывавшей конек и боковые коньковые скаты. Существенной деталью является то, что некоторые изделия, в особенности это касается плоской черепицы с отливом, имеют на своей поверхности довольно толстый слой белой краски, предположительно извести, что свидетельствует в пользу того, что карниз крыши, а также, возможно, стены постройки были окрашены в белый цвет. Интересно, что черепица с прочерченными линиями на внешней поверхности очень редко имеет следы окраски. Общее количество найденной черепицы позволяет предположить, что крыша постройки была одноярусной. Скорее всего, крыша центрального здания усадьбы не имела крутых скатов.

За период, прошедший после завершения жизнедеятельности усадьбы, расположенная на искусственной насыпной платформе постройка подверглась значительным разрушениям. По сведениям, полученным от местных жителей, в конце XIX – начале XX вв., сюда часто приезжали местные крестьяне за кирпичом и черепицей, которые использовались при строительстве. К настоящему времени сохранились остатки двух стенок из обожженного кирпича, располагавшихся параллельно друг другу. Каждая из них длиной около одного метра и высотой в четыре кирпича. В центральной части здания была выявлена кирпичная конструкция размером 2x2,5 м, высотой в 1-2 кирпича. Кроме того, найдены ямы от столбов и каменные базы основания для деревянных колонн, изготовленных из стволов даурской лиственницы.

Методы

Следующий этап исследования памятника определялся задачей реконструкции центральной постройки усадьбы на основе совокупности археологических результатов и данных, полученных с использованием неразрушающих методов картирования. Особенностью нашего подхода при

исследовании усадьбы Алестуй является изменение традиционной схемы. Обычно сначала проводится предварительная геофизическая съёмка, затем раскопки выделенных участков. В данном случае сначала были проведены раскопки, а затем геомагнитные исследования, которые позволили сопоставить результаты археологических и геофизических исследований между собой. Реализованная таким образом методика геомагнитных исследований дополняет результаты раскопок, позволяет сохранить объект изучения, а также наметить перспективы дальнейшего археологического изучения, значительно сократив трудозатраты и финансирование работ.

Район исследования расположен на предгорном участке пойменной долины. Коренные породы, представленные слабомагнитными осадочными отложениями и базальтоидами позднемелового возраста, перекрыты маломощными континентальными осадочными отложениями [4]. В верхней части разреза дресва подстилает аллювиальные суглинки мощностью около 1м, покрытые тонким слоем (10-15 см) лугово-каштановой почвы. Растительность представлена степными злаками и низким разнотравьем, характерным для мест обитания человека.

Намагниченность верхней части осадочных отложений невысока и определяется широким распространением в них минералов железа, главным образом гидроокислов. Антропогенные изменения верхней части геологического разреза определяются наличием в культурном слое скоплений обломков коренных горных пород различного размера и формы, наличием стенок из кирпича и сырового кирпича, обломков черепицы и отливов, участков прокаленного суглинка, особенностями микрорельефа, сформированными в процессе вспашки.

При исследовании усадьбы раскопками было обнаружено более 28 000 обломков черепицы и кирпичи серого и серо-голубого цвета. Содержание железа в этих материалах 3.75-5.2%. Если исходить из предположения, что обжиг черепицы и кирпича проходил в восстановительной среде, часть железа могла быть преобразована в двухвалентное соединение, характеризующееся антиферромагнитными свойствами. Несмотря на это остаточная намагниченность этих материалов достаточно высока, минимальное значение фактора $Q=2$, максимальное – 10. Следовательно, именно развалы черепицы и каменные кладки могут быть источниками магнитных аномалий антропогенного происхождения в слабомагнитных суглинках.

Микромагнитная съёмка и методика обработки данных

Плотность сети магнитной съёмки выбрана на основании информации, полученной по результатам раскопок в соответствии с размерами минимальных аномалий, связанных с искомыми археологическими объектами таким образом, чтобы искомая аномалия перекрывалась хотя бы 4-мя точками измерений [6]. Измерения выполнялись по квадратной сети с шагом 1 м, при уровне съёмки 0.5 м над поверхностью. Микромагнитная съёмка М 1:100 на территории археологического памятника выполнена на четырех экспериментальных полигонах с перекрытием. Размеры полигонов: 40x20м, 25x25м, 15x25м. Общая площадь микромагнитной съёмки 2280 м² (Рис. 2). Точность геомагнитного картирования повышена за счёт повторных измерений [9], выполненных на площади 540 м² – 24% общей площади съёмки.

Измерения значений модуля полного вектора геомагнитного поля выполнены пешеходным протонным магнитометром и POS-1 (производства лаборатории квантовой магнитометрии УГТУ-УПИ, Екатеринбург, Россия, <http://magnetometer.ur.ru>).

Аномальное магнитное поле T_a , вычисленное по результатам детальной магнитной съёмки, определяется неглубоко залегающими аномалообразующими источниками природного (первый уровень) и антропогенного (второй уровень) происхождения. Их разделение условно: «региональной» составляющей считаем аномальное магнитное поле первого уровня – T_r , объекты поиска являются источниками локальных аномалий второго уровня – ΔT_a .

$$T_a = T_r + \Delta T$$

Выделение региональной составляющей выполнено с использованием низкочастотного фильтра Гаусса [5].

Магнитное поле усадьбы Алестуй М 1:100

Наблюдаемое геомагнитное поле неоднородно, плавно возрастает в юго-западном направлении и осложнено «точечными» высокоамплитудными аномалиями от локальных дипольных источников. Общее изменение регионального фона невелико и составляет 26 нТл. Карта-схема поля локальных аномалий (ΔT_a) построена с сечением изодинам 2 нТл, вдвое превышающим среднеквадратическую погрешность съёмки (рис. 2). Магнитные аномалии имеют как изометричную, так и четко выраженную геометрически правильную форму. На большей части площади амплитуды магнит-

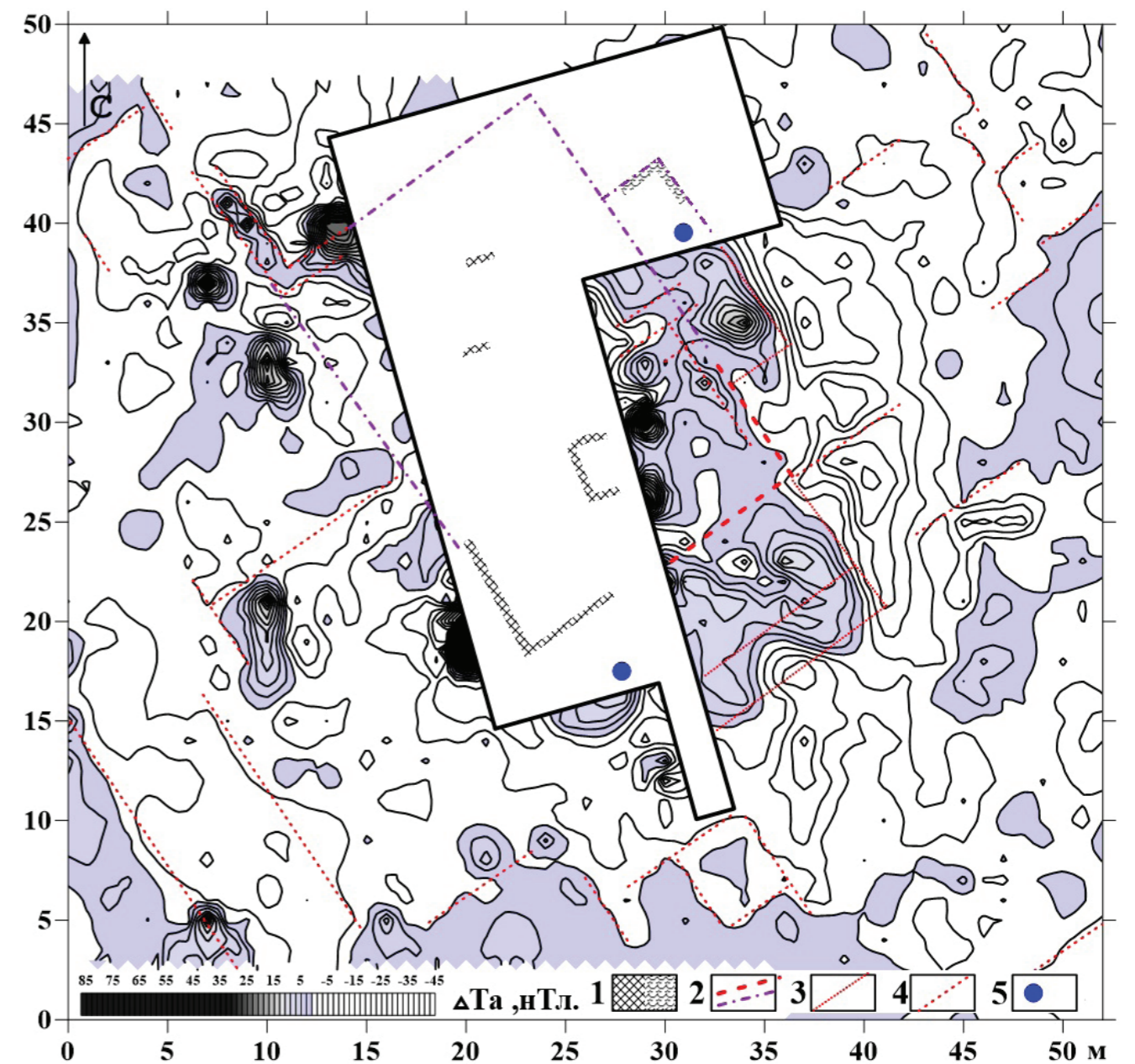

Рис. 2. Результаты геофизических исследований усадьбы Алестуй:
1 – кирпичная кладка, 2 – внешние стены центрального здания, 3 – границы черепичной крыши пандуса, 4 – границы планировочных элементов усадьбы

ных аномалий, как правило, невелики – до 12 нТл. В центральной части планшета выделена градиентная зона ЮВ-СЗ простираения. Локальные магнитные аномалии различного знака линейного простираения выделены в основном в центральной части планшета. Они имеют ограниченные размеры (до 12 м). С юго-востока вплотную к границам раскопа примыкает мозаичная положительная магнитная аномалия с линейными границами длиной 10 и 20 м, замыкающимися под прямым углом на востоке. Характер их расположения и априорная информация, полученная в результате раскопок, указывают на то, что в магнитном поле отражено влияние нескрытой раскопками части

главного здания усадьбы. С большой вероятностью, источником магнитных аномалий на этом участке являются развалы черепицы и кирпичных кладок. С учетом положения в плане внешних стен здания, обнаруженных в процессе раскопок и локальных положительных аномалий, восстановлено расположение юго-восточной и северо-восточной стен постройки. Причем юго-восточная стена центрального здания может быть выделена в середине аномального участка по линейной магнитной аномалии ЮЗ-СВ простираения, характеризующейся пониженными значениями. Следует отметить, что с юго-востока здание, возможно, имело выступающий конструктивный элемент

шириной 8 м с черепичной крышей вдоль восточного участка торцевой стены здания. Похожий конструктивный элемент, скорее всего, также находился с северо-восточной стороны здания, его размеры были скромнее: глубина около 4-х м и ширина 6 м. Подобный вывод может быть сделан с учётом расположения на этих участках положительных магнитных аномалии с линейными границами, простирающие которых соответствует расположению внешних стен постройки. Магнитные аномалии на участках основной части здания, к юго-востоку и северо-востоку от внешних стен сопоставимы по морфологии и интенсивности, а следовательно отражают влияние однотипных источников. Этот вывод подтверждается и результатами раскопок: в верхнем слое юго-восточной части раскопа значительную площадь занимал развал обломков черепицы.

На основе геомагнитных исследований, дополняющих результаты раскопок, выполнена оценка размеров центрального здания. Ширина постройки составляла 16 м, а длинна (по результатам раскопок) – 24 м. С юго-восточной стороны к зданию по всей ширине похоже примыкал какой-то объект с черепичной крышей размерами 16х8 м. Внешние стены здания были сложены из сырцового кирпича. В юго-восточной части постройки не выявлены очаги и печи.

С северной стороны вплотную к северо-западному замыканию раскопа примыкает положительная линейная магнитная аномалия, простирающая которой соответствует продолжению юго-западной стены центрального здания в северо-западном направлении. На юго-востоке простирается магнитной аномалии северо-восточное – здесь линейные участки аномалии образуют прямой угол. Интенсивность и морфология аномалии позволяют предполагать, что она отражает влияние кирпичной кладки. С учетом микрорельефа участка, можно сделать предположение о том, что это остатки стен отдельно стоящей постройки, вплотную примыкавшей к северному участку вала.

На периферии положительной аномалии, отражающей влияние магнитных масс центрального здания, выделены линейные магнитные аномалии протяженностью 5-20 м. Простирающие этих аномалий соответствует положению в плане ограды усадьбы и стен центрального здания и пространственно связано с ними. Скорее всего, это отражение в магнитном поле планировочных элементов застройки усадьбы (вспомогательные и хозяйственные постройки, дорожки и пр.). Следует отметить, что плотность «упорядоченных» линей-

ных магнитных аномалий значительно снижается в направлении от центрального здания к ограде в восточном, юго-восточном и северо-западном направлениях.

Источниками высокоамплитудных «точечных» магнитных аномалий в форме диполей, по нашему мнению, являются современные железные объекты, не представляющие поискового интереса.

Заключение

Для восстановления средневековой монгольской усадьбы Алестуй выполнены исследования петромагнитных характеристик рыхлых отложений культурного слоя и материалов строительных конструкций, изученных раскопками, выполнена детальная магнитная съёмка на территории объекта исследования. Примененная методика обработки результатов измерений позволила выделить низкоамплитудные магнитные аномалии. Морфология, интенсивность и взаимное расположение магнитных аномалий в пределах участка исследований позволяют сделать вывод о наличии упорядоченной и строго выдержанной планировки средневековой усадьбы. Наибольшая плотность застройки отмечена в центральной части, вплотную примыкающей к главному зданию.

Несмотря на то, что центральное здание усадьбы Алестуй подверглось значительным разрушениям, наличие в культурном слое большого количества сильномагнитной черепицы и кирпича, сопоставление с результатами предшествующих раскопок позволяют выделить на основании детальных геомагнитных исследований и результатов проведенных раскопок границы стен здания, особенности его планировки, характер застройки центральной части усадьбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 318.
2. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
3. Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965.
4. Геология СССР. Том XXXVI Читинская область. Часть 1. Геологическое описание. М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1961.
5. Девис Дж. Статистический анализ данных в геологии: Пер. с англ. В 2 кн. / Пер. В.А. Голубевой, под ред. Д.А. Родионова. Кн. 2. М: Недра, 1990.

6. Инструкция по магниторазведке (наземная магнитная съёмка, аэромагнитная съёмка, гидромагнитная съёмка) / М-во геологии СССР. Л.: Недра, 1981.

7. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006.

8. Крадин Н.Н., Харинский А.В., Луньков А.Л., Ковычев Е.В. Предварительные результаты исследования усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Забайкалья. Мат. междунауч. конф. Улан-Удэ, 2010. С. 245-247.

9. Ревякин П.С., Бродовой В.В., Ревякина Э.А. Высокоточная магниторазведка. М.: Недра. 1986.

REFERENCES

1. Artemyev, A.R., 2005. Novye issledovaniya drevnemongolskikh gorodov Vostochnogo Zabaikalya [New studies of the old Mongolian towns of the East Baikal region], Vestnik DVO RAN, no. 2, pp. 3-18. (in Russ.)
2. Danilov, S.V., 2004. Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentralnoy Azii [Towns in the nomadic societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN. (in Russ.)
3. Kiselev, S.V. ed., 1965. Drevnemongolskie goroda [Ancient Mongolian towns]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

4. Geologiya SSSR. T. XXXVI. Chitinskaya oblast. Ch 1. Geologicheskoe opisanie [Geology of the USSR. Vol. XXXVI. Chita region. Part 1. Geological description]. Moskva: Gosudarstvennoe nauchno-technicheskoe indatelstvo literatury po geologii i okhrane neдр, 1961. (in Russ.)

5. Davis, J., 1990. Statisticheskii analiz dannykh v geologii [Statistical analysis of data in geology]. Vol. 2. Moskva: Nedra. (in Russ.)

6. Instruksiya po magnitorazvedke Ministerstva geologii SSSR [Instruction on geomagnetic by Ministry of geology of the USSR]. Leningrad: Nedra, 1981. (in Russ.)

7. Kradin, N.N. and Skrynnikova, T.D. 2006. Imperiya Chingis-khана [Ghengis Khan Empire]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

8. Kradin, N.N., Harinskiy, A.V., Lunkov, A.V. and Kovychev, E.V., 2010. Predvaritelnye rezultaty issledovaniya usad'by Alestuy v Zabaikal'e [Preliminary results of the study of Alestuy estate in Transbaikalia]. In: Drevnie kultury Mongolii i Zabaikalia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ulan-Ude, pp. 245-247. (in Russ.)

9. Revyakin, P.S., Borodovoy, V.V., Revyakina, E.A., 1986. Vysokotochnaya magnitorazvedka [High-accuracy geomagnetic]. Moskva: Nedra. (in Russ.)

УДК 930.26 (571.63)

А.В. Гарковик, Е.А. Сергушева*

**БОГОЛЮБОВКА-1 – ПОСЕЛЕНИЕ
РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ПРИМОРЬЯ****

В статье представлены материалы однослойного поселения Боголюбовка-1, входящего в «приханкайскую группу» зайсановской культурной традиции позднего неолита Приморья. Каменный и керамический материал поселения предельно единообразен. Найдены остатки культурного проса. При этом орудийный комплекс не дает четких признаков, связываемых с сельскохозяйственной деятельностью.

Ключевые слова: поздний неолит, Приморье, орудийный комплекс, керамика, земледелие, культурное просо.

Bogolyubovka-1 – early agricultural site in Primorye. ALLA V. GARKOVIK, ELENA A. SERGUSHEVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences).

The article deals with the main results of the study of Neolithic complex of Bogoliubovka-1 site. This complex belongs to Khanka Lake basin group of sites that are clearly associated with early agriculture in Primorye. The site is of interest as it has only one layer and contains “pure” complex typical for the group. Two species of cultivated millet were found in the sites of this group. The description demonstrates maximum uniformity of the material. The complex of tools has no clear indication related to agricultural activities. It is necessary to use special trace research method to reveal if the tools were used this way. Khanka group complex contains elements indicating that agriculture became one of the most important form of the adaptation of the local population. This phenomenon was progressive for its time and its consequences can be seen in emergence of quality ceramics and items of plastic art that give a notion of some sides of social life of local community.

Keywords: late Neolithic age, Primorye, tools, ceramics, agriculture, cultural millet.

Постановка проблемы времени первоначального появления земледелия на юге Дальнего Востока России связана с именем А.П. Окладникова. Еще на заре систематических археологических исследований в этом регионе – в самом начале 1960-х гг. – им было выдвинуто предположение о том, что земледелие на юге Дальнего Востока появилось в неолите, не позднее III тысячелетия до н.э. [17; 18]. Долгое вре-

мя эта гипотеза, не находя убедительных аргументов, вызывала активную дискуссию среди исследователей дальневосточной праистории. Завершить ее удалось только в начале XXI в., когда при исследовании археоботанических материалов, полученных с использованием методики водной флотации из отложений неолитических жилищ на поселениях зайсановской культуры (сначала на Новоселище-4, позднее

на поселении Кроуновка-1), были обнаружены остатки культурного проса [13, с. 5]. Таким образом, предположение А.П. Окладникова было подтверждено реальными данными.

С этого момента в изучении раннего земледелия в Приморье начинается этап, основным содержанием которого можно считать интенсивное накопление прямых и косвенных данных с поздне-неолитических памятников и построение рабочих схем динамики раннего земледелия на территории Приморья. Нет необходимости говорить о том, насколько важно для этого получение хорошо стратифицированных археоботанических материалов, которые могут быть надежно соотнесены с определенным набором артефактов, что также позволяет реконструировать технологические аспекты системы раннего земледелия у населения региона.

Самые ранние следы земледелия в Приморье были обнаружены в отложениях памятников, относящихся к зайсановской археологической культуре. Значительное увеличение количества открытых и исследованных памятников и массива археологических комплексов зайсановской культуры, существенные различия между ее памятниками, послужило основанием для введения понятия «зайсановская культурная традиция» [4, с. 163]. К настоящему времени в ее составе выделено несколько культурно-хронологических групп. Одна из них получила название «приханкайской» – по месту расположения памятников, наиболее изученных на тот момент времени [23; 24, с. 11]. Сейчас памятники этой группы обнаружены на широкой территории в западном и центральном Приморье. Наиболее известные из них – Кроуновка-1, Новоселище-4, Мустанг-1, Синий Гай А, Б, Алексей-Никольское-1, Реттиховка-Геологическая, Лузанова сопка-2 и др. [2; 7; 9; 11; 14; 15; 16]. В отличие от всех иных исследованных памятников, поселение Боголюбовка-1 является однослойным, поэтому его материалы приобретают особую ценность.

Памятник Боголюбовка-1 находится в Уссурийском районе Приморского края. Он расположен в двух километрах к юго-западу от одноименного посёлка и представляет собой компактное скопление из 11 небольших западин на северо-восточном склоне невысокого водораздела ключей – притоков р. Раковка, впадающей в р. Раздольная (Рис. 1).

Раскопки памятника проводились в течение трех полевых сезонов: 1988, 2006–2007 гг. [7; 8; 10]. Раскопами общей площадью 179 м² исследована западная периферия памятника с двумя сооружениями и площадкой, примыкающей к одному из них с юго-западной стороны (Рис. 2).

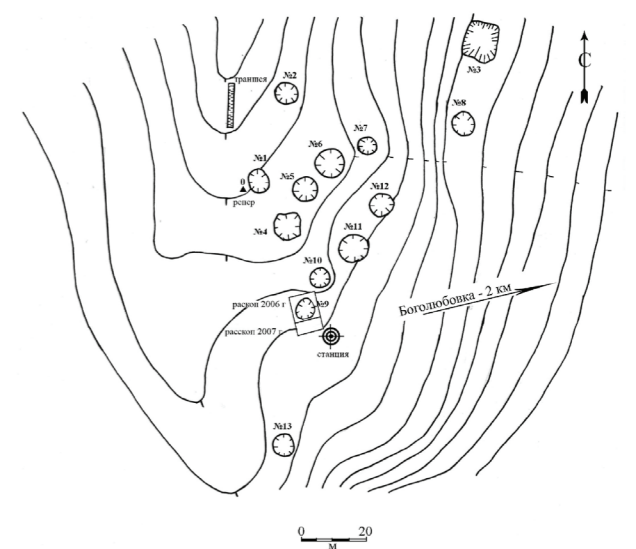

Рис. 1. План поселения Боголюбовка-1 (по: 7). Горизонталы проведены через 1 м

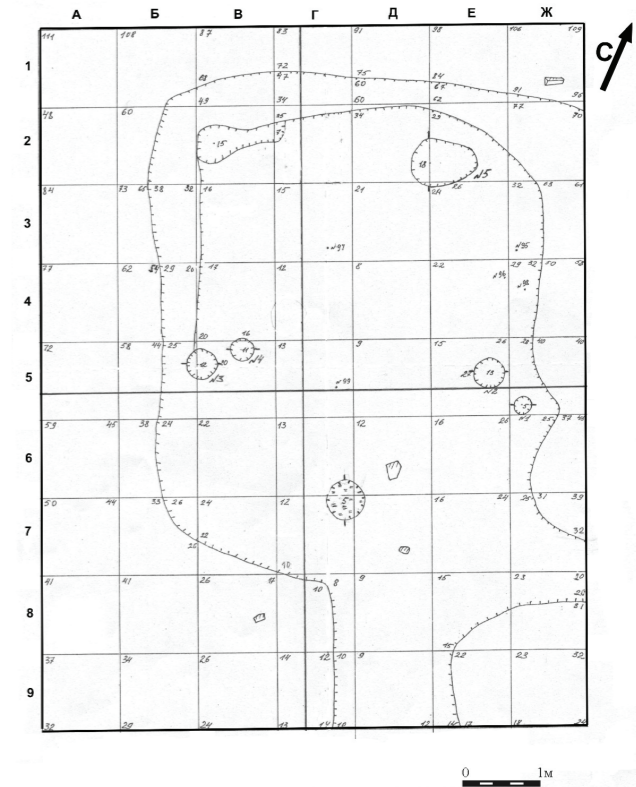

Рис. 2. План котлована сооружения, исследованного в 2006 г.

Характеристика археологического материала

Полученный археологический материал условно свидетельствует об однослойности памятника. Его орудийный комплекс представлен невыразительным каменным инвентарем со следами деградации техник расщепления и ретуширования, что в целом характерно для зайсанов-

* ГАРКОВИК Алла Викторовна, старший научный сотрудник сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: garkovik@list.ru

СЕРГУШЕВА Елена Альбертовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: lenaserg@front.ru

© Гарковик А.В., Сергушева Е.А., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 13-06-12027-офи-м.

ской каменной индустрии. Орудия, изготовленные техникой ретуширования, обивки и шлифования, немногочисленны. Основным сырьем для изготовления ретушированных изделий служили гальки черного обсидиана и разноцветный кремнь. В качестве заготовок для мелких орудий использовались аморфные отщепы. Наконечникам стрел придавалась треугольная форма с прямым, приостренным или вогнутым насадом (Рис. 3: а, б). Незначительная часть наконечников обработана мелкой сплошной ретушью, а большая – мелкими сколами по периметру. Среди отщепов обращают на себя внимание два экземпляра удлиненно-прямоугольных очертаний (3,5 x 1,2 x 0,3 и 2,0 x 1,3 x 0,2 см), изготовленные из кремнистой породы серо-желтого и желто-коричневого цвета. Более крупный из них имеет следы интенсивной сработанности в виде мелких заломов, образующих пильчатый край на одном из длинных краев, на остальных краях фиксируются небольшие сколы. Поверхность другого изделия обработана несколькими уплощающими сколами и мелкой ретушью по периметру. По размеру и характеру обработки они напоминают вкладыши. Заготовки, полученные при раскалывании обсидиановых галек, использовались без дополнительной обработки в качестве орудий: ножей, скребков, проколов.

Небольшую группу шлифованных орудий составляют плоские удлиненные наконечники стрел, топоры овальные в сечении, некрупные плоские стамески (Рис. 3: в–е). Для их изготовления использовались ороговикованный песчаник и кремнистый сланец темно-серого и зеленоватого цвета. Мотыги обработаны крупными сколами. Они представлены в основном заготовками или сработанными экземплярами как небольших, так и достаточно крупных размеров. Небольшие (13,5 x 10,3 x 4,4; 14,5 x 10,0 x 5,0 см) и массивные в сечении мотыги, по форме близкие к прямоугольнику или трапеции, представлены заготовками и сработанными орудиями. Крупные мотыги удлиненно-прямоугольных очертаний с округлым, расширяющимся налопатником, представлены заготовкой (Рис. 3: ж) и орудием с асимметричной рабочей частью. Их размеры 16,0 x 7,5 x 4,5 см и 30,0 x 10,0 x 5,0 см.

Самая многочисленная группа орудий на памятнике – фрагменты различных терочников и курантов. Изготовлены они из разнозернистых песчаников, выходы которых отмечены в непосредственной близости от памятника. Среди них имеются крупные обломки терочных плит, позволяющие судить об их значительных размерах и форме с углубленной, чашевидной центральной

частью и широкими бортиками по периметру. Другие терочники имеют вид плоских плит. Они несут следы пикетажа и зачастую использовались с двух сторон.

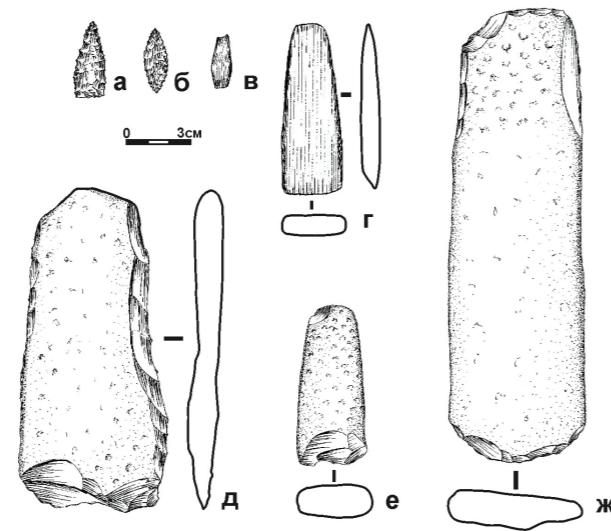

Рис. 3. Каменный инвентарь поселения

Терочные орудия поселения Боголюбовка-1 несут разные следы сработанности. Предварительно выделены три типа следов изношенности. Так, имеются орудия с гладкой, почти завальцованной, рабочей поверхностью. На ряде терочных плит хорошо фиксируются следы работы в виде тонких рисок, параллельных длинной оси изделий. Кроме того, отмечены экземпляры, на которых линейные следы выражены нечетко, но хорошо заметна сглаженность и пришлифовка.

В качестве курантов в основном использовались плитки песчаников. Все они представлены фрагментированными экземплярами. Встречен лишь один целый курант сегментовидной формы со следами интенсивного использования. Как и на терочных плитках, на ряде курантов так же хорошо фиксируются линейные следы сработанности. На некоторых, однако, они выражены слабо, но при этом заметны следы сглаженности и пришлифовки.

Среди каменных орудий выделяется группа изделий из небольших плиток сланца или мелкозернистого песчаника с одной или двумя ямками-лунками.

Керамический материал представлен большим количеством фрагментов лепных глиняных сосудов, которые по ряду технико-технологических признаков и декору разделяются на две основные группы (Рис. 4). Различие это прослеживается в составе керамической массы. Для I группы характерно приготовление гончарного теста по двум

основным рецептурам: 1) глина + крупная минеральная примесь в виде дробленого кварца и 2) глина + песок + дробленый кварц. Для изделий II группы формовочные массы составлялись также по двум рецептурам: 1) глина + мелкий (возможно, сеяный) песок и 2) глина + мелкий песок + мелкий дробленый тальк. Формовка сосудов производилась способом кольцевого налепа, лишь единичные миниатюрные изделия моделировались из одного куска глины.

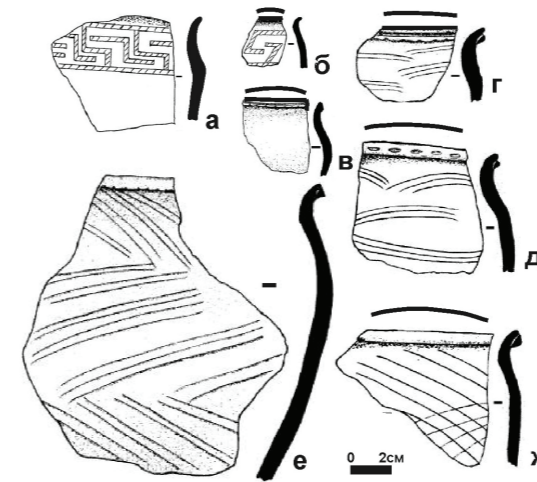

Рис. 4. Керамический инвентарь:
а, б – керамика II группы; в–ж – керамика I группы

Керамика I группы составляет большую часть коллекции. К ней может быть отнесено более 86% от всего количества керамического материала. Сосуды этой группы более крупные, толстостенные (толщина черепка 0,6–0,9 см), грязновато-желтого и желто-коричневого цвета. Стенки сосудов покрывались слоем мелкодисперсной глины и заглаживались. По форме они представлены горшками с широким устьем, невысоким горлом и туловом с максимальным расширением в верхней трети или на половине его высоты. Венчик плавно отогнутый, снаружи оформлен в виде уплощенного карнизика, треугольного в сечении. Венчики сосудов небольшого размера оформлялись простым отгибом верхнего края ленты и уплощением ее снаружи. У более крупных изделий они формировались из подлепленного снаружи узкого жгута. Дно емкостей плоское, иногда слабоогнутое, с четким контуром. Параметры крупных сохранившихся фрагментов позволяют судить о наличии трех размерных групп сосудов: крупные, средние, мелкие.

Керамика II группы малочисленна. На ее долю приходится около 14% общего количества керамического материала. Она представлена фрагментами некрупных горшковидных сосудов, в

т.ч. с примесью талька. Внешне эта группа резко отличается от первой тонкостенностью (толщина черепка 0,3–0,4 см), высоким качеством отделки черепка, цветом. Посуда этой группы ангобировалась, а затем ложила. Она часто имеет темно-серый, а также красновато-коричневый и желто-коричневый цвет. Изделия с примесью талька отличаются серо-коричневым цветом. По форме сосудов керамика этой группы близка к изделиям первой группы: со слабо отогнутым венчиком, невысоким горлом-перехватом и туловом, выпуклым в верхней трети. Различия прослеживаются в оформлении венчиков, доньшек и декоре стенок. Слабо отогнутые, несколько заостренные венчики, моделировались из края верхней ленты (Рис. 4: а). Они никогда не усложнялись налепами. Плечики часто более крутые, чем у сосудов первой группы. Доньшки – плоские и вогнутые. Последние имеют две разновидности: со слабым прогибом и с плоской, несколько углубленной, поверхностью, образующей как бы кольцевой поддон. В обоих случаях внутренняя часть дна имеет заметную выпуклость. Размеры емкости этой группы небольшие.

Декор изделий I и II групп различен. Основными зонами орнаментации сосудов первой группы были венчик и тулово, которые сочетались часто на одном сосуде. На уплощенную поверхность венчика наносились цепочкой неглубокие удлиненно-овальные оттиски, реже – неглубокий желобок, а на нижний край – неглубокие насечки. Стенки декорировались широкой полосой прочерченного орнамента двух разновидностей: композиции из наклонных прямых в виде вертикального зигзага и узор из пересекающихся дугообразных линий (с неясной композицией). Ведущее место занимает узор по мотиву вертикального зигзага (94% от общего числа орнаментированной керамики). Количество фрагментов, украшенных узором из дугообразных линий, составляет 4% от общего числа орнаментированной керамики. Прочерченные орнаменты наносились орудиями типа заостренной палочки или орнаментирами с двумя и более зубцами (Рис. 4: г–ж).

Специфична орнаментация керамики II группы. Прежде всего, декор наносился узкой полосой (в виде бордюра) в верхней части сосудов – на плечиках. Основу орнаментальных композиций составляют мотивы прямоугольного меандра и треугольные фигуры. Контур декора выполнялись «лентой» из двух прочерченных прямых, пространство между которыми заполнялось короткими наклонными линиями или насечками (Рис. 4: а, б). Образцы с меандром, нанесенным техникой

«отступающей» палочки, единичны. Объединяет обе группы керамики общий технико-технологический уровень: ручная лепка способом кольцевого ленточного налепа, ангобирование поверхности сосудов, низкотемпературный обжиг, близкая форма сосудов.

Среди керамического материала удалось обнаружить обломки деталей емкостей и керамических изделий, расширяющие номенклатуру керамического комплекса «приханкайской» группы. Это единичные фрагменты сосуда с ручкой типа ковш; обломок верхней части чаши со слабо загнутым внутрь венчиком с небольшой шишечкой под ним; фрагмент емкости, у которой верхняя часть деформирована и образует слив-«носик». Деталь керамического изделия в виде ножки с плоской нижней частью позволяет предполагать в ней часть скульптурки или обломок сосуда на подставке. Кроме того, обращает на себя внимание немногочисленная группа изделий из стенок керамических сосудов в виде небольших кружков, напоминающих игральные шашки.

Характеристика археоботанического материала

Хотя археоботаническая коллекция, полученная на поселении в 2006 и 2007 гг., пока обработана частично, но предварительные данные позволяют говорить о присутствии в отложениях исследованной в 2006 г. конструкции карбони-

зированных зерновок культурного проса. Таким образом, данный памятник становится девятым в списке памятников зайсановской культурной традиции, на которых обнаружены остатки культурных растений.

На настоящий момент при обработке ¼ части археоботанической коллекции обнаружено 10 зерновок культурного проса. При этом большинство из них (9 экземпляров) вне сомнения принадлежат одному виду – просу обыкновенному – *Panicum miliaceum* (синонимы: просо развесистое, метельчатое). Все зерновки имеют почти шаровидную форму и сходные размеры. Значения высоты и ширины зерновок практически идентичны при заметно меньшем значении толщины. Размеры восьми из них, имевших удовлетворительную сохранность, сравнимы с аналогичными данными с других археологических памятников позднего неолита и раннего палеометалла Приморья (Табл. 1). Брюшная и спинная стороны зерновок заметно выпуклые, при этом абрис последней более выпуклый с максимальным значением в области верхушки зародышевой впадины. Сама зародышевая впадина широкая, подтреугольной формы. Зародыш не сохранился ни у одной из зерновок. Как правило, этот орган редко сохраняется у карбонизированных зерновок. У всех обнаруженных зерновок отсутствуют цветковые чешуи, которые, очевидно, были удалены с них в результате обрушивания, еще до карбонизации.

Таблица 1

Средние размерные показатели зерновок проса обыкновенного с археологических памятников позднего неолита и эпохи бронзы Приморья [1] и поселения Боголюбовка-1

Памятник	Хронологический период	Средние размеры зерновок: длина (L), ширина (B), толщина (T), в мм	Индекс отношения длины к ширине, L/B×100	Индекс отношения толщины к ширине, T/B×100	Примечания
Боголюбовка-1	Поздний неолит	1,57-1,51-1,29	104,67	85,43	-
Гвоздево-4	Поздний неолит	1,63-1,65-1,43	98,8	86,7	-
Новоселище-4	Поздний неолит	1,55-1,51-1,19	102,6	78,8	-
Реттиховка-Геологическая	Поздний неолит	1,66-1,35-1,0 1,54-1,48-1,11	123,0 104,0	74,1 75,0	Зерновки I типа Зерновки II типа
Ольга-10	Ранний палеометалл (?)	1,59-1,23-1,10	129,3	89,4	-
Новоселище-4	Ранний палеометалл (?)	1,59-1,55-1,19 1,43-1,44-1,03	102,6 99,3	77,8 71,5	5-й пласт отложений 3-й пласт отложений
Анучино-14	Ранний палеометалл (?)	1,66-1,67-1,32	99,4	79,0	-

Среди остатков культурных растений обнаружена единственная зерновка проса, морфология которой несколько отличается от морфологии зерновок, описанных ранее. Она имеет плохую сохранность и представлена крупным фрагментом. В результате карбонизации утеряна значительная часть этой зерновки, в т.ч. область зародышевой впадины с зародышем, позволяющие осуществлять и/или верифицировать видовые определения просяных растений. Идентификация зерновки проведена только на основании ее формы и размеров. По этим показателям данный образец отличается от зерновок проса обыкновенного, обнаруженных в пробах поселения Боголюбовка-1. Он имеет более удлиненные очертания за счет меньшего значения ширины и толщины, при значении длины, сходном с зерновками проса обыкновенного: 1,5–1, 35–1,05 мм. Предварительно данный образец идентифицирован как напоминающий просо итальянское (cf. *Setaria italica*).

Кроме земледельческой составляющей полученные археоботанические данные свидетельствуют о значительной роли в системе жизнеобеспечения обитателей поселения Боголюбовка-1 собирательства дикорастущих пищевых и полезных растений. Основанием для такого вывода служит частота находок остатков дикорастущих растений, которые зафиксированы во всех исследованных флотационных пробах, а также выделены из отложений памятника в ходе археологических раскопок. Причем среди этих остатков были идентифицированы не только многочисленные фрагменты плотных оболочек плодов лещины и маньчжурского ореха, которые относительно часто встречаются в отложениях первобытных памятников Приморья, т.к. относительно неплохо сохраняются в них, но и такие «хрупкие» и редко встречающиеся в археологическом контексте остатки, как фрагменты семядолей плодов дуба, семена и плоды бархата амурского и дикорастущей яблони, а также фрагменты неидентифицированной паренхимной ткани. Обилие этой категории археоботанических находок свидетельствует о широком использовании дикорастущих растений населением, практиковавшем земледелие.

Дискуссия

В результате применения в новом столетии методики водной флотации при исследовании культурных отложений поздненеолитических памятников Приморья было сделано важное открытие: обнаружены зерна культурного проса – прямые свидетельства существования земледелия [5; 13; 19; 20]. Остатки культурного проса зафиксирова-

ны на памятниках зайсановской культурной общности. Различные группы памятников, составляющие ее, дают представление о нескольких этапах развития земледелия в позднем неолите Приморья. Наиболее ранний этап освоения представлен группой памятников типа раннего неолитического слоя памятника Кроуновка-1 [4; 6; 25]. Культурно-хронологическим маркером этого этапа служит керамика, одним из важных элементов декора которой являлись веревочные оттиски [6]. Более поздний этап представлен памятниками приханкайской группы, для керамического комплекса которой характерно присутствие двух дискретных групп керамической посуды [23; 24].

Археологический комплекс памятника Боголюбовка-1 обладает основными признаками, характерными для этой группы. Его однослойность позволяет составить ясное представление об орудийном, керамическом и археоботаническом комплексах данной группы.

Орудийный комплекс памятника Боголюбовка-1 аморфный с признаками деградации техник расщепления и ретуширования. Об этом свидетельствуют единичные аморфные желваки, небольшое количество отщепов и орудий из них. При этом среди орудий преобладают изделия с минимальной обработкой и отщепы со следами использования. Группа шлифованных орудий также немногочисленна и представлена типологически выдержанной серией шлифованных топоров овальных в сечении, некрупными плоскими в сечении стамесками и плоскими удлиненно-треугольными наконечниками. Мотыги также не имеют единой устоявшейся формы и зачастую сохраняют форму исходной заготовки, а крупными сколами обрабатывалась преимущественно рабочая часть орудий.

Многочисленны в орудийном комплексе терочные орудия и куранты, представленные фрагментами. На большинстве из них хорошо фиксируются следы износа, которые варьируют на различных изделиях. Характер их предстоит понять, проведя специальные экспериментально-трассологические исследования. Особую группу составляют небольшие изделия с лунками. Находки подобных орудий нередки на памятниках приханкайской группы. Однако у специалистов пока нет единого мнения об их назначении. На наш взгляд, вполне правомерно выглядит предположение об использовании данных орудий в качестве наковален для раскалывания орехов. Находки многочисленных фрагментов скорлупы орехов лещины и маньчжурского ореха среди археоботанических материалов памятника Боголюбовка-1 могут служить

дополнительным косвенным подтверждением подобного использования этих артефактов.

Керамический комплекс памятника в целом может быть охарактеризован как единообразный и стереотипный. В нем присутствуют две группы керамической посуды, четко различающиеся по своим технико-технологическим характеристикам и декору. Особенно явно различия этих групп видны в элементах оформления и в декоре. Это прежде всего относится к венчикам. Последние у изделий первой группы были рельефными и оформлялись в виде узкого карнизика, который моделировался из узкой налепной ленты или отвернутого наружу края верхней ленты. У сосудов второй группы венчики были прямыми или слабо отогнутыми наружу. Они моделировались из края верхней ленты, равнялись ей по толщине или несколько приострялись. Орнаменты на сосудах двух групп совершенно различны. Для изделий первой группы характерны прочерченные узоры в виде вертикального зигзага или переплетающихся дугообразных линий, которые занимали большую часть тулова сосудов. Для второй группы характерен декор бордюрного типа в виде неширокой полосы меандра, контуры которого выполнялись узкой «лентой» из двух прочерченных прямых, пространство между ними заполнялось короткими насечками. В керамическом материале памятника Боголюбовка-1 полностью отсутствует техника тиснения при декорировании.

В археоботаническом материале поселения Боголюбовка-1 обнаружены два вида культурного проса – обыкновенное и итальянское, – а также дикорастущие пищевые растения (желуди, орехи, плоды и пр.). Наличие двух видов культурного проса, по нашему мнению, может рассматриваться в качестве культурного признака приханкайского варианта зайсановской культурной традиции.

При изучении памятников, связанных с появлением присваивающего хозяйства, в нашем случае земледелия, возникает вопрос о выделении земледельческих орудий. К сожалению, из анализа орудийного комплекса поселения Боголюбовка-1, как, впрочем, и комплексов других памятников зайсановской культурной традиции, почерпнуть информацию для его решения удастся немного.

Традиционно с земледельческой группой орудий в дальневосточной археологии ассоциируются мотыги, жатвенные ножи, терочные плиты и куранты. Однако данные категории орудий пока не стали объектом специального изучения. Отдельные же наблюдения и исследования не позволяют связывать их исключительно с земледелием

и рассматривать в качестве маркера его присутствия, на ранних этапах в т. ч.

Так, очевидно, мотыги являлись землеройными орудиями широкого спектра. Это убедительно продемонстрировано, например, исследованиями Н.А. Кононенко на материалах памятника Валентин-перешеек [3]. Возможно, для обработки земли могли использоваться крупные каменные мотыгообразные орудия, насаживавшиеся на деревянную рукоять и использовавшиеся по типу «ручных плугов», известных по этнографическим данным Китая и Кореи [26]. На зайсановских памятниках найдены такие орудия, например, на поселении Мустанг [11], на памятнике Камышовое [12, с. 266, 267]. Присутствует подобное орудие и на памятнике Боголюбовка-1. Однако трудность их выделения в орудийном комплексе обусловлена отсутствием специальных исследований этой категории орудий и вероятной специфичностью их использования, при котором орудия, подготовленные к работе, зачастую не имеют следов износа (как на поселении Боголюбовка-1), а сработанные могли оставаться на месте работы, т.е. на земледельческих участках, за пределами поселений.

На зайсановских памятниках, в т.ч. и на Боголюбовке-1, отсутствуют находки классических жатвенных ножей. По нашему мнению, такие орудия получают распространение на территории Приморья позже. В качестве жатвенных зайсановцы могли использовать вкладышевые орудия с костяной или деревянной основой, типа серпов или ножей. Два вкладыша, встреченные среди каменных изделий на поселении Боголюбовка-1, могли быть частью таких орудий. Нельзя исключать возможность использования жатвенных орудий, полностью изготовленных из кости и/или дерева.

Терочные орудия (плиты и куранты) также однозначно не могут рассматриваться как специализированные орудия для обработки только земледельческой продукции. Вне сомнения они использовались ранними земледельцами для растирания неабразивного растительного сырья, о чем свидетельствует характер следов сработанности на рабочих поверхностях терочников и курантов с позднеолитических памятников Приморья. В качестве сырья использовались как культурные, так и дикорастущие растения, о чем свидетельствуют результаты исследований остатков крахмала на подобных орудиях. Согласно исследованиям таких орудий с поселения Новоселище-4, в количественном отношении остатки крахмала из семян культурных растений составляют значительно меньшую часть, чем разнообразные и многочисленные гранулы этого вещества,

происходящие, очевидно, из дикорастущих растений [22].

Для решения вопроса о функциональном значении описанных выше орудий необходимы целенаправленные экспериментально-трассологические исследования. Пока же говорить о земледельческом характере этих орудий можно лишь в предположительной форме.

Находки зерновок культурного проса на поселении Боголюбовка-1 дополняют наши сведения о земледелии в Приморье в позднеолитическое время. Так же они подтверждают предположение о существовании двух видов культурного проса у зайсановского населения на позднем этапе существования этой культурной традиции [22]. Конечно, обнаружение единственной зерновки, возможно, принадлежащей другому виду культурного проса, само по себе не может свидетельствовать о существовании выращивания двух видов культурных растений на данном памятнике. Однако имеющиеся прямые и косвенные свидетельства позволяют говорить об этом с определенной долей вероятности. Так, семена обоих видов зафиксированы на полу жилища на одном из ранних поселений этого варианта – Новоселище-4. Численно среди них преобладает просо обыкновенное: среди 48 его семян зафиксировано всего 4 семени проса итальянского [22, с. 234]. Многочисленные остатки обоих видов проса обнаружены в заполнении хранилища на самом позднем поселении приханкайского варианта зайсановской культурной традиции – Ретиховка-Геологическая [21]. Материалы других памятников не столь однозначны, как представляется из-за недостаточного количества полученных данных. Так, единичное семя, напоминающее просо итальянское, обнаружено в пробе с поселения Мустанг-1, в единственной пробе из заполнения котлована жилища поселения Шекляево-7 зафиксировано одно семя проса обыкновенного. Эти две находки сами по себе не могут исключать вероятность присутствия на этих памятниках остатков другого вида проса.

Кроме прямых свидетельств существования земледелия на памятниках зайсановской культурной традиции, в качестве основного косвенного маркера присутствия земледелия теперь может рассматриваться и керамический материал, т.к. керамика, преимущественно его орнаментация, имеет черты, характерные для разных культурно-хронологических вариантов зайсановской культурной традиции, для которых уже получены убедительные свидетельства существования земледелия. Наиболее ранний этап появления земледелия в Приморье ассоциируется с керамикой, в орнамен-

тике которой присутствуют элементы в виде веревочных оттисков [4, 6]. Керамика приханкайской группы памятников и керамический комплекс однослойного памятника Боголюбовка-1 с ее четкой выраженным единообразием и элементами новаций могут служить показателем присутствия земледелия для исследуемого времени.

Заключение

Археологические материалы памятника Боголюбовка-1 обладают высоким потенциалом для изучения материальной культуры, хозяйства и экономики, а также некоторых сторон социальной жизни населения позднего неолита Приморья. Они демонстрируют одну из важных форм адаптации населения того времени – земледельческую. Это явление прогрессивно для своего времени, и его следствием, по-видимому, стало возникновение посуды хорошего качества с оригинальным меандровым декором. Данные керамические изделия имели неутилитарное назначение и могли быть весьма ценными предметами, принадлежавшими лидерам местного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Сергушева Е.А. Маргаритовская археологическая культура в Приморье: итоги и перспективы изучения // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. Вып. 8. (в печати).
2. Бродянский Д.Л., Крутых Е.Б., Морева О.Л. Неолитическая керамика поселений Синий Гай А и Б // Дальневосточные древности: Каменный век, палеометалл, средневековье. Посвящается 70-летию профессора Д.Л. Бродянского. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 103–118.
3. Валентин-Перешеек – поселок древних рудокопов / отв. ред. Н.Н. Диков. М.: Наука, 1987.
4. Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.
5. Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблема археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 373–378.
6. Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический ком-

- плекс неолитического поселения Кроуновка – 1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 86–93.
7. Гарковик А.В. Боголюбовка-1 – некоторые результаты исследования (по материалам раскопок 2006–2007 гг.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 253–260.
8. Гарковик А.В. Боголюбовка-1 – памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика А.П. Окладника. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 131–139.
9. Гарковик А.В., Ключев Н.А., Никитин Ю.Г., Слепцов И.Ю. Новые данные об освоении Приморья в период позднего неолита (по материалам поселения Алексей-Никольское-1) // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): материалы междунар. науч. конф. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. С. 92–98.
10. Гарковик А.В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1 (в Приморье) // Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 8–10.
11. Гарковик А.В. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 г. // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: ДВО РАН, 1993. С. 3–6, 82–83.
12. Ключев Н.А., Хон Хён У, Гарковик А.В., Ким Дон Хун, Ким Джэ Юн, Слепцов И.Ю., Мезенцев А.Л., Пискарева Я.Е., Никитин Ю.Г. Археологические раскопки и разведки в Приморье в 2007 году. Дэдзон, 2008.
13. Ключев Н.А., Сергушева Е.А., Верховская Н.Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4. С. 102–126.
14. Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 90–102.
15. Крутых Е.Б., Коломиец С.А., Морев О.Л., Дорофеева Н.А. Комплекс финального неолита поселения Реттиховка-Геологическая (по результатам исследования в 2004 г.) // Столетие великого АПЭ. К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 115–138.
16. Крутых Е.Б., Морев О.Л., Попов А.Н. Керамические комплексы позднего неолита памятника Лузанова Сопка-2 // Столетие великого АПЭ. К Юбилею академика Алексея Павловича Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 139–156.
17. Окладников А.П. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке // Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток: Б.и., 1960. С. 6–7.
18. Окладников А.П. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока // Тез. докл. и сообщ. III науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре: Б.и., 1962. С. 3–11.
19. Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Параллель, 2008. Вып. 6. С. 180–195.
20. Сергушева Е.А. Раннее земледелие в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 116–120.
21. Сергушева Е.А. Семена и плоды с позднего неолитического поселения Реттиховка-Геологическая (предварительные результаты) // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia 2. Kumamoto: University of Kumamoto, 2006. P. 1–11.
22. Шаповалов Е.Ю., Дорофеева Н.А., Сергушева Е.А., Иванов В.В., Кононов В.В. Опыт применения методики исследования остатков крахмала (по материалам памятника Новоселище-4, Приморский край) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения. Владивосток: ООО «Рея», 2011. С. 228–245.
23. Яншина О.В., Ключев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.
24. Яншина О.В. Финальный неолит – бронзовый век Приморья. Систематизация археологических памятников: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 25 с.
25. Komoto, M. and Obata, H. eds., 2004. Krounovka-1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003. Study of environmental change of early Holocene and the prehistoric subsistence system in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004.
26. Джун Ён Хак Сравнительное исследование сельскохозяйственных орудий Кореи и Китая. Сеул: Мин Сок Вон, 2003.

REFERENCES

1. Batarshchev, S.V., Dorofeeva, N.A., Krutyh, E.B., Moreva, O.L., Sergusheva, E.A., 2013. Margaritovskaya kultura v Prymorie: itogy i perspektivy isucheniya [Margaritovskaya archaeological culture in Primorye: results and prospects of research]. In: Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii, no. 8, Blagoveshchensk: Izdatelstvo AmGu. (in print) (in Russ.)
2. Brodyanskiy, D.L., Krutyh, E.B., Moreva, O.L., 2006. Neoliticheskaya keramika poseleniya Siniy Gay A i B [Neolithic ceramics of Siniy Gay A and B sites]. In: Dalnevostochnye drevnosti: kamenniy vek, paleometall, srednevekovye. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta, pp. 103–118. (in Russ.)
3. Dikov, N.N. ed., 1987. Valentin-peresheek – poselok drevnih rudokopov [Valentin-peresheek – settlement of ancient diggers]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Vostretsov, Y.E., 2005. Vzaimozdeistvie morskikh i zemledel'cheskikh adaptatsiy v bassejne yaponskogo morya [Interaction of maritime and agricultural adaptations in the basin of the Japanese Sea]. In: Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekovye: otkrytiya, problemy, gipotesy. Vladivostok: Dal'nauka, pp.159–186. (in Russ.)
5. Vostretsov, Y.E., Sergusheva, E.A., Komoto, M., Miyamoto, K., Obata, X., 2003. Noviy danniy o rannem zemledelii v Prymorie: neoliticheskii kompleks poseleniya Krounovka-1 [New data on early agriculture in Primorye: neolithic complex of Krounovka-1 site]. In: Problemy arheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Iz veka v vek". Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN, pp. 373–378. (in Russ.)
6. Vostretsov, Y.E., Gelman, E.I., Komoto, M., Miyamoto, K., Obata, X., 2003. Noviy keramicheskii kompleks neoliticheskogo poseleniya Krounovka-1 v Primorye [New ceramic complex of Krounovka-1 Neolithic site in Primorye] // Problemy arheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Iz veka v vek", Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN, pp.86–93. (in Russ.)
7. Garkovik, A.V., 2011. Bogolyubovka-1 – nekotoriye resul'taty issledovaniya (po materialam 2006-2007 godov) [Bogolyubovka-1: some results of study dated 2006-2007]. In: Aktual'niye problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ussuriysk, pp.253–260. (in Russ.)
8. Garkovik, A.V., 2008. Bogolyubovka – pamyatnik pozdnego neolita [Bogolyubovka-1 – late neolithic site in Primorye]. In: Okno v nevedomiy mir: Sbornik statey k stoletiyu so dnya rozhdeniya akademika A.P. Okladnikova, Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN, pp. 131–138. (in Russ.)
9. Garkovik, A.V., Klyuev, N.A., Nikitin, Y.G., Sleptsov, I.Y., 2004. Novye dannye ob osvoenii Primorya v period pozdnego neolita (po materilam poselenia Aleksey-Nikolskoye-1) [New data on the development of Primorye in Late Neolithic age (basing on Alesey-Nikolskoye-1 site data)]. In: Migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke (s drevneyshih vremen do nachala dvadtsatogo veka): Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Blagoveshchensk: Izdatelstvo AmGU, pp. 92–98. (in Russ.)
10. Garkovik, A.V., 1989. Noviy neoliticheskii pamyatnik Bogolyubovka-1 (v Prymorie) [Bogolyubovka-1 – new Neolithic site in Primorye]. In: Drevniye kul'tury Dal'nego Vostoka SSSR (Arheologicheskii poisk). Vladivostok: DVO AN SSSR, pp.8–10. (in Russ.)
11. Garkovik, A.V., 1993. Rezul'taty rabot na poselenii Mustang v 1987 godu [Results of excavation of Mustang-1 site in 1987]. In: Arheologicheskiye issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii. Vladivostok: DVO RAN, pp. 3-6, 82–83. (in Russ.)
12. Klyuev, N.A., Hon Hen U, Garkovik, A.V., Kim Don Hun, Kim Je Yun, Sleptsov, I.Y., Mezentssev, A.L., Piskareva, Y.E., 2008. Arheologicheskiye raskopki i razvedki v Primorye v 2007 godu [Archaeological investigations in Primorye in 2007]. Dejon. (in Russ.)
13. Klyuev, N.A., Sergusheva, E.A., Verhovskaya, N.B., 2002. Zemledeliye v final'nom neolite Prymorya (po materialam poseleniya Novoselishche-4) [Agriculture in final Neolithic age of Primorye (basing on Novoselishche-4 site data)]. In: Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii, no. 4, Blagoveshchensk: Izdatelstvo AmGU, pp. 102–126. (in Russ.)
14. Kolomiets, S.A., Batarshchev, S.V., Krutyh, E.B., 2002. Poseleniye Rettihovka-Geologicheskaya (Hronologiya, kulturnaya prinadlezhnost') [Rettihovka Geological site: chronology, cultural identity]. In: Arheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: DVO RAN, pp. 90–102.
15. Krutyh, E.B., Kolomiets, S.A., Moreva, O.L., Dorofeeva, N.A., 2008. Kompleks final'nogo neolita poseleniya Rettihovka-Geologicheskaya (po resul'tatam issledovaniy v 2004 godu) [Final Neolithic

complex of Rettihovka Geological site (results of 2004 investigation)]. In: Stoletie velikogo APE. K yubileyu akademika A.P. Okladnikova. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta, pp. 115–138. (in Russ.)

16. Krutyh, E.B., Moreva, O.L., Popov, A.N., 2008. Keramicheskiye komplekсы pozdnego neolita pamyatnika Luzanova Sopka-2 [Late Neolithic ceramic complexes of Luzanova Sopka-2 site]. In: Stoletie velikogo APE. K yubileyu akademika A.P. Okladnikova, Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta, pp. 139–156. (in Russ.)

17. Okladnikov, A.P., 1960. Vozniknovenie zemledeliya na Dal'nem Vostoke [The origins of agriculture in the Russian Far East]. In: Tezisy dokladov i soobshcheniy vtoroy nauchnoy konferentsii po istorii, archeologii i etnografii Dal'nego Vostoka. Vladivostok, pp. 6–7. (in Russ.)

18. Okladnikov, A.P., 1962. Osnovnye problemy drevnei istorii Dal'nego Vostoka [Key problems of prehistory of Far East]. In: Tezisy dokladov i soobshcheniy tret'ey nauchnoy konferentsii po istorii, archeologii i etnografii Dal'nego Vostoka. Komsomol'sk-na-Amure, pp. 3–11. (in Russ.)

19. Sergusheva, E.A., 2008. K voprosu o poyavlenii zemledeliya na territorii Primorya v pozdnem neolite: arheobotanicheskiye issledovaniya [On the origins of agriculture in Primorye in Late Neolithic age: archaeobotanical studies]. In: OPUS: mezhdistsiplinarniye issledovaniya v archeologii, no. 6, Moskva: Parallel', pp.180-195. (in Russ.)

20. Sergusheva, E.A., 2007. Rannee zemledelie v Primorye [Early agriculture in Primorye], Vestnik DVO RAN, no. 3, pp. 116–120. (in Russ.)

21. Sergusheva, E.A., 2006. Semena i plody s pozdneneoliticheskogo poseleniya Rettihovka-Geologicheskaya (predvaritel'nye rezul'taty) [Preliminary report on the finds of seeds and fruits

at Late Neolithic Rettihovka-Geological site]. In: Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia 2. Kumamoto: University of Kumamoto, pp. 1–11. (in Russ., in Eng.)

22. Shapovalov, E.Y., Dorofeeva, N.A., Sergusheva, E.A., Ivanov, V.V., Kononov, V.V., 2011. Oпит primeneniya metodiki issledovaniya krahmala (po materialam pamyatnika Novoselishche-4, Primorskiy kray) [Case study of technique of starch remains research (basing on finds from Novoselishche-4 site, Primorye)]. In: Dal'niy Vostok Rossii v drevnosti i srednevekov'e: problemy, poiski, resheniya. Vladivostok: OOO "Reya", pp. 228–245. (in Russ.)

23. Yanshina, O.V., Klyuev, N.A., 2005. Pozdnyy neolit i ranniy paleometall Primorya: kriterii vydeleniya i harakteristika arheologicheskikh kompleksov [Late Neolithic and Early Palaeometal in Primorye: criteria of classification and characteristics of archaeological complexes]. In: Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekovye: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 187–233. (in Russ.)

24. Yanshina, O.V., 2001. Final'niy neolit – bronzoviy vek Primorya. Sistematizatsiya arheologicheskikh pamyatnikov [Final Neolithic – Bronze Age in Primorye. Classification of archaeological sites], Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

25. Komoto, M. and Obata, H. eds., 2004. Krounovka-1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003. Study of environmental change of early Holocene and the prehistoric subsistence system in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004.

26. Jun En Hak, 2003. Comparing research of agricultural tools of Korea and China. Soul: MinSok Von. (in Korean)

УДК 903.25/903.01

А.Ю. Федорченко*

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАМЕННЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ VII КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ УШКИ-I (ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАМЧАТКА): НОВЫЕ ДАННЫЕ

Ушковский комплекс стоянок является одним из самых известных геоархеологических объектов Северо-Восточной Азии. В статье изложены результаты трасологического анализа каменных бусин и подвесок из палеолитического погребения VII культурного слоя стоянок Ушки-I (п-ов Камчатка). Данные украшения являются одним из древнейших и массовых свидетельств символического поведения в регионе. В результате анализа трасологических и экспериментальных данных выявлен ряд функциональных типов древних украшений, реконструированы основные этапы их изготовления.

Ключевые слова: Ушковские стоянки, Камчатка, верхний палеолит, VII слой, каменные украшения, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ.

Trasological research of personal stone ornaments from Paleolithic burial of VIIth cultural layer of Ushki-I site (Central Kamchatka): new data. ALEXANDER Yu. FEDORCHENKO (North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences).

Ushki sites complex (Central Kamchatka) is one of the most famous geoarchaeological objects in Northeast Asia. The article presents the results of trasological analysis of stone beads and pendants from Paleolithic burial of VIIth cultural layer of Ushki-I site. The ornaments are among the most ancient and widespread evidence of symbolic behavior in the region. Through the use of modern microscopic and photographic equipment the author found various categories of use-wear traces and traces of manufacture on them. Analysis of trasological and experimental data allowed to identify a number of functional types of ancient personal ornaments and reconstruct the main stages of manufacturing. The first type of personal ornaments includes beads and one pendant that were used as components of necklaces, bracelets or amulets. Single beads for hanging on a string or strap represent the second type. The third type of personal ornaments (plaque to be sewed on clothes) includes a pendant with five holes. The technology of producing the ornaments consisted of such operations as primary abrasive finishing, drilling and polishing.

Keywords: Ushki sites, Kamchatka, the Upper Paleolithic, stone ornaments, trasological analysis, technological analysis.

В 2014 г. исполняется пятьдесят лет с момента открытия на северо-востоке России первого погребения палеолитического человека. Следы захоронения были обнаружены и изучены Н.Н. Диковым

в VII культурном горизонте многослойной стоянки Ушки-I (центральная часть п-ова Камчатка). В настоящий момент здесь исследована весьма солидная для памятников палеолита площадь (свы-

* ФЕДОРЧЕНКО Александр Юревич, младший научный сотрудник сектора археологии и истории лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН.

E-mail: winteralex2008@gmail.com

© Федорченко А.Ю., 2014

ше 2100 кв. м только на одной стоянке Ушки-1), выявлены следы более десятка древних жилищ и иных конструкций. Каменный инвентарь данного слоя состоит из серии бифасиальных наконечников стрел с черешком и/или выемками у основания, ножей листовидной формы с двусторонней обработкой, концевых и округлых скребков, скребел с обработкой по периметру, единичных нуклеусов подпризматической формы, изделий с резцовым сколом, сверл и резчиков, шлифовальных плиток-абразивов. Основными видами сырья при изготовлении орудий выступали разнообразные кремнистые породы, халцедоны и обсидианы [18]. На основании 13 радиоуглеродных датировок возраст рассматриваемой индустрии определяется сегодня в пределах 11.300–11.000 л.н. [20, 14, 10].

Изучаемое одиночное захоронение было совершено в округлой яме диаметром 1,8 м и глубиной 0,7 м. Из-за воздействия факторов окружающей среды костные останки сохранились сравнительно плохо, в основном в виде отдельных следов. Полностью разрушенными временем оказались остатки одежды покойного, равно как и иные изделия органического происхождения, которые могли входить в погребальный инвентарь. Среди уцелевших артефактов представлены каменные украшения (881 экз. миниатюрных бусин, 3 подвески и 1 бляшка) и серия из 26 халцедоновых «резцевидных острий». Останки тела покойного, сохранившийся инвентарь и окружающая могильник площадка (ок. 50 кв. м) были усыпаны слоем красной охры [5] (Рис. 1).

С исследованием каменных украшений VII слоя связан один из ранних эпизодов истории экспе-

риментально-трасологических изысканий археологических материалов Северо-Востока Азии, начало которым было положено еще в 1950-х гг. [16, с. 134–146]. Практически сразу после обнаружения каменные артефакты из данного погребения были переданы на анализ в сектор палеолита ЛОИА АН СССР С.А. Семенову. В ходе трасологического изучения украшений на каждом из них были обнаружены следы шлифовки, привязки возле отверстий и износа на одной из плоскостей [5, с. 27]. Результаты исследования позволили сделать вывод об относительно высоком уровне развития техники обработки камня у древнейших обитателей Ушковского озера, наметить перспективу этнической интерпретации носителей ранней ушковской культуры [3, с. 112].

Анализируя данную коллекцию сегодня, мы невольно сравнивали итоги наших научных изысканий с выводами С.А. Семенова, сделанными почти пятьдесят лет назад. Безусловно, за прошедшие полвека методы, приемы и задачи трасологических исследований претерпели значительные изменения. В 1960-х гг. изучение следов износа и обработки велось Семеновым при малом и среднем увеличении с использованием бинокулярного микроскопа. Конструктивные особенности данного инструмента не позволяли анализировать такой диагностичный тип следов, как микрозаполировки, что создавало определенные трудности при создании макро- и микрофотографий поверхностей древних артефактов. Можно отметить некоторые противоречивые моменты и в результатах самого исследования. В своей первой публикации, посвященной погребению VII слоя, Н.Н. Диков

указывает на то, что на каждой из бусин С.А. Семенову «...удалось обнаружить следы износа только с одной ее плоской стороны. Кроме того, на всех бусинах возле их отверстий ясно видны следы стертости от привязки. Подобный характер изнашивания свидетельствует о том, что бусины пришивались к одежде плашмя» [5, с. 27]. Вместе с тем данная трактовка диссонирует со сведениями о планиграфии украшений, приводимыми самим исследователем. Согласно данным из отчета, «часть бусин ...сохранила положение, ясно указывающее, что они были нанизаны короткими прядками, остальные лежали плашмя отдельно друг от друга» (Архив СВКНИИ ДВО РАН. Инв. № 640. Диков Н.Н. Отчет об археологических исследованиях в 1964 году. Магадан, 1965. С. 11). Существуют некоторые противоречия, связанные с определением назначения «резцевидных острий» из погребения (инструменты для сверления / резания / шлифовки) [5, с. 28; 12, с. 61; 7, с. 16].

В 2013–2014 гг. нами был проведен трасологический анализ выборки каменных украшений из материалов обсуждаемого могильника, куда вошли 146 экз. шлифованных бусин, 1 подвеска и 1 бляшка. Указанные материалы представлены в основной археологической экспозиции Музея естественной истории СВКНИИ ДВО РАН. Кроме того, использовались данные из полевых отчетов Н.Н. Дикова, М.А. Кирьяк (Диковой) и И.Ю. Понкратовой, личные наблюдения автора, сделанные в ходе непосредственного участия в раскопках стоянки Ушки-V в 2005–2009 гг. и работы с ее археологической коллекцией [18].

При первичном осмотре каменных изделий с целью выявления и предварительного анализа признаков износа и обработки использовался стереомикроскоп МБС-2 (с увеличением от 7 до 100х). Для детального анализа и фиксации следов при среднем (100–200х) и сильном увеличении (500х) применялся специальный трасологический микроскоп Olympus ВНМ с линзами DIC, для получения макроснимков поверхностей артефактов – фотокомплекс Canon, состоящий из зеркальной фотокамеры Canon EOS 450D и объектива Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM. Обработка трасологических фотографий осуществлялась в программе Helicon Focus, позволяющей создавать высококачественные цифровые снимки следов с фокусировкой по всей площади кадра [17, с. 64–68]. В ходе исследования была проведена серия экспериментов по моделированию технологии изготовления каменных украшений с использованием талькохлорита из Шабровского месторождения Свердловской области, выступающего по своему

облику и физическим характеристикам аналогом сырья для каменных украшений из палеолитических комплексов Ушковских стоянок.

Свыше 90% изученных нами каменных бусин имеют размеры 3–6 x 1 мм, округлую в плане форму, плоский профиль и одно сверленное отверстие, расположенное в геометрическом центре или у края изделия (Рис. 1). Плоская шлифованная подвеска из зеленоватого пирофиллита с формой вытянутого неправильного шестиугольника (26 x 14 x 1,6 мм) обладает одним отверстием для крепления (d = 1,6 мм) в верхней части изделия (Рис. 5: 2). Шлифованная подвеска-бляшка из зеленоватого пирофиллита подпрямоугольной формы (28 x 16 x 2 мм) имеет односторонне выпуклый рельеф и асимметричный, плавно сужающийся от центра к краям, профиль. В верхней и нижней частях изделия расположены по два сверленных отверстия (диаметр трех из них составляет 1,5 мм, четвертого – 2 мм) (Рис. 5: 1). В результате трасологического исследования было выявлено несколько категорий следов, отражающих основные этапы существования изучаемых украшений: следы производства, следы износа, следы-остатки от использования охристого минерального красителя.

Следы изготовления подразделяются нами на несколько типов: формообразующие следы первичной абразивной обработки, признаки сверления и отделочной полировки. Начальная стадия изготовления бусин и подвесок из ушковского погребения включала обработку преформ украшений шлифовкой мелкозернистым абразивом. Прием шлифовки использовался для удаления неровностей рельефа и получения заготовки заданной формы. В большинстве случаев признаки первичной абразивной обработки перекрыты на изученных нами изделиях более поздними следами сверления, полировки и износа. При увеличении 100х следы шлифовки имеют вид регулярных, параллельных, узких борозд-линий (Рис. 3). На использование данного приема указывает и своеобразная «ступенчатость» боковых граней большинства бусин VII слоя (см. Рис. 2). В качестве абразивных инструментов использовались плитки из песчаника и туфа. Изучение украшений под микроскопом позволило зафиксировать внутри их отверстий наличие концентрических борозд, возникших в результате выкрашивания материала заготовки при сверлении. Большинство изученных бусин имело форму отверстий, близкую к цилиндрической или односторонне конической. Для их получения необходимо равномерное, круговое, однонаправленное действие каменного сверла с достаточно узким лезвием. При создании отвер-

Рис. 1. Палеолитическое погребение VII слоя стоянки Ушки-1: Слева: вид на погребение (фото из экспозиции Археолого-этнографического зала Музея естественной истории СВКНИИ ДВО РАН); Справа: погребальный инвентарь (фото из археологической экспозиции Камчатского краевого объединенного музея)

Рис. 2. Следы шлифовки на каменных бусинах (стоянка Ушки-I, VII культурный слой, погребение). Диаметр бусин равен 5 мм. (фото автора)

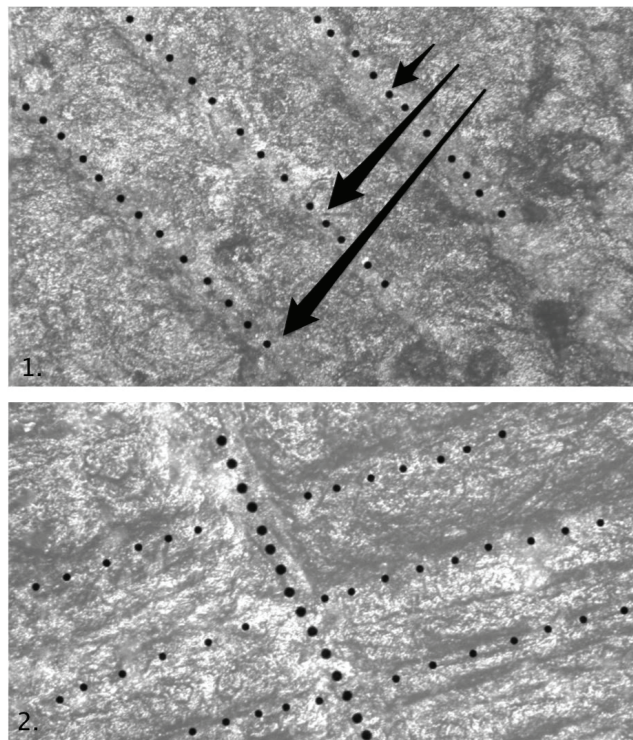

Рис. 3. Следы шлифовки на каменных подвесках: 1. Подвеска из погребения VII слоя стоянки Ушки-I; 2. Экспериментальный эталон. Линейные следы от абразива показаны стрелками и точками. Встроенное, проходящее через объектив, освещение, 100х, обработка в программе Helicon Focus. (фото автора)

ствий в подвесках и бляшках применялось и бико-ническое сверление. На завершающей стадии обработки осуществлялась полировка поверхностей изучаемых украшений (вероятно, мягкой кожей) с целью окончательного равномерного разглаживания рельефа и придания блеска.

Следы износа группируются в несколько категорий: следы от контакта с ниткой или ремешком, от взаимодействия с одеждой, следы «прижизненных» деформаций. На основании сходства следов износа нами было выявлено несколько функциональных типов украшений.

К первому типу отнесены бусины-пронизки, применявшиеся в качестве составных частей ожерелий, амулетов или браслетов (?) (101 экз.). Для данного типа украшений характерны в целом симметричная округлая форма и отсутствие следов стертости от привязывания (Рис. 4: 1). На выступающих частях микрорельефа обеих сторон бусин отмечены зоны локальной заглаженности и заполировки, вероятно, появившиеся в результате периодического трения изделий друг о друга. В качестве элемента ожерелья выступала и одна из изученных подвесок (Рис. 5: 2).

Второй тип представлен бусинами для одиночного подвешивания на нитке или ремешке (45 экз.). 35% бусин данного типа (16 экз.) свойственна выраженная асимметричность формы: нижняя половина изделия часто более массивная, чем верхняя; отверстие обычно смещено к верхнему краю (рис. 4, 2). Сходство формы и выявленных следов износа позволяет предполагать, что подобные бусины изготавливались с изначально заданным функциональным назначением. Остальные 29 экз. морфологически не отличаются от округлых бусин первого типа, но имеют принципиально иные следы износа, что позволяет предполагать вторичное использование данных украшений в новой функции. Следы от контакта поверхности украшения с ниткой у всех 45 бусин второго типа имеют вид односторонней (реже двухсторонней) зоны стертости, протянувшейся от отверстия к верхнему краю изделия и заходящей на смежную с ним боковую грань. На участке во внутренней стороне отверстия, в непосредственной близости от которой тянется зона стертости, обычно отсутствуют следы концентрических борозд от сверления.

К третьему типу украшений (бляшки для пришивания к одежде) отнесена подвеска с четырьмя отверстиями (рис. 5: 1). Для поверхностей данного изделия характерны следы яркой, «жирной» заполировки, проникающей вглубь неровностей микрорельефа, и следы от микро-

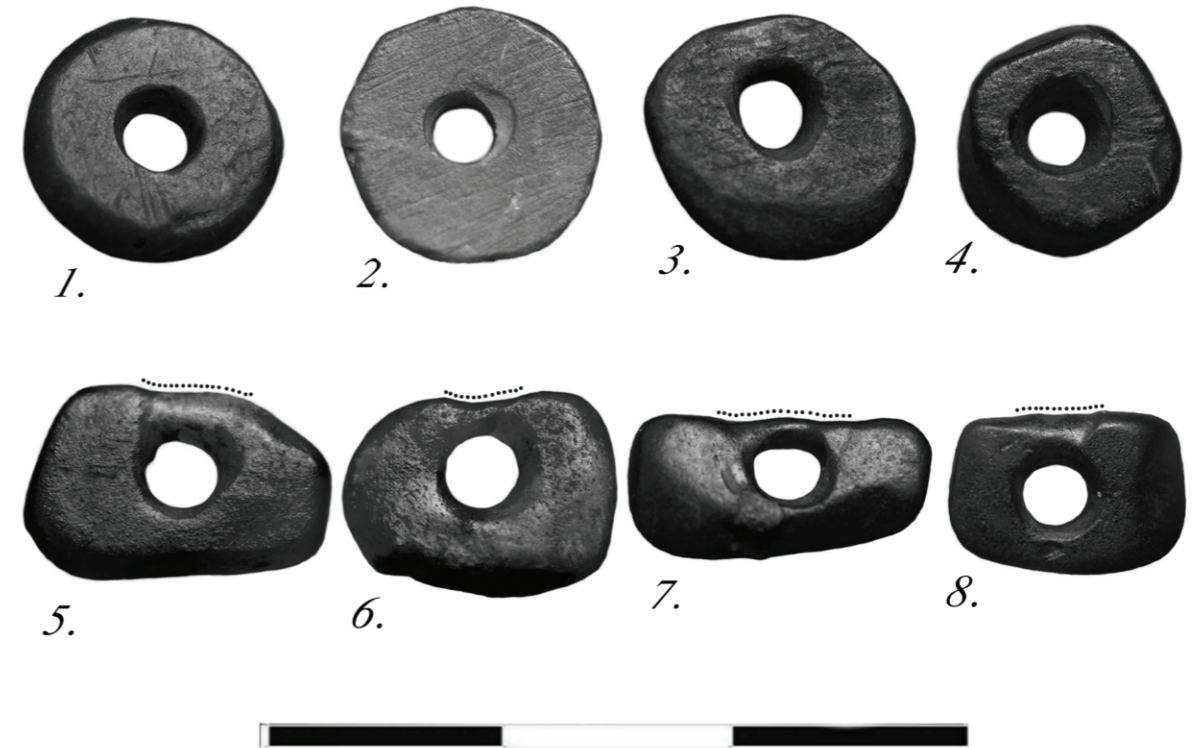

Рис. 4. Каменные шлифованные бусины из погребения в VII культурном слое стоянки Ушки-I (Центральная Камчатка) (фото автора): 1-4. Бусины – элементы ожерелий и амулетов; 5-8. Бусины для одиночного подвешивания

Рис. 5. Каменные украшения из погребения в VII культурном слое стоянки Ушки-I (Центральная Камчатка): 1. Бляшка с четырьмя отверстиями; 2. Подвеска. (фото автора)

повреждений (в виде одиночных, разнонаправленных, неглубоких рисок).

На подавляющем большинстве бусин и подвесок выявлены следы-остатки красящего вещества в виде частиц измельченной охросодержащей породы, вероятно, смешанной в древности с органическим веществом (например, животным жиром). По данным Дикова, подобной специально приготовленной краской были покрыты тело и одежда

погребенного. На микроуровне остатки краски фиксируются в неровностях микрорельефа украшений, следах сверления и шлифовки, микротрещинах и иных следах от «прижизненного» износа. По всей видимости, вследствие регулярного воздействия грунтовых вод в течение многих тысячелетий частицам охры удалось проникнуть даже на те участки каменных украшений, которые были изначально свободны от краски.

Для всех изученных нами каменных украшений характерны достаточно сложные микростратиграфия и микропланиграфия следов. Одной из основных причин повышенной восприимчивости поверхностей данных артефактов к образованию различного рода следов являлись физические свойства их материала, для которого свойственны невысокая твердость, плотное и мелкозернистое сложение. Широкое использование абразивных приемов обработки приводило к деформации первичных формообразующих следов. В свою очередь уже во время функционирования ушковских бусин и подвесок следы шлифовки, сверления и полировки активно замещались следами износа и случайных повреждений, весьма специфичных по своей морфологии. Указанные особенности создают определенные качественные трудности при идентификации природы происхождения тех или иных видов выявляемых следов, но вместе с тем и детерминируют актуальность новых экспериментально-трассологических изысканий.

В ходе исследования нам удалось реконструировать и конкретизировать основные этапы процесса производства каменных украшений из Ушковского погребения, состоящего из ряда последовательных трудовых операций: первичной абразивной отделки, сверления и полировки. Наш опыт экспериментального моделирования процесса изготовления каменных украшений свидетельствует о том, что физические свойства большинства пород мягкого камня позволяли древнему мастеру не прикладывать особых усилий при шлифовке, полировке, резании и сверлении подобных материалов, предоставляя ему широкую свободу творческого самовыражения.

Сравнительный анализ бусин и подвесок из погребения VII слоя стоянки Ушки-I с изделиями подобного типа из иных палеолитических комплексов Северо-Восточной Азии позволяет отметить некоторый консерватизм в выборе сырья, формы, способов отделки и структуры композиции, характерных для большинства каменных украшений региона данной эпохи. Эталонная серия каменных украшений представлена в VII культурном слое стоянок Ушки-I и V (п-ов Камчатка). Исследования 1964–2008 гг. позволили выявить здесь свыше 1000 экз. каменных шлифованных бусин и около 50 экз. морфологически разнообразных подвесок, зафиксированных в различных планиграфических ситуациях. Подавляющее большинство подобных изделий приурочено на Ушковских стоянках к структурно выраженным объектам: поселенческим (жилищным площадкам и очагам), производственным (мастерским) и сакральным

(погребению). Исключительно ценную информацию о традициях использования каменных украшений несут материалы одиночного захоронения (Ушки-I), а также отдельные уникальные находки, обнаруженные в 2004–2007 гг. на стоянке Ушки-V: скопление (клад?) из 25 округлых односторонне выпуклых пиррофиллитовых подвесок и «нитка» из 14 бусин и 1 подвески, обнаруженные in situ в жилищной площадке VII слоя [10, 11].

Помимо материалов ранней ушковской культуры, небольшие серии каменных украшений финальнопалеолитического возраста известны со стоянок Берелех (среднее течение р. Берелех, 11,4 тыс. л.н.) [8, с. 96, 99], Хета (Верхняя Колыма) [13, с. 43] и из VI слоя стоянок Ушки-I, IV и V (Центральная Камчатка, 10,8–10 тыс. л.н.) [4, с. 66; 6]. Ряд каменных и костяных подвесок более древнего возраста был выявлен в ходе комплексных исследований Янской стоянки (устье р. Яна, 28 тыс. л.н.) [8, с. 110], отдельные экземпляры шлифованных бусин и подвесок – на стоянке Большая Хая IV (20–16 тыс. л.н.) [15; 2].

Наличие каменных украшений в контексте обсуждаемых археологических памятников является очевидным следствием существования у древнейших обитателей региона вполне сформировавшегося символического поведения. Под знаковой, или символической, деятельностью (поведением) нами понимается процесс создания и использования в повседневной практике первобытных людей системы различных знаков и символов [1, с. 250]. В жизни сообществ палеолитической эпохи знаковое поведение играло роль своеобразного «механизма» информационного обеспечения взаимодействия как между материальной и духовной сферами культуры, так и внутри входящих в них структур и элементов [19, с. 11]. Серийность и ярко выраженная неутилитарность известных в археологии региона украшений из камня априори подразумевают наличие устойчивых традиций их употребления, состоящих из сложных социальных, культурных и познавательных функций, без которых этот вид украшений просто не мог существовать. Исходя из интенсивности следов «прижизненного» износа и стертости от привязки, можно предположить, что одежда погребенного использовалась прежде достаточно часто, вероятно, в качестве повседневной.

Опыт, накопленный в ходе проведенного исследования, имеет исключительную ценность в контексте развития в региональной археологии экспериментально-трассологического направления научных изысканий. Представленная модель ис-

следования может быть применена при изучении каменных украшений и иных материальных свидетельств символического поведения, фиксируемых в материалах археологических памятников Охотского побережья, Колымы, Чукотки, Севера Якутии времен неолита и более поздних эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А. и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
2. Воробей И.Е. Несколько замечаний о схеме организации плейстоценовых археологических материалов Севера Дальнего Востока // Чтения памяти акад. К.В. Симакова. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2009. С. 273–274.
3. Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан: Кн изд-во, 1969.
4. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979.
5. Диков Н.Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. С. 16–30.
6. Дикова М.А. Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 315–320.
7. Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ, 1993.
8. Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК. 2011. № 6. С. 85–103.
9. Питулько В.В. Загадки Берелеха // Записки ИИМК. 2008. № 3. С. 98–117.
10. Понкратова И.Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. 2007. Вып. 2. С. 13–20.
11. Понкратова И.Ю., Федорченко А.Ю. Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: материалы XLVIII РАЭСК (Барнаул, 21–24 апреля 2008 г.). Барнаул: Азбука, 2008. С. 77–78.
12. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
13. Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене–раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999.

14. Слободин С.Б. Новые данные о возрасте VII палеолитического слоя стоянки Ушки I // VI Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 66–71.

15. Слободин С. Б. Хая-IV – новый памятник палеолита на Северо-Востоке Азии // Северная палеолитика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: материалы междунар. науч. конф. «По следам древних костров...» Магадан: Изд-во СМУ, 2005. С. 112–117.

16. Федорченко А.Ю. История экспериментально-трассологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии: основные этапы и достижения // Краеведческие записки Камчатского краевого объединенного музея. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Новая книга», 2011. Вып. 13. С. 134–146.

17. Федорченко А.Ю. Современные способы фотофиксации в трассологических исследованиях археологических материалов Северо-Восточной Азии // Научная молодежь – Северо-Востоку России: материалы IV межрег. конф. молодых ученых. Магадан: ООО «Новая полиграфия», 2012. Вып. 4. С. 64–68.

18. Федорченко А.Ю., Понкратова И.Ю. Каменный инвентарь VII слоя палеолитических ушковских стоянок // Вестн. Северо-Восточного государственного университета (специальный выпуск). 2010. № 12. С. 159–161.

19. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004.

20. Goebel, T., Waters, M.R. and Dikova M., 2003. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene peopling of the Americas. Science, Vol. 301, pp. 501–506.

REFERENCES

1. Vasil'yev, S.A., Bozinski, G., Bredli, B.A. et al., 2007. Chetyrekhyazychnyy (russko-anglo-frankonemetskiy) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita [Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian/English/French/German]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (in Russ.)
2. Vorobey, I.Ye., 2009. Neskol'ko zamechaniy o skheme organizatsii pleystotsenovykh arkheologicheskikh materialov Severa Dal'nego Vostoka [Some remarks on the organization chart of the Pleistocene archaeological materials of the Northern Far East]. In: Chteniya pamyati akad. K.V. Simakova. Magadan: SVNTS DVO RAN, pp. 273–274. (in Russ.)
3. Dikov, N.N., 1969. Drevniye kostry Kamchatki i Chukotki [Ancient fires of Kamchatka and Chukotka]. Magadan: Magadanskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russ.)

4. Dikov, N.N., 1979. Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii [Ancient cultures of Northeast Asia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
5. Dikov, N.N., 1967. Otkrytiye paleolita na Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [The discovery of Paleolithic sites in Kamchatka and the problem of initial peopling of America]. In: Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka. Moskva: Nauka. (in Russ.)
6. Dikova, M.A., 2000. Pozdnepleystotsenovyye komplekсы stoyanki Ushki-V [Late Pleistocene complexes of Ushki-V site]. In: II Dikovskiyе chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Dal'stroya. Magadan: SVKNII DVO RAN, pp. 315–320. (in Russ.)
7. Dikov, N.N., 1993. Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in the context of the problem of initial peopling of America]. Magadan: SVKNII. (in Russ.)
8. Pitul'ko, V.V., 2011. Arkheologicheskaya sostavlyayushchaya Berelokhskogo kompleksa [Archaeological component of the Berelekh complex], Zapiski IIMK, no. 6, pp. 85–103. (in Russ.)
9. Pitul'ko V.V., 2008. Zagadki Berelekha [Berelekh enigmas], Zapiski IIMK, no. 3, pp. 98–117. (in Russ.)
10. Ponkratova I.Yu., 2007. Stoyanka Ushki-5 (Kamchatka): issledovaniya poslednikh let, problemy i perspektivy [Ushki 5 site (Kamchatka): studies in recent years, problems and prospects] // Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh, no. 2, pp. 13–20. (in Russ.)
11. Ponkratova, I.Yu. and Fedorchenko, A.Yu., 2008. Busy i podveski stoyanki Ushki-5 (p-ov Kamchatka) [Beads and pendants of Ushki-5 site (Kamchatka Peninsula)]. In: Etnokul'turnaya istoriya Evrazii: sovremeniye issledovaniya i opyt rekonstruktsiy. Materialy XLVIII RAESK. Barnaul: Azbuka, pp. 77–78. (in Russ.)
12. Semenov, S.A., 1968. Razvitiye tekhniki v kamennom veke [Development of technology in the Stone Age]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
13. Slobodin, S.B., 1999. Arheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Priokhot'ya v pozdnem pleystotsene – rannem golotsene [Archaeology of Kolyma and Continental Priokhotye in late Pleistocene and early Holocene]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
14. Slobodin, S.B., 2010. Novyye dannyye o vozraste VII paleoliticheskogo sloya stoyanki Ushki-I [New data on the age of VIIth Paleolithic layer of Ushki-I site]. In: VI Dikovskiyе chteniya. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
15. Slobodin, S.B., 2005. Khaya-IV – novyy pamyatnik paleolita na Severo-Vostoke Azii [Khaya-IV – a new Paleolithic site in Northeast Asia]. In: Severnaya patsifika – kul'turnie adaptatsii v kontse pleystotsena i golotsena. Materialy mezhd. nauchn. konf. «Po sledam drevnikh kostrov...». Magadan: Izd-vo SMU, pp. 112–117. (in Russ.)
16. Fedorchenko, A.Yu., 2011. Istoriya eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy v arkhologii Severo-Vostochnoy Azii: osnovnyye etapy i dostizheniya [History of trasological and experimental research in archeology of Northeast Asia: main stages and achievements]. In: Krayevedcheskiye zapiski Kamchatskogo krayevogo obyedinennogo muzeya, no. 13. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izd-vo «Novaya kniga», pp. 134–146. (in Russ.)
17. Fedorchenko, A.Yu., 2012. Sovremennyye sposoby fotofiksatsii v trasologicheskikh issledovaniyakh arkheologicheskikh materialov Severo-Vostochnoy Azii [Modern methods of photographic fixing in trasological research of archaeological materials of Northeast Asia]. In: Nauchnaya molodezh' – Severo-Vostoku Rossii: Materialy IV mezhdreg. konf. mol. uchenykh. Magadan: OOO «Novaya poligrafiya», no. 4, pp. 64–68. (in Russ.)
18. Fedorchenko, A.Yu. and Ponkratova, I.Yu., 2010. Kamenny inventar' VII sloya paleoliticheskikh ushkovskikh stoyanok [Stone inventory of VIIth layer of Paleolithic Ushki sites], Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, no. 12, pp. 159–161. (in Russ.)
19. Sher, Ya.A., Vishnyatskiy, L.B. and Blednova, N.S., 2004. Proiskhozhdeniye znakovogo povedeniya [The origins of sign behavior]. Moskva: Nauchnyy mir. (in Russ.)
20. Goebel, T., Waters, M.R. and Dikova M., 2003. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene peopling of the Americas. Science, Vol. 301, pp. 501–506.

УДК 39

Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева*

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПРИАМУРЬЕ В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ**

В статье рассматриваются историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян, переселившихся на территорию Приамурья в начале XX в. Исследование базируется на обобщении устных историй, записанных у разных поколений потомков переселенцев, проживающих на территории муниципального района им. Лазо Хабаровского края. Собранные этнографические материалы дают представление о принципах сохранения и трансформаций различных элементов традиционной культуры переселенцев (семейная и календарная обрядность, материальная культура, особенности хозяйствования), а также об их взаимодействиях с местным этнокультурным окружением.

Ключевые слова: белорусы, крестьянство, переселение, Приамурье, традиционная культура, этнокультурная идентичность, устная история.

Historical and ethnographic aspects of Belarusian peasant settlers' life in Priamurye in oral history records. ROMAN Yu. FEDOROV (Institute of Earth Cryosphere, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), AKSANA A. BOGORDAEVA (Institute of Northern Development, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences).

The article is devoted to the analysis of historical and ethnographic aspects of life of Belarusian peasant settlers that migrated to Priamurye at the beginning of XX century. The research is based on generalization of oral history records of different generations of descendants of the settlers. Collected ethnographical data gives an idea of the principles of preservation and transformations of various elements of Belarusian traditional culture (principles of agriculture, family and calendar rites, features of spiritual and material culture). It also gives an indication of the interactions that Belarusian settlers had with local ethnic environment.

Keywords: Belarusians, peasantry, migration, Priamurye, traditional culture, ethnic identity, oral history.

* ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии наук о криосфере Института криосферы Земли Сибирского отделения РАН.

E-mail: r_fedorov@mail.ru

БОГОРДАЕВА Аксана Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: bogordaeva@mail.ru

© Федоров Р.Ю., Богордаева А.А., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 12-21-01000.

В июле 2014 г. нами была проведена этнографическая экспедиция в места компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев на территории муниципального района им. Лазо Хабаровского края³⁷. Во времена аграрной реформы П.А. Столыпина здесь возник куст деревень, основанных выходцами из Могилевской губернии. В настоящее время их потомки продолжают составлять заметную долю населения в селах Полетное, Петровичи и Прудки. Записанные в ходе экспедиции жизненные истории старожилов этих деревень хорошо дополняют друг друга и дают представление о характере этнокультурной и хозяйственной адаптации белорусов на Дальнем Востоке с момента их переселения до наших дней.

В географии массовых крестьянских миграций второй половины XIX – начала XX столетия Дальний Восток естественным образом явился крайней точкой, которой достигли волны аграрного освоения азиатской России. Поселившиеся здесь крестьяне, преодолевшие такие же колоссальные расстояния, как и европейские колонизаторы Нового Света, столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями. Еще более необычным оказалось новое этническое окружение переселенцев. На своей родине предки белорусов на протяжении многих столетий проживали в этноконтактной зоне, переходной между славянской и балтской культурами, православием и католицизмом, русской и европейской моделями социально-политического устройства общества. Дальний Восток – противоположный, азиатско-тихоокеанский фронт – стал местом этнических контактов заселявших его выходцев из разных уголков Российской империи с китайцами, японцами, корейцами, а также малыми коренными народами. Данные обстоятельства обусловили специфические тенденции в этнокультурной адаптации белорусских переселенцев, которые во многих случаях отличались от прототипов, имевших место на территории Сибири. Несмотря на то, что в последнее время разностороннему изучению были подвержены этнокультурные аспекты массовых переселений белорусских крестьян в Сибирь [3, 6], аналогичные вопросы в отношении Дальнего Востока продолжают оставаться недостаточно исследованными. Исключение составляет лишь несколько исследований, проведенных на территории Приморского края. Первой подобной работой стала

³⁷ Авторы статьи выражают глубокую признательность директору социально-культурного центра «Русь» с. Полетное муниципального района им. Лазо Хабаровского края А.Л. Власенко за помощь, оказанную в организации экспедиции.

монография Л.Е. Фетисовой «Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья» [9]. Ее уникальность состоит в том, что в ней обобщен тридцатилетний опыт полевых исследований автора в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев на территории Приморского края. Учитывая тот факт, что отдельные сельские поселения, рассмотренные в книге, в настоящее время прекратили свое существование, а большинство информаторов уже ушло из жизни, эта монография является единственным исследованием многих, ныне утраченных, фольклорных и обрядовых традиций белорусских переселенцев в Приморье. Помимо этой работы следует отметить отдельные публикации Ю.В. Аргудяевой, в которых автор обратила внимание на белорусскую компоненту в этнокультурной среде Приморья [1, 2], а также книгу «Традиционная свадьба. Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье» [7], в которой помимо украинского материала зафиксированы отдельные элементы, присущие белорусской свадебной обрядности. В 2011 г. в Новосибирске был издан том «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», представляющий собой своеобразную антологию семейно-обрядовых песен белорусских переселенцев [10]. Однако, несмотря на ряд исследований, проведенных в Приморском крае, на сегодняшний день отсутствуют фундаментальные работы, посвященные историко-этнографическим аспектам жизни белорусских крестьян-переселенцев на территории Приамурья, несмотря на то что, по нашим предварительным оценкам, именно здесь удельный вес выходцев из Белоруссии был наиболее значимым. Поэтому настоящую статью можно рассматривать в качестве попытки восполнить этот пробел и ввести в научный оборот этнографические сведения о потомках белорусских переселенцев, проживающих на территориях, прилегающих к бассейну Амура.

Основным методологическим подходом, избранным нами для реализации начального этапа исследования, стал сбор и структурирование устных историй, записанных у разных поколений потомков белорусских переселенцев. Хотя устные истории в опосредованном виде всегда являлись одним из основных источников в работе этнографа, в качестве специального объекта исследований, требующего особого методологического инструментария, они стали рассматриваться лишь с середины XX в. в англосаксонской науке, получив название Oral History. Разработкой методологии и практической организацией занимались такие

известные английские и американские исследователи, как Джо Гулд, Пол Томпсон, Аллан Невинс и др. По определению Сигурда Шмидта, устную историю можно охарактеризовать как «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» [12, с. 262]. Существует целый ряд преимуществ данного подхода применительно к задачам историко-этнографических исследований. Во-первых, в каждой уникальной судьбе отдельно взятого человека как в капле воды отражаются многие события, имеющие ключевое значение в масштабе отечественной истории (переселения, войны, смены политического строя, социокультурные трансформации и т.д.). Поэтому из отдельных жизненных историй представителей разных поколений можно сложить мозаичную картину истории в масштабах определенного локуса или даже целой нации и государства. Во-вторых, устные истории отдельных людей ценны не только изложением конкретных фактов, но и субъективными оценками. Можно сказать, что они представляют собой своеобразный опыт феноменологии истории. Прочтение должным образом подобранных рассказов позволяет исследователю раскрыть механизмы народной интерпретации тех или иных исторических событий, дает возможность исследовать мировоззренческие установки и ценностные ориентации респондентов. При этом одно историческое событие у разных групп опрошенных может обладать множеством трактовок и качественных оценок, которые нередко имеют диаметрально противоположный характер. Поэтому особое значение данный подход приобретает во время проведения сравнительных исследований устных историй представителей разных этнических и возрастных групп или профессиональных субкультур. Данные особенности важно учитывать в ходе изучения устных историй, для того чтобы избежать их однобокого, буквального «прочтения». Следует отметить, что на начальных этапах этнографических исследований сбор и структурирование устных историй имеют большое поисковое значение. Из монологов информаторов можно выделить наиболее важные сюжеты, фактические детали, достоверность которых впоследствии можно верифицировать путем обращения к различным документальным источникам.

В «Списке крестьянских селений Приморской области» за 1911 г. было указано, что села Полетное и Петровичи Киинской волости Хабаровского крестьянского участка были образованы в 1906 г., а с. Прудки в 1907 г. (Российский государственный архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 702.

Оп. 5. Д. 648. Л. 77 об.). К этому времени были сформированы устойчивые пути сообщения, обеспечивавшие возможность целенаправленного освоения территории Приамурья. Проживающие сегодня в этих деревнях потомки первооселенцев еще помнят отдельные детали, связанные с приездом на Дальний Восток и основанием здесь новых деревень, рассказанные им бабушками и дедушками. Основной причиной, вынудившей их предков покинуть родной дом и преодолеть столь колоссальные расстояния, было малоземелье. Александр Титович Потюпин, 1928 г.р. из д. Петровичи вспоминает: «*Мои предки были из Могилевской губернии Климовичского уезда, деревня Веровка. Мне все дедушка рассказывал, как он сюда приехал. Он был ходоком. Приехал сюда в 1900 или 1902 году. Приехали, поглядели местность эту. А потом только в 1907 году вся семья сюда перебралась. Ехали на поезде через Маньчжурию, а потом на лошадях. Они все хозяйство везли с собой: лошадей, утварь, семена. А надо ж было покорчевать еще. Кругом тайга была. Вначале ставили землянки. Потом делали хаты осинового*». Однако далеко не всем переселенцам понравились новые условия жизни. Татьяна Леонидовна Власюк (Улантjikова), 1958 г.р. из с. Полетное вспоминает: «*Дед моего мужа приезжал сюда с другим ходоком – рекрутом царской армии. Тот пожил здесь год и уехал обратно. Он сказал, что земля здесь новая, наносная, и окиян близко, вулканы где-то здесь. Поэтому земля, дескать, здесь не подходящая. И он уехал обратно в Белоруссию*».

В рассказах информаторов можно часто встретить сохранившиеся в семьях воспоминания о бедности и отсталости жизни их предков на родине по сравнению с теми условиями, в которых семьи переселенцев стали жить на Дальнем Востоке. Приведем одно из таких типичных воспоминаний, рассказанных Софьей Моисеевной Ивановой (Самусевой), 1934 г.р., проживающей в с. Полетное: «*Мать рассказывала, что на родине все жили очень бедно. В домах были земляные полы. Потом стали делать полы деревянные. На праздники их отдирали и несли мыть на речку. Белить не умели. Стены мыли, известки не было. Белить научились уже здесь. Наша мама еще белить не умела. Здесь сытнее было. Когда приехали сюда, здесь ничего не было – только стояла тайга. После войны была вторая волна переселений. Приезжали комсомольские отряды, кто просто переезжал от голода*». А.Т. Потюпин вспоминает: «*Отец воевал на фронте и во время войны случайно попал в деревню, откуда переехали наши предки. Дома он рассказывал, что как там раньше жили, так*

и продолжают жить. У них бани нету, туалета нету – за сарай ходит и справится. А баня? У них русская печь. У нас тоже была русская печь, мы ее уже после войны уничтожили. Русскую печь топят, настилают соломы туда, и чтобы распариться, он залазит туда, а вода отдельно – корыто с липы выдолбленное. С печи вылазят и в это корыто. Полы земляные у них были еще во время войны».

По причине того, что в период массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. национальное самосознание белорусов еще не было до конца сформировано, среди переселенцев преобладала региональная самоидентификация. Будучи выходцами из Могилевской губернии, переселившиеся на Дальний Восток крестьяне чаще всего именовались могульями, также иногда встречалось самоназвание гомельцы. В повседневном обиходе можно было часто услышать: «могуль приехал», «могули петровические», «могулевка полетненская», «я могуль, а ты хохол» и пр. Некоторые старожилы отмечали, что жившие в соседних деревнях украинцы называли их кацапами. На Украине этим словом чаще всего было принято называть русских в тех случаях, когда местные жители хотели подчеркнуть с ними этнические различия. При этом свою родину переселенцы чаще всего называли «Расией». Т.Л. Власюк (Улантимова) отмечает: «Ехали сюда самые крепкие люди. А бедный – он и мыслями бедный, и душой бедный, он во всем будет бедным. Когда пришел сюда японец в Гражданскую войну, местные люди в первую очередь воевали не за родину, а за свое. Поэтому все шли в партизаны. Люди только здесь освоились и не хотели терять того, что далось им большим трудом».

На сегодняшний день потомки переселенцев, проживающие на территории муниципального района имени Лазо, почти утратили диалектные особенности белорусского языка. Однако, по воспоминаниям старожил, их предки часто использовали различные речевые обороты и выражения, привезенные со своей родины. К примеру, С.М. Иванова (Самусева) вспоминает, как в ее семье говорили «ничепай», «ходи сюды», «сябёр»³⁸. В этом плане большой интерес представляют записанные нами воспоминания Ольги Фокеевны Чихуновой, 1944 г.р., приехавшей в с. Полетное в 1961 г. из Забайкалья. Ее предками были гураны – русские старожилы Забайкалья, нередко рожденные в смешанных браках с бурятами, эвенками, монголами и маньчжурами. Благодаря тому, что Ольга Фокеевна была рождена в иной этнической

среде, а впоследствии вышла замуж за потомка белорусских переселенцев, ее рассказы содержат много внешних оценок традиционной культуры последних. В первую очередь ее удивило обилие незнакомых слов, которые употребляли переселенцы: «У нас сараи назывались стайки, а здесь – пуны. Кнут – пуга, у нас скамейка или лавка, у них – слониц. Свекровка мне говорит, когда я замуж вышла: «Вольга, сходи, там во дворе слониц стоит, возьми оттуда миску». А я пошла, постояла, возвращаюсь и говорю, что не знаю, что такое слониц. Она: «Лавка или як как у вас!» Или: «Иди, Вольга, на огород, набери мне буйной бульбы». Я пришла к этой кучке, стояла. Думаю, у нас говорят: картошка мелкая, как дробь, дробная. А буйная это, наверно, большая. Тряпки – рясчи. Подол – это пустаня. Нарвет подол травы утятам или гусятам и говорит: "А вот нарвала целое пустаня"».

Белорусы принесли на Дальний Восток ряд характерных особенностей хозяйственной деятельности из мест своего выхода. В то же время рассказы информаторов дают возможность получить представление о некоторых практических заимствованиях, которые переселенцы делали у нового этнокультурного окружения. На новом месте белорусы начали воспроизводить характерные для них этноэкологические цепочки. Важное место в них занимало выращивание льна, из которого изготавливалась одежда. Немаловажным аспектом для выбора переселенцами нового места жительства являлось наличие липы или других подходящих лиственных деревьев для изготовления лаптей. Однако ввиду более суровых по сравнению с родиной переселенцев природно-климатических условий ими были сделаны некоторые заимствования в одежде у нового этнокультурного окружения. По соседству с белорусами проживали представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока – удэгейцы. У них переселенцы научились выделывать шкуры изюбра и шить из них специальную обувь – ичиги, которые были распространены у целого ряда народов Азии. Ичиги имели два варианта: летний и зимний. В зимнем варианте мех сохраняли внутри, чтобы ноге было тепло. Летний вариант был без меха, только из кожи. В ичигах многие переселенцы ходили на охоту и покосы «в них тепло, и змея не укусит, и нога дышит» (Т.Л. Власюк (Улантимова), 1958 г.р.). Описанные в устных историях принципы этнокультурных взаимодействий между белорусами и удэгейцами во многом схожи с их взаимоотношениями с представителями других коренных народов Сибири и Дальнего Востока,

которые можно охарактеризовать как «автономное друг от друга культурное развитие при стабильных контактах в хозяйственной сфере» [4, с. 75].

У проживавших поблизости китайцев белорусские переселенцы позаимствовали культуру выращивания сои. Традиционно большое значение в хозяйстве белорусов имела картошка. С.М. Иванова (Самусева) отмечала: «Наше главное блюдо – картошка. И утром, и вечером, и жареная, и пареная, и вареная, и в мундире».

До 1930-х годов между населением основных белорусами деревень и китайцами шла активная меновая торговля. Они охотно меняли на пушнину изделия из шелка, бусы, иголки, порох и другие мануфактурные изделия. Однако бывали исключения, когда помимо хозяйственных контактов между китайцами и белорусами возникали семейные отношения. Т.Л. Власюк (Улантимова) рассказала о том, как сестра ее бабушки ушла из дома, чтобы жить с китайцем: «Когда наши сюда пришли, официальных границ с Китаем не было. Бабушкина сестра ушла с китайцем. Он ее украл. Слюбились, сговорились, и сбежала она с ним. Отчим был церковнослужителем, в строгости их держал, все равно бы не разрешил. В сарае спать легла, а утром нету – украли. Потом она приходила сюда в 1927 или 1928 году с китайцами. Через речку здесь стояли фанзы ихние. Она приходила сюда со своим сыном. Она шла и кроила хорошо и помогала женщинам так, чтобы никто не знал. В начале 1930-х годов кто-то вырезал их семью. Нашли их зарезанными, фанзу сожгли. То ли бандиты, то ли "нквдшники"».

Проживавшие поблизости китайцы и корейцы, как правило, жили в фанзах – глинобитных домах, которые отапливались канами. По воспоминаниям старожил, корейцы позаимствовали у них отдельные приемы хозяйствования – «картошку растили, свиней держали, сеяли то же, что и мы» (А.Т. Потюпин) – и даже некоторые культурные традиции: «У них там были гармонисты свои хорошие. С ними дружили. Бабушка говорит, они девками туда бегали на вечерки и танцевали там. Она даже когда была замужем беременная, бегала туда, пока ее дед Кузьма не отлупил» (Т.Л. Власюк (Улантимова)). Во время Русско-японской войны большинство корейцев депортировали в Среднюю Азию. По рассказу А.Т. Потюпина, в период коллективизации с корейцами был связан один курьезный случай: «Дали им трактор. Они на нем убрали пшеницу или рожь. Помолотили. Соломой обложили трактор и запалили. Сгорел этот трактор. Надо было зерно государству сдать. Они зерно разделили по себе. И звонят

сами в милицию. А тогда милиционер был Пикулев такой. Они говорят: "Пикули, Пикули, трактара сгорела, одна чугушка осталась!"»

Региональные особенности поминальной обрядности из мест выхода предков переселенцев сегодня сохранились лишь фрагментарно. К примеру, ни один из опрошенных старожил не смог вспомнить поминальный праздник «Деды», который был широко распространен на территории Могилевской губернии. Однако при этом в некоторых семьях сохранился отголосок этого праздника, когда в поминальные дни на ночь на столе оставляется пища для умерших предков. На Радуну первый блин с медом оставляли родителям (Братанова Татьяна Ильинична, 1930 г.р., д. Прудки). Из поминальных блюд чаще всего готовили яичницу и холодец. На Радуну не было принято накрывать общие поминальные столы. Обычно члены одной семьи собирались на могиле самого пожилого родственника или свежем захоронении. Как и во многих других белорусских деревнях, кресты на могилах было принято обвязывать рушниками: «Когда стали ставить звезду, бабки возмутились» (А.Т. Потюпин).

Многие информаторы старшего поколения в своих рассказах вспоминали различные детали празднования Рождества: «Для детей это такая радость была! Напекут разных петиушков-пирожков. Дак пацаны ночь не спали. Сеяли гречку или овес. Пять копеек дадут, я фунт баранок возьму. Ряжеными ходили. Шубы выворачивали. Я один раз мать свою отругал. В наш дом на Рождество впервые пришла невестка, а она ее встречает в вывернутой шубе» (А.Т. Потюпин). Т.И. Братанова вспоминает: «Раньше было так: если вы кум и моих детей крестили, сколько детей крестили, столько буханок хлеба нужно принести на Рождество. Это называлось подань».

В д. Прудки сохранились воспоминания об обрядах, связанных с вызыванием дождя в засуху. Т.И. Братанова описывает их в своих рассказах следующим образом: «Если засуха, то бабы наряжались кто во что. Плуг берут, дорогу переплывают, песни поют. Потом идут на речку. Перепахивают речку плугом. Обливают друг друга. На Троицу если большая засуха, дома и калитки украшали травой, брошенной в колодец. Надо чтобы вдова намочила траву. Она поплачет над колодцем и вызовет дождик». Данный рассказ коррелирует с рядом других описаний подобных обрядовых действий у белорусских переселенцев. В частности, в нем повторяется ситуация, когда реальную пахоту совершали мужчины, а ритуальную – исключительно женщины [11]. Не так давно быто-

³⁸ Так называли молодого крепкого парня.

вавший в деревне обряд вызывания дождя был повторен во время реконструкции празднования Троицы, организованной социально-культурным центром «Русь» в с. Полетное (автор реконструкции А.Л. Власенко). Во время проведения обряда троичскую березку с песнями понесли к реке и утопили в ней. На следующий день в деревне начался сильный дождь. «Люди стали говорить: "Идите вытаскивайте свою березку, дожди просто заманали всех"» (С.М. Иванова (Самусева)). Т.И. Братанова из д. Прудки отмечала, что на Троицу вместо березовых веток могли повесить на дом ветви осыны. Так отмечали, что в доме живет ведьма.

Большой интерес представляют рассказы жительницы с. Полетное Т.Л. Власюк (Улантиковой), посвященные суевериям переселенцев и их контактам с потусторонними силами. По ее воспоминаниям, раньше некоторых жительниц села было принято считать ведьмами. Про одну из бабушек в ее роде говорили, что она умеет наводить порчу. В д. Прудки рассказывали, что одна ведьма, жившая в ней, умела перевоплощаться в свинью. До сих пор считается, что все магические действия, связанные с нечистой силой, производились в банях. Татьяна Леонидовна рассказывает, что в деревне до сих пор сохранилось поверье, что, если дом стоял и его разрушили, на этом месте ничего строить нельзя, потому что якобы на нем «...остался старый домовый, и если здесь построят другой дом, то в нем заведется другой домовый, и они будут драться. Мира и порядка в этом доме не будет. Поэтому либо это место надо освещать, либо как-то старого домового с собой увести». Т.Л. Власюк (Улантиковой) приходилось лично сталкиваться с присутствием домовых: «Когда вышла замуж, вначале жила в Петровицах, потом переселились сюда. Дом был старый. Переехали, все сгрузили. Все узлы с вещами свалили в середине дома. Утром встали, дочь говорит: «Я глаза открыла, сидит какая-то зверюшка на этой куче, мохнатая, глаза круглые, уши». Я говорю: «Наверно, это кошка». Она говорит: «Нет, она на меня долго смотрела, а мне было не страшно». Есть поверье, что маленькие дети видят домовых и даже умеют с ними общаться. Если домовый хороший, он и дом сбережет, и достаток, и здоровье. А бывает, домовый пытается взять над хозяином силу. У меня была такая ситуация. Муж у меня возил на вахтовке людей. Ночью показалось, что он приехал. Вышла – никого. Легла опять, заснула. Не пойму, сон или явь. Что-то на меня легло поверх одеяла. Я подвинулась. А он все равно лежит сверху, маленький и тяжелый. Я стала читать молитвы, креститься

и говорить: «Уйди от меня, иначе позову батюшку, освятю дом, и куда ты будешь деваться?». Поругалась с ним, конечно. Наутро поставила ему блюдечко с едой. Потом маме рассказываю. А она говорит, что ее бабушка, когда этот дом построили, его освещала. Мама, говорит, нас маленьких накрывает одеялом. Вы спите, а одеяло на полу. Рассказала своей бабушке. Она всех выдворила из дома, и она с ним тут разбиралась. Ругалась с ним, говорила, молитвы творила. Потом все хорошо стало. Не зря столько веков во все это верят».

Чтобы отпугнуть нечистую силу, жители Полетного рисовали или выпиливали крестики на дверях. В ночь на Рождество нужно было обязательно держать печную трубу закрытой, потому что через нее в дом могла залететь нечистая сила. Если в доме случался приплод (к примеру, отелилась корова), в этот день из него ничего нельзя было выносить или давать что-либо соседям, если они попросят. Жители деревни всегда серьезно относились к взгляду людей или животных. По этому поводу Т.Л. Власюк (Улантиковой) рассказывала: «У меня была корова, идет по деревне, вымя вот такое, и молоко сеет. Все говорили: «Ой, какая корова!». Ее, наверно, сглазили, и она начала болеть. Мне тогда один дедушка посоветовал найти в заборе доску, где есть дырочка от сучка, и прибить ее в сарае либо сверху, либо снизу у его входа, чтобы корова через нее ходила. Корову я подоила, и последние капли постаралась пропустить через эту дырку в доске. Мы сверху прибили эту доску. После этого корова стала меньше болеть».

Большинство информаторов старшего поколения считают коллективизацию и Великую Отечественную войну периодом надлома, во время которого были утрачены многие важные традиции. О.Ф. Чихунова вспоминает: «Мама рассказывала: пришли за налогом, контракция какая-то. Открыли подполье и говорят: «Хватит на налог картошки». А мы, говорит, сопливые все стоим вокруг этой западни (так назывался погреб). Мама говорит, я взяла топор и говорю: «Лезьте. По одному будете вылазить, по одному будут ваши бошки отлетать». Все равно, говорит, я с голоду с детьми помру, дак хоть гадов не будет. Они не полезли, не стали трогать картошку». А.Т. Потюпин рассказывал, что «...во время войны ходили на поля и собирали ту картошку, которая осталась в земле. Эту гнилую картошку сушили на солнце, потом толкли в ступе и делали из нее лепешки. А в тайге снытку нарвем и из нее борщ. Ловили пещарей и из них варили уху». Как отмеча-

ла О.Ф. Чихунова, «раньше жили все одинаково. Все бедствовали. Ну что вдова вдове будет завидовать?»

По рассказам информаторов, во второй половине XX в., в связи с уходом из жизни представителей первого поколения переселенцев, многие специфические традиции, привнесенные из Белоруссии, начали постепенно угасать. Однако на этом фоне можно проследить и стойкость некоторых обычаев, пришедших из мест выхода. К ним можно отнести общинный характер социальной организации переселенческой деревни. По словам Т.Л. Власюк (Улантиковой), в д. Прудки все важные решения принимались во время сходов. На них решались хозяйственные вопросы, обсуждались поступки жителей деревни, а также реакция на нововведения властей.

В последние годы в деревнях, основанных белорусскими переселенцами на территории муниципального района им. Лазо, предпринимаются шаги по возрождению их самобытного культурного наследия. В Доме культуры с. Полетное был создан музей, экспозиция которого рассказывает о быте переселенцев, действует фольклорный коллектив «Молодушки». Также в Полетном открыт филиал автономной некоммерческой организации «Белорусское землячество Хабаровского края». Праздник «Купала», реконструированный в 2013 г. по рассказам старожилов директором Дома культуры с. Полетное А.Л. Власенко, собрал более 2000 гостей и привлек большое общественное внимание к самобытным традициям живущих здесь белорусов [5]. Сегодня местные жители рассматривают сохранившиеся в районе белорусские традиции не только как историко-культурное наследие края, но и в качестве одного из возможных ресурсов его развития, связанного с этнографическим тризмом и установлением побратимских связей с Республикой Беларусь.

Подводя первые итоги исследования, базирующегося на обобщении и анализе устных историй жителей белорусских деревень, расположенных на территории муниципального района им. Лазо, можно говорить о высокой степени ассимиляции потомков переселенцев в новом этнокультурном окружении при сохранении в их среде отдельных элементов традиционной культуры из мест выхода предков, а также наличии своеобразной «коллективной памяти», содержащей рефлексии особого переселенческого статуса сельской общины. Их носителями являются старожилы этих деревень, преимущественно рожденные в 1920–1940-е годы. Люди, принадлежащие к более молодым поколениям, как правило, значительно хуже знают исто-

рию своих семей и обычаи предков. Поэтому дальнейшее сохранение памяти о них возможно лишь при институциональной поддержке, которую могут оказывать учреждения культуры. К ним можно отнести развитие музея истории и быта переселенцев, фиксацию и сохранение устных историй старожилов, реконструкции праздников и обрядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15–18.
2. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М., 1997.
3. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.
4. Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 62–77.
5. Народный праздник в Полетном // Ассамблея народов Хабаровского края. 2013. № 3. С. 53–55.
6. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013.
7. Традиционная свадьба: свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / сост. И.В. Семенова. Владивосток, 1998.
8. Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 34–37.
9. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.
10. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока: семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1.
11. Фурсова Е.Ф. Массовые моления белорусских переселенцев юга Западной Сибири в XX веке // Проблемы археологии, этнографии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 533–536.
12. Шмидт С.О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 262.

REFERENCES

1. Argudyaeva, Yu.V., 1993. Belorusy-litviny v Primor'e (konets XIX v.). [Belarusians-Litvins in Primorye (the end of XIXth century)]. In: Problemy kul'tury Dal'nego Vosto-ka: nauch. konf. Vladivostok, pp. 15–18. (in Russ.)
2. Argudyaeva, Yu.V., 1997. Krest'yanskaya sem'ya u vostochnyh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo XX v.). [Peasant family of East Slavs in the south of the Russian Far East (1850s – beginning of XXth century)]. Moskva: IEA RAN. (in Russ.)
3. Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformations of the ethnic culture]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. (in Russ.)
4. Galetkina, N.G., 1996. Pol'skaya pereselencheskaya derevnya v buryatskom okruzhении [Polish resettlement village in the Buryat environment], Vestnik Evrazii, no. 1(2), pp. 62–77. (in Russ.)
5. Narodnyi prazdnik v Poletnom [National holiday in Polyotnoe], Assambleya narodov Habarovskogo kraja, 2013, no. 3, pp. 53–55. (in Russ.)
6. Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2013. (in Russ.)
7. Semenova, I.V. ed., 1998. Traditsionnaya svad'ba: svadebnyi obryad pereselentsev Chernigovskoi gubernii v Primor'e, 1998. [Traditional wedding: wedding rites of settlers from Chernigov Governorate in Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
8. Fetisova, L.E., 1999. Belorusy v Primor'e [Belarusians in Primorye]. In: Mnogonatsional'noe Primor'e: Istoriya i sovremennost': Materialy nauch.-prakt. konf. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. morskoi akad, pp. 34–37. (in Russ.)
9. Fetisova, L.E., 2002. Belorusskie traditsii v narodno-bytovoii kul'ture Primor'ya [Belarusian traditions in everyday culture of Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
10. Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ch. 1: Semeino-obryadovye pesni i prichitaniya [Folklore of Belarusians of Siberia and Russian Far East. Part 1: Family ceremonial songs and lamentations]. Novosibirsk: Nauka, 2011. (in Russ.)
11. Fursova, E.F., 2013. Massovye moleniya belorusskikh pereselentsev yuga Zapadnoi Sibiri v XX veke [Mass prayings of Belarusian settlers of the south of Western Siberia in XXth century]. In: Problemy arheologii, etnografii i sopedel'nyh territorii. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 533–536. (in Russ.)
12. Shmidt, S.O., 1991. Predposylki «ustnoi istorii» v istoriograficheskoi kul'ture Rossii [The background of oral history in historical culture of Russia]. In: Realizm istoricheskogo myshleniya. Problemy otechestvennoi istorii perioda feodalizma: Chteniya, posvyashennye pamyati A.L. Stanislavskogo. Tezisy dokladov i soobshenii. Moskva, 27 yanvarya-1 fevralya 1991 g., p. 262. (in Russ.)

УДК 391.2

И.В. Стрельцова*

ПОЯС В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В ПРИМОРЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается пояс как составляющая традиционной культуры украинцев и белорусских крестьян-переселенцев в Приморье в конце XIX – начале XX в. Автор исследует утилитарные и обрядовые, этические и эстетические функции традиционного пояса, приводит разнообразные материалы и техники изготовления поясов. В качестве иллюстративного ряда используются пояса из коллекции Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, а также тексты свадебных и календарно-обрядовых песен, записанных в Приморье.

Ключевые слова: Приморье, украинцы, белорусы, пояс, традиционная культура, традиционный костюм.

Belt in the system of traditional culture of Ukrainians and Byelorussians in Primorye at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. IRINA V. STRELTSOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences).

The article is devoted to belt as a part of traditional culture of Ukrainian and Byelorussian settlers in Primorye in the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The author analyses utilitarian and ritual, ethic and aesthetic functions of traditional belts as well as different materials and techniques that were used to produce them. Examining the belt collection of the Arseniev State Museum along with wedding and calendar songs, recorded in Primorye, the author presents the regional aspect through the prism of the maternal fund and shows belt as a cultural phenomenon and a sample of the regional arts and crafts.

Keywords: Primorye, Ukrainians, Byelorussians, belt, traditional culture, traditional costume.

В переселенческом движении в Южно-Уссурийский край подавляющее большинство составляли выходцы из Украины (81,26% от общего числа переселенцев). Это были уроженцы Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Волынской, Каменец-Подольской, Екатеринославско-Таврической губерний. Преобладали переселенцы из Черниговской губернии (40,8%), на Киевскую и Полтавскую приходилось соответственно 26,2% и 22,5% от общего числа выходцев из Украины. Что касается белорусов, то,

по официальным данным, их удельный вес был небольшим (6,8%). Белорусские переселенцы прибывали в основном из Могилевской, Гродненской, Минской, Гомельской губерний, причем основной приток дали уроженцы Могилевской губернии (3%) [1, с. 35]. При этом необходимо отметить, что белорусы переселялись также из северо-западных уездов Черниговской губернии, в первую очередь Суражского, а также Мглинского, Стародубского, Городнянского, Новозыбского и др. Здесь наряду с малороссами и великороссами

* СТРЕЛЬЦОВА Ирина Владимировна, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: i-strel@mail.ru

© Стрельцова И.В., 2014

проживали представители историко-этнографической группы белорусов – белорусы-литвины [1, с. 46]. В условиях контактной зоны русско-украинско-белорусского пограничья нередко возникали проблемы в определении этнической самоидентификации, которые зачастую решались в пользу доминирующего этноса. В связи с этим белорусы из Черниговской губернии при переселении в Южно-Уссурийский край, как правило, относили себя к малороссам. Таким образом, данные по этническому соотношению переселенцев на начало XX в. не вполне достоверно отображали реальную картину из-за проблемы самоидентификации, в действительности белорусов как носителей самобытной культуры было значительно больше. Этот факт представляется важным, поскольку белорусская традиционная культура, наряду с украинской, оказала заметное влияние на региональный культурный фонд, будучи наиболее цельной и устойчивой в условиях новых мест. Необходимо также отметить, что традиционная культура украинцев и белорусов (особенно в вышеуказанной приграничной зоне) при всех очевидных отличиях имела много общего. Это изначально было обусловлено территориальной близостью, сходным хозяйственным укладом, общим историческим прошлым восточнославянских народов. В условиях освоения новых земель в Приморской области с установлением тесных территориальных, хозяйственных, брачных контактов родственные культуры еще более сближались. При этом наблюдался и обратный процесс, когда отдельные составляющие традиционной культуры, относящиеся к материнскому фонду, особенно тщательно сохранялись. Как отмечает Л.Г. Фетисова, «апелляция к традиционным культурным ценностям была характерна для большинства переселенцев» [11, с. 39]. В первую очередь это высказывание справедливо для украинцев и белорусов, которые в отрыве от родных мест очень трепетно относились к своему духовному и материальному наследию, благодаря чему традиционная культура продолжала жить, в том числе в народной одежде.

Проблема бытования традиционной одежды украинцев и белорусов в Приморье в конце XIX – начале XX в. ввиду её недостаточной разработанности представляется весьма актуальной. Пояс как неотъемлемая часть восточнославянской одежды и культурный феномен заслуживает отдельного исследования в контексте традиционной культуры переселенцев на юге Дальнего Востока. Рассматривая пояс как этнографический объект и как феномен культуры, автор статьи придерживается утверждения О.В. Лысенко о том, что описа-

ние такого объекта должно проводиться «только с учетом его конструктивных, функциональных и семантических параметров» [6, с. 259].

Поясу принадлежит особое место в системе традиционной культуры восточных славян, прежде всего украинцев и белорусов. Хотя «пояс» – общеславянский термин, у него имеются многочисленные локальные названия: *опояска, кушак, сетка, покромка, ремень* (рус.); *крайка, окрайка, окравка, попружка, черес, баюр* (укр.); *пьяс, дяга, ремень* (бел.). Традиционно у восточных славян было принято подпоясывать нательную и верхнюю одежду. Это считалось целесообразным из практических соображений. Во-первых, подпоясанная одежда плотнее прилегала к телу и соответственно лучше сохраняла тепло. Во-вторых, пояс использовался для удержания на теле поясной одежды (плахты, спидницы, андарака – в женском костюме, штанов – в мужской одежде). Кроме того, широкий пояс у мужчин защищал спину от травм при значительных физических нагрузках. Наконец, пояс широко применялся для крепления оружия, орудий труда и различных предметов обихода, таких как кисет, ключи, гребень и т.п.

Наряду с утилитарными функциями пояса не менее важными представлялись и его обрядовые свойства, составляющие неотъемлемую часть мировоззренческой системы восточных славян. Эта система базировалась на таких универсальных оппозициях, как «свой – чужой», позволяющих выделить культурный пласт из природного, отделить мир людей от нелюдей, своих от чужих. В этом отношении пояс выступал как классификатор культурно-этнической границы, и эта его роль наглядно прослеживается во многих обрядах. Пояс исполнял функцию своеобразной маркировки человека, определял принадлежность его миру людей. Так, новорожденному повязывали поясок, зачастую приурочив эту процедуру к обряду крещения. У украинцев и белорусов, в крестильной обрядности которых много общего, младенца крестили восприемники – кум и кума. В Приморье сразу после крещения священником ребенка кума надевала на него заготовленные ею рубашечку и пояс [1, с. 174]. Только после этого младенец мог считаться приобщенным к человеческому миру. Таким образом, с момента крещения пояс, наряду с крестом, сопровождал человека до конца жизни. Ношение этого предмета одежды было этической нормой, тогда как появление на людях без пояса считалось грехом. Такие представления были обусловлены в том числе особыми свойствами апотропейного характера, которыми наделялся пояс.

В завязанном виде он являлся символом замкнутого круга, который по традиционным представлениям выступал сильнейшим оберегом, защищая от дурного глаза и болезней. Неслучайно «беспоясными» в народном понятии изображались представители нечистой силы – ведьмы, лешии, русалки. Незавязанный пояс представлял собой длинное узкое полотно, олицетворяя путь, дорогу, в том числе между человеческим и потусторонним или небесным миром. Эта параллель отчетливо прослеживается в свадебной песне, исполняемой сироте (записана в с. Соколовка Чугуевского района):

«Ой, зэйди, Божа, з неба,
Па шаўковам шнуро[чку],
Па шаўковай рэшатиначк...
Да й да нашай сиратина[чки]» [10, с. 26].

Таким образом, пояс был не только границей двух противоположных миров, но также мог исполнять роль посредника между ними. В этом качестве он широко использовался в различных обрядах.

В родильных обрядах, бытовавших в среде переселенцев в Приморье на рубеже XIX–XX вв., поясу придавалось особое значение. Чтобы облегчить роды, женщина снимала с себя пояс, при трудных родах ее примеру следовал муж и все присутствующие. Развязывание узлов в одежде было направлено на скорейшее разрешение от бремени, так как, согласно народным представлениям, подобное вызывает подобное. Иногда расстилали на полу красный пояс, и роженица трижды переступала через него [1, с. 167]. Кроме того, «стремились достать пояс священника, которым он опоясывался во время богослужения, им опоясывали роженицу и клали ей на живот» [7, с. 101]. Или же опоясывали роженицу «шнуром, которым был обвит крест в какой-либо уничтоженной ветхой церкви» [1, с. 167]. Такие действия были связаны с представлениями о том, что предметы, использовавшиеся при богослужении, наделены особой сакральной силой, способной помочь в переломные моменты жизни. По свидетельствам Ю.В. Аргудяевой, после крещения ребенка «у украинцев и белорусов кумовьев, уходящих по завершению обеда, непременно одаривали пирогом, завернутым в большой (полтора-два аршина) кусок нового полотна и завязанным большим поясом» [1, с. 175].

Широко использовался пояс в свадебной обрядности. Так, для всех восточных славян было

характерно одаривание невестой поясами жениха и его многочисленных родственников. Обычно уже в двенадцать лет девочки начинали подготавливать себе приданое, в том числе пояски. У белорусов невеста на «запоинах» в качестве своего согласия опоясывала жениха, свата, также поясом окручивали бутылку или бочонок с вином [7, с. 46]. После венчания белорусская невеста развешивала пояса в различных местах дома (над печкой, сундуком) или двора (в амбаре, в хлеву, у колодца). В этом обычае просматриваются пережитки жертвоприношений духам дома, где предстояло жить молодой. К тому же, как отмечает А.К. Байбурун, здесь отражается «идея маркирования своего и освоения чужого» [2, с. 8]. У украинцев красный пояс, подаренный женой мужу, должен был охранять его от наговора, сглаза и чужих жен [7, с. 46].

В похоронных обрядах также присутствовал пояс. Мужчин и женщин хоронили подпоясанными, поскольку верили, что в загробной жизни они будут вести тот же образ жизни, что и на земле. У белорусов на покойника надевали синий пояс [7, с. 97]. По всей видимости, синий цвет, аналогично черному в конце XIX – начале XX в., приравнивался к траурному и использовался как в «смертной», так и в траурной одежде. В качестве же оберега широко применялся красный цвет. Так, в Киевской губернии известен обычай, когда после выноса тела хозяина дома завязывали ворота красным поясом, чтобы за хозяином не пошла и скотина [7, с. 86].

Использовали пояс и в различных обрядах аграрного цикла. Так, украинцы прибегали к его помощи для повышения урожая огурцов. Красной ниткой, выдернутой из пояса, подвязывали цветы огурцов со словами: «Як густо цей пояс в'язався, щоб так и мої огірки густо в'язались...» [2, с. 10]. Интересен обряд «перегения», распространенный у украинцев. Он заключался в том, что, пропальвая свеклу, девушки снимали с себя красные пояски и обвязывали ими самую проворную работницу – «перегению» – так, что открытыми у нее оставались только глаза и рот. В этом обряде многочисленные пояса красного цвета, вероятно, олицетворяли собой будущий урожай свеклы, а сам обряд был направлен на заклинание хорошего урожая [7, с. 124]. Известно также использование пояса в обрядах, приуроченных к первому весеннему выгому скота, который обычно приходился на Юрьев день (23 апреля по старому стилю). Так, украинцы Харьковской губернии перегоняли скот через замкнутую цепь или красный пояс. При этом верили, что, «если животное не коснется этих предметов

ногой, его не тронет ни один зверь» [4, с. 89]. Белорусы Гродненской губернии при первом выгоне скота бросали ему пояс под ноги, чтобы не разбежался [3, с. 89].

Упоминание о поясе нередко встречается в фольклорных текстах, в том числе в песнях обрядового цикла – в первую очередь свадебных. Несмотря на то, что в этих песнях зачастую используется поэтический прием идеализации, приукрашивающей действительность, все же они дают вполне конкретную информацию о видах поясов, а также их месте в культуре украинцев и белорусов.

Пояс изготавливали из различных материалов – шерсти, льна, конопли, шелка, ткани. Беднейшие крестьяне употребляли в качестве пояса лыко или веревочку. Вот как об этом в шуточной форме говорится в свадебной песне-дразнилке, записанной в с. Хвалынка Спаского района:

«Старший боярин, як болван,
Вылупив очі, як баран.
Очи в клоччі, голова в ппир'і
Низ у ремені.
Борода у зелені,
Ліком перев'язався» [1, с. 313].

Тот же мотив присутствует в прополочной песне, посвященной теме несчастного брака:

«В меня мамочка неродная,
Щей дружиночка, ай, неверная...
Сами сядут да й вечеряют,
Меня, молоду, шлют по воду,
Босу, голу, щей голоднаю,
Только лычком подпоясанаю...» [11, с. 105].

Упоминание о шелковом поясе как наилучшей одежде часто встречается в описаниях одежды невесты, жениха, хозяина дома:

«Вы пастойте, да баярачки, на дваре,
Пакуль же мне мая мамачка прибяре,
Да надене шубу новую на мене,
Падпаяше да шалковеньким паеском» [10, с. 44].

* * *

«Нидаростачак Колячка
С прясла на каня садився,
На прясли штаны забывся,
Да не жаль тэй штанов пеньковых,
Як жаль матузов шаўковых» [10, с. 50].

* * *

«А Дема, Дема,
Ци сам пан дома?
Хоть он дома,
Так не кається,
У шубу любую прыбирається,
Шелковым поясом
Подперязается.
Что в том поясе
Три колечушки,
Дай нам, тетушка,
По конфетушке» [11, с. 200].

При всей очевидной идеализации праздничной, в том числе свадебной, одежды в фольклорно-песенной традиции упоминание о шелковом поясе в костюме украинцев и белорусов имеет историческую подоплеку. Известно, что широкие шелковые пояса турецкой, персидской, китайской выделки были распространены в праздничном костюме запорожских казаков еще в XVI–XVII вв. Большая популярность восточных поясов способствовала развитию и местного фабричного производства. В XVIII в. широкое распространение получили роскошные шелковые пояса с включением золотой и серебряной нити, изготовленные в г. Слуцке. Слуцкие пояса пользовались значительным спросом среди казачества, а также зажиточного населения. Таким образом, за шелковым поясом закрепилась слава изысканного и дорогого элемента одежды. Влияние шелковых поясов было столь существенно, что даже спустя век после закрытия фабрики на Слутчине в конце XIX в. украинцы и белорусы, а отчасти и русские, изготавливали широкие пояса из хлопчатобумажной пряжи в подражание слуцким [8, с. 690].

Если шелковые пояса были недостижимой роскошью и уделом мечтания для крестьянского населения, то изделия, изготовленные из шерсти, напротив, получили широкое распространение, особенно в домашнем производстве. Использовали нитки из овечьей шерсти домашней выделки, окрашенные в различные цвета природными, а позднее анилиновыми красителями, или покупные (гарус). Излюбленным цветом праздничных шерстяных поясов был красный, хотя использовали и другие цвета, например синий, зеленый, желтый, оранжевый, фиолетовый и пр. Чаще всего красный цвет был основой, на которую накладывался узор из нитей вспомогательных цветов.

Кроме того, в отдельных областях центральной Украины (в том числе Черниговской, Пол-

тавской, Киевской) в качестве свадебного пояса зачастую использовали белое льняное, затканное красными полосами или вышитое полотенце – рушник. Для этой цели широко применялись знаменитые кролевецкие рушники промышленного производства с богатым орнаментальным декором (Рис. 1). Рушником обычно подпоясывали невесту, подчеркивая ее особый статус. Рушник надевался поверх верхней одежды (кирсетки или свитки) и завязывался спереди на узел, при этом расправленные концы, украшенные вышивкой, свободно свисали вниз. Использование рушника как отличительного атрибута одежды невесты отмечается не только собственно в свадебном, но и в досвадебном периоде. Так, по свидетельствам Масловой, подпоясанная рушником невеста в своем лучшем наряде «обходила село с приглашением на сватанье, *кликать жінок на шишки, на весілля* и т.п.» [7, с. 33].

Рис. 1. Рушник. Украина, г. Кролевец. Нач. XX в. Лен, фабричное ткачество

При изготовлении поясов в домашних условиях использовали технические приемы, в основе которых лежали различные виды плетения и ткачества. Характерным способом изготовления

украинских и белорусских поясов было плетение «по стене» (укр. *по стіні*), соответствующее технике «спренг». Эту технику наглядно демонстрирует пояс переселенцев из с. Владимировка Черниговской губернии (Рис. 2), представленный в экспозиции Приморского государственного объединенного музея (ПГОМ) им. В.К. Арсеньева (МПК 11885-1 Т 2616). Кроме указанной техники у белорусов Витебщины и Мозырищины также были распространены такие приемы, как плетение «на вилочке», ткачество на ниту и на дощечках. Белорусы Могилевщины активно использовали ткачество на бердечке [5, с. 507]. Вышеуказанные технологии ткачества, известные всем восточным славянам, отчасти использовали и украинцы (укр. *на нитку, на бердечці*) [9, с. 105].

Говоря о конструктивных особенностях поясов, необходимо отметить их размеры, которые могли значительно отличаться в зависимости от местности. Длина поясов варьировалась от 1,5 до 5 м. Встречались узкие и широкие пояса. Узкие пояса в виде шнура или тесьмы были распространены у белорусов и русских. Их ширина обычно составляла 1–3 см, реже 4–10 см. Изначально их использовали для удержания несшитой одежды на талии. Позднее стали подпоясывать и сшитую, в основном нательную, одежду. Широкие пояса – кушаки у русских и белорусов – достигали 20 см. Они использовались для подпоясывания верхней одежды – свитки, кожануха. Украинские домотканые пояса были значительно шире белорусских. Ширина узких поясов варьировалась от 3 до 15 см. Такие пояса назывались у украинцев *крайки* (*окрайки, попружки*). Применялись они так же, как и в белорусском костюме. Пояса украинцев достигали 30 см в ширину. Помимо верхней одежды ими также могли подпоясывать кирсетки. В целом мужские пояса были шире женских, а детские пояски были самыми узкими.

Интересно, что в разных местностях пояс носили по-разному. Так, на Левобережье Украины концы пояса завязывали сзади или слева на узел. На правобережной Черкащине пояс завязывался поверх кирсетки спереди большим бантом. Верхнюю одежду, в том числе свитку, подпоясывали таким образом, что концы пояса подтыкались по бокам и свободно свисали вниз [9, с. 105]. Так же подпоясывали нательную одежду мужчины-украинцы, при этом рубаху заправляли в штаны. У белорусов способ повязывания мог свидетельствовать о семейном положении. Так, холостые парни и незамужние девушки в Березинском районе Минской области завязывали пояс слева, а после венчания справа [3].

Рис. 2. Пояс. Черниговская губ., с. Владимировка. Конец XIX – нач. XX в. Шерстяные нитки, плетение

В эстетическом отношении пояс несомненно был украшением костюма, цветовым акцентом, придававшим всему комплексу одежды стройность и завершенность. Однотонные (чаще красного цвета) и цветные (с продольными разноцветными полосами) пояса были распространены на юге Белоруссии и в центральной Украине. В таких поясах узор закладывался уже в момент снования нитей. Кроме того, их могли орнаментировать, используя технику «пербор». В качестве декора использовали разнообразные орнаменты чаще геометрического характера – ромбы, розетки, кресты. На концах пояс украшали бахромой из нитей основы (укр. *торочки*) или пышными кистями (укр. *кутасы*, бел. *кицици*). Наибольшей красочностью отличались свадебные пояса. В коллекции ПГОМ им. В.К. Арсеньева представлено несколько интересных свадебных мужских поясов. Один из них (МПК 14011-2 Т 3592) изготовлен в 80–90-е гг. XIX в. на Украине. Пояс (Рис. 3) соткан из шерстяных нитей красного, синего, зеленого, оранжевого, желтого, розового, бордового, белого цветов. Размеры пояса 3 / 320 см. По всей ви-

димости, пояс выполнен на ниту или бердечке. Это так называемый уточный пояс с доминирующей уточной нитью, когда узор выстраивается горизонтально за счет разноцветных нитей утка. Орнамент геометрический – ступенчатые треугольники, кресты. Концы пояса заканчиваются бахромой из нитей основы. Другой свадебный пояс (Рис. 4) (НВ 5028-2) принадлежал В.Д. Митракову из семьи переселенцев с Украины. Его изготовили в 1922 г. в Приморье. Размеры пояса 16,5 / 253 см, он выполнен из шерстяных нитей красного цвета с включением горизонтальных и вертикальных орнаментальных полос из желтых, зеленых, синих, фиолетовых и белых нитей. Орнамент геометрический – растущие ромбы и треугольники. Судя по характеру переплетения нитей, пояс изготовлен в технике «многоремизного ткачества» на ткацком станке. Концы его оформлены в виде маленьких разноцветных кисточек на свитых нитях основы.

Рис. 3. Пояс мужской свадебный. Конец XIX в. Шерстяные нитки, ткачество

Рис. 4. Пояс мужской свадебный. 1922 г. Шерстяные нитки, ткачество

С развитием промышленного производства, распространением городской моды пояс в мужском традиционном костюме в Приморье постепенно вытеснил кожаный ремень, которым в начале XX в. все чаще подпоясывали рубахи на военный манер. В женской одежде тканый пояс заменили юбки и фартуки с притачным пояском. Какое-то время пояс еще оставался отличительной деталью свадебного костюма, которую впоследствии хранили как память о близких людях, благодаря чему традиционный пояс украинских и белорусских переселенцев дошел до наших дней.

Можно заключить, что на рубеже XIX–XX вв. поясу отводилось исключительное место в традиционной культуре украинцев и белорусов в Приморье. Это был не только аксессуар одежды, но прежде всего сакральный предмет, своеобразный культурный маркер, наделенный целым рядом свойств и функций, значимых в системе восточнославянских культурных традиций. Помимо прочего, традиционный пояс украинцев и белорусов представляет собой особую художественную ценность как образец декоративно-прикладного искусства и артефакт культурного фонда Приморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1997.
2. Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы: сб. статей. СПб., 1992. (Сб. МАЭ. Т. 45). С. 5–13.
3. Богдан П.А. Пояс в традиционной материальной и духовной культуре белорусов // Рынок легкой промышленности. 2012. № 103 / «Российские торговые марки» – промышленный портал [Электронный ресурс] : <http://rustm.net/catalog/article/2167.html>
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
5. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 461–535.
6. Лысенко О.В. «Красный пояс»: цветовой и предметный коды в восточнославянской этнокультурной традиции // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию РЭМ. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 258–262.

7. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1984.

8. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 543–757.

9. Николаева Т. История украинского костюма. Київ: Либідь, 1996.

10. Традиционная свадьба: свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / сост. И.В. Семенова. Владивосток, 1998.

11. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.

REFERENCES

1. Argudyaeva, Yu.V., 1997. Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo XX v.). [Peasant family of East Slavs in the south of the Russian Far East (1850s – beginning of XXth century)]. Moskva: IEA RAN, pp. 45–47. (in Russ.)
2. Baiburin, A.K., 1992. Poyas (k semiotike veschei) [Belt: to the semiotics of things]. In: Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoi Evropy: sbornik statei (Vol. 45). Sankt-Peterburg, pp. 5-13. (in Russ.)
3. Bogdan, P.A., 2012. Poyas v traditsionnoi material'noi i duhovnoi kul'ture belorussov [Belt in the traditional culture of Byelorussians], Rynok legkoi promyshlennosti, no. 103. Rossiiskie torgovye marki – promyshlenniy portal. URL: <http://rustm.net/catalog/article/2167.html> (in Russ.)
4. Zelenin, D.K., 1991. Vostochnoslavyanskaya etnografiya [Ethnography of the East Slavs]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
5. Lebedeva, N.I., 1956. Pryadeniye i tkachestvo vostochnykh slavyan v XIX –nachale XX v. [Spinning and weaving of the East Slavs in the XIXth–early XXth century]. In: Vostochnoslavyanskii etnograficheskii sbornik. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 461-535. (in Russ.)
6. Lysenko, O.V., 2002. “Krasnyi poyas”: tsvetovoi i predmetnyi kody v vostochnoslavyanskoi etnokul'turnoi traditsii [“The red belt”: color and object codes in the East Slavic ethnic and cultural traditions]. In: Muzei. Traditsii. Etnichnost'. XX–XXI vv.: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyaschennoi 100-letiyu REM. Sankt-Peterburg; Kishinev: Nestor-Historia, pp. 258-262. (in Russ.)

7. Maslova, G.S., 1984. Narodnaya odezhda v vostochnoslavjanskijh traditsionnyh obyčajah i obryadah XIX – nachala XX vv. [Folk costumes in the traditional customs and rituals of the East Slavs in XIXth – early XXth centuries]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Maslova, G.S., 1956. Narodnaya odezhda russkijh, ukraincev i belorusov v XIX – nachale XX vv. [Folk costume of Russians, Ukrainians and Byelorussians in the XIXth – early XXth century]. In: Vostochnoslavjanskij etnografickij sbornik. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 543-757. (in Russ.)

9. Nikolaeva, T., 1996. Istorija ukrainskogo kostyuma [The history of Ukrainian costume]. Kiev: Libid'. (in Ukrainian)

10. Semenova, I.V. ed., 1998. Traditsionnaya svad'ba: Svadebnyj obryad pereselentsev Chernigovskoj gubernii v Primor'je [Traditional wedding: Wedding custom of the settlers from Chernigov province in Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)

11. Fetisova, L.E., 2002. Belorusskiye traditsii v narodno-bytovoj kul'ture Primor'ja [Belarusian folk traditions in everyday culture of Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(47).084.3

В.С. Измозик*

ДЕЛО «КРАСНЫХ ФИННОВ»

Статья посвящена конфликту «низов» и «верхов» в Финской коммунистической партии, вспыхнувшему в конце 1919 г. и закончившемуся террористическим актом 31 августа 1920 г. В ходе теракта погибли восемь и были ранены одиннадцать работников аппарата ФКП. Автор дает историографический обзор темы, а также на основе известных и с привлечением новых источников из партийных архивов и архивов ФСБ исследует причины конфликта, его ход, последствия, в частности противоречия в позициях руководства ФКП, ВЧК и Верховного ревтрибунала при ВЦИК. Автору также удалось проследить судьбы основных участников террористического акта вплоть до конца 1930-х гг.

Ключевые слова: красные финны, ФКП, террор, «дело маузеристов», Верховный ревтрибунал, Политбюро ЦК

The “Red Finns” case. VLADLEN S. IZMOZIK (The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications).

The paper describes the conflict between the top leaders and the members of the Finnish Communist Party (FCP) that broke out in late 1919 and ended with an act of terrorism on August 31, 1920. Eight staff members of the FCP were killed and eleven were injured as the result of the attack. The author gives a historiographical overview of the topic and investigates the reasons of the conflict, its timeline and consequences basing on previously known information and the newly discovered sources from party archives and the Federal Security Service archives. The authors also managed to trace the fate of the main participants of the terrorist act until the end of the 1930s.

Keywords: Red Finns, Finnish Communist Party, terror, “The Mauserists Case”, Supreme Revolutionary Tribunal, Politburo

12 сентября 1920 г. на Марсовом поле в Ленинграде прошли похороны восьми финских коммунистов. Эта трагедия, известная под названием «дело маузеристов», разыгралась во вторник, 31 августа 1920 г., примерно в 20.30 в доме 26 / 28 по улице Красных Зорь (Каменноостровский пр.). Незадолго до этого семь вооруженных финских коммунистов – И.Д. Иоронен, Л.М. Кругфорс, А.И. Пааси, А.М. Сало-Нюлунд, Л.А. Суландер, М.И. Халонен, А.К. Хеглунд – собрались на углу

улицы Красных Зорь и Большого проспекта. Отсюда они прошли к дому 26 / 28, свернули направо в парадный двор. У входа в восьмую парадную остался Л. Кругфорс. Он должен был известить милицию или чекистов о происшедшем. Остальные поднялись на пятый этаж. На лестничной площадке встали А. Сало-Нюлунд и М. Халонен. Четверо ворвались в помещение финского клуба им. Куусинена, размещавшегося в квартире № 116, где проходило очередное заседание, и

* ИЗМОЗИК Владлен Семенович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

E-mail: izmozik@mail.ru

© Измозик В.С., 2014

открыли беспорядочную стрельбу из револьверов. А. Пааси застрелил члена ЦК И. Рахья, А. Хеглунд – зав. регистрационным отделом ЦК Ф. Кеттунена. Всего погибли восемь человек. Кроме указанных выше это члены ЦК КПФ Вяйне Иоккинен (р. 1879), председатель Центрального бюро финских организаций РКП (б) и Туомис Херскуюмурто (р. 1881), а также работники партаппарата Ю.В. Сайнио (р. 1880), Елизавета Саволайнен (р. 1897, умерла от ран), Конета Линдквист (р. 1880), Юхо Виитасаари (р. 1891).

Одиннадцать человек – Яакко (Яков) Рахья, казначей партии К. Эвя, М. Виркки, И. Вастен, Э. Лайне, И. Лихтенен, Г. Ови, Э. Петерсон, А. Поккинен, И. Саастемойнен, Э. Сууркалис – были ранены. Некоторые из них тяжело. Так, секретарь и член коллегии Центрального бюро финских организаций РКП (б) И. Вастен был ранен в обе ноги, организатор Центрального бюро финских организаций РКП (б) И. Лихтенен в левое плечо и руку, кассир и зав. распределением литературы Центрального бюро финских организаций РКП (б) М. Виркки в правый бок. Особой целью террористов были председатель партии К. Маннер и Эйно Рахья, руководитель военного отдела ЦК КПФ, связной Ленина летом и осенью 1917 г., которых в этот день в клубе не было. Убийцы не пытались бежать, а спокойно сдали оружие и дали себя арестовать прибывшим на место сотрудникам Петроградской милиции (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 194; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, далее – ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11666. Л. 1).

Случившееся, видимо, было настолько ошеломляющим, что первая информация о происшедшем появилась в газетах лишь 8 сентября. В сообщении ВЧК утверждалось, что «комиссия под председательством Дзержинского сразу же напала на хитро обдуманый план и тонко сплетенную сеть финских белогвардейцев. ... Ловкая рука белогвардейского замысла сделала эту молодежь слепым орудием своих планов» [9]. В тот же день Петербургский комитет РКП (б) постановил провести прощание с убитыми в воскресенье, 12 сентября (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 65). Похороны прошли на Марсовом поле. С утра восемь гробов были выставлены для прощания

в Георгиевском зале Эрмитажа. Во время митинга на площади Урицкого (Дворцовой) выступили Н.И. Бухарин и член РВС 7-й армии Г.Е. Евдокимов. Один из венков украшала надпись: «Через трупы товарищей финнов – вперед к коммунизму» [10]. Выбитая на обелиске надпись «Убиты финнами-белогвардейцами» не соответствует реальности. На самом деле стрелявшие представляли внутривнутрипартийную оппозицию, обвинявшую руководство финской компартии не только в политических ошибках, но и в нечистоплотности в обращении с партийными средствами.

Этому событию в литературе посвящен ряд публикаций. Небольшая статья А. Пюккенена дает лишь краткую хронику события [12, с. 419–420]. Статья Д.В. Митюринна, перепечатанная в нескольких изданиях, обнаруживает недостаточное знакомство автора с материалами дела [7, с. 5; 8]. В ней много предположений, не подкрепленных источниками, и прямых ошибок. Например, в одной из публикаций автор, пытаясь объяснить мягкий приговор обвиняемым по делу, выдвигает версию, что чекисты «заведомо пытались оправдать непосредственных исполнителей теракта, ссылаясь на их «молодость», «горячность» и «чистоту помыслов», поскольку «возможно ... Пааси, Хеглунд, Пукка и некоторые другие сотрудничали с советскими спецслужбами и выполняли тайные поручения на территории Суоми» [7, с. 5]. Это абсолютно неверно, и далее мы покажем, что именно Ф.Э. Дзержинский требовал самого сурового наказания для этих людей. Также ошибочен пассаж Д.В. Митюринна о том, что «связной белогвардейцев» Туоминен избежал наказания, стал одним из лидеров КПФ и лишь в 1939 г., находясь на партийной работе в Швеции, порвал со своими советскими хозяевами» [8]. Здесь автор путает двух разных людей: К.Г. Туомайнена (р. 1891), участника событий 31 августа 1920 г., и Арво Туоминена (1891–1981), генерального секретаря ЦК КПФ, осудившего в конце 1939 г. нападение СССР на Финляндию. Без ссылки на какие-либо источники автор уверенно заявляет, что «все участники «дела маузеристов» были уничтожены во время сталинского «большого террора» [7, с. 5]. Это тоже говорит лишь о недостаточном знакомстве Д.В. Митюринна с фактами.

Статья А. Лбова при внешнем наукообразии полна пассажами в духе печально знаменитого «Краткого курса» [5]. Казалось бы, А. Лбов указывает на объективные причины напряженности в рядах КПФ: «На партии, кроме организации нелегальной работы, гири висели те тысячи несчастных беженцев, которые отступили с фин-

ской Красной гвардией, – не зная языка, не имея ни работы, ни имущества, ни жилья, разлученные с родными и близкими, живущие в ужасающих условиях нищеты, голода, разрухи и продолжающейся войны, они требовали от партии внимания к своим нуждам»; наличие острых разногласий в руководстве КПФ между группой Ю. Сирила – К. Маннера и группой братьев И. и Э. Рахья. Он отмечает, что «отсутствие перспектив на удовлетворение проблем оппозиции толкнуло ее на анархический и самоубийственный шаг» [5]. С одной стороны, признается, что «все это время как РКП (б), так и Коминтерн пытались организовать переговоры (как и с предыдущей оппозицией), которые ни к чему не привели», но тут же вина возлагается на Г.Е. Зиновьева и неназванных лиц из его окружения в Петроградском комитете РКП (б). А далее вешаются давнишние политические ярлыки: «беспринципные левые авантюристы», «напыщенная и малосодержательная риторика в эсеровском духе» (5). Ни словом не говорится об обвинениях ряда членов ЦК в коррупции, моральном разложении. Нет даже попытки объяснить чрезвычайно мягкий приговор, вынесенный обвиняемым дважды Верховным ревтрибуналом при ВЦИК РСФСР. Заявление А. Лбова о том, что якобы «комиссия ЦК РКП (б) по итогам расследования ... привлекла виновных членов Верховного трибунала к ответственности, сняв со всех постов», является ложным, о чем мы скажем ниже [5]. Таким образом, в статье ученый не пытается понять причины трагедии и последующих решений Ревтрибунала. Зато есть попутное стремление оболгать т.н. троцкистов, бухаринцев, рабочую оппозицию и др., тех, кто пытался сохранить в партии право на идейную борьбу и был раздавлен сталинским режимом.

Насыщенной фактами и опирающейся на материалы бывшего ленинградского партийного архива и работы финских авторов является статья А.И. Рупасова и Н.Ю. Семенова [13]. Здесь достаточно подробно прослежен процесс возникновения «револьверной оппозиции» и сделан вывод о том, что «физическое уничтожение части партийной верхушки было логичным завершением длительной, ожесточенной борьбы в кругах финской политической эмиграции» [13, с. 156]. Авторы приводят факты морального разложения части руководителей финской компартии: пьянство Э. Рахья, приобретение чрезмерного количества обмундирования и продуктов И. Рахья и грубость в обращении с подчиненными, хищение денежных средств казначеем партии К. Эвя. Например, в одном из документов свидетели сообщали: «Был

случай 11-го или 12-го марта [1920 г.] в квартире сотрудников Особой комиссии при Председателе Реввоенсовета Республики, тов. [Эйно] Рахья употреблял в большом размере спиртные напитки, так что в скором времени потерял самообладание и энергию нормального человека, после чего уснул на столе. До потери сознания тов. Рахья звонил куда-то по телефону, но, сам не сознавая куда, только и кричал, что «я комиссар дивизии» [13, с. 157–158, 160]. К сожалению, авторы не приводят документов другой стороны и результатов расследования подобных обвинений, однако историкам хорошо известно, что эти заявления могут быть и истинными, и ложными.

Весьма взвешенной нам представляется оценка, данная этому трагическому событию Н.С. Лебедевой в предисловии к сборнику документов «Коминтерн и Финляндия» [6]. В своем кратком комментарии она указывает на тяжелое положение беженцев, «высокомерие, равнодушие к насущным потребностям людей, диктаторские замашки части членов ЦК, отвечавших за работу с беженцами и военнослужащими», доходившую до рукоприкладства со стороны братьев И. и Э. Рахья. Она очень осторожно касается вопроса о моральном разложении части членов ЦК. Замечает лишь, что отведенные советской стороной КПФ пограничные пункты использовались братьями Рахья «не только в целях нелегальной отправки в Финляндию коммунистов, пропагандистской литературы, но и для контрабанды и спекуляции, отнюдь не вызванных интересами подпольной борьбы» [6, с. 9].

Таким образом, на сегодня нет комплексного исследования произошедшего события. Поэтому мы постарались собрать воедино имеющиеся данные с учетом обязательной критики источников. К сожалению, нам не удалось получить доступ к архивно-следственному делу и материалам судебных заседаний Верховного Ревтрибунала при ВЦИК. Последние попали в число около 300 дел, которые в 1980 г. были переданы из Центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне ГАРФа) в Центральный архив КГБ (ныне ЦА ФСБ). Из ЦА ФСБ РФ нам была прислана достаточно подробная справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг.

Итак, нападению предшествовала длинная цепь взаимных обвинений и апелляций к большевистским руководителям в Москве и Петрограде. Оппозиционные взгляды находили поддержку среди части курсантов Третьих советских петроградских финских пехотных курсов, где комисса-

ром был Э. Рахья. Оппозиционная группа, лидерами которой были В. Элоранта, О. Палхо, В. Пукка, в конце декабря 1919 г. направила письмо члену исполкома Коминтерна Х.Г. Раковскому. Его следствием стал безрезультатный приезд в Петроград в начале 1920 г. члена коллегии ВЧК Т.П. Самсонова. ЦК ФКП отдал приказ об аресте В. Элоранты и исключил из партии В. Пукка. В январе 1920 г. состоялась встреча руководства ФКП с финскими курсантами, но недовольство лишь усилилось. 16 марта 1920 г. открылась партийная конференция с преобладанием оппозиционеров. Она была распущена, поскольку ЦК ФКП признал ее неправомочной. В газете финских коммунистов «Вапаус» была напечатана статья И. Рахья, в которой он обвинял оппозиционеров в том, что они действуют по наущению агентов белой Финляндии. В ответ 23 марта созданный оппозиционерами Комитет большинства Финляндской коммунистической организации в России направил письмо в Исполком Коминтерна, в ЦК РКП (б) и Петроградский комитет РКП (б). Здесь ЦК ФКП обвинялся в неправомочном роспуске конференции, а И. Рахья – в клевете. Предъявлялось требование выяснить «недоразумение», заявлялось об отказе поддерживать контакты с ЦК ФКП [13, с. 158–159; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 192–193].

Деятельность группы В. Элоранта разрабатывалась на фоне обострения разногласий в самом руководстве КПФ. Здесь сформировались две группы: бывшие левые социал-демократы (Ю. Сирола, К. Маннер) и российские финны – большевики (братья И. и Э. Рахья и их сторонники). Последние обвиняли бывших социал-демократов в оппортунизме, стремились отстранить их от руководства партией. 26 февраля 1920 г. председатель партии Ю. Сирола направил письмо Г.Е. Зиновьеву о расколе в ЦК КПФ. Он, в частности, утверждал, что руководимая В. Элорантой оппозиция считает ЦК буржуазным (каутскианским), а недовольство против братьев Рахья «вытекает из других причин, отчасти из способов обхождения», указывая на жалобы по поводу деспотического поведения И. Рахья. В заключение Ю. Сирола писал: «Следует ли авторитет здешнего руководящего органа финских коммунистов поддерживать коммунистическим доверием или устрашением посредством ЧК? Последний способ я считаю гибельным и не желаю участвовать в его применении». По его просьбе, председателем КПФ стал К. Маннер. В тот же день ЦК голосами Ю. Сирылы, В. Ио-

кинена и К. Маннера приняло решение: «Эйно Рахья ... оказался виновен в грубом искажении фактов ... и в прямой лжи». Э. Рахья подал заявление о выходе из ЦК. В результате в марте 1920 г. Малое бюро Исполкома Коминтерна поручило временно вести текущие дела тройке в составе К. Эвя, В. Йокинена и Э. Рахья [6, с. 9–10; 3, с. 56, 58–59, 61].

В это время оппозиция пыталась найти поддержку в Петрограде, где председателем Петроградского совета и реальным руководителем города был кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б) и председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев. Встреча с ним состоялась 29 апреля. Но поскольку в составе предлагаемого ЦК оставался Э. Рахья, в новом обращении к Зиновьеву оппозиция утверждала, что он «попал в руководители лишь благодаря обстоятельствам случайного характера, хотя его способности и не предполагали бы к этому. ... он при исполнении своих обязанностей, скандала в пьяном виде и производя произвола вместе со своим братом и другими членами ЦК, является причиной разложения, которое замечается среди финских революционных добровольных красноармейских частей в России ... Эйно Рахья пьяница и испортит этим и другими преступлениями мораль возрастающего революционного поколения финских рабочих, поэтому мы должны избавиться от него». Через секретаря петербургского губкома РКП (б) С.С. Зорина Зиновьеву были переданы и другие документы, компрометирующие ряд членов ЦК ФКП [13, с. 159]. Впоследствии участники оппозиции утверждали, что в составе группы были у Зиновьева несколько раз [Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 39; Д. ПУ-15385. Л. 110; Д. П-24996. Л. 23, 24].

Петрогубком делал попытку примирить враждующие стороны. 9 июля С.С. Зорин направил оппозиции письмо, прося ответить на ряд вопросов. В ответном письме 15 июля оппозиция заявила о готовности подчиниться решению Исполкома Коминтерна о новом составе ЦК, но выдвинула ряд контрпредложений: провести не позже чем через три месяца съезд, а до него – партконференцию, прекратить любые репрессии (увольнения, перемещения по службе, аресты), публично опровергнуть обвинения оппозиции в провокаторстве, провести расследование советскими властями деятельности некоторых членов ЦК [13, с. 160]. 16 июля письмо Зиновьеву направил К. Маннер, предупреждая о серьезности ситуации и непримиримом характере оппозиции. Он сообщал, что ЦК КПФ исключил из партии некоторых участников

оппозиции, но «они пользуются защитой в РКП». Он выразил недовольство позицией исполкома Коминтерна и «некоторых русских товарищей в этом деле» и предупредил, что будет вынужден обратиться в ЦК РКП (б) [6, с. 10; 3, с. 75–76]. В начале августа 1920 г. ЦК КПФ вызвал на секретное заседание Пекку Вартиайнена, красного командира и одного из участников оппозиции. После его отказа порвать с оппозицией он был арестован. Его товарищи обратились за помощью в Петербургский губком РКП (б). На заседании 16 августа он обсудил вопрос «Конфликт ЦК ФКП с оппозиционной группой Кука [Пукка]-Элоранто и другими». Последовало решение: «Оставить открытым и ждать результатов заседания финской организации». В тот же день этот вопрос возник на заседании бюро горкома РКП (б). С.С. Зорин информировал о принятых им мерах примирения и добавил, что поступило требование ЦК ФКП принять решительные меры. Решение также было отложено. В ответ собрание оппозиционеров 26 августа 1920 г. на квартире О.О. Палхо (Тихвинская ул., 8, кв. 21) постановило провести физическую ликвидацию партийного руководства. Его реальное осуществление было поставлено в зависимость от рассмотрения дела П. Вартиайнена в Смольном. В связи с отъездом Г.Е. Зиновьева и С.С. Зорина в служебную командировку на Кавказ вопрос на заседании ПК 30 августа не рассматривался. 31 августа стало известно, что решение по этому делу отложено на месяц. Собрание на квартире В. Элоранта приняло окончательное решение. Впоследствии А.К. Хеглунд признавал, что основными инициаторами и исполнителями террористического акта были он и А.И. Пааси [13, с. 160–161; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92754. Л. 43; Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 23об.; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 193]. Вечером того же дня в клубе им. Куусинена оппозиция заговорила языком револютеров.

Перед осуществлением террористического акта его руководитель А.И. Пааси, член КПФ с 1918 г., красный командир, подготовил обращение к В.И. Ленину и Г.Е. Зиновьеву с объяснением мотивов этого решения. Он обвинял руководителей партии в том, что они «отвратительное стадо бывших лидеров социал-демократии» и «ненавистные преступники братья Рахья», что в мае 1918 г. «эти господа трусливо удирали в самый решающий момент, оставляя десятки тысяч рабочих на

растерзание белогвардейцам». Он ссылаясь на то, что Зиновьев «не понял этого ... и в конце концов стал выступать в защиту этих господ». А.И. Пааси понимал, что «возможно, Вы ... будете вынуждены объявить этот поступок инспирированным белогвардейцами и ... официально представите все дело именно так». Заканчивалось обращение лозунгами: «Мы идем на смерть с улыбкой на устах, так как твердо верим в то, что сослужили великую службу коммунизму и революции. Да здравствует революция! Да здравствует коммунистическая диктатура рабочих! Да здравствует ее лучшее оружие – красный террор!» Это обращение предполагалось распространить среди финских рабочих не только в России, но и в Финляндии. Впоследствии суд признал, что автором обращения наряду с А. Пааси был В. Элоранта [3, с. 78–81; Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранта В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП. С. 2 // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 31.08.2012].

Проходивший в Петрограде в первых числах сентября 1920 г. III съезд КПФ принял специальное постановление в связи с трагедией 31 августа. В нем указывалось на то, что гнусное убийство было направлено «прежде всего, ... против ... учрежденной финляндской революционной рабочей классовой организации» и требовалось срочное осуждение виновных к высшей мере наказания [3, с. 81]. Таким образом, террористический акт на время объединил против «револьверной оппозиции» враждующие группы К. Маннера и Э. Рахья. На митинге финских коммунистов 17 сентября выступил Г.Е. Зиновьев, доказывая, что обвинения оппозиционеров в адрес убитых, что они меньшевики, что они бежали из Финляндии, бросив революционные массы на растерзание белым, являются ложными [4].

В свою очередь уже из тюрьмы ВЧК на Лубянке арестованные А. Пааси, В. Пукка, О. Палхо, Б.А. Матикайнен, Ф.К. Кярйяйнен 19 ноября 1920 г. направили письмо Ленину и другим членам ЦК РКП (б). Они обвиняли руководителей Финской коммунистической партии К. Маннера, братьев Ивана и Эйно Рахья в преследовании оппозиции, в антипартийных поступках, «в угрозах маузером» по малейшим поводам. Они, в частности, предлагали: «1. Что происшедший террористический акт ... должен признаться ... результатом неправильной политики ЦК ФКП; ... 3. Что срочно Исполком III Интернационала, ЦК РКП совместно с оппозицией выделяют временный ЦК ФКП, в который изберут достаточное количество представителей оппозиции, и чтобы этот времен-

ный ЦК ФКП руководил партией до съезда; ... 7. Чтобы немедленно освободить всех тех, которые арестованы по убеждениям и ... совершавших террор 31/VIII-20 г.; 8. Чтобы... оставшихся членов ЦК ФКП [осудили] за преступления по должности, халатное и преступное отношение к делу подготовки новой финляндской революции и прочие неправильные действия, и отчасти измену РСФСР» [Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д.146. Л. 6-10].

Комиссия Коминтерна в составе представителей эстонской компартии Я. Анвельта, венгерской – Б. Куна, французской – А. Росмера и болгарской – Н. Шаблина в своем заключении от 24 ноября 1920 г. признала обвинения оппозиции в адрес ЦК КПФ необоснованными [6, с. 10; 3, с. 84–87]. Но следствие затягивалось, что уже было необычно для того времени. В новом заявлении Ф.Э. Дзержинскому от 4 апреля 1921 г. арестованные просили вызвать их «для личных переговоров». Их адвокат Вяйне Пукка настаивал на том, что «террористический акт совершен для пользы революции» и просил передать дело в ЦК РКП (б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 106. Л. 60, 61, 64, 66). 18 апреля ЦК КПФ направил письмо в ЦК РКП (б) и Исполком Коминтерна относительно следствия по делу террористической оппозиции. На основании доклада Э. Рахья финские коммунисты выражали свое недовольство ведением следствия по следующим позициям: 1. Освобождение части активных деятелей оппозиции, некоторые из которых вернулись в Финляндию и стали агентами охранки. В пример приводились А. Берн и П. Кумпулайнен; 2. Несогласие с выводом следствия, что комитет оппозиции не делал постановления об убийстве; 3. Прием освобожденных членов комитета оппозиции в РКП (б). ЦК КПФ просил назначить нового следователя, дать право Э. Рахье «производить допрос свидетелей наравне со следователем», назначить разбор дела в трибунале в Петрограде с допуском к слушанию членов партии» [3, с. 89–90]. Эти просьбы не были выполнены, хотя, по словам А.К. Хеглунда, К. Маннер участвовал в ведении допросов как представитель ЦК ФКП (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 46).

Вопрос о положении в финской компартии обсуждался в Политбюро ЦК 9 июля 1921 г. Было принято предложение В.М. Молотова о передаче дела в ЦКК, «...если тт. Зиновьев и Дзержинский (или его заместитель) не возбудят официального протеста» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 186. Л. 1). 12 июля 1921 г. Политбюро решило принять пред-

ложение Дзержинского передать дело в Центральную контрольную комиссию «для рассмотрения склоки среди финнов, доведшей до организованного убийства» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 188. Л.1). 25 августа 1921 г. Политбюро ЦК приняло постановление «создать комиссию: Сталин, Сольц, Дзержинский» [3, с. 93].

9 июля 1921 г. в деревне Разметелево вблизи Петрограда в здании деревенской трудовой школы чекистами были арестованы 19-летний учитель А.В. Ром, бывший организатор коллектива финских коммунистов в Выборгском районе, и 20-летняя учительница О.Я. Боом [в документах 1921–1922 гг. О.Я. Бум], жена А.И. Пааси в 1919–1926 гг., по обвинению в хранении архива Финской рабочей оппозиции и личной переписки А.И. Пааси. 28 октября 1921 г. они были отправлены в ВЧК и содержались в Бутырской тюрьме. Президиум ВЧК в судебном заседании 10 ноября 1921 г. передал дело в Верховный Ревтрибунал для приобщения к делу ЦК финских коммунистов. Судебная коллегия Верховного трибунала ВЦИК 26 декабря 1921 г. постановила: поскольку А.В. Ром и О.Я. Боом «никакого отношения – ни прямого, ни косвенного – к убийству финских коммунистов не имеют», дело направить обратно в ВЧК с сообщением, что со стороны Верховного трибунала препятствий к их освобождению не встречается. Судебное заседание Президиума ВЧК 15 февраля 1922 г. постановило дело в отношении А.В. Рома и О.Я. Боом прекратить и их из-под стражи освободить (Центральный государственный архив историко-политических документов СПбб далее – ЦГАИСПД СПб. Ф. 1000. Оп. 81. Д. 1. Л. 56–59об.; Справка по материалам архивного следственного дела в отношении А.В. Рома и О.Я. Бум // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-3594 от 07.08.2013; Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-805. Л. 44].

Между тем следствие по делу о террористическом акте продолжалось. В архивном деле «Материалы о террористическом акте против ЦК финской компартии в Петрограде» имеется записка без подписи, излагающая существо дела и предлагающая меры наказания. Автор, возможно, Ф.Э. Дзержинский, признавал, что «среди убийц имелись люди в личном отношении вполне безупречные – А. Пааси, А. Хеглунд, О. Палхо и некоторые другие», но, тем не менее, предлагал расстрелять В. Элоранта и К. Туомайнена, «фактических виновников убийства приговорить к пожизненному заключению» и еще 6 человек осудить на 20 лет и лишь одного человека «выслать на юг» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 106. Л. 56, 58.).

Судебный процесс для того времени стал совершенно необычным. 7–12 февраля 1922 г. в открытом судебном заседании Верховный революционный трибунал при ВЦИК РСФСР в составе судей О.Я. Карклина (председателя), Ю.Ю. Межина и Н.М. Немцова (членов) рассмотрел дело 23 человек. На скамье подсудимых находилось 19 человек. Двое обвиняемых – В.П. Матикайнен и А.М. Сало-Нюлунд – умерли до начала процесса. Два человека – Г.О. Пукко и В.А. Сормунен – скрылись. Единственная женщина, Эльвира Вильман-Элоранта, была женой Войто Элоранта, обвиняемого в идейном руководстве оппозицией. Из 22 мужчин 18 были моложе 30 лет, троим было от 30 до 40 лет, одному, И.О. Кованену, – 51 год. Одиннадцать человек служили в Красной армии, семеро были сотрудниками ВЧК и пограничной охраны. Идеологом преступления был назван Виктор-Войто Элоранта, непосредственно не участвовавший в нападении 31 августа 1920 г.

Войто (Войтто) Элоранта обвинялся в том, что с конца 1919 г. он вел агитацию среди членов партии против членов ЦК, ложно обвиняя их как белогвардейцев, уголовных преступников и предателей интересов революционных рабочих. Собрав вокруг себя конспиративный кружок из числа молодых членов оппозиции, разжигал ненависть в отношении работников ЦК ФКП и довел его членов до коллективного решения о совершении террористического акта. Шесть человек – И.Д. Иоронен, Л.М. Кругфорс, А.И. Пааси, Л.А. Суландер, М.И. Халанен, А.К. Хеглунд – обвинялись в принятии коллективного решения о совершении террористического акта, распределении ролей и его совершении путем использования револьверов и ножей. И. Пюлькенин, Я. Форсман, И.М. Хювенен, по мнению следствия, также принимали участие в убийстве. Восемь человек обвинялись в членстве в оппозиционном кружке, в принятии постановления о совершении террористического акта и выделении группы конкретных исполнителей. К.Г. Туомайнен обвинялся в сборе ложных доказательств против членов ФКП и участии в подготовке провокационного обращения к финским революционным рабочим (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранта В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012).

Однако Верховный ревтрибунал вынес необычайно мягкое решение. Лишь один человек – идейный вдохновитель оппозиции Войто Элоранта – был приговорен к расстрелу, который ему тут же заменили пятью годами тюремного заклю-

чения «при строгой изоляции, с лишением политических прав и политического доверия». Шесть человек (А.И. Пааси, А.К. Хеглунд, И.Д. Иоронен, Л.А. Суландер, М.А. Халанен, Л.М. Кругфорс) получили по пять лет тюрьмы, но с учетом амнистий 7 ноября 1920 г. и 7 ноября 1921 г. к Октябрьским годовщинам и предварительного заключения, были освобождены. Пять человек (О.О. Палхо, Ф.К. Кярияйнен, И. Пюлькенин, Я. Форсман, Э.К. Хельстрем) получили по три года заключения, но также были освобождены с учетом амнистий. Шесть человек (И.О. Кованен, Э.И. Тойкканен, И.М. Хювенен, Э. Вильман-Элоранта, М.Г. Суси, К.Г. Туомайнен) по суду были оправданы. Относительно скрывшихся Г.О. Пууко и В.А. Сормунена дело было выделено до их розыска [2]. По словам А.И. Пааси, в январе 1937 г., Г.О. Пууко жил в Финляндии (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 32).

Президиум ВЦИК 16 февраля вынес постановление в отношении В. Элоранта и фактических исполнителей убийства А. Пааси, А. Хеглунда, И. Иоронена, Л. Суландера, М. Халанена и Л. Кругфорса, а также пяти человек, осужденных за доноительство: «Применение амнистии ... отменить и приговор обратить к исполнению в размере первоначально определенной ... меры репрессии». Приговор в отношении В. Элоранта был приведен в исполнение. Дата и место исполнения приговора остаются неизвестными [2]. Но Верховный трибунал в двух новых заседаниях 11 мая (судьи О.Я. Карклин, Ю.Ю. Межин и Н.М. Немцов) и 24 июня 1922 г. (судьи А.А. Сольц, Я.Я. Кронберг и Г.Я. Мерен), невзирая на постановление ВЦИК, освободил 17 подсудимых. По решению Президиума ВЦИК от 9 июня 1922 г. 10 человек (О.О. Палхо, Ф.К. Кярияйнен, Я. Форсман, Э.К. Хельстрем, А.И. Пааси, А.К. Хеглунд, И.Д. Иоронен, Л.А. Суландер, М.А. Халанен, Л.М. Кругфорс) были направлены для дальнейшего проживания в Читу в распоряжение ПП ГПУ Дальневосточной области (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранта В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП. С.4; Дополнительная справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранта В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-И-2374 от 07.08.2013. С.1). 2 июля 1922 г. Э. Рахья направил письмо Г.Е. Зиновьеву, где указывал на то, что «по полученным сведениям, все убийцы наших товарищей освобождены». Он заявлял, что при встрече с кем-нибудь из убийц поступит подобно

им, ибо «постановление трибунала с последующим освобождением есть явная насмешка над памятью убитых и пощечина оставшимся в живых» [3, с. 101].

4 июля 1922 г. бюро Петроградского губкома РКП (б) слушало сообщение Г.Е. Зиновьева «Финские вопросы». Было решено создать комиссию в составе члена партии с 1899 г., финна, председателя Экономического совещания Карельской трудовой коммуны А.В. Шотмана, председателя Петроградской ЧК С.А. Мессинга, председателя губернской Контрольной комиссии Г.А. Десова. Им поручалось «организовать добровольный отъезд части финских работников за пределы Севзапобласти на Урал, Донбасс, Сибирь и т. д.» (ЦГАИСПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 82. Л. 2). Через несколько дней, 13 июля 1922 г., в Политбюро ЦК 7-м пунктом стоял вопрос «О финской оппозиции». Докладывали Г.Е. Зиновьев и зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихт. Было принято решение поручить довести дело до конца комиссии, созданной в Петрограде, но уже «с обязательной изоляцией тех лиц, которых она найдет нужным». Тут же было сказано, что «ЦК предвидит возможность такого решения, согласно которому все вернувшиеся финны-оппозиционеры будут разделены на две части с привлечением лучших элементов к такой работе, на которой они могли бы доказать свою преданность партии вне пределов Питера и Севзапобласти». Решение комиссии подлежало утверждению Секретариата ЦК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 303. Л. 2). Таким образом, речь не шла о полной отмене последних решений Верховного ревтрибунала.

Председатель ГПУ Ф.Э. Держинский по результатам расследования направил Л.Б. Камневу для членов Политбюро ЦК возмущенное письмо. Копии докладной записки были переданы А.И. Рыкову, И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому. Председатель ВЧК утверждал, что Верховный трибунал решениями 11 мая и 24 июня нарушил постановление ВЦИК от 16 февраля о неприменении амнистии к приговоренным финнам. Освобождение осужденных произошло без уведомления ВЦИКа и ЦК КПФ. А. Пааси, О. Палхо, А. Иоронен и другие не раскаялись, а по-прежнему считали свой поступок правильным. Феликс Эдмундович требовал предать партийному суду членов Верховного трибунала О.Я. Карклина, Ю.Ю. Межина, Н.М. Немцова, А.А. Сольца, Я.Я. Кронберга и Г.Я. Мерена. Первых трех за необоснованно мягкий приговор; вторых трех «по обвинению в фиктивной мотивировке: раскаянии приговоренных», лишит их права судебной работы, передать

дело Наркомату юстиции «для административного наказания участников незаконного освобождения». Он также предлагал исключить из партии и выслать в административном порядке адвоката подсудимых В. Пукка, который солидаризировался с ними (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 142. Л. 1–2).

17 августа 1922 г. в Политбюро ЦК вновь стоял вопрос «О финнах», докладывал Ф.Э. Держинский. Было постановлено: предложить Президиуму ВЦИК аннулировать постановление распорядительного заседания Верховного трибунала; Держинскому арестовать всех незаконно освобожденных финнов, провести расследование условий их освобождения и доложить в Политбюро ЦК [3, с. 102]. В тот же день Президиум ВЦИК отменил решения Верховного трибунала при ВЦИК от 11 мая и 24 июня 1922 г. 23 августа 1922 г., и десять человек были вновь арестованы (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК КПФ. С. 4). ЦК КПФ также 17 августа принял решение «о террористической оппозиции», которое направил в Политбюро ЦК РКП (б).

31 августа 1922 г. Политбюро ЦК по докладу Ф.Э. Держинского и Н.В. Крыленко вернулось к вопросу «О финнах». Было решено: «Поручить комиссии в составе тт. Зиновьева, Куйбышева и Держинского рассмотреть вопрос о ликвидации всего дела о финнах путем обязательных переговоров с финляндской партией, обсудив предложения тт. Держинского и Крыленко». 29 августа 1922 г. Э. Рахья сообщил Держинскому, что 1 сентября в Москву для переговоров с ним придут члены ЦК КПФ. Но уже 8 сентября члены ЦК КПФ К. Маннер, О. Куусинен, Э. Рахья и А. Тайми направили новое письмо ЦК РКП (б) о «террористической оппозиции». Здесь они утверждали, что «террористическая банда» (так именовалась оппозиция) представляла собой сборище беззастенчивых интриганов, хулиганов, мелких спекулянтов, авантюристов-полупролетариев. По их мнению, В. Пукка, который не был исключен из РКП (б) и поступил в университет им. Свердлова, организовал «вновь распавшуюся банду». Поэтому они требовали, чтобы «террористическая банда, ведущая борьбу против Коммунистической партии Финляндии, должна быть, наконец, обезврежена решительными мерами» [3, с. 102, 103–109].

На деле, судя по имеющимся материалам, привлекать к ответственности судей Верховного трибунала, известных деятелей партии, не стали. О.Я. Карклин уже летом 1922 г. был членом

Верховного ревтрибунала на процессе правых эсеров, а в 1923 г. стал заместителем председателя Верховного суда РСФСР; Я.Я. Кронберг – заместителем председателя уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР; Ю.Ю. Межин – председателем военно-транспортной коллегии Верховного суда РСФСР; Г.Я. Мерен – членом Кассационной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в 1923–1928 гг. и председателем Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР в 1934–1937 гг.; Н.М. Немцов – заместителем председателя Судебной коллегии по уголовным делам в 1923–1929 гг.; А.А. Сольц оставался одним из руководителей ЦКК и членом Верховного суда СССР с 1923 г. Все они до второй половины 1930-х гг. занимали различные ответственные посты.

А.И. Рупасов и Н. Семенов, не называя источник, утверждают, что получившие пятилетний срок отбыли его в Бутырской тюрьме в Москве до июня 1926 г., а трехлетний – на Шпалерной в Петрограде до октября 1923 г., после чего были высланы в Читу [13, с. 162]. Однако из имеющихся документов видно, что девять высланных – И.Д. Иоронен, Л.М. Кругфорс, Ф.К. Кярийнен, А.И. Пааси, О.О. Палхо, В. Пукка, Л.А. Суландер, А.К. Хеглунд, Э.К. Хельстрем – оказались в Восточной Сибири, в Чите, в июне 1923 г., куда были направлены на три года. Вскоре некоторые перебрались в Верхнеудинск (Улан-Удэ) (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л.13-13об.; Д. ПУ-13385. Л. 28; Д.ПУ-13889. Л. 8, 9об.-10; Д. П-24996. Л. 143). Заключение Главной военной прокуратуры от 7 октября 2003 г. лица, проходящие по архивному следственному делу «Об убийстве ряда членов ЦК КПФ», признаны не подлежащими реабилитации (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК КПФ // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012).

Высланным в Восточную Сибирь надо было устраиваться в новой жизни. А.К. Хеглунд три месяца работал слесарем в депо, затем в Верхнеудинске был статистиком Верховного суда Бурят-Монгольской АССР, народным судьей Баунтовского района, ряд лет в Хабаровске и Владивостоке заведовал тарифно – экономическим отделом окружного и краевого профсовета, Интернациональным клубом моряков и т.д. (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д.П-24996. Л.77). Э.К. Хельстрем в Верхнеудинске в 1923–1927 гг. был зав. партбиблиотекой и партийным клубом. Затем переехал в Селенгинский район и с 1928 г.

по 22 апреля 1936 г. работал пчеловодом в племенном совхозе «ИРО». В апреле 1936 г. уехал с женой и дочерью в Горьковскую область и продолжал работать пчеловодом в с. Дивеево (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-13889. Л. 8-8об.). Директором совхоза «ИРО» в течение ряда лет был А.И. Пааси, закончивший курсы зоотехников. К нему приехала жена, О.Я. Боом (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-15385. Л. 13, 13об.). О.О. Палхо работал машинистом на железной дороге, в 1928–1931 гг. жил в Семипалатинске, а впоследствии переехал в г. Моршанск Воронежской области (на то время), где трудился механиком на пивоваренном заводе (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 1, 5об.).

Все осужденные по-прежнему считали свою позицию принципиально верной и стремились вернуться в ряды большевистской партии. В начале 1925 г. в Чите по инициативе О.О. Палхо прошло совещание. В. Пукка, А.И. Пааси, О.О. Палхо, Э.К. Хельстрем, А. Хеглунд, И. Иоронен, Л. Суландерс, Л. Кругфорс, Ф.К. Кярийнен решили направить через Дальбюро ЦК РКП (б) письмо с признанием ошибочности террористического акта. Одновременно О.О. Палхо лично повез копию письма в Москву в финскую секцию Коминтерна. По его словам, на допросе 5 октября 1937 г., К. Маннер заявил: «Старые собаки нам не нужны» (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 13, 13об.). Секретариат ЦКК РКП (б) 16 февраля 1925 г. решил, что «вопрос о принятии в члены коммунистической партии финских товарищей, осужденных по делу об убийстве членов ЦК КПФ, может быть поставлен вновь только в случае, если они открыто осудят свой поступок как вредный для дела рабочего класса». Президиум ЦКК 2 ноября 1925 г. подтвердил это решение. Было также решено сообщить секретарю Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) и Дальневосточного крайкома Н.А. Кубяку, что вопрос о приеме бывших финских коммунистов в партию может обсуждаться в отношении каждого из них в отдельности при условии выполнения ими постановления, указанного выше, причем каждое дело с приложением мнения Дальневосточного бюро должно присылаться в ЦКК на утверждение. Секретарю ЦКК Н.М. Янсону было поручено согласовать это постановление с ЦК КПФ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 162. Л. 76).

ЦК КПФ 18 декабря 1925 г. обратился с протестом в Политбюро ЦК ВКП (б). Он возражал против такого постановления ЦКК и настаивал на том, что ходатайство осужденных за убийство

членов ЦК КПФ о приеме в РКП (б) должно быть отклонено по следующим основаниям: 1. Они ничем не доказали существенного изменения своей позиции, открыто не признали своего преступления; 2. Следует остерегаться, чтобы эти люди не использовали политически против КПФ возможность своего приема в РКП (б); 3. Вряд ли они и, прежде всего В. Пукка, когда-либо будут достойны «получить доступ в партию». ЦК КПФ предлагал: 1. Отклонить ходатайство о приеме этих лиц в партию; 2. Не менее двух лет не рассматривать повторное ходатайство; 3. В случае повторного ходатайства они должны «гласно, ясно и без уверток заявить РКП и КПФ, что убийство и фракционная деятельность в 1920 г. были преступными и вредными для дела рабочего класса» и дать обязательство о прекращении всякой фракционной деятельности; 4. Новые ходатайства могут быть только индивидуальными, при их рассмотрении запрашивать мнение ЦК КПФ. Этот вопрос был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК 25 января 1926 г. и решение ЦКК было утверждено (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 162. Л. 5, 73–74). Председатель ЦК КПФ К. Маннер 18 августа 1926 г. направил письмо в Интернациональную контрольную комиссию при исполкоме Коминтерна с просьбой пересмотреть такое решение. Но последствий это обращение не имело [3, с. 138–139].

В самой компартии Финляндии продолжалась борьба групп К. Маннера и Э. Рахья. Политбюро ЦК РКП (б) 29 ноября 1923 г. вновь обсуждало вопрос о конфликте в ЦК КП Финляндии (РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 397. П. 5). К. Маннер, в частности, в письме от 29 декабря 1926 г. в Малую комиссию ИККИ обвинял Э. Рахья в связях с зиновьевской оппозицией и требовал заменить его на посту проректора Ленинградского университета национальных меньшинств Запаदा кандидатурой Ю. Сирыла [3, с. 139–141].

После возвращения О.О. Палхо из Москвы и отрицательного ответа руководства ВКП (б) на их обращение в Верхнеудинске 27 июля 1926 г. вновь собрались пятеро членов группы. Было принято и отправлено на имя И.В. Сталина коллективное письмо с осуждением троцкистско-зиновьевского блока и поддержкой ЦК ВКП (б). Телеграмма подобного содержания, выражавшая солидарность с ЦК ВКП (б), от имени «коммунистической группы, не входящей в состав компартии, и подписанная «бывшими членами Комитета большинства финских коммунистов», была послана 22 октября 1926 г. (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 196–197; Д. ПУ-805. Л. 26). У членов группы возникла мысль об эми-

грации в Финляндию, чтобы в рядах рабочего движения продолжать пропаганду своих взглядов. В Финляндию легально выехала О.Я. Боом. При содействии брата, Матвея Боома, жившего в Старом Белоострове, нелегально перешли границу Л. Кругфорс и Л. Суландер. У последнего в Финляндии жила невеста. О.О. Палхо, сохранявший финское гражданство, получил разрешение на выезд, но на границе 9 ноября 1927 г. был арестован, провел шесть месяцев в заключении и был выслан постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 25 мая 1928 г. на три года в Семипалатинск (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 13об.-14об., 17, 19; Д. ПУ-805. Л. 45–46; Справка ЦА ФСБ РФ № 10/А-И-3366 от 12.01.2013). Мысль об отъезде в Финляндию поддержали далеко не все. И.Д. Иоронен в 1926 г. уехал на Сахалин. Ф.К. Кярияйнен с женой, родной сестрой А.К. Хеглунда, в 1931 г. вернулся в Ленинград. Надежды на активное участие в политической жизни Финляндии также не оправдались. О.Я. Боом дважды, в 1927 и 1929 гг., просила о возвращении в СССР, но советский консул отказывал ей в визе. Тогда она в 1932 г. нелегально перешла границу и оказалась в тюрьме Ленинградского ОГПУ. По ходатайству А.И. Пааси, уже имевшего новую семью, она была освобождена на поруки и прибыла в Верхнеудинск в начале 1933 г. (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15889. Л. 39, 40, 41; Д. П-24996. Л. 13).

Члены группы не оставляли стремления стать членами большевистской партии. В 1929 г. коллективное заявление подали А.И. Пааси, В. Пукка и А.К. Хеглунд, оставшееся без удовлетворения. В 1930 г. вступили в ВКП (б) через первичные организации О.О. Палхо и В. Пукка. Затем В. Пукка уехал в Москву и стал слушателем Института красной профессуры. В октябре 1932 г. по инициативе финской секции Коминтерна вновь был исключен решением ЦКК и после подачи соответствующего заявления восстановлен (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 34; Д. ПУ-15385. Л. 45). Членом ВКП (б) стал Ф.К. Кярияйнен. Протест по этому поводу направил в ЦКК Э. Рахья. Но 19 ноября 1933 г. ему по поручению секретарей партколлекгии ЦКК Е.М. Ярославского и М.Ф. Шкирятова сообщили, что, «поскольку ЦК ФКП против приема Кирияйна не возражает, у ЦК ВКП (б) возражений также нет». В случае несогласия Э. Рахье предлагалось ставить вопрос перед первичной организацией (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л.297). С 1934 г. В. Пука и А.И. Пааси

сблизились с К. Маннером и приняли участие в его борьбе против группы О. Куусинена – Ю. Сирыла. А.И. Пааси подал заявление, согласованное с В. Пукка и К. Маннером в КПК при ЦК ВКП (б), обвинив членов ЦК ФКП Ю. Сирыла и Штейна в антипартийных взглядах и действиях (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 36–37).

Вскоре почти всех участников дела о «револьверной оппозиции» объединили жернова сталинских репрессий. Первой жертвой стала жена В. Элоранта, Э.И. Вильман-Элоранта, наименее виновная в происшедшем 31 августа 1920 г. Она была арестована в Москве 3 июля 1924 г. по обвинению в шпионаже. 13 апреля Коллегия ОГПУ приговорила ее к расстрелу. Приговор был исполнен 17 апреля 1925 г. [1]. 13 апреля 1935 г. был арестован слушатель Института красной профессуры и преподаватель Института философии Вяйно Пукка. По этому же делу проходил бывший председатель ЦК КПФ К. Маннер. 12 ноября 1935 г. В. Пукка был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, К. Маннер осужден на 10 лет и умер в лагере в 1939 г. Э. Рахья умер 26 апреля 1936 г. (по одной из версий – покончил жизнь самоубийством) и торжественно похоронен на Коммунистической площадке Александровской лавры. Однако Загранбюро ЦК КПФ 22 сентября 1937 г. осудило «контрреволюционные группы Э. Рахья и Маннера-Пукка» [3, с. 264–265].

Та же судьба постигла судей Верховного ревтрибунала. О.Я. Карклин арестован 4 января 1938 г. и 17 октября 1939 г. приговорен к 10 годам ИТЛ, умер в лагере. Я.Я. Кронберг арестован 2 сентября 1937 г. и 8 февраля 1938 г. расстрелян. Ю.Ю. Межин приговорен к расстрелу 25 ноября 1937 г. и расстрелян в тот же день. Г.Я. Мерен расстрелян в 1937 г. Н.М. Немцов 10 октября 1937 г. арестован и расстрелян 26 ноября 1937 г. А.А. Сольц снят с поста заместителя верховного прокурора СССР в феврале 1938 г. и помещен в психиатрическую больницу. Умер 30 апреля 1945 г.

Нам удалось выявить судьбу ряда подсудимых по делу «револьверной оппозиции». После убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. органы НКВД подымали дела бывших членов партии и оппозиционеров. Маховик репрессий раскручивался постепенно, в основном соответственно указаниям свыше. В 1936 г. в Моршанске по обвинению в антисоветской агитации и халатности был арестован О.О. Палхо, однако через два с половиной месяца был освобожден (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 17). 17 июня

1936 г. бюро Фрунзенского РК ВКП (б) г. Ленинграда исключило из партии начальника кондукторской бригады Витебской линии Октябрьской железной дороги Ф.К. Кярияйна (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л.298). 26 ноября 1936 г. во Владивостоке был арестован инструктор ЦК Союза рыбаков А.К. Хеглунд. Его обвиняли в том, что «он, будучи участником террористического акта в 1920 году ... над членами ЦК финской компартии, в дальнейшем вошел в финскую контрреволюционную фашистскую террористическую организацию во главе с Маннером, Мальм [Х. Мальм – жена Маннера] и Пукка. Возглавлял дальневосточную группу этой террористической организации» (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л.1). 9 декабря 1936 г. на станции Мысовая арестовали А.И. Пааси. 28 января 1937 г. в селе Дивеево – Э.К. Хельстрема, а в Моршанске – О.О. Палхо. 5 февраля в Верхнеудинске пришли за О.Я. Боом. 4 июня 1937 г. в Ленинграде были арестованы Ф.К. Кярияйнен и его жена, Суома Карловна, родная сестра А.К. Хеглунда. Два с половиной месяца их везли во Владивосток (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 1; Д. ПУ-13889. Л. 6; Д. ПУ-15383. Л. 3; Д. ПУ-15385. Л. 2, 4; Д. ПУ-805. Л. 5-5об., 10).

Далее начались допросы и стремление следователей получить необходимые признательные показания. Как заявил на суде А.К. Хеглунд, «эти показания ... подписаны только потому, что мне следователем были применены незаконные методы допроса» (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д.П-24996. Л.146). Имена А.И. Пааси, О.О. Палхо и Э.К. Хельстрема содержатся в одном из сталинских расстрельных списков, по первой категории (расстрел), подписанном И.В. Сталиным и В.М. Молотовым 9 февраля 1938 г. (Сталинские расстрельные списки. Дальневосточный край. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. 9 февраля 1938 года // Архив президента Российской Федерации (АП РФ). Оп. 24. Д. 414. Л. 409). Суд над арестованными провела 15 марта 1938 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР. Судьба каждого – О.Я. Боом, О.О. Палхо, А.И. Пааси, Э.К. Хельстрема – решалась в течение 15 минут, с 8.00 до 9.00 (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-15383. Л. 70; ПУ-15385. Л. 136; ПУ-13889. Л. 55; Д. П-24996. Л. 136, 242–242об.). А.К. Хеглунда (Хеглунда) судил Военный трибунал Тихоокеанского флота 16 февраля 1939 г. Хотя в данном случае заседание продолжалось семь часов, но приговор

был тот же – высшая мера наказания. Военная коллегия Верховного суда СССР 23 мая 1939 г. оставила приговор в силе, но 1 июля 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил расстрел десяти годами исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Алан Карлович умер во Владивостокском лагере 4 марта 1940 г. (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 142, 146об., 147–148, 151). Особое совещание при НКВД СССР 27 июля 1938 г. решило судьбу С.К. Кярияйнен, а 3 декабря 1938 г. ее мужа, Ф.К. Кярияйнена, осужденных на 10 лет лагерей (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-805. Л. 101, 102). Впоследствии были реабилитированы: Ф.К. и С.К. Кярияйнен 10 июля 1989 г., А.И. Пааси 26 апреля 1993 г., О.О. Палхо 31 мая 1996 г., А.К. Хеглунд 15 января 1998 г., Э.К. Хельстрем 13 января 1993 г. (Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-805. Л. 115; Д. ПУ-15385. Л. 140–141; Д. ПУ-15383, Л. 77; Д. П-24996. Л. 299; Д. ПУ-13889. Л. 60).

Карл Густавович Туомайнен трудился начальником зоофермы в Медвежьегорске Карельской АССР. Был арестован 21 сентября 1937 г. Осужден к ВМН 20 декабря 1937 г. и расстрелян 28 декабря 1937 г. на станции Медная гора (урочище Сандармох). Реабилитирован решением военного трибунала ЛВО 23 апреля 1971 г. [11]. Матвей Иванович Халонен, бывший красный командир, в 1937 г. работал продавцом Райлеспродторга в Кондопожском механизированном лесозаготовительном предприятии и проживал в деревне Уусикюля Кондопожского района КАССР. Был арестован Кондопожским РО НКВД 11 декабря 1937 г. и обвинен в участии в контрреволюционной организации. В ходе следствия ему напомнили, что он был осужден в 1922 г. на пять лет «за участие в оппозиции против финской компартии». Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 7 января 1938 г. приговорен к ВМН по статье 58-б (шпионаж). Расстрелян 20 января 1938 г. предположительно в местечке Сандормох Медвежьегорского района КАССР. Реабилитирован 21 ноября 1957 г. (Архив Управления ФСБ по Республике Карелия. Д. П-5073).

На наш взгляд, дело «террористической оппозиции» представляло сложное сочетание объективных и субъективных факторов: разгром финской революции, поиски виновных в ее поражении, отношения «низов» и «верхов» в партии, убежденность части молодых членов партии, воспитанных Гражданской войной, в благотворности «прямого действия», в т.ч. террора, и неспособность всех сторон к политическому компромис-

су. Определенное значение, по нашему мнению, имела сама тогдашняя политическая атмосфера в Европе, признававшая политические убийства естественным способом решения противоречий. Можно напомнить, что 15 марта 1921 г. в Берлине был убит один из лидеров младотурок М. Талаат-паша, 14 февраля 1922 г. правым националистом был застрелен министр внутренних дел Финляндии Х. Ритавуори, 28 марта 1922 г. в Берлине во время покушения на П.Н. Миллюкова убит В.Д. Набоков, 24 июня 1922 г. убит министр иностранных дел Германии В. Ратенау, 10 мая 1923 г. в Лозанне белоэмигрантом застрелен В.В. Воронский и т. д. В этом контексте «дело маузеристов» не было чем-то исключительным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические данные непосредственных участников террористического акта 31 августа 1920 г.

Иоронен Иван Данилович (1894 – ?). Слесарь на Сестрорецком оружейном заводе. Член партии эсеров с февраля 1917 г. по январь 1918 г. Коммунист с 1918 г. С 1918 г. на Северном флоте в Мурманске, сотрудник Морского полевого штаба, с марта 1920 г. сотрудник особого поста № 4 при 13-й дивизии. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В июне 1923 г. прибыл в Читю. В 1926 г. выехал на Сахалин (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 188; Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. ПУ-13889. Л. 10).

Кругфорс Леандер Матвеевич (1896–?). Токарь по металлу на Путиловском заводе. Коммунист с 1920 г. После Октября 1917 г. по заданию партии несколько раз переходил границу с Финляндией. Был ранен. Сотрудник Особой комиссии при Реввоенсовете республики. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В июне 1923 г. прибыл в Читю. В 1926 г. нелегально выехал в Финляндию (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный ар-

хив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 189).

Пааси Август Иванович (16.12.1895, Выборг – 15.03.1938, Владивосток). Закончил 6-классное училище в Финляндии. Земледелец. Член социал-демократической партии Финляндии с 1910 г. Коммунист с 1918 г. В 1917–1918 гг. командир отряда Красной гвардии. В 1918–1920 гг. командир взвода РККА. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В июне 1923 г. прибыл в Читю. Закончил курсы зоотехников. Директор племенного совхоза «ИРО». Арестован 9 декабря 1936 г. Расстрелян 15 марта 1938 г. (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 189).

Сало-Нюлунд (Сало-Нейлунд) Август Михайлович (1892–1921). Среднее образование. Работал в г. Выборге на стройках. Коммунист с 1920 г. Секретный агент Политбюро [уездное ЧК] г. Олонца. Умер в заключении (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 190).

Суландер Лаури Адамович (1893–?). Образование среднее, электромонтер. Коммунист с 1919 г. Агент оперативного отдела ОРТЧК [отделение районной транспортной чрезвычайной комиссии] Финляндской железной дороги. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В июне 1923 г. прибыл в Читю. В 1926 г. нелегально выехал в Финляндию (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 190).

Халонен (Халанен) Матвей (Матти) Иванович (1896.20.01–1938). Образование среднее. Са-

довод. Железнодорожный рабочий. Коммунист с 1919 г. В 1920 г. курсант финских командных курсов. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В 1937 г. работал продавцом Райлеспродторга в Кондопожском механизированном лесозаготовительном предприятии Карельской автономной советской социалистической республики. Арестован 11 декабря 1937 г. Приговорен к расстрелу постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 7 января 1938 г. Расстрелян 20 января 1938 г. (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 190).

Хеглунд Аллан Карлович (1895–4.03.1940, Владивостокский лагерь). Шесть классов шведской прогимназии (1913). Кондуктор на железной дороге. В 1916–1918 гг. член социал-демократической партии Финляндии. Коммунист с 1918 г. Комиссар по перевозке войск. Начальник особого поста № 4 при 13-й дивизии. Досрочно освобожден из-под стражи постановлением Верховного трибунала при ВЦИК от 24 июня 1922 г. Арестован 23 августа 1922 г. В июне 1923 г. прибыл в Читю. В 1936 г. инструктор ЦК Союза рыбаков во Владивостоке. Арестован 26 ноября 1936 г. Военный трибунал Тихоокеанского флота 16 февраля 1939 г. приговорил его к расстрелу. 1 июля 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил расстрел 10 годами исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества (Справка по материалам архивного следственного дела 1920–1922 гг. по обвинению Элоранто В.В. и др. в убийстве ряда членов ЦК ФКП // Центральный архив ФСБ РФ. № 10/А-4254 от 04.09.2012; Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС от 30.12.1956 // Архив Управления ФСБ РФ по Приморскому краю. Д. П-24996. Л. 191).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] : <http://lists.memo.ru>
2. Известия ВЦИК. 1922. 18 февраля. С. 3.
3. Коминтерн и Финляндия. 1919–1943. М.: Наука, 2003.
4. Красная газета. 1920. 18 сентября. С. 2.
5. Лбов А. «Террористическая оппозиция» в Финской коммунистической партии // Прорыв. 2011. № 1 (29).

6. Лебедева Н.С. «Штаб мировой революции» и КПФ // Коминтерн и Финляндия. 1919–1943. М.: Наука, 2003. С. 9–11.
7. Митюрин Д.В. Дело маузеристов // Невское время. 2004. 26 февраля. С. 5.
8. Митюрин Д.В. Дело маузеристов // Stop in Finland (Вся правда о Финляндии). 2007. № 8 (27) [Электронный ресурс] : <http://www.stopinfin.ru/archive/21/307/>
9. Петроградская правда. 1920. 8 сентября. С. 1.
10. Петроградская правда. 1920. 14 сентября. С. 1.
11. Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. II. Большой террор / сост. Ю.А. Дмитриев; Правительство Республики Карелия; УФСБ России по Республике Карелия; Акад. социально-правовой защиты. Петрозаводск, 2002.
12. Пюккенен А. «Револьверный день» // Новый часовой. 2001. № 11–12. С. 419–420.
13. Рупасов А., Семенов Н. О попытке внутрипартийного переворота в руководстве финской эмиграции (1920 г.) // Россия XXI. 1996. № 9/10. С. 155–160.
5. Lbov, A., 2011. «Terroristicheseskaya oppositsiya» v Finskoj kommunisticheskoj partii [Terrorist opposition in the Communist Party of Finland], Proryv, no. 1. (in Russ.)
6. Lebedeva, N.S. ed., 2003. «Shtab mirovoi revolyutsii» i KPF [«The headquarters of the world revolution» and the Communist party of Finland]. In: Komintern i Finlyandiya. 1919–1943. Moskva: Nauka, pp. 9-11. (in Russ.)
7. Miturin, D.V., 2004. Delo mauzeristov [The Mauserists case], Nevskoe vremya, 26 February, p. 5 (in Russ.)
8. Miturin, D.V., 2007. Delo mauzeristov [The Mauserists case], Stop in Finland (Vsy pravda o Finlyandii), no. 8. URL: <http://www.stopinfin.ru/archive/21/307/> (in Russ.)
9. Petrogradskaya Pravda [Petrograd Truth], 8 September 1920, p. 1. (in Russ.)
10. Petrogradskaya Pravda [Petrograd Truth], 14 September 1920, p. 1. (in Russ.)
11. Dmitriev, Yu.A. ed., 2002. Pominal'nye spiski Karelii. 1937–1938: Unichtozhennaya Kareliya. Chast' II. Bol'shoi terror [Funeral notes of Karelia. 1937–1938: The destroyed Karelia. Part II. The Great Purge]. Petrozavodsk. (in Russ.)
12. Pyukkenen, A., 2001. Revol'vernyi den' [The day of revolvers], Novyi chasovoi, no. 11–12, pp. 419–420. (in Russ.)
13. Rupasov, A. and Semyonov, N., 1996. O popytke vnutrepartiinogo perevorota v rukovodstve finskoj emigratsii [Towards the attempt of inner-party coup among the leaders of the Finnish emigration], Rossiya XXI, no. 9/10, pp. 155–160. (in Russ.)

REFERENCES

1. Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Political terror's victims in the USSR]. URL: <http://lists.memo.ru> (in Russ.)
2. Izvestiya VTSIK [News of All-Russian Central Executive Committee], 18 February 1920, p. 3. (in Russ.)
3. Komintern i Finlyandiya. 1919–1943 [Comintern and Finland. 1919–1943]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Krasnaya gazeta [Red Newspaper], 18 September 1920, p. 2. (in Russ.)

УДК 94(47).084.3

Р.Н. Оплаканская*

К ВОПРОСУ О РЕПАТРИАЦИИ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ – УЧАСТНИКОВ «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ» В 1921 г.**

В статье рассматривается вопрос о репатриации в 1921 г. пленных 5-й польской стрелковой дивизии, принимавшей участие в Гражданской войне на стороне А.В. Колчака. Автор исследует, в каких сферах производства были заняты военнопленные во время своего пребывания в Сибири, каково было отношение к ним советской власти, как проходила подготовка к репатриации и по каким причинам некоторые военнопленные предпочли остаться в Советской России.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, белое движение, поляки, пленные, советская власть, репатриация

Toward the repatriation of Polish prisoners of war involved in the White movement in 1921. RENATA V. OPLAKANSKAYA (Khakass State University named after N.F. Katanov).

The article deals with the issue of repatriation in 1921 of Polish prisoners of war who served in the 5th Polish infantry division and took part in the Civil War on the side of the Kolchak army. The author explores in what industries the prisoners were employed during their stay in Siberia, what was the attitude of Soviet power towards them, how the preparation for repatriation went and why some prisoners chose not to leave Soviet Russia.

Keywords: civil war, Siberia, White movement, Poles, prisoners of war, Soviet government, repatriation

В Гражданской войне на стороне А.В. Колчака воевали в том числе и иностранные легионеры. Одним из крупных военных формирований была 5-я стрелковая польская дивизия, которая была сформирована в Сибири в период с января по май 1919 г. и подчинялась командованию войска государств Антанты на востоке России и Западной Сибири. Во время отступления иностранного контингента на восток 5-я дивизия попала в окружение «красных» под Красноярском и 10 января 1920 г. капитулировала. В плену у большевиков оказалось около 11 000 человек [7, с. 91].

История 5-й польской стрелковой дивизии стала предметом научного изучения в работах таких польских и российских ученых, как И.В. Нам [4],

Л.К. Островский [7], С.В. Леончик [2], Я. Нейи [11], В. Резмер [9], Я. Вишневецкий [13]. Исследованию подверглись такие вопросы, как комплектование дивизии, отношение военнослужащих к участию в войне на стороне «белого движения» и обстоятельства плена под Красноярском. Судьба военнопленных изучена менее основательно, что объясняется недостаточной источниковой базой. В сибирских архивах дела о военнопленных поляках рассредоточены по различным фондам, а это затрудняет их введение в научный оборот. Работы польских историков опираются на мемуары участников событий, а также нормативно-правовые акты Польской военной миссии в Сибири (рапорты командиров, анкеты и регистрационные кар-

* ОПЛАКАНСКАЯ Рената Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

E-mail: roplakanska@mail.ru

© Оплаканская Р.В., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-11-19002.

точки членов военного формирования) [12]. Разрозненность источников является препятствием для комплексного и всестороннего исследования положения военнослужащих польской дивизии в плену. По этой причине остается неизученным ряд вопросов, в числе которых – подготовка и проведение реэвакуации на родину польских пленных в 1921 г., а также судьба тех, кто остался на жительство в Сибири. Был ли такой шаг следствием добровольно принятого решения или результатом морально-психологического давления представителей советской власти?

Нас интересовали организация и проведение репатриации военнопленных 5-й стрелковой польской дивизии в Минусинском уезде Енисейской губернии. Исследование опиралось на материалы из фондов Минусинского городского архива и Национального архива Республики Хакасия³⁹. Одну группу источников составили материалы статистического и биографического характера – именные списки и регистрационные карточки польских пленных, находившихся на территории Минусинского уезда в ожидании репатриации. Во вторую группу вошли документы делопроизводственного характера – переписка сотрудников органов советской власти по вопросам содержания и подготовки репатриации пленных поляков на родину.

Вопрос о судьбе польских пленных правительством большевиков решался в контексте идеи расширения социалистической революции на запад. В связи с этим советско-польская война трактовалась как классовая. Победа в войне и успех в деле распространения коммунистической идеологии ставили задачу обращения польских военнопленных в сторонников советской власти. Общий курс правительства большевиков в отношении пленных предусматривал осуществление политико-просветительской работы, которая бы позволила сформировать в их сознании положительный образ советской власти и найти агентов коммунистической пропаганды в Польше. Для наибольшей эффективности революционной агитации следовало изолировать от общей массы пленных контрреволюционные элементы (дворян, офицеров и представителей интеллигенции), а солдат содер-

жать группами по 200-300 человек. Поскольку военнопленные использовались на «производительных работах», то в августе 1920 г. постановлением СТО их передали в ведение Главного управления принудительных работ и повинностей при НКВД. Чтобы не допустить озлобления пленных против советской власти, рекомендовалось улучшить условия их содержания в лагерях, питание и вещевое довольствие [1, с. 50–52].

В Сибири из польских пленных была сформирована военно-трудовая армия. На территории Минусинского уезда Енисейской губернии находилась 6-я рота 9-го батальона 4-й Сибирской военно-трудовой бригады. В 1920–1921 гг. 287 польских пленных трудились на предприятиях тяжелой промышленности уезда – Калягинских, Черногорских и Изыхских коях и Абаканском заводе (Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска», далее – МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 1-15). На рудниках использовался труд и других иностранных пленных. Например, в 1920 г. для работы на Черногорских угольных коях были направлены 10 венгров (Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив», далее – ГКУ РХ НА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 14. Л. 26-26 об.). Основная масса пленных была занята тяжелым физическим трудом, но ряд поляков выполнял обязанности, предполагающие наличие образования и специальных профессиональных навыков. На Черногорских коях пленные Б. Малькевич, В. Струзик и Т. Швейцер, имевшие среднее образование, были конторщиками, а К. Чиж, получивший до войны высшее образование, работал счетоводом (ГКУ РХ НА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 11-12; МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 246. Л. 107 об.).

Группа польских пленных из 70 человек была трудоустроена в советских учреждениях Минусинского уезда. В основном это лица, получившие до войны высшее и среднее образование и профессиональные навыки в сфере финансов, медицины, агрономии и др. Несколько пленных в качестве специалистов были в индивидуальном порядке командированы в уезд Енисейским губисполкомом. В 1920–1921 гг. в уземотделе работали ветеринары Я. Лозовский, Ф. Терпиловский, агрономы И. Лаский и В. Маниковский, гидротехники Н. Щениковский и Ю. Григлышевский, землемер А. Чайковский. В уздравотделе трудились дезинфектор С. Хибовский, зубной врач Е. Лючинская, метеоролог М. Андроновский. Пленные Г. Богуславский и В. Шершушин, имевшие педагогическое образование, и музыкант С. Мальчевский работали учителями. На рабочем факультете пре-

подавал математику бывший студент Львовского училища Я. Яворский (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 1 об.-2, 11 об.-12, 14 об.-15).

Отношение советской власти к польским пленным было в целом настроженным. Сказывалось влияние таких неблагоприятных обстоятельств, как советско-польская война и участие поляков в «белом движении». В циркуляре Сибревкома от 10 июня 1920 г. говорилось: «...Немедленно исключить со службы со всех советских, общественных, кооперативных и других учреждений и организаций и заключить таковых в лагеря принудительных работ всех польских граждан, а также лиц польской национальности, подавших заявление о получении польского гражданства...». Однако потребность региона в профессиональных кадрах была столь велика, что представители советской власти не могли отказаться от услуг специалистов польской национальности. В дополнении к циркуляру от 22.07.1920 г. говорилось о том, что поляки «кроме лиц, служивших в польских легионах», могут остаться на службе в советских учреждениях под личную ответственность их руководителей. 30 октября 1920 г. в Минусинский исполком поступило новое разъяснение содержания июньского циркуляра. В нем говорилось о том, что в ряде уездов подозрительность советских руководителей в отношении поляков распространялась даже на членов РКПб вопреки установке Сибревкома «ударить исключительно по польской буржуазии» (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 237. Л.13-13 об.). В Минусинском уезде негативное отношение советской власти к польским военнопленным не находит документального подтверждения. Напротив, руководители учреждений и предприятий отмечали высокий профессионализм некоторых пленных, так что найти им адекватную замену было практически невозможно. Когда летом 1920 г. началась мобилизация на действительную военную службу для отправки на западные фронты (врангелевский и польский), в уездный военкомат поступили ходатайства о предоставлении отсрочки наиболее ценным сотрудникам (МКУ АГМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37. Л. 32, 263). Поэтому польские пленные, желавшие сотрудничать с советской властью, продолжали работать в учреждениях Минусинского уезда. Однако это не снимало с них подозрений в возможной контрреволюционной деятельности. Советские руководители, под чьим началом работали поляки, должны были отслеживать их перемещения по уезду, в частности поездки в командировки (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 345. Л. 107). Продолжали розыскные мероприятия органы ЧК.

В начале 1920-х гг. в Минусинском уезде «политическая ситуация» была беспокойной. Разрозненные вооруженные группы людей под видом партизан нападали на местных жителей, стремясь таким образом спровоцировать «контрреволюционные выступления» (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 237. Л. 107). В 1920–1921 гг. в минусинской тюрьме был раскрыт «заговор» группы заключенных (в их числе – два поляка), якобы намеревавшихся захватить тюрьму, разоружить охрану и прорваться к местной антисоветской банде И. Занина [10, с. 66]. В этот же период несколько польских военнопленных были арестованы и заключены в тюрьму по обвинению в активной антисоветской деятельности в 1919 г. (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9. Л. 27–29, 67–68, 101).

После заключения перемирия между Польшей и Советской Россией в октябре 1920 г. началась подготовка к репатриации пленных граждан. Отношение к предстоящей репатриации выразил Ф. Дзержинский: «...Вести коммунистическую пропаганду, чтобы пленные, вернувшись в Польшу, были нашими». В феврале 1921 г. при НКВД была учреждена должность особоуполномоченного по польским военнопленным [1, с. 53]. Активизировалась политико-воспитательная работа с целью предупредить массовый отъезд поляков на родину, особенно представителей буржуазии [8, с. 56–58]. В лагерях среди польских военнопленных проводилась агитация за вступление в Красную армию [1, с. 56].

На основании распоряжения НКВД и председателя ВЧК от 08.03.1921 г. в Сибири началась процедура регистрации военнопленных поляков. В соответствии с приказом Енисейского губисполкома от 26.03.1921 г. лицам польской национальности, военнопленным «империалистической войны, а также состоявшим на службе в Польской и Колчаковской армии» следовало в 5-дневный срок лично явиться в уезды и волисполкомы с документами, устанавливающими национальность, место рождения, плена и трудоустройства на момент регистрации. Первый день регистрации был назначен на 30 марта (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 345. Л. 18-19). Объявленного срока, однако, оказалось недостаточно, и 28 июля 1921 г. Минусинский исполком объявил дополнительную трехдневную регистрацию польских военнопленных (ГКУ РХ НА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 14. Л. 133). Она носила обязательный характер для всех пленных, даже тех, кто содержался под конвоем, и инвалидов. Тяжелобольным предоставлялась отсрочка до выздоровления при условии наличия подтверждающего медицинского документа. Проживающие

³⁹ Муниципальное казенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска»: Фонд Р-1. Минусинский уездный военный комиссариат; Фонд Р-25. Исполком Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»: Фонд 505. Управление Минусинского каменноугольного бассейна.

в волостях польские пленные (вместе с членами семей, если таковые имелись) после регистрации в исполкомах отправлялись в Минусинск, а оттуда в Красноярск. Поляки, желавшие получить гражданство РСФСР, должны были подать мотивированные ходатайства. Для рассмотрения ходатайств при Енисейском губисполкоме в Красноярске была создана специальная комиссия в составе заведующего подотделом Общественных работ и повинностей, представителей ЧК, Польшбюро при губернском комитете РКП и отдела юстиции. Польские пленные, добровольно вступившие в ряды Красной армии, а также члены РКПб имели право получения советского гражданства (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 345. Л. 7, 18 об.).

В ходе регистрации руководители уездного исполкома столкнулись с несколькими проблемами. Например, не все пленные могли представить документы, удостоверяющие личность и польское происхождение. У нескольких человек единственным документом было удостоверение командира 6-й роты военно-трудовой бригады. Личные данные (год, место рождения, образование и пр.) членов роты И. Черняка, С. Фашовича и Я. Гонсинского были записаны с их слов (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 4 об.-5, 11 об.-12). Некоторые пленные отказывались от регистрации и даже пытались скрыть факт службы в 5-й дивизии, несмотря на угрозу заключения в концлагерь «как явно укрывающихся» (ГКУ РХ НА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 14. Л. 133). Встал вопрос и о том, кого из военнопленных считать «поляком» (или польским гражданином). Среди военнопленных 5-й дивизии встречались русские и белорусы, родившиеся на территориях, вошедших после Первой мировой войны в состав Польши. На этом основании в 1919 г. они получили польское гражданство и вступили в дивизию. Каждый третий пленный, проживавший в Минусинском уезде (всего 418 человек на начало 1921 г.), являлся уроженцем Российской империи [6]. В апреле 1921 г. из Минусинска в Енисейский губисполком последовал запрос: «...Достаточно ли для регистрации военнопленных поляков удостоверения комроты 4 Сибвоентрубригады в том, что находящиеся в его роте трудармейцы действительно польской национальности...». Для установления принадлежности к последней при Минусинском исполкоме была создана комиссия, в которую вошли советские руководители-поляки: Борейко, Ходкевич и Пржебыльский (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 345. Л. 21).

Отдельно решался вопрос о реэвакуации инвалидов, имевших право отъезда на родину в первую

очередь. Инвалидами признавались лица, утратившие трудоспособность на 55 %. На начало 1921 г. таковыми были 19 человек. Однако в период регистрации военнопленных в апреле–июле 1921 г. этот список увеличился до 64 человек. В него были включены 12 поляков, трудоспособность которых на момент составления списка еще не была установлена, и еще 33 человека, считавшиеся здоровыми (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 1-15). В августе 1921 г. инвалидов надлежало отправить в Красноярск на паромах «Спартак» – всего 87 человек (35 военнопленных и 52 члена семьи (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-137)). Не все военнопленные-инвалиды воспользовались правом репатриации. В частности, не встречается в списке выезжавших на родину имя агронома И. Лаского. Остался в Минусинске с женой и дочерью бывший подданный Австро-Венгрии А. Дунин-Ожаровский (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 58. Л. 1-5).

Не удалось установить, сколько польских военнопленных выехало в 1921 г. из Минусинска в Красноярск, а затем в Польшу. В 1922–1923 гг. в Минусинском уезде из них проживали 10 человек: 7 были уроженцами Российской империи, а 3 – Австро-Венгрии (МКУ АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 4 об.-5, 6 об.-7, 8 об.-9, 9 об.-10, 11 об.-12, 14 об.-15). Из 8 военнопленных-членов РКПб в уезде остался только Я. Кулита (ГКУ РХ НА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 167).

Всего в Сибири правом репатриации воспользовались 5572 военнопленных [3, с. 22–23]. Это составило примерно половину от тех, кто попал в плен у станции Клюквенная в январе 1920 г. Значительная часть из них оставалась в Сибири, и тому были причины. Советское правительство не было заинтересовано в массовом отъезде поляков на родину. Решение нескольких тысяч военнопленных остаться в советской России стало бы свидетельством преимущества нового строя. К тому же это могло восполнить значительные людские потери в период Первой мировой и Гражданской войн. Развернутая большевиками агитация могла повлиять на решение части пленных не покидать Россию. Многие из них родились в Российской империи, идентифицировали себя с русской культурой и не представляли своей судьбы за ее пределами [5, с. 46]. По идейным соображениям не пожелали уехать в буржуазную Польшу члены РКПб. Наконец, пленные, принадлежавшие к буржуазии, дворянству и интеллигенции, могли поддаваться убеждению представителей советской власти остаться в Советской России. Эта группа обладала высоким интеллектуальным потенциалом благодаря образованию и профессиональным навыкам,

полученным до войны. Страна, возрождающаяся из разрухи после Гражданской войны, нуждалась в таких людях. Были и глубоко личные мотивы отказа от права репатриации. Многие молодые мужчины, оторванные в годы Первой мировой войны от родных мест и семьи, успели устроить в Сибири личную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костюшко И.И. К вопросу о польских пленниках 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–62.
2. Леончик С.В. Поезд идет на восток. К вопросу об участии поляков в белом движении в Сибири 1918–1921 гг. // Енисейской губернии – 180 лет: материалы IV краеведческих чтений. Красноярск, декабрь 2002 г. Красноярск, 2003. С. 97–101;
3. Масыж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995.
4. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009.
5. Нам И.В. Польские войска в Сибири // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. (Томск, 3–5 июня 2012 г.) / отв. ред. Т.В. Галкина, Т.А. Гончарова. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. С. 43–57.
6. Оплаканская Р.В. Пленные 5-й польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде в начале 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 18–21.
7. Островский Л.К. Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88–92.
8. Островский Л.К. Советская власть и польское население Западной Сибири (первая половина 1920-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 56–58.
9. Резмер В. Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922 гг. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов международной научной конференции. Иркутск, 2001. С. 127–129.
10. Шекшеев А.П. Минусинский тюремный разговор // Енисейской губернии – 180 лет. Материалы IV краеведческих чтений. Красноярск, декабрь 2002 г. Красноярск, 2003. С. 66–69.
11. Neja, J., 1998. Charakterystyka Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, pp. 277–284.

12. Rezmer W. Żołnierze polscy na Syberii 1918–1921. Materiały Żrudłowe w Polsce // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. (Томск, 3–5 июня 2012 г.). Томск: Изд-во Томского гос. педагог. ун-та, 2012. С. 57–68.

13. Wiśniewski, J., 2005. Posłowie. Karta. Kwartalnik historyczny, no. 44, pp. 67–69.

REFERENCES

1. Kostyushko, I.I., 2000. K voprosu o pol'skikh plennykh 1920 g. [To the question of the Polish prisoners in 1920], Slavyanovedenie, no. 3, pp. 44–51. (in Russ).
2. Leonchik, S.V., 2003. Pоеzd idet na vostok. K voprosu ob uchastii polyakov v belom dvizhenii v Sibiri 1918-1921 gg. [The train goes to the east. To the question of the participation of Poles in the White movement in Siberia, 1918-1921]. In: Eniseiskoi gubernii – 180 let. Materialy IV kraevedcheskih chtenii. Krasnoyarsk, dekabr' 2002 g. Krasnoyarsk, pp. 97-101. (in Russ).
3. Masyazh, V., 1995. Polyaki v Vostochnoi Sibiri (1907-1947 gg.) [Poles in Eastern Siberia, 1907-1947]. Avtoreferat dissertatsii dokt. ist. nauk. Irkutsk. (in Russ).
4. Nam, I.V., 2009. Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917-1922 gg.) [National minorities of Siberia and the Russian Far East at the historic turn, 1917-1922]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (in Russ).
5. Nam, I.V., 2012. Pol'skie voiska v Sibiri [Polish troops in Siberia]. In: Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, pp. 43-57. (in Russ).
6. Oplakanskaya, R.V., 2013. Plennye 5-i pol'skoi strelkovoii divizii v Minusinskom uезде v nachale 1920-h gg. [Prisoners of the 5-th Polish rifle division in Minusinsk district in the early 1920s], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 3, pp. 18–21. (in Russ).
7. Ostrovskii, L.K., 2008. Pol'skie voennye v Sibiri (1904–1920 gg.) [Polish military men in Siberia, 1904–1920], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 316, pp. 88-92. (in Russ).
8. Ostrovskii, L.K., 2011. Sovetskaya vlast' i polskoe naselenie Zapadnoi Sibiri (pervaya polovina 1920-h gg.) [Soviet power and the Polish population of Western Siberia (first half of the 1920s)], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 4, pp. 56-58. (in Russ).
9. Rezmer, V., 2001. Polskie voennoplennyye v bolshevistskom plenu v Sibiri v 1920-1922 gg. [Polish prisoners of war in Bolshevik captivity in Siberia, 1920-1922]. In: Sibirsko-polskaya istoriya i

современnost': aktualnyie voprosyi: Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Irkutsk, pp. 127–129. (in Russ).

10. Sheksheev, A.P., 2007. Minusinskii tyuremnyi zagovor [Minusinsk prison conspiracy]. In: Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2005-2006 gg.). Sb. dokladov i soobscheniy. Vyipusk IV. Minusinsk, pp. 66-69. (in Russ).

11. Neja, J., 1998. Charakterystika Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii [Characteristics of the community of the Polish 5th rifle division

in Siberia]. In: Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, pp. 277–284. (in Polish)

12. Rezmer, W., 2012. Żołnierze polscy na Syberii 1918–1921. Materiały Źródłowe w Polsce [Polish soldiers in Siberia, 1918-1921. Archival materials in Poland]. In: Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, pp. 57-68 (in Polish).

13. Wiśniewski, J., 2005. Posłowie [Afterword], Karta. Kwartalnik historyczny, no. 44, pp. 67–69. (in Polish).

УДК 654.14:061.21 (571.56) (091)

В.Д. Петрова*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА «ДРУЗЕЙ РАДИО» В ЯКУТИИ В 1920–1930-х ГОДАХ XX в.

В статье рассматривается деятельность общества «Друзей радио» как организатора общественной инициативы по распространению радиотехнических знаний и созданию радиовещания на территории Якутской АССР. Автор исследует процесс становления добровольного объединения радиолюбителей и его роль в системе подготовки технических кадров и в создании материально-технической базы радиофикации на местах в изучаемый период.

Ключевые слова: радиолюбитель, общество «Друзей радио», Якутская АССР, радиотехнические знания, радиофикация, радиокружки.

The activities of the «Friends of Radio» Society in Yakutia in 1920s-1930s. VALENTINA D. PETROVA. (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences).

The article explores the activities of «Friends of Radio» Society, the organizer of a public initiative for the development radio-technical knowledge and creation of radio broadcasting network on the territory of Yakutia. The author explores the process of establishing voluntary associations of amateur radio operators and their role in the system of technical training and in the creation of the material-technical base for the future broadcasting network.

Keywords: radio amateur, «Friends of Radio», Yakutia, radio-technical knowledge, development of radiobroadcasting, radio circles.

В 20–30-х годах XX столетия масштабы проведенной работы по централизации радиотехнического дела под руководством Народного комиссариата почт и телеграфов (далее – Наркомпочтель, НКПиТ) были обширны. Созданный при Наркомпочтеле и наделенный широкими полномочиями Радиотехнический совет занимался планированием строительства радиостанций и их эксплуатацией. Именно в это время становлению и популяризации радио способствовала работа массового Общества радиолюбителей РСФСР, которое в декабре 1924 г. было переименовано в Общество «Друзей радио» РСФСР. Его функциональной обязанностью была активная просветительская деятельность среди населения по распространению

радиотехнических знаний и содействию в развитии радиолюбительства.

В настоящей статье обобщен ранее не исследованный материал о добровольном Обществе «Друзей радио» Якутской АССР, которое сыграло значимую роль в деле массовой радиофикации на территории республики. Отечественная историография данного вопроса представлена исследованиями таких ученых, как И.Н. Ильина, И.Т. Камболова, Н.И. Капустина, Н.В. Киселева, Т.П. Коржихина, Н.В. Котляр [8; 9; 10; 11; 12; 13], обращавшихся к проблемам возникновения и деятельности гражданских некоммерческих объединений, общественных организаций и добровольных обществ, которые существовали в 20-х годах XX в. в нашей стране. В своих работах они рас-

* ПЕТРОВА Валентина Дмитриевна, соискатель Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: petrova-vd@mail.ru

© Петрова В.Д., 2014

смагивали последние в видовом и количественном многообразии, учитывая их региональные особенности и механизм действий в отношении общественной инициативы. Особо обращает на себя внимание статья исследователя из Иркутской области Е.В. Шестопаловой, раскрывающая деятельность Общества «Друзей радио» в контексте политической, общественной и хозяйственной жизни региона, а также его роль в системе подготовки технических кадров [15].

В годы первой пятилетки основным из направлений, предусмотренных планом развития народного хозяйства ЯАССР на 1928–1933 гг., явилась разработка пятилетнего плана радиофикации с широким охватом населенных пунктов и учреждений (школ, изб-читален, рабочих клубов, общежитий), с обеспечением их радиоаппаратурой, запасными деталями, организацией радиотехнической подготовки работников связи [14]. Развитие радиосвязи на территории Якутии имело следующую динамику: протяженность путей и проводов составляла в 1927/28 гг. – 4525 км, а в 1932/33 гг. – 5372 км; рост радиоустановки по строительной программе намечен на 7 радиостанций (Национальный архив Республики Саха, далее – НА РС. Ф. 52. Оп. 4. Д. 107. Л. 219).

При Наркомпочтеле был создан республиканский радиосовет, который руководил радиофикацией и организацией радиолюбительского дела. В его состав вошли представители Якутского Центрального исполнительного комитета, Почтово-телеграфной конторы, Наркомата просвещения, республиканского потребительского союза Холбос, Цветметзолота, областного комитета ВКП (б), Якутского областного совета профессиональных союзов. При создании радиосовета имелось в виду то, что без привлечения общественной инициативы невозможно рассчитывать на скорое осуществление рассматриваемых вопросов [1; 14]. Одновременно на уровне руководства республики решалось, в какой последовательности развивать радиолюбительское движение. В целях ликвидации технической неграмотности населения и объединения людей с соответствующими специальностями в сентябре 1929 г. Якутской почтово-телеграфной конторой⁴⁰ было организовано Общество радиолюбителей. По рекомендации Совета Народных Комиссаров Якутской АССР⁴¹ дан-

⁴⁰ Заведующим Почтово-телеграфной конторой был инженер И.Н. Зеленский.

⁴¹ Председателем СНК ЯАССР был Андреев Ананий Кононович, 1901 г. р., уроженец Ботурусского улуса Якутской АССР, он учился в Якутском начальном училище, был уполномоченным по продрозверстке, секретарем

ное общество было переименовано в Общество «Друзей радио» (далее – ОДР), которое активизировало работу по радиофикации путем привлечения к ней общественного внимания, при этом оно использовало возможности местной периодической печати. В 1930 г. на ноябрьском заседании Президиума Якутского ЦИК было утверждено областное бюро Общества «Друзей радио» Якутской АССР в составе Волкова Н.В. (Радиоцентр), Семенова (Нарком торговли) и Потапова С.Г. (Якутский ЦИК).

Новый состав Бюро ОДР ЯАССР начал работу согласно Уставу ОДР, утвержденному Административным отделом Якутского ЦИК. По Уставу действительными членами могли считаться молодые люди, достигшие 14-летнего возраста. В качестве юридических членов оформлялись учреждения, предприятия и организации. Система набора членов ОДР предусматривала ответственное отношение к почетному званию члена общества, который был обязан неукоснительно соблюдать общественную дисциплину, активно работать в своей ячейке. При приеме вступающих в ряды радиолюбителей первоочередное значение придавали их поведению. Главной обязанностью членов была агитация желающих вступить в ОДР и в своей ячейке содействие сбору средств путем организации культурных мероприятий: спектаклей, лекций и пр. За короткое время были созданы ячейки из 3-5 членов при производственных предприятиях, учреждениях, школах, техникумах, кооперативных организациях и в воинской части. Позже заработали объединяющие их малочисленные окружные, районные, городские отделения [2]. Трудности в организационных мероприятиях преодолевались благодаря пионерам-активистам технического дела. Когда речь шла о деятельности Общества «Друзей радио», прежде всего имелись в виду активность и ответственность его организатора С.Г. Потапова⁴². Как руководитель он часто писал в республиканских газетах о деятельности Общества, об участии членов в работе добровольной организации, содействующей радиофикации ЯАССР. В этом направлении культурной револю-

уездного бюро РКП (б), в Наркомфине ЯАССР. После окончания КУ им. Свердлова работал заведующим агитационно-пропагандистским отделом, секретарем Якутского окружкома ВКП (б).

⁴² Потапов Серафим Георгиевич родился в 1904 г. в Верхневиллойском улусе в Якутии. Окончил Якутское реальное училище, выпускник Московского госуниверситета по специальности «Советское право», работал прокурором Главсуда ЯАССР, заведующим инфотделом Якутского ОК ВКП (б), секретарем ЯЦИК.

ции активную поддержку оказали республиканские газеты «Кыым» и «Автономная Якутия»⁴³.

Однако в начале пути ОДР возникали всевозможные препятствия. Радиофикация в республике была начата с некоторым опозданием – только с октября 1930 г., с наступлением холодов, что снизило темпы линейных работ и лишило возможности радиофицировать до зимы некоторую запланированную часть города и периферии. Также на начальном этапе развития проволочной радиофикации большим препятствием явилось отсутствие технического персонала – радиомонтеров и радиотехников; технического инвентаря – радиоаппаратуры, радиоприборов. В соответствии с основным графиком вначале была выполнена только половина заявок на радиоточки, хотя спрос населения был огромный. При этом культурно-просветительные места общественного пользования обслуживались в первую очередь, а для частных лиц подключение производилось в среднем через месяц с момента подачи заявки. Некоторые абоненты, несмотря на многократные предупреждения по радио, пользовались по ошибке вместо наушников высокочастотными громкоговорителями, которые потребляли намного больше электроэнергии, чем слуховые аппараты трансузла. Из-за этого нарушалась слышимость во всем микрорайоне.

Радиотехника внесла новые технологии в обычную жизнь людей, хотя очень трудно было повсеместно радиофицировать жилые дома, поскольку преобладающая часть населения была неграмотна. При активном участии членов ОДР проводились в частных домах технические консультации по пользованию радиоустановками, была распространена соответствующая инструкция «О порядке правильного пользования радиоустановками и трансляционными устройствами и их регистрации».

К празднованию тринадцатой годовщины Октября был намечен ряд работ: предполагалось установить 50 громкоговорителей, преимущественно в общественных местах города Якутска⁴⁴, и несколько пробных репродукторов в ближайших от Якутска Намском, Западно-Кангаласском районах. Особое внимание было уделено золотоносно-

⁴³ В год 10-летия со дня образования Якутской АССР с июля 1932 г. республиканская газета была переименована в «Социалистическую Якутию».

⁴⁴ Председателем Якутского горсовета был Кардашевский Руф Иванович, 1891 г.р., уроженец Намского наслега Верхневиллойского улуса Якутской АССР, он работал в Наркоме земледелия, руководил кредитным обществом «Салабыл», был управляющим Сельхозбанка, Коммунбанка.

му рабочему Алданскому району с центром Незаметное, где в 1924 г. уже началась радиофикация. Сюда дополнительно перебросили 2000 наушных телефонов. Общество «Друзей радио» при помощи местной общественности, используя опыт работы центра и при его поддержке, совместно с опытными квалифицированными техническими специалистами, приглашенными из других мест, и за счет внутренних трудовых ресурсов установило радиоточки по принятому плану.

Развитие трансляционной сети в последующие годы последовательно расширялось, поскольку было налажено плановое снабжение радиоматериалами (НА РС. Ф. 52. Оп. 9. Д. 27. Л. 13, 71). Кроме этого столь масштабная работа в интересах национальной республики была направлена на расширение радиосвязи с продвижением на север, на полное обеспечение золотопромышленных районов и всех машинотракторных станций, совхозов. Эта деятельность была проведена с появлением в феврале 1931 г. Управления связи ЯАССР в Якутске. По ходатайству Совнаркома Якутской АССР постановлением Коллегии Наркомпочтеля СССР было организовано самостоятельное и полноправное Управление связи на территории республики с непосредственным подчинением Наркомату почты и телеграфа в Москве. Уполномоченным по согласованию с Москвой был назначен А.С. Нелюбин⁴⁵, возглавил Управление связи В.В. Пинчуков⁴⁶. Проблемой в работе органов связи был недостаток технических кадров. Для выполнения огромного объема радиостроительства, эксплуатации радиостанций и радиотрансляционных узлов требовались специалисты [7], в связи с этим руководство ОДР начало их подготовку. По согласованию с Наркомом труда республики и с участием Представительства Якутской АССР при Президиуме ВЦИК в Москве Наркомпочтель добился приглашения инженеров-выпускников институтов связи и квалифицированных работников из других, прежде всего центральных, регионов страны. Однако работу в районах тормозило незнание приехавших специалистов якутского языка, а местных жителей – русского. Поэтому в 1931 г. в Якутске был открыт Учеб-

⁴⁵ Нелюбин Александр Семенович, 1885 г. р., уроженец деревни Чернильчиковой Петропавловской волости Томской губернии, окончил Томское училище, до этого работал помощником начальника Сибирского краевого управления связи.

⁴⁶ Пинчуков Владимир Васильевич до прибытия в Якутию руководил Управлением связи в Н-Николаевске.

ный комбинат связи для подготовки специалистов среднего звена, решивший за короткий срок вопрос о недостатке местных кадров-связистов. Затем открылось подготовительное отделение Якутского техникума связи, обучавшее представителей коренного населения – радиотехников и техников проволочной связи, мотористов радио, проволочников-радиостов и квалифицированных работников смешанного труда. На предприятиях внедрялось бригадное ученичество. По линии Почтово-телеграфной конторы в Якутске учредили курсы по радиоделу, на которые принимались люди с образованием не ниже четырех классов в возрасте от 17 лет, желающие учиться на отделении радиостов, дизелистов, радиомонтеров (НА РС. Ф. 52. Оп. 9. Д. 28. Л. 118, 119). Во время прохождения обучения нуждавшихся курсантов обеспечивали стипендией в размере 30-75 рублей. Занятия проводились с 4 до 10 часов вечера. Лиц, окончивших курсы, обеспечивали работой. Необходимым техническим специальностям обучались в основном члены ОДР.

Со второй половины пятилетки в период масштабной индустриализации, развития народного хозяйства, создания новых отраслей промышленности, активного освоения северных окраин республики темпы радиостроительства заметно росли. Согласно пятилетнему плану, в Якутске строилась единственная на северо-востоке Сибири широкоэвентральная радиостанция РВ-62. На заседаниях Якутского обкома ВКП (б)⁴⁷ часто обсуждались вопросы о состоянии радиофикации, ее перспективы и проблемы. Члены бюро ОДР, как организаторы общественной силы, были ответственными за пропаганду радиотехнических знаний среди молодежи и взрослого населения. Активное содействие ОДР начальному этапу развития радиостроительства заметно распространялось среди населения. Через торговые организации они более успешно развернули работу по приему заказов на приобретение установочных материалов и принадлежностей радио. В действующих профсоюзных организациях предприятий создавались общественные ячейки радиолюбителей. Члены общества организовали

⁴⁷ Секретарем Якутского ОК ВКП (б) работал Певзник Павел Матвеевич (Файвель Мордухович), 1898 г. р., уроженец г. Мстислава Смоленской губернии, ранее он был секретарем Вязьминского уездного комитета партии, завотделом Смоленского губкома, затем служил в Харьковском губкоме Украины и секретарем Лозовского РК ВКП (б).

сотрудничество между предприятиями по обеспечению и снабжению мелкими техническими деталями, материалами и аппаратурой. Также решился вопрос об открытии при Якутском государственном издательстве магазина «Культура»⁴⁸, где продавали технический инвентарь для сборки радиоаппаратуры [6].

Областной комитет ВКП (б) поддержал инициативу Общества «Друзей радио» создать комиссию по изысканию средств на оборудование широкоэвентральной радиостанции. Комиссия обратилась ко всем организациям и учреждениям города с просьбой о добровольном взносе денег. Служащие, рабочие, военнообязанные поддержали своими материальными вложениями проведение радиофикации в республике, вступали в ОДР. Члены комиссии Калабугин, Шелковников, Старостин, Троицкий, Випорт, Нелюбин, Николаев привлекали хозяйственные и общественные организации, сельскохозяйственные и потребительские кооперации города к предоставлению денежных ссуд на дело развития радиофикации и радиовещания с условием их погашения путем рассрочки абонентной платы. Учитывая значительный вклад в дело радиофикации и их активную позицию в привлечении общественной силы, Совет Народных Комиссаров ЯАССР⁴⁹ разрешил в частном порядке сборку и установку приемников для радиослушания, кроме этого рекомендовал широко использовать коротковолновую связь подготовленными членами ОДР. Шла пропаганда перехода от пассивного слушателя к активному радиолюбителю. Необходимо было, чтобы каждый, имея основные детали, мог сам сделать у себя радиостанцию – например, собрать ее из отдельных деталей, сделать усилитель, поставить лишнюю лампу накала и антенну, уметь ловить те волны и передачу тех станций, которые он пожелает. Конструирование самодельной радиоаппаратуры сблизило радиолюбителей. При

⁴⁸ Ответственным редактором Якутского государственного издательства работал Васильев Сергей Степанович, 1907 г. р., уроженец I Соттинского наслега Борогонского улуса Якутской АССР, выпускник Якутского пединститута.

⁴⁹ С сентября 1931 г. до ноября 1937 г. руководил СНК ЯАССР Шараборин Христофор Прокопьевич, 1904 г.р., уроженец I Эннинского наслега Верхоянского улуса Якутской АССР, учился в Якутском педтехникуме, выпускник Ленинградского коммунистического университета, избирался секретарем Колымского и Булунского окружных комитетов ВКП (б), завотделом культуры и пропаганды обкома партии Якутской АССР.

такой постановке дела некоторые продвинутые якутские радиолюбители слушали заграничные станции Сайгона, Индокитая, Харбина (Маньчжурия), Филиппинских островов [3]. В стране появились радиолюбители-коротковолновики, которые выходили в эфир со своими позывными и слушали передачи других радиостанций. С этой целью Наркомпочтель организовал радиопереклички. 31 декабря в 6 часов вечера по московскому времени якутские радиолюбители случайно услышали новогоднюю радиоперекличку, организованную по инициативе свердловского Радиоцентра и обращенную к новостройкам, промышленным предприятиям, машинотракторным станциям, учебным заведениям. Во время этой переклички рабочие Урала вызвали на социалистическое соревнование Украину и Сибирь [5].

Некоторые образованные радиолюбители повышали свои знания, они читали специальную литературу и занимались в техническом кружке, а другие самостоятельно учились на радиокурсах для активистов-радиолюбителей. В итоге увеличился состав актива, привлекалось больше участников движения. Интеллигенция подавала пример, проявляла инициативу в общественной работе. В Якутске Клуб строителей широко развернул культурно-образовательную работу и организовал радиокружок в помещении Клуба Союза работников государственных учреждений (НА РС. Ф. 52. Оп. 25. Д. 1. Л. 206 об). Союз и Клуб строителей совместно закупили различные детали для радиоприемников и начали монтажные работы. Однако плохо обстояло дело с овладением теоретическими знаниями, в ОДР не было специальной инструкции на якутском языке, но это не остановило радиолюбителей. Кружок приступил к работе по изготовлению коротковолновых приемников и их оборудования, при поддержке профсоюзов сделал своими силами коротковолновый передатчик небольшой мощности для трансляции устраиваемых в клубе докладов, концертов, выступлений [4]. Несмотря на имеющиеся проблемы, члены ОДР продолжали организовывать радиокружки в клубах. ОДР Якутской АССР работало под руководством ОДР РСФСР и СССР, откуда получало инструкции, советы по техническим вопросам. Кроме того, благодаря настойчивой и целенаправленной работе Представительства Якутской АССР при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета в области взаимодействия Якутии с Москвой решались ключевые вопросы и своевременно разрабатывались перспективные планы радиостроительства. Для этого ими

осуществлялся контроль над поступлением бюджетных средств, проводилась работа по подбору квалифицированных кадров для республики⁵⁰.

Одной из основных обязанностей членов Общества «Друзей радио» было привлечение населения к приобретению радиоустройств. Радиофикация внедрялась в сельской местности путем установки радиоприемников с мощными усилителями и громкоговорителями. Вопрос радиофикации в деревне решался с помощью использования телефонных трубок треста «Электросвязь», детекторного комплекта и установки репродуктора. С этой целью была поставлена задача создать группы подготовленных кадров для налаживания источников питания ламповых установок и управления приемниками. Это задание взяли на себя ячейки ОДР в городе и в наслегах. Связь как важнейшее звено в культурно-хозяйственной жизни республики начала работать на благо людей. В районах принимали меры по необходимому изысканию средств для дальнейшего строительства радиостанций, организовали ячейки из числа желающих и по инициативе местного актива собирали денежные средства на радиостанцию. В то время расчет оплаты абонентами установки и пользования радиотелефоном исходил из минимальной оплаты с соответствующей рассрочкой. Радиосовет при Якутском Центральном исполнительном комитете⁵¹ утвердил стоимость радиостанции: для абонентов на общественных местах – в театрах, кино, гостиницах – она составляла 75 руб., в торговых и других организациях, учреждениях в городе 60 руб., в районах 35 руб., в клубах, общежитиях, красных уголках, народных домах и школах в городе 50 руб., в районах 25 руб., в воинской части 20 руб. Стоимость наушников для рабочих и служащих составляло 10 руб., для крестьян-бед-

⁵⁰ Винокуров Иван Николаевич, представитель Якутской АССР в 1925–1928 гг., 1933–1934 гг.

Варфоломеев Николай Спиридонович, представитель Якутской АССР в Москве в 1928–1930 гг.

Новгородов Афанасий Иннокентьевич, врид представителя Якутской АССР в Москве в 1930–1931 гг.

Окоемов Николай Николаевич, представитель Якутской АССР в Москве в 1931 г.

Михалев Петр Иванович, представитель Якутской АССР в Москве в 1931–1934 гг.

⁵¹ С февраля 1931 г. председателем Якутского ЦИК был Емельянов Николай Семенович, 1900 г.р., уроженец I Нерюктяйского наслега Олекминского округа Якутской АССР, выпускник Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве, он работал секретарем Якутского окружного комитета партии и заведующим организационно-инструкторским отделом областного комитета ВКП (б).

няков 7 руб., для военнослужащих 5 руб., для батраков 1 руб.

Вступая в четвертый год первой пятилетки, республика увеличила число радиостанций. План был приурочен к началу реконструктивного периода в культурном строительстве в связи с 10-летним юбилеем со дня образования Якутской автономной республики. Значительно повысилась техническая вооруженность в радиосвязи. Создание системы проводного радиовещания как удобного средства массовой информации показало, что радиофикация и радиовещание разнятся по своему назначению. Если технические задачи могли решаться в рамках Наркомпочтеля, то радиовещание было компетенцией Наркомата связи. Поэтому в целях руководства делом радиовещания и организации политико-просветительной, культурно-образовательной работы по радио на территории республики в январе 1933 г. было утверждено Положение о создании Комитета по радиовещанию при Совете Народных Комиссаров ЯАССР, внесенное Управлением связи и Госпланом республики. Отдельное самостоятельное Общество «Друзей радио», объединившее радиолюбителей, было упразднено в конце 1933 г., его функциональные обязанности были переданы в сентябре 1934 г. Комитету по радиовещанию при СНК ЯАССР⁵². Однако историческое значение ОДР нельзя переоценить: его деятельность открыла дорогу радиовещанию на значительной территории республики, способствовало формированию культурного слоя общества. В свою очередь радиовещание стало центром музыкальной и информационной жизни Якутии. ОДР Якутской АССР объединяло в своих рядах активистов радиодела, обучало их радиотехнике, открыло теоретическую базу технического творчества радиолюбителей-коротковолновиков, многие из них стали хорошими специалистами.

Таким образом, Общество «Друзей радио», созданное в период радиостроительства на территории Якутской АССР для пропаганды радиотехнических знаний и объединения активистов радиолюбительского движения, сыграло большую роль не только в радиоделе. Появление ОДР в 1930 г. было необходимо для преобразования

старого уклада жизни и культурного строительства на национальной окраине, когда люди Северного края, в большинстве своем неграмотные, не имевшие представления о техническом прогрессе, стали строить новую жизнь, тянуться к знаниям. Произошли коренные изменения и в экономическом укладе, и в быту, повысилась их культура. Радио вошло в жизнь, стало необходимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономная Якутия. 1930. 11 декабря.
2. Автономная Якутия. 1930. 14 декабря.
3. Автономная Якутия. 1931. 3 января.
4. Автономная Якутия. 1931. 4 января.
5. Автономная Якутия. 1931. 5 января.
6. Автономная Якутия. 1931. 19 января.
7. Автономная Якутия. 1931. 26 января.
8. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.
9. Камболова И.Т. К истории советских общественных организаций // Сборник архивных материалов. М., 1970.
10. Капустина Н.И. Развитие общественных организаций Ставрополя в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.
11. Киселева Н.В. Добровольные общества в Советской России (1917 – конец 1920-х гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
12. Коржихина Т.П. Общественные организации СССР в переходный период от капитализма к социализму: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.
13. Котляр Н.В. Создание общественных организаций на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: правовые нормы и практика // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 «История». 2014. № 2. С. 21–26.
14. Петрова В.Д. Радиофикация Якутии в 20-х годах XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 158–161.
15. Шестопалова Е.В. Общество «Друзья радио» в Сибири (1924–1939 гг.) // История науки и техники. 2006. № 8. С. 31–36.

REFERENCES

1. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 11 December 1930. (in Russ.)
2. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 14 December 1930. (in Russ.)
3. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 3 January 1931. (in Russ.)

4. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 4 January 1931. (in Russ.)
5. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 5 January 1931. (in Russ.)
6. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 19 January 1931. (in Russ.)
7. Avtonomnaya Yakutiya [Autonomous Yakutia]. 26 January 1931. (in Russ.)
8. Il'ina, I.N., 2001. Obschestvennyye organizatsii Rossii v 1920-e gody [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moskva. (in Russ.)
9. Kambolova, I.T., 1970. K istorii sovetskikh obschestvennykh organizatsiy [To the history of Soviet public organizations]. Moskva. (in Russ.)
10. Kapustina, N.I., 2005. Razvitie obschestvennykh organizatsiy Stavropolya v 1920-e gody. [Development of public organizations of Stavropol in 1920s]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Pyatigorsk. (in Russ.)
11. Kiseleva, N.V., 1999. Dobrovolnyye obschestva v Sovetskoy Rossii (1917 – konets 1920-h gg.). [Voluntary societies in Soviet Russia (1917 – late 1920s.)].

- Avtoref. dis ... dokt. ist. nauk. Rostov-na-Donu. (in Russ.)
12. Korzhikhina, T.P., 1986. Obschestvennyye organizatsii SSSR v perehodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu: [Public organizations of the USSR in the period of transition from capitalism to socialism]. Avtoref. dis ... dokt. ist. nauk. Moskva. (in Russ.)
13. Kotlyar, N.V., 2014. Sozdanie obschestvennykh organizatsiy na Dalnem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v.: pravovyye normy i praktika [Creation of public organizations in the Russian Far East in the late XIX – early XX centuries: law and practice], Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennog universiteta. Ser. 4 «Istoriya», no. 2, pp. 21-26. (in Russ.)
14. Petrova, V.D., 2013. Radiofikatsiya Yakutii v 20-h godah XX v. [Yakutia Broadcast Networks development in the 1920s], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. no. 10. (36): v 2-h ch. Ch. II, pp. 158–161. (in Russ.)
15. Shestopalova, E.V., 2006. Obschestvo «Druzya radio» v Sibiri (1924–1939 gg.) [«Friends of Radio» Association in Siberia (1924–1939)], Istoriya nauki i tekhniki, no. 8, pp. 31-36. (in Russ.)

⁵² Председателем Комитета по радиовещанию при СНК Якутской АССР был Якутцев Петр Еремеевич, 1902 г. р., уроженец Мальжегарского наслега Олекминского улуса, выпускник КУТВ в Москве, работал секретарем Якутского обкома ВЛКСМ, секретарем Олекминского окружкома и Тимптонского райбюро ВКП (б), инструктором Якутского ЦИК, Наркомом труда, зампредела Госплана СНК ЯАССР.

УДК 242-523.6 (571.56)

И.И. Юрганова*

ЯКУТСКИЙ СПАССКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ:
ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Якутский Спасский мужской монастырь, основанный в середине XVII в., явился первой монашеской обителью на северо-востоке русского государства. Автор предлагает собственную периодизацию истории монастыря, связанную с направлениями его деятельности, выделяет четыре основных периода, когда обитель, помимо выполнения функций монашеской религиозной общины, также являлась центром духовного управления и образования, миссионерства, хозяйствующим субъектом. В статье приводятся новые, ранее неизвестные, сведения о существовании в 1919–1922 гг. сельскохозяйственной монастырской общины.

Ключевые слова: Якутия, православие, Спасский монастырь, миссионерство, духовное образование, Якутская епархия

Yakut Monastery of the Savior: stages of activity. INNAI. YURGANOVA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences).

Yakut Monastery of the Savior, founded in the middle of the XVII century, was the first community of orthodox monks in the northeast of the Russian state. The author offers a periodization of the history of the monastery associated with the directions of its activities and identifies four main periods when the monastery not only performed the functions of monastic religious community, but also was a center of spiritual administration and education, conducted missionary work and was an economic entity. The paper presents previously unknown information about the existence of monastic agricultural community in 1919–1922.

Keywords: Yakutia, orthodoxy, monastery of the Savior, missionary work, spiritual education, Yakut eparchy

Монастырем (греч. μοναστήριον) принято называть религиозную общину монахов (монахинь), имеющих единый устав, единый комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных построек, ей принадлежащих. Самая северо-восточная монашеская обитель русского государства – Спасский мужской монастырь, был основан в 1663/1664 гг. в Якутском (Ленском) остроге. Первоначальное основание монастыря относится ко времени перенесения Якутского острога с Гимадайского урочища, находящегося в десяти верстах ниже современного города Якутска. Основателями обители

явились стольник воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов, жители острога и выбранный ими на должность строителя⁵³ служилый человек Иван Афанасьевич Овчинников.

Якутский край ко второй половине XVII в. стал одним из промысловых регионов Сибири, он обеспечивал значительный приток населения. В 1642 г. в таможенной избе острога был зарегистрирован 1131 человек, в основном промышленные люди. Ежегодно через якутскую таможенную

⁵³ В духовной терминологии строитель – это должность.

ходило в среднем до тысячи человек (с промыслов и на промыслы). Большинство промышленников были православными и, с учетом реалий того времени и роли христианства в жизни русских людей, очевидно, посещали храмы. В это время увеличивается и численность населения самого острога: в 1633 г. – 200 чел., 1651 г. – 250 чел., 1681 г. – 642 чел.) [13, с. 20–21, 35].

Датой основания монастыря принято считать 1663 г., когда были поданы челобитные царю и архиепископу с просьбой о строительстве монастыря и разрешении для Овчинникова для выезда в Тобольск с целью посвящения в иеромонахи. В челобитных указывалось, что «...по обещанию и по вере своей изволили быть в Якутском остроге монастырю во имя Спаса». Можно предположить, что к этому времени в остроге были проведены подготовительные работы и составлено общественное мнение о необходимости строительства. Возможно, в это время в остроге уже были монашеские кельи, так как известно о проживающих там в 1660-х гг. монахах – Алексии, Мелевсиппе, Макарии – и игумене Евфимии. Материальное обеспечение братии было скудным, их занятия, помимо совершения церковных служб, состояли в миссионерских путешествиях по краю и распространении православной веры [22, с. 134–140].

В 1664 г. архиепископ Симеон выдал просимую грамоту, но присланный из Якутского острога для посвящения в иеромонахи строитель Овчинников, по неустановленным причинам, посвящен не был, оставаясь бельцом на обязанности строителя. Можно предположить, что архиепископ направил в новый монастырь других священнослужителей (Национальный архив Республики Саха (Якутия), далее НА РС(Я). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 584. Л. 2–4). Заметим, что в 1660–1670-е гг. в остроге существовал отдельный от монастырского соборный причт во имя Живоначальной Троицы, упоминаемый в исторических документах с 1643 г.

Более чем двухсотлетняя история деятельности Спасского монастыря, к сожалению, не стала объектом специального исторического исследования, она была освещена в различном контексте в трудах Ф.Г. Сафронова (земледелие и хозяйственная деятельность), Е.С. Шишигина (христианизация), И.И. Юрганова (краткая история), П.П. Петрова, Н.П. Крадина и Д.С. Масленниковой (архитектура) [3, 4; 6; 15; 16; 17; 19].

Вместе с тем документы, содержащие сведения о монастыре, отложились на государственном хранении в архивах Москвы (РГАДА), Санкт-Петербурга (РГИА), Иркутска (ГАИО) и Якутска (НА РС(Я). Так, фонд Якутского Спасского муж-

ского монастыря Национального архива Республики Саха (Якутия) представляется комплексом исторических источников, содержащих значимый и разнообразный информационный материал по истории православия на территории Якутии в XVII – начала XX вв., несмотря на кажущуюся немногочисленность документов (589 ед. хр.).

Имеющаяся источниковая база предоставляет возможность выделить этапы в истории монастыря, являющиеся составной частью истории Русской православной церкви в Якутском крае. Авторская периодизация основана, прежде всего, на функциях обители в различные периоды ее существования, определявшие вектор распространения и укрепления православия в регионе.

Первый период (1663/1664 – 1764). Монастыри на Руси всегда являлись средоточием духовной жизни. Сибирский историк П.А. Слобцов указывал, что «...где зимовье ясное, там крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь кроме церкви» [14, с. 32]. Уже в этот период своей деятельности монастырь становится крупнейшим сооружением Якутского острога. Основой композиции обители стала концентричная схема, представляющая собой геометрически правильный четырехугольник, в пределах которого по принципу симметрии были размещены храмы, монашеские кельи, хозяйственные постройки. Исследователи отмечают, что в конце XVII – начале XVIII вв. в монастыре сформировалась основа архитектурно-планировочной схемы, которая в дальнейшем будет сохранена в процессе перестройки, реконструкций и восстановлений в связи с многочисленными пожарами [3, с. 97].

В XVII в. в Москве действовал Патриарший приказ, сосредоточивший управление духовным ведомством русского государства. В эпоху покорения Сибири при нём действовало несколько приказов, приближенных по своим функциям к государственным управленческим учреждениям. В 1620 г. была создана Тобольская епархия (архиепископия), охватывающая в своей деятельности необъятные сибирские просторы, она увеличивалась по мере продвижения русского казачества и утверждения российского господства на северо-востоке Сибири. Во второй половине XVII в. Тобольская митрополия была разделена на три разряда, затем в начале XVIII в. на шесть десятин, в том числе и Якутскую. Значительная территория Тобольской епархии (митрополии), отсутствие постоянной связи делали неэффективным ее управление. Источники отмечают, что «Якутск со

* ЮРГАНОВА Инна Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: inna.yurganova@mail.ru

© Юрганова И.И., 2014

своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной от него на 6000 верст Тобольской Митрополии и ... в течение первых восьми десятилетий на побережье Лены... созидались инородческие обитатели, не только в самом Якутском остроге, да и кое-где около Ледовитого моря возникали Божьи храмы...; а везде, куда только ступала русская нога, поставлялись для молитв часовни ..., но все это делалось так, что Епархиальный архиерей, Митрополит Тобольский должен был осведомляться или от проезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей в Якутском ведомстве, и где они? Есть ли при них священники, и кто таковые, и откуда?» [10, с. 145–146]. Очевидно, в Якутске не было уполномоченного от духовного ведомства, регулярно информировавшего Тобольск о состоянии дел в уезде. Центром духовной жизни края являлся монастырь, наместник которого в качестве главы немногочисленного духовенства края вступал во взаимоотношения с местной гражданской властью и разбирал возникающие споры и конфликты в среде самого духовенства.

В монастыре останавливались прибывающие в край с архипастырскими визитами иркутские епархиальные архиереи (Иннокентий (Нерунович), Софроний (Кристалеvский) и Нил (Исакович), в период пребывания Якутского края в составе Иркутской епархии (1731–1856 гг.).

Специфической чертой функционирования православной церкви в Якутии стала её миссионерская работа, представляющая интерес не только с точки зрения распространения православия среди коренного населения, но и культурного влияния христианства в контексте целостного исторического развития обширного региона [15, с. 10]. Начало миссионерской деятельности в Якутском крае соотносится по времени с учреждением Спасского монастыря, ставшего центром миссионерства на северо-востоке России. Монахи обитатели – Мелевсипп и Алексии – упоминаются в источниках как «миссионеры, просветившие этот край светом Евангелия». Настоятель монастыря направлял духовных особ для христианизации местного населения по мере освоения края. Так, в 1668 г. «черный поп Макарий [был] послан из Якутска для святительских дел за море на Индигиргу, и на Алазейку, и на Ковыму реки» [22, с. 134–140].

В 1706 г. митрополит Тобольский и Сибирский Филофей (Лещинский) обратился к Петру I с ходатайством, «чтобы в Иркутске, Енисейске, Якутске и других городах, где пригодно построить училища и собрать от всякого чина ребят и

учить их грамоте, дабы после они и сами умели не только христиан учить, но и неверных призывать к христианской вере, дать о том грамоту воеводам, а учителям жалование, и на учебные деньги выдавать из государственной казны» [1, с. 106]. В 1735 г., во время пребывания в Якутске епископа Иннокентия (Неруновича), по его распоряжению, данному управляющему Спасским монастырем архимандриту Нафанаилу, на средства местного духовенства при монастыре была открыта школа, действовавшая в 1736–1744 гг., её первыми учениками стали 15 якутских детей [18, с. 111–112].

В XV–XVI вв. черное монастырское духовенство Центральной России начинает приобретать обширные земельные владения и сосредоточивать в своих руках экономические средства. Возникновение монастырской колонизации в крае можно соотнести с концом XVII в. В 1678 г., по указу царя Федора Алексеевича, были направлены грамоты в Томск, Енисейск, Якутский Спасский и Киренский Троицкий монастыри: «Велено было описать, сколько казенных земель и покосов и скотских выпасов и рыбных ловель и крестьян и иных людей дадено ... сколько запасов бывает в год приход и сколько в каждом монастыре братии, что надобно от Великого Государя на жалование» [21, с. 103–105].

В конце XVII в. Спасский монастырь владел соляными варницами, санными покосами, пашенной землей, обрабатываемой как пришлыми русскими, так и местным населением. Обитель содержалась за счет пожертвований горожан, «мирских людей», поступали они не только деньгами, но и земельными участками, «мягкой рухлядью», хлебом и скотом. Ещё 1665 г. после челобитной монахов, по разрешению воеводы И. Голенищева-Кутузова, монастырские служки косили санные покосы на острове Сыльгар, в 1683 г. воеводой Приклонским монастырю была выдана «отводная» на владение островом. Помимо острова воевода выделил обители «таловые места под расчистку» (Российский государственный архив древних актов, далее РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 4. Д. 2231. Л. 1–4; Д. 2273. Л. 1–7). С 1681 г. монастырь получил во владение соляной ключ на реке Ичере и впоследствии ежегодно добывал до 500 пудов соли (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 4. Д. 2054. Л. 240). Помимо этого обитель активно приобретала земли и движимое имущество по вкладам, формировалось монастырское скотоводческое хозяйство, часть скота монахи отдавали на прокорм.

К началу XVIII в. во владения монастыря входили четыре заимки на верхней Лене (Гребенская и Захаровская в Чечуйской волости и Тыптинская

(Спасская) и Балыхтинская в Илгинской волости Киренского округа), где выращивались зерновые и огородные культуры. Каждая заимка представляла собой деревню с кельями, мельницами, банями и пр. Население заимок состояло из управляющего монаха-посельщика, вкладчиков, бобылей, подворников, гулящих и работных людей (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 4. Д. 334. Л. 30–32). Кроме того, монастырю принадлежали две приписные обители: Покровская (с 1724 г.) и Успенская пустыни на Камчатском полуострове, вошедшем в 1697 г. в состав русского государства.

Расширение владений имело своей целью и прикрепление вотчинников к монастырской обители. Право свободного поступления в монастырские вотчины на общих правах со свободными людьми имели новокрещенные. Поступая в обитель на правах пашенных крестьян и вкладчиков, они имели право голоса в решении земельных дел, разделяли управление монастырскими вотчинами с посельскими монахами.

Помимо средств, получаемых от хозяйственной деятельности, монастырю в 1680 г., по челобитной игумена Евфимия, было установлено жалование [9, с. 54–55]. К 1735 г. в его казне содержалось: 136 двухрублевых золотых монет, 550 рублей серебром, а также 2000 пудов ржаной муки, по 30 пудов муки пшеничной и ячменной, 6 пудов толокна, 3 пуда гороха, 228 лошадей и 171 голова рогатого скота [10, с. 188].

Заметим, что в Якутском монастыре не установлено случаев насильственного пострижения или пострижения по принуждению, имевших место в Иркутской епархии, когда в 1737 г. епископ Иркутский Иннокентий (Нерунович), при недостаточности монашествующих, отрешил от приходов вдовых попов, дьяконов и других представителей белого духовенства (всего 98 человек) и постриг их в монахи [5, с. 50].

Таким образом, к середине XVIII в. Якутский Спасский мужской монастырь являлся крупнейшим духовным учреждением края, центром управления Якутского заказа, оплотом миссионерства, зачинателем духовного образования, а также сложившимся хозяйствующим субъектом, обладавшим значительными финансовыми средствами.

Второй период (1764–1853) – время испытаний для российских монастырей, отправной точкой которого стали нововведения Петра Великого. Превращение России в империю, абсолютизация монаршей власти, ослабление политической мощи церкви позволили перейти к качественно новому этапу в истории русского православия.

Были ликвидированы права духовенства по управлению вотчинами и получению с них дохода, установлено фиксированное жалование духовных лиц. Эпоха бироновщины возложила на настоятелей монастырей обязанность доносить в Синод о малейших проступках насельников, в результате чего почти вдвое сократилось число монашествующих. С 1764 г., согласно секуляризационной политике императрицы Екатерины II, все монастыри перешли на казенное содержание за счет оброчного сбора с бывших церковных крестьян, были разделены на классы, часть из них ликвидировалась, а часть была выведена за штат. Сумма содержания монастырей в рамках секуляризации определялась на основании штата, т.е. устанавливалось определенное количество насельников, получавших жалование из казны.

К началу XVIII в. в Восточной Сибири действовало 14 монастырей – 12 мужских и 2 женских, – имевших статус самостоятельных, из которых 7 обителей, в том числе и Спасский монастырь в Якутске, были причислены к Иркутской епархии. Некоторые из монастырей – Иркутский Вознесенский, Селенгинские Троицкий и Вознесенский, Посольский Преображенский – в рамках реформы были включены в третий (низший) класс. Нерчинский Успенский и Якутский Спасский монастыри были оставлены за штатом, но епархия не могла содержать две обители, было принято решение Спасский монастырь оставить на содержании епархии, а Нерчинский ликвидировать [5, с. 67].

Якутский монастырь был сохранен, так как упразднение одной из старейших монашеских обителей на северо-востоке Сибири привело бы прежде всего к ослаблению христианского влияния на значительной территории. Тем не менее в 1766–1769 гг. было ликвидировано все монастырское хозяйство, продан его скот. Сохранились исторические свидетельства о том, насколько острой была борьба, развернувшаяся за обладание секуляризованными монастырскими владениями между желающими получить их в оброк (НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 62. Л. 25,30). Приписная Покровская пустынь, по распоряжению посетившего в 1758 г. Якутск епископа Софрония (Кристалеvского), была обращена в Кангаласский Покровский приход. До начала XIX в. монастырь находился на положении городского прихода, его содержание обеспечивалось только пожертвованиями прихожан.

Императорским указом 1794 г. всем монастырям был «положен земельный оклад» в размере 30 десятин, Отметим, что в XIX в. у власть имущих формируется иное, по сравнению с XVIII сто-

летием, отношение к монашеским обителям как к одной из духовных опор государства. Начинается учреждение новых и восстановление ранее закрытых монастырей, они получают возможность достойного существования. В 1798 г. Якутский Спасский монастырь, по ходатайству иркутского епископа Вениамина (Багрянского), был отнесен к 3-му классу с учреждением архимандритского наместничества и стал получать государственное содержание, а в 1836 г. – к 2-му классу. С 1800 г. было установлено количество монастырских штатов – 17 человек (архимандрит, казначей, 6 иеромонахов, 4 иеродиакон и 5 послушников). Помимо этого для облуживания хозяйственных нужд монастырь имел право на наём 17 служителей (НА РС(Я). Ф. 228-и. Оп. 1. Д. 13. Л. 95–96).

Состав монашествующий был немногочисленным, но, тем не менее, постоянно имелись вакантные штатные места, хотя в источниках сохранились обращения от местного населения к духовным властям с просьбами о поступления в монастырь. Это обусловлено отнюдь не материальным интересом, так как после проведения секуляризации монастырь скорее бедствовал, чем процветал (Государственный архив Иркутской области, далее ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1887).

Указами Александра I в 1805 и 1810 гг. монастырям было дано право приобретать недвижимое имущество. В 1838 г. они получили право приобретения лесных угодий в размере до 150 десятин [2, с. 550].

«Опись церковной утвари, святых образов, ризницы и хоромного строения» 1800 г. свидетельствует о том, что строения монастыря были окружены оградой с тремя проезжими воротами, внутри которых располагались каменная церковь, каменная колокольня, строящаяся новая Спасская церковь, кельи для монахов, кухня, пивоварня, баня, амбары и др. Кроме того, монастырь владел двумя торговыми лавками на городском рынке (НА РС(Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 62. Л. 25–30). В 1802 г. Спасскому монастырю была выделена сенокосная земля (небольшие участки в лесу на острове) в размере 30 дес. (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 252. Л. 1). С 1805 г. монастыри получили право приобретения ненаселенных участков земли в дар и по завещанию (с 1835 г. уже без специальной санкции Синода). Указом Синода от 5 июня 1833 г. «для поддержания древних обителей, приходящих в упадок, из казенных земель выделять участки, удобные для устройства земельного хозяйства в 100–150 и более десятин, как местные обстоятельства позволяют могут» (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 252. Л. 4–5). В 1836–1839 гг. вокруг оби-

тели была построена каменная ограда (НА РС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 17. Л. 47).

В 1844 г. Спасскому монастырю принадлежали: каменная Спасская церковь с колокольней, деревянная двухпредельная церковь, деревянная часовня с иорданью для освящения воды, деревянный корпус келий (монастырской братии) с кухней, деревянный корпус настоятельских келий с кухней, три хлебных амбара, помещение для конной упряжи, деревянная баня, два корпуса за монастырской оградой для служителей с баней, сенник с конюшней, кузница и каменная ограда с четырьмя воротами (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 975).

Численность прихожан монастыря к середине XIX в. составляла более 4000 человек, имея тенденцию к уменьшению в связи с освящением новых храмов и причислению паствы в их приходы.

Однако обитель по-прежнему оставалась центром духовного правления края и миссионерства. Помимо этого, правительство использовало монастыри для помещения в них неугодных лиц или преступников. Условия содержания в монастыре Якутска считались одними из самых суровых на территории Восточной Сибири. В середине XVIII в. в Спасский монастырь на вечное поселение была отправлена за участие в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны графиня А.Г. Бестужева-Рюмина, прожившая в Якутске около пяти лет.

Делопроизводственная переписка Синода, епископа Вениамина (Багрянского) и настоятеля Якутского Спасского монастыря Иосафа дает основание утверждать, что при Якутском Спасском монастыре в 1800 г. была открыта школа (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1067. Л. 132 об.–134 об.). Создание школы связано с прошением князья Кангаласского уезда Ильи Шадрина на имя императора и Указом Павла I «Об учреждении школы в Якутске для обучения христианскому закону якутского юношества», утвержденным Синодом 31 мая 1800 г., предписывающим обучать якутских детей русской грамматике, чтению, письму, катехизису, священной истории, а также преподавать «нравственное наставление о должностях верноподданного» [7]. Преподавателями школы были монахи Спасского монастыря и представители белого духовенства города. В 1817 г. школа была закрыта, так как епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский Михаил (Бурдуков), во время своего пребывания в Якутске в июне-июле 1815 г., «нашел школу яко ненужную по малочисленности учеников и не соответствующую цели своего учреждения» [20, с. 21]. В 1818 г. на территории монастыря начало свою работу ду-

ховное училище, это избавило местное духовенство от необходимости приобретения земельных участков и расходов на строительство. До начала 1840-х гг. смотрителями училища являлись настоятели Спасской обители.

Вероятно, в период с середины XVIII до середины XIX в. Спасский монастырь, утратив значимость крупного хозяйствующего субъекта, по-прежнему оставался центром духовного управления, миссионерской политики и духовного образования Якутии.

Третий период (1853–1860) в истории монастыря связан с именем Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, ученого-лингвиста с мировым именем, выдающегося богослова и педагога, проповедника и миссионера Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, члена Синода, Почетного члена Императорского Русского географического общества. Более сорока лет он занимался миссионерской деятельностью на Аляске, Алеутских, Командорских и Курильских островах, на Чукотке, Камчатке, на Амуре и в Якутии.

В 1852 г., по просьбе архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия, решением Святейшего Синода Якутская область вошла в состав Камчатской епархии [8]. В 1853 г. Иннокентий перенес в Якутск архиепископскую кафедру, избрав местом жительства Якутский Спасский монастырь. Выделение отдельной Камчатской епархии предоставило архиепископу возможность поставить в Синоде вопрос о создании в Якутии института викариатства. По его предложению в 1858 г. в составе Камчатской епархии были образованы два викариатства: Новоархангельское на Аляске с центром в Ситхе и Якутское. И в Якутске, и в Новоархангельске действовали духовные правления, обладающие некоторыми правами консистории. В 1858 г. по предписанию архиепископа Иннокентия была проведена реорганизация Якутского духовного управления по «консисторскому порядку» (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1700).

Тогда же в Спасском монастыре было начато каменное строительство: двухэтажный деревянный корпус с крестовой церковью во имя Скорбящей Божией Матери, с празднованием Всех Святых и преподобному Сергию Радонежскому; с юго-западной стороны, в линию с монастырской каменной стены каменные монашеские кельи с трапезною, внутри монастырской ограды каменная кузница, две деревянные бани, амбары с погребом, караулка и два деревянных здания вне ограды. Архиепископ Иннокентий составил обращение к гражданским властям Якутской обла-

сти с просьбой о выделении монастырю пособия, в частности, на строительство новой колокольни (вместо сгоревшей), а «величайшее же пособие, которое правительство оказывает монастырям, может быть наделение землей сверх положенного законом» (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 252. Л. 4–5.). Монастырские угодья составляли сенокосные земли, рыболовные пески по рекам Лене и Вилюй и на Байкале (в местности «Байхаровский сор»), «капитал» насчитывал 38 469 руб. серебром (НА РС(Я). Ф. 228-и. Оп. 1).

В ночь на 23 февраля 1858 г. в монастыре произошел очередной пожар, сгорел дом, в котором находились покои архимандрита, в том числе и домовая церковь. Огнем были уничтожены личные вещи архиепископа Иннокентия, его бумаги и архив. Архиепископ в это время находился в Иркутске и узнал о случившемся из рапорта настоятеля монастыря (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1955. Л. 2–6).

Интересен установленный факт проведения в 1860 г. аттестации монашествующих Якутского монастыря (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 2307). Вероятно, она была проведена в связи с образованием Якутского викариатства и назначением наместником монастыря викарного епископа. В письме архимандрита Анатолия на имя викарного епископа Павла (Попова) охарактеризован немногочисленный состав монашествующих Якутской области: три иеромонаха и иеродиакон (НА РС(Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 2307).

По распоряжению архиепископа, в Якутск была переведена Новоархангельская духовная семинария: прибыли учащиеся, ректор, преподаватели, и с 17 сентября 1858 г. начались занятия. Якутское духовное училище было преобразовано в двухклассное (с двухгодичными курсами). В сентябре 1860 г. в учебный план семинарии был введен якутский язык. И семинария, и училище были расположены на территории монастыря.

Пребывание в Спасском монастыре архиепископа Иннокентия превратило обитель в центр епархиального управления Якутска. В этот период начинается возрождение экономической составляющей обители, происходит активное строительство. Будучи миссионером, архиепископ Иннокентий концентрирует в монастыре управление миссионерской деятельностью обширных Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов. На территории Спасского монастыря по-прежнему были сосредоточены духовные образовательные учреждения Якутии, но их статус значительно повышается с перенесением в Якутск духовной семинарии. Таким образом, именно Якутский Спас-

ский мужской монастырь в 1853–1860 гг. являлся центром духовного управления не только Якутской области, но и всего северо-востока Российской империи.

Четвертый период (1861–1920/1922). Учреждение викариатства, значительно расширившего и укрепившего самостоятельность якутского духовенства, стало заключительным этапом на пути к образованию на территории Якутского края отдельной епархии, учреждение которой также связано с именем архиепископа Иннокентия (Вениаминова). В своих ходатайствах в Синод о причинах, вызвавших создание самостоятельной епархии, Вениаминов указывал, во-первых, на обширность территории Якутской области, сложность транспортной схемы, а также наличие населения со своим языком. В письме на имя обер-прокурора Синода в феврале 1865 г. он отмечал самобытность Якутии, которая «своими местными обычаями и своим бытом несколько не похожа на соседние [местности]» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 45. Л. 4–5). Местопребыванием епархиального архиерея, по мнению архиепископа, должен был стать Спасский монастырь. В декабре 1869 г. был подписан Указ императора об образовании с 1870 г. Якутской епархии – 53-й в составе Русской православной церкви (НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2об.).

Единственным монастырем на территории епархии продолжал оставаться Якутский Спасский мужской монастырь, переданный в подчинение епархиальному архиерею. Настоятелю монастыря было присвоено звание наместника и сан игумена с правом быть посвященным в сан архимандрита. Монастырь имел статус второклассного с определенным законодательством жалованием. Средства, выделяемые хозяйственным управлением Синода на содержание монастыря в 1870–1917 гг., оставались неизменными и составляли по 1346 руб. 81 коп. в год (НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 10; Д. 560. Л. 3; 2184. Л. 18; 2911. Л. 24; Д. 3605. Л. 78–79).

В 1886 г. на территории обители было построено здание духовной консистории, а с 1913 г. начато строительство каменного архиерейского дома. К приходу монастыря относилась также домовая архиерейская Владимирская церковь, заложенная в 1891 г. на частные пожертвования. Специалисты отмечают, что в этот период архитектурно-художественный ансамбль монастырских построек представлялся одним из самых совершенных в восточных регионах Российской империи [3, с. 103].

В апреле 1904 г. Якутский Спасский мужской монастырь был объединен в одно учреждение с

архиерейским домом – Якутский архиерейский дом и соединенный с ним Спасский монастырь.

В начале XX в. монастырю принадлежали покосный остров, пески для рыбной ловли на устье р. Виллой, Белое озеро, расположенное рядом с городом, и местность «Байхоровский сор» на Байкале. Почти все свои владения обитель сдавала в арендное содержание. Помимо этого она получала средства от государства, доходы от треб и процентное содержание от банковских вкладов. Важным источником дохода монастыря во все годы его существования оставались пожертвования, в частности по духовным завещаниям [19, с. 25].

Численность монашествующих редко соответствовала штатному расписанию (17 монашествующих и 17 наемных), в монастыре всегда имелись вакансии. Епархиальный архиерей в отчете в Синод за 1908 г. сообщал, что «скудность братских доходов и суровый климат не привлекают монашествующих из других епархий, из местных склонных к иноческой жизни не находится» (Российский государственный исторический архив, далее РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 2314. Л. 18).

На территории монастыря были расположены наиболее значимые учреждения духовного ведомства Якутской и Виллойской епархии: духовная консистория, епархиальное попечительство, ревизионный комитет, комитет миссионерского общества, церковно-миссионерское Братство Христа Спасителя, епархиальный училищный совет, духовное училище и семинария, Якутский отдел Палестинского общества и пр.

Новая советская власть Якутской области, исполняя Декрет об отделении церкви от государства, стремилась ограничить деятельность духовного ведомства. В июле 1918 г., по решению Исполнительного комитета Якутского Совета рабочих депутатов, была прекращена выплата жалования членам и сотрудникам духовной консистории, и служителям монастыря (НА РС(Я). Ф. 464. Оп. 1. Д. 11). В марте 1920 г. приказом начальника Якутского военно-революционного штаба Красной армии были закрыты все духовные учреждения Якутской области.

На этом можно было бы завершить описание истории Спасского монастыря в Якутске, насчитывающую два с половиной века своего существования, но исследование архивных документов позволило установить интересные, ранее неизвестные факты деятельности в 1919–1922 гг. монастырской сельскохозяйственной общины во главе с наместником монастыря Амвросием Поджарых (НА РС(Я). Ф. 55. Оп. 12. Д. 1).

История Якутского Спасского мужского монастыря уникальна и неповторима, она является составной частью как истории Якутии, так и истории Русской православной церкви. Монастырь на протяжении веков был оплотом православия на одном из отдаленных рубежей государства и, представляя в условиях Якутии новую российскую, а через её призму и общемировую, христианскую цивилизацию, выступал важным звеном межцивилизационного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966.
2. Дулов А.В. Русское православие: очерк истории. Улан-Удэ, 2000.
3. Крадин Н.П., Масленникова Д.С. Традиции и региональное своеобразие Спасского монастыря в Якутии // Россия и АТР. 2013. № 2 (80). С. 94–103.
4. Масленникова Д.С. Закономерности организации внутреннего пространства Якутского монастыря на деревянном и каменном этапах строительства // Известия вузов. Строительство. 2012. № 11/12. С. 99–107.
5. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVII – перв. пол. XIX вв. Иркутск, 1996.
6. Петров П.П. Градо-Якутские православные храмы. Якутск, 2000.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 24, № 19455. СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 16, № 14209. СПб., 1842.
9. Попов Г.А. Сочинения. Т. 1. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. Якутск, 2003.
10. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. 19 марта. № 12. С. 145–146, 188.
11. Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956.
12. Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – нач. XIX вв. Якутск, 1957.
13. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII – начале XX вв. Якутск, 1961.
14. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
15. Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991.
16. Юрганова И.И. К истории Спасского монастыря // Якутский архив. 2001. № 3 (4). С. 103–107.
17. Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, ООО «Академия». 2003.

18. Юрганова И.И. Из истории духовного образования в Якутии // Якутский архив. 2006. № 3 (22). С. 111–122.

19. Юрганова И.И. Церкви Якутии. Краткая история. Сергиев Посад, 2010. С. 23–26.

20. Явловский П.П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. (1632–1800 гг.). Т. 1. Якутск, 2002.

21. Якутские епархиальные ведомости. 1890. 1 апреля. № 7. С. 103–105.

22. Якутские епархиальные ведомости. 1890. 1 мая. № 9. С. 134–140.

REFERENCES

1. Afanas'ev, V.F., 1966. Shkola i razvitie pedagogicheskoy mysli v Yakutii [The school and the development of pedagogical ideas in Yakutia]. Yakutsk. (in Russ.)
2. Dulov, A.V., 2000. Russkoe pravoslavie: ocherk istorii [Russian Orthodoxy: a historical sketch]. Ulan-Ude. (in Russ.)
3. Kradin, N.P. and Maslennikova, D.S., 2013. Traditsii i regional'noe svoeobrazie Spasskogo monastyrya v Yakutii [Traditions and regional originality of the Saviour monastery in Yakutia]. Rossiya i ATR, no. 2 (80), pp. 94–103. (in Russ.)
4. Maslennikova, D.S., 2012. Zakonomernosti organizatsii vnutrennego prostranstva Yakutskogo monastyrya na derevyannom i kamennom etapah stroitel'stva [Laws of the organization of the inner space of the Yakut monastery on wood and stone construction phases]. Izvestiya vuzov. Stroitel'stvo, no. 11/12, pp. 99–107. (in Russ.)
5. Naumova, O.E., 1996. Irkutskaya eparkhiya. XVII – perv. pol. XIX vv. [Irkutsk eparchy, XVIIth – first half of XIXth century]. Irkutsk. (in Russ.)
6. Petrov, P.P., 2000. Grado-Yakutskie pravoslavnye khramy [Grado-Yakut Orthodox churches]. Yakutsk. (in Russ.)
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire.], 1830, Vol. XXVI, no. 19455, Sankt-Peterburg. (in Russ.)
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire.], 1842, Sobr. 2, Vol. XVI, no. 14209, Sankt-Peterburg. (in Russ.)
9. Popov, G.A., 2003. Sochineniya. T.1. Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov i drugikh inorodtsev Yakutskoy oblasti. Ocherki po istorii Yakutii [History of Christian education of the Yakuts and other foreigners of Yakut area. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk. (in Russ.)
10. Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam, 1866 [Appendix to Irkutsk Eparchy Gazette], no. 12, pp. 145–146, 188. (in Russ.)

11. Safronov, F.G., 1956. Krest'yanskaya kolonizatsiya basseynov Leny i Ilima v XVII v. [Peasant colonization of Lena and Ilim river basin in the XVII century]. Yakutsk. (in Russ.)
12. Safronov, F.G., 1957. Gorod Yakutsk v XVII – nach. XIX vv. [The city of Yakutsk in XVIIth – the beginning of XIXth century]. Yakutsk. (in Russ.)
13. Safronov, F.G., 1961. Russkie krest'yane v Yakutii v XVII – nach. XX vv. [Russian peasants in Yakutia in XVIIth – the beginning of XXth century]. Yakutsk. (in Russ.)
14. Slovtsov, P.A., 1886. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
15. Shishigin, E.S., 2000. Rasprostranenie khristianstva v Yakutii [Spreading of Christianity in Yakutia]. Yakutsk. (in Russ.)
16. Yurganova, I.I., 2001. K istorii Spasskogo monastyrya [Toward the history of Spassky monastery]. Yakutskiy arkhiv, no. 3 (4), pp. 103–107. (in Russ.)
17. Yurganova, I.I., 2003. Istoriya Yakutskoy eparkhii. 1870–1919 gg. (deyatel'nost' dukhovnoy konsistorii) [The history of the Yakut eparchy. 1870–1919. (the activity of the consistory)]. Yakutsk: OOO «Akademiya». (in Russ.)
18. Yurganova, I.I., 2006. Iz istorii dukhovnogo obrazovaniya v Yakutii [From the history of theological education in Yakutia]. Yakutskiy arkhiv, no. 3 (22), pp. 111–122.
19. Yurganova, I.I., 2010. Tserkvi Yakutii. Kratkaya istoriya [The Churches of Yakutia. A brief history]. Sergiev Posad. (in Russ.)
20. Yavlovskiy, P.P., 2002. Letopis' goroda Yakutska ot ego osnovaniya do nastoyashchego vremeni. (1632–1800) [The chronicle of the city of Yakutsk from its foundation until the present time, 1632–1800]. Vol. 1. Yakutsk. (in Russ.)
21. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakutsk eparchy news], 1890, no.7, pp. 103–105. (in Russ.)
22. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakutsk eparchy news], 1890, no. 9, pp. 134–140. (in Russ.)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

УДК 101.1::316

С.С. Православский*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Центральное теоретическое положение статьи состоит в том, что социальная коммуникация информационного общества находится в процессе трансформации, инициированном широкомасштабной интеграцией в социальную реальность сетевых интерфейсов. Эта интеграция включает в себя упрощение коммуникационных циклов и форматирование каждой коммуникации в соответствии с определенными экономическими и политическими интересами, встроенными в различные регулирующие сетевые интерфейсы. Автор приходит к выводу, что данное направление трансформации социальной коммуникации угрожает социальной стабильности и гуманистическим основам современной культуры.

Ключевые слова: социальная коммуникация, информация, информационное общество, социальность

Transformation of social communication in the information-oriented society
STEFAN S. PRAVOSLAVSKIY (Voronezh State University).

The main theoretical claim of the paper is that social communication of the information society is going through the process of transformation initiated by a large-scale integration of network interfaces into modern social reality. This integration involves simplification of communication cycles and reshaping of each social communication in accordance with certain economic and political interests built in different regulative network interfaces. The author concludes that this direction of social communication change threatens social stability and humanistic basis of modern culture.

Keywords: social communication, information, information society, sociality

В современном обществе все большую актуальность приобретают проблемы, связанные с глобальным изменением форм социального взаимодействия. Круг этих проблем включает в себя такие секторы, как распространение социальных сетей, дистанционное обучение, интернет-торговля, удаленное управление производственными и деловыми процессами, взаимодействие человека и автоматизированных систем. В ходе внедрения всех вышперечисленных продуктов развития информационных технологий в жизнь

общества выявляются сопутствующие ему процессы трансформации самой социальной реальности. При этом, как показывает история трех последних десятилетий, внедрение достижений информационных технологий в жизнь общества имеет настолько существенный и противоречивый эффект, что многие исследователи уже заявили о фундаментальной трансформации социальной реальности, о возникновении особого информационного общества и даже о конце социального как такового.

* ПРАВОСЛАВСКИЙ Стефан Сергеевич, аспирант кафедры истории философии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

E-mail: stprv@mail.ru

© Православский С.С., 2014

В этом контексте встает закономерно поставленный Ж. Бодрийаром вопрос: «Перспективному пространству социального приходит конец. Рациональная социальность договора, социальность диалектическая (распространяющаяся на государство и гражданское общество, публичное и частное, социальное и индивидуальное) уступает место социальности контакта, множества временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрерывающимся движением. Но можно ли в данном случае по-прежнему говорить о социуме?» [1, с. 91–92].

Проблемное поле, формируемое такими вопросами, напрямую связано с анализом структуры и специфики циклов социальной коммуникации, заключающих в себе современную социальную реальность. Как показывает анализ коммуникативных процессов современного общества, специфика циклов коммуникации интенсивно трансформируется. Одним из главных результатов трансформации структуры коммуникационных циклов информационного общества является не только сокращение длительности каждого отдельного цикла, но также процессы упрощения и стандартизации структуры коммуникационных циклов как таковых. Эту динамику можно наблюдать на примере современного сетевого (в смысле принадлежности к интернет-пространству) общения.

Развитие коммуникационных технологий, развившееся в улучшении каналов связи и совершенствовании пользовательских интерфейсов, привело к расширению спектра возможностей коммуникации. Современные социальные сети предлагают еще более широкий набор коммуникационных инструментов. Фактически сетевая коммуникация, проходящая в виртуальном пространстве, стала настолько успешной и востребованной, что само это лишенное пространственности пространство стало составлять конкуренцию реальному пространству: «Опосредованное пространство может, зачастую, быть сравнимым с такими глобальными «не-местами», как аэропорты и торговые центры. Можно предположить наличие эффекта «перемещения», воплощенного в цифровых технологиях, которые доставляют их пользователя «куда-то еще», то есть, на самом деле, в «не-место», отрицающее реальное физическое место, в котором находится человек, или соревнующееся с ним» [2, с. 6].

Однако здесь стоит учитывать одно важное обстоятельство. Все вышеперечисленные возмож-

ности сетевой коммуникации реализуются только в рамках заранее определенных, технически обусловленных процедур, протоколов и алгоритмов. Изменение внутренней структуры коммуникационных посредников рядовым пользователем не допускается, или допускается в определенных пределах, также заданных конкретным техническим решением. Это ведет к стандартизации коммуникационных циклов. Их структура становится отражением структуры тех информационных технологий, через которые реализуется сетевая коммуникация.

Такая стандартизация коммуникационных циклов ведет к постепенной типизации, гомогенизации основной массы коммуникаций, что делает возможной ее механизацию. Это новый вид социальной синхронизации, при котором человеческое сознание синхронизируется с машинными алгоритмами, выступающими в качестве полноценного участника такой коммуникации.

Возрастающий инструментальный характер социальности информационного общества в аспекте социальной синхронизации может быть проиллюстрирован на примере получивших в сетевом пространстве широкое распространение техник быстрой конструкции социальности, возникающей, в довольно точном смысле выражения, на пустом месте. Среди таких техник для иллюстрации можно выделить флэшмоб и псевдодискуссию.

Суть флэшмоба состоит в том, что в сетевом пространстве, на важных информационных узлах, обладающих большим количеством сетевых связей, размещается некая управляющая информация, предлагающая или предписывающая участникам коммуникации совершить те или иные действия в определенное время (или на протяжении определенного времени) в определенном пространстве, реальном или виртуальном. Некий процент участников коммуникации реагирует на эту информацию, принимает участие в данных действиях. Участники флэшмоба могут действовать организованно и скоординированно, даже не зная друг друга. Таким образом, возникает инструментальная, оперативная социальность в виде самоподдерживающейся коммуникации между совершенно разрозненными до этого момента членами общества. При минимальных энергетических затратах становится возможным создание высокоэффективных рабочих групп для решения конкретных задач. С этой точки зрения виртуальность становится инструментом управления процессами реальности.

Суть псевдодискуссии, как другой техники конструкции инструментальной социальности,

заключается в том, что общественный интерес или деятельность в каком-либо направлении могут быть инициированы посредством симуляции социальности. К примеру, если на определенном рынке наблюдается недостаток интереса к определенному виду продукции, в сетевом пространстве (форумы, социальные сети и т.п.) могут появиться участники коммуникации, активно интересующиеся данным видом продукции. Это агенты коммерческой структуры, заинтересованной в повышении интереса к своему товару. Спрашивая совета, делясь рекомендациями и впечатлениями, вступая друг с другом в споры, эти участники коммуникации постепенно создают информационный фон, достаточный для того, чтобы в данную коммуникацию начали вступать реальные участники, привлеченные количеством упоминаний этой темы на новостных сайтах и в рейтингах поисковых систем. В какой-то момент процесс коммуникации выходит на качественно иной уровень, когда основными участниками становятся уже просто заинтересованные люди, привлечение и включение которых в эту самоподдерживающуюся коммуникацию и было целью псевдодискуссии. Применение данных техник облегчается заранее выстроенными коммуникационными интерфейсами, стандартизирующими коммуникационные циклы.

Подобная динамика трансформации социальности информационного общества становится возможной в силу определенного обстоятельства. Машина достигает успехов в социальной коммуникации и в замещении мест в цепочках социальности не за счет ее приспособления к человеческой реальности. Все происходит наоборот: человеческая реальность коммуникации через посредство информационных технологий приспособляется к реальности машины.

В структуру субъективности и принятия человеком решений встраиваются самые разнообразные интерфейсы. Для того чтобы осуществить себя в качестве субъекта, человеку необходимо согласовать свои действия с определенными инстанциями машинной социальности, доверить исполнение своей воли машинам, проконсультироваться с машинами по разнообразным вопросам и основывать свои суждения на машинной экспертной оценке. Все эти аспекты фрагментируют человеческую субъективность и распределяют ее фрагменты по различным сетевым инстанциям.

Социальная синхронизация информационного общества достигает успехов в деле согласования сетевых коммуникаций в силу того, что сами эти коммуникации оказываются жестко вписанными

в заранее заданные структуры и отформатированными в соответствии с их требованиями.

В связи с этим в вопросах социальной синхронизации на первый план выходят динамики «биополитики» (М. Фуко, Д. Агамбен), предполагающие включение частной и биологической жизни в сферу внимания политических инстанций. Ключевой точкой, в которой сходятся эти интенции, является связь между физическим телом и городской инфраструктурой информационного общества. Различие между личной и общественной сферами действительно тотально реорганизуется, поскольку личное, благодаря социальным сетям, как никогда становится интегрированным в общественное, понимаемое не как традиционная общность, но как совокупность сетевых пространств. Такие пространства, являясь, по сути, весьма свободными, иерархически не централизованными, всецело обязаны своим существованием предоставляемым информационными технологиями интерфейсам. Соответственно, политическая сила, контролирующая генезис этих интерфейсов, их структурные особенности и связанные с ними практики, обретает контроль над функционированием сетевых структур.

Биополитика получает новый носитель – информационные технологии, которые также являются эффективным инструментом «менеджмента» социальности: «Биополитика, таким образом, может быть охарактеризована как постепенная колонизация, или «политизация» «голой жизни» существенно увеличившей свою сложность совокупностью институциональных структур и отношений, которые находят свое аксиоматическое выражение в «законе» и в различных манифестациях «суверенной власти»» [3, с. 504].

Имплицитная опасность такого поворота процессов социальной коммуникации состоит в том, что использование различными агентами легитимации (тех или иных социально-политических сил) возросшего потенциала современных информационных технологий может приводить к масштабным деформациям коммуникации и к общественным потрясениям. Интеграция большей части общества в сетевое информационное пространство делает запуск масштабных социально-инструментальных проектов посредством трансформации информационных потоков виртуального пространства значительно более легким. Концу социального, представлявшемуся Ж. Бодрийару в виде угасания гражданского сознания, в виде смерти, которую социальное находит в феномене массы, противостоит активно разрабатываемая и успешно реализуемая в рамках инфор-

мационного общества перспектива «гальванизации» масс, встроенных в сетевое пространство. «Мертвая» социальность гальванизированных подобным образом масс тем не менее оказывается эффективной для реализации определенных биополитических стратегий.

Таким образом, ресурсы социальной синхронизации, которые предоставляет информационное общество, обладают серьезным, потенциально дестабилизирующим, а также репрессивным потенциалом по отношению к тем формам коммуникации, которые не вписываются в формат доминирующих сетевых структур, находящихся под контролем тех или иных социально-политических сил. При этом сам процесс, на который опирается «биополитика», а именно вторжение инфраструктуры в ландшафт, является вполне объективным и обусловлен неизбежным в ходе истории совершенствованием технологий: «Биополитические динамики современного города происходят из расширяющейся связи гибридных отношений между телом, природой и городским пространством, так что структура города склоняется к киборгическому синтезу между физиологическими потребностями человеческого тела и физической инфраструктурой города» [3, с. 504].

Главный вопрос здесь заключается в том, будет ли такой синтез исходить из приоритета потребностей человека или же из приоритета потребностей инфраструктуры. Тенденции, характерные для трансформации социальности информационного общества, описанные выше, свидетельствуют, скорее, о приоритете потребностей инфраструктуры.

Все описанные особенности трансформации социальной коммуникации в информационном обществе способствуют формированию обоснованного мнения о крайней противоречивости и большом негативном потенциале данных процессов относительно гуманистического аспекта культуры, а также о необходимости разработки новых теоретических и практических инициатив, способствующих сохранению гуманистически ориентированной социальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральск. Ун-та, 2000.
2. Aurigi De Cindio, F., 2008. Augmented urban spaces: articulating the physical and electronic city. Hampshire: Ashgate Publishing.
3. Gandy, M., 2006. Zones of indistinction: biopolitical contestations in the urban arena. Cultural Geographies, Vol. 13, no. 4, pp. 497–516.

REFERENCES

1. Baudrillard, J., 2000. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo [In the shadow of the silent majorities]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. (in Russ.)
2. Aurigi De Cindio, F., 2008. Augmented urban spaces: articulating the physical and electronic city. Hampshire: Ashgate Publishing.
3. Gandy, M., 2006. Zones of indistinction: biopolitical contestations in the urban arena. Cultural Geographies, Vol. 13, no. 4, pp. 497–516.

УДК 748

А.А. Сидорин*

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ

В статье представлен анализ диссертационных работ и авторефератов диссертационных работ за период с 2002 г. по 2012 г., посвященных социологическому изучению проблем здоровья молодежи. Автор обращается к выяснению того, как ставятся цели и задачи различными диссертантами в исследуемой области знания, каким образом авторы концептуализируют получаемые ими данные. На этой основе автор формирует свой взгляд на данную проблематику, а также рассматривает дальнейшие возможные направления изучения данной темы.

Ключевые слова: социология здоровья, молодежь, вредные привычки, социологический опрос, проблематизация

Problematization of the value of youth health. ALEKSEIA. SIDORIN (Sociological Institute, Russian Academy of Sciences).

The paper analyzes dissertations and dissertation summaries of 2002-2012 devoted to the sociological study of the problem of young people's health. Basing on the analysis the author attempts to form his own point of view on the issue and to define the directions of future research of the problem.

Keywords: sociology of health, youth, bad habits, poll, problematization

Социология здоровья не является популярной темой среди российских ученых. Исследования по проблемам здоровья молодежи крайне редко встречаются в тематических рубриках разного рода журналов. Однако можно констатировать, что в нашей стране накопился определенный массив как эмпирических, так и теоретических сведений по этой тематике. Мы разберем наиболее существенные аспекты этого знания, покажем общую специфику, а также представим свою логику того, каким образом можно проблематизировать эти данные так, чтобы с ними можно было работать в дальнейшем. Рассмотрим ниже следующие диссертационные положения.

Так, О.В. Шиняева (2002) в диссертации по теме «Социальные проблемы здоровья школьников в трансформирующемся обществе» делает следующие выводы:

«1) до сих пор не завершена целостная социологическая концепция здоровья в широком понимании, включающая физические, психические и

духовные компоненты, а также соответствующая этой концепции классификация признаков и показателей;

2) в исследовании проблем здоровья подрастающих поколений преобладает естественнонаучный метод, не позволяющий отследить надбиологические, социальные составляющие, а также соединить количественные и качественные характеристики, собрать обобщенный образ самочувствия типичных представителей новых поколений;

3) до настоящего времени здоровье учащихся и их самосохранительное поведение не становились объектом специальных социологических исследований, способных установить зависимость самочувствия детей от характеристик социальной среды, в которой каждый ребенок проводит длительный период своей жизни» [15, с. 12].

В.Я. Шклярчук (2003) в своей работе «Среда обитания и здоровье студента» пишет следующее: «Анализ имеющейся литературы, научных иссле-

* СИДОРИН Алексей Александрович, аспирант Социологического института РАН.

E-mail: sidorinaleksei@yandex.ru

© Сидорин А.А., 2014

дований позволяет сделать вывод о том, что вопросы зависимости сопротивляемости организма студента окружающей среде от уровня состояния здоровья и физического развития недостаточно изучены. Количество студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья, неуклонно растет. Требуют дальнейшего исследования социальные и аксиологические факторы, влияющие на состояние здоровья студента. Необходимы новые подходы в формировании ценностного отношения студентов к здоровому образу жизни» [16, с. 10].

В.С. Тубчинова (2005) написала диссертацию по теме «Проблема формирования здорового образа жизни среди подростков», где делает следующее обобщение: «Однако, в целом, проблема мотивации и сохранения здоровья, формирования ценностного отношения к здоровью остается недостаточно изученной в современной научной литературе. Особенно это касается подростков, как наиболее уязвимой группы населения. В настоящее время нет единого подхода в решении проблемы формирования здорового образа жизни среди подростков, а есть единичные исследования, в разных областях науки педагогики, валеологии, медицины» [12, с. 2].

О.Г. Кирилук (2007) в своей работе «Социальная ценность здорового образа жизни студенческой молодежи в современном российском обществе» указывает на следующее: «Можно констатировать, что исследования социальных факторов здоровья детей и подростков становятся более основательными и продуктивными, в то время как отношение здоровья молодежи и студенчества сохраняет дефицит информации, связанный с недостаточностью принятых в системе медицинской и ведомственной статистики показателей и ограниченностью исследовательских возможностей. Такое положение обусловлено тем, что образ жизни студенчества как социальной группы объективно определен ее противоречивой позицией в обществе. Характер проблемы требует, чтобы в ее изучении сочетались не только социально-медицинский и психолого-педагогический, но и социологический подходы, что позволит обеспечить более корректную социальную оценку факторов и тенденций в отношении здоровья студенческой молодежи» [6, с. 5].

Н.Х. Гафиатулина (2007) в работе «Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социоструктурном контексте» приходит к выводу о том, что «... в современных условиях социологам необходимо более глубоко проанализировать имеющиеся представления о роли здоровья в среде учащихся, мотивации к его сохранению и

укреплению. В этом плане очень актуально изучение отношения отдельного молодого человека и различных социально-демографических групп в целом к проблеме культивирования здорового образа жизни. Заниженная самооценка своего «биологического имущества» чаще всего проявляется в невнимании к образу жизни. Пока учащаяся молодежь не будет ощущать ответственность за собственное здоровье, она не сможет воспринимать идеи по продвижению здорового образа жизни, которые основываются на необходимости изменить поведение индивидов» [4, с. 14].

Л.В. Булыгина (2009) в диссертации «Социальное здоровье городских подростков» делает следующий вывод: «Совокупность исследований социального здоровья в российской социологии до настоящего времени не оформилась в самостоятельную отрасль знания в рамках науки об обществе, но констатировать факт ее субдисциплинарности позволяют работы по данной теме – в проблемном поле отдельных социологических дисциплин макро – и микроуровней, в частности в социологии молодежи. В последние десять лет в публикациях по подростковой проблематике наметились тенденции формирования целостного представления о социальном здоровье подростков на основе проведения как количественных, так и качественных исследований» [1, с. 18].

Выводы, продемонстрированные вышеназванными авторами, свидетельствуют о том, что, во-первых, в области социологического исследования здоровья молодежи отсутствует единая социологическая теоретическая рамка, которая бы позволяла аккумулировать и обобщать социологические данные, получаемые из разных исследований по проблемам здоровья. Во-вторых, отмечается недостаточность понимания сферы мотивации молодежи на укрепление / разрушение своего здоровья. В-третьих, авторы подводят нас к выводу о том, что социология здоровья молодежи призвана помочь последней разобраться в своих проблемах. Другими словами, они констатируют негативные тенденции у широких слоев молодежи и, следовательно, социология должна понять, как эту тенденцию преодолеть. В-четвертых, создается впечатление, что исследователи неосознанно стремятся показать, что молодежь скорее «плохая», чем «хорошая», не вписывающаяся в некие «нормальные» рамки.

На наш взгляд, аргументы, представленные авторами, являются «коварными заблуждениями», а не истиной. Социологи применили в исследованиях в области социальных наук подходы, свойственные анализу закономерностей, изучаемых

естественными науками. Мы не хотим сказать, что это широко распространенное явление, безусловно, есть диссертационные исследования, сумевшие преодолеть данную сложность. Важно понимать, что такая тенденция существует и ее нужно избегать.

Анализ эмпирических исследований данных авторов показал, что выводы, которые делают социологи здоровья молодежи, не только не приближают нас к некоему целостному пониманию «социологического представления о здоровье молодежи», но и, наоборот, создают впечатление о полной неразберихе, существующей в данной области исследования. Эмпирическая часть работ за «формальными» цифрами о здоровье молодежи скрывает относительность выводов. Это выражено в недостаточно объективной выборочной совокупности исследуемых; неприменении математических формул для доказательства того, каким образом делается экстраполяция на всю молодежь в рамках той или иной социальной группы. Иными словами, это те правила, которыми должен пользоваться ученый, принимающий данное направление исследований как базовое и стремящийся к достоверным выводам. Однако мы не хотим сказать, что результаты данных исследований не имеют никакой ценности. Они скорее являются «презентацией», не отражающей в полной мере социальных параметров здоровья молодежи и характерной для того пространства, в котором они изучались. Следовательно, данные «обобщения», или выводы, применять в каких-либо аналитических схемах в определенной степени ненадежно.

К подобным выводам относятся, например, такие: «Очень большое значение придать своему физическому развитию 47,8% респондентов, не более, чем другим сторонам жизни, – 48,1% студентов; не придать практически никакого значения только 4% опрошенных». Или у того же автора можно прочесть: «На вопрос о том, «способствует ли учебный процесс формированию у вас и у ваших друзей установки на здоровый образ жизни и физическое развитие», ответы распределились следующим образом: 75,2% ответили «скорее да», а 24,8% ответили «скорее нет» [13, с. 5]. Это действительно интересные выводы, заставляющие обратить внимание на некоторые вещи, но это не значит, что другая выборочная совокупность, заполнив данные анкеты, ответит иначе. Или другой пример: «Молодые жители крупных городов в среднем в 1,5–2 раза чаще, чем молодежь малых городов и поселков городского типа, отмечают у себя такие недомогания, как плохой аппетит, бессонница, вялость, сонливость, усталость глаз,

приступы головной боли. Среди жителей сел отмечен более высокий уровень хронических и тяжелых заболеваний» [10, с. 12].

Приведем более детальную схему подобного рода эмпирической части исследования, но только в конспективном виде. Диссертационное исследование Н.И. Беловой посвящено опросу студентов (301 человек), средний возраст которых составил 18 лет [2, с. 16]. Было выявлено, что 76% студентов считают себя здоровыми или практически здоровыми. Каждый десятый студент считает себя «скорее больным, чем здоровым», а 5% считают себя нездоровыми. Наличие хронических заболеваний отметил 31% молодежи.

Наиболее значимым фактором, оказывающим сильное влияние на здоровье, по мнению молодежи, является «образ жизни», его отметило 80% опрошенных. Так, 73% студентов в качестве варианта ответа выбрали следующий: здоровый образ жизни – это «поведение и деятельность человека, благотворно влияющие на здоровье».

Каждый пятый опрошенный считает, что здоровый образ жизни связан с отсутствием вредных привычек. По мнению студентов, к последним относятся: курение – указали 85%, алкоголь – 65%, употребление наркотиков – 45%. Для того, чтобы избавиться от вредных привычек, 40% опрошенных считают, что нужно приложить небольшие волевые усилия, а 50% – что усилия нужны большие. 44% студентов отметили, что в их жизни присутствуют друзья, которые употребляют наркотики. 67% молодежи считают наркоманию болезнью, а 15% считают, что это способ расслабиться. Однажды пробовали наркотики 5% студентов.

Из наиболее употребляемых напитков студенты отмечают: девушки (55%) вино, а юноши (58%) пиво; не употребляют алкоголь 22% студентов. По мнению 61% опрошенных, курение является привычкой, 15% считают его способом расслабиться, 10% способом «знакомства с людьми». В день курят 1–2 сигареты 10% студентов, и около 10 сигарет – 20%. Не курят – 50% студентов.

В вопросах питания студенты предпочитают горячие блюда – 55%, питаются «как придется» 40%, и, соответственно, 5% питаются пищей быстрого приготовления. 85% студентов обращаются к врачу за помощью только в случае заболевания. С целью профилактики – 15%. Как отмечает Н.И. Белова, по результатам её исследования, «более половины учащихся (70%) осознают, что их здоровье во многом зависит от них самих, однако большинство из числа выбравших такой ответ смогут изменить отношение к собственному здоровью только в случае болезни (45%)» [2].

Результаты исследований отражают потребительское отношение к здоровью, преобладающее среди большей части населения России. Хорошо информированными о здоровом образе жизни себя считает только 21% респондентов, чаще всего отвечают «скорее да, чем нет» – 50%. Можно предположить, что такого рода эмпирический анализ социальной реальности может быть применен для определенного рода обобщений, хотя пока нам это не представляется возможным. Вероятно, выводы, характеризующие реальное положение дел со здоровьем молодежи, можно применить для каких-то конкретных исследовательских целей. Однако данный материал очень разнороден, в нем присутствует субъективная оценка здоровья молодежи, факторов, влияющих на него, отношения ее к своему образу жизни, медицине, распространенность в молодежной среде вредных привычек. При этом основная цель автора заключалась как раз в том, чтобы «выявить социальные характеристики здорового образа жизни учащейся молодежи и определить направления, агентов и условия его формирования в современном обществе» [2]. В отношении последнего автор в своей диссертации выделяет четыре ключевые направления: 1) средства массовой информации; 2) реальные практики специалистов, направленные на обучение людей здоровому образу жизни; 3) государственные меры по снижению вредных привычек в обществе; 4) мотивация людей на ведение активного образа жизни. Соответственно, нужно ска-

зать, что эмпирическое исследование, проводимое диссертантом и описанное нами выше, является лишь дополнением к раскрытию реально заявленной темы исследования.

Несмотря на данное положение дел, работы тех социологов здоровья молодежи, которые были нам доступны, имеют множество преимуществ. Если не принимать во внимание данные, построенные на количественных опросах, в качестве «основного критерия» продуктивности авторов, то можно обнаружить интересные обобщения, сделанные на основе здравого смысла, без применения математического аппарата доказательства того, что данное знание является «в высшей степени социологическим». Сюда можно отнести такие высказывания, как «процесс изменения поведения молодежи в сфере здоровья проходит через осознание важности ценности здорового образа жизни» [9, с. 5]; «у молодежи существует здоровая и естественная установка на собственное благополучное развитие» [13, с. 7]; «с возрастом у молодежи снижается стремление к физической активности» [13, с. 7].

Данные положения являются своего рода «общими правилами», организующими или структурирующими поведение молодежи в области здоровья. Но мы должны подчеркнуть, что любое обобщение в социологии всегда может быть опровергнуто, поскольку социологи изучают закономерности, а не законы [3]. В табл. 1 представлены два уровня обобщений, существующих в социологических исследованиях.

Таблица 1

Социологические выводы о здоровье молодежи

1.	Процесс изменения поведения молодежи в сфере здоровья происходит через осознание важности ценности здорового образа жизни	Социальная политика рассматривает молодежь как объект своей деятельности
2.	У молодежи существует здоровая и естественная установка на собственное благополучное развитие	Молодежь понимает, что здоровье – это важная ценность, но на практике ничего для этого не делает
3.	С возрастом снижается стремление к физической активности	Низкая осведомленность о состоянии своего здоровья и правилах здорового образа жизни при существующей потребности быть информированным по данным вопросам
4.	Молодежь эксплуатирует здоровье с целью достижения более высокого социального статуса и материального благополучия	Социальное неравенство уничтожает социальный капитал российского общества в виде здоровой и социально активной молодежи, создает очаги напряжения и риска
5.	Молодежь готова изменить свое поведение только при серьезных проблемах со здоровьем	–

Данный список включает в себя два уровня обобщений. Одни относятся к онтологии, т.е. к характеристике социальной реальности, описывающей «общее» поведение молодого человека в сфере здоровья, закономерности в его практиках. Другой уровень обобщений связан с проблемами, которые актуальны с точки зрения самих социологов. Описанные результаты исследований не являются герметичными, как нечто замкнутое, раз и навсегда установленное, безусловно, они включены в контекст эпохи. И, что важно, они могут переходить из своего класса в класс соседний, т.е. социологическое знание класса онтологии может быть переведено в класс проблемы, которую стоит подвергнуть сомнению и тщательному исследованию, или наоборот.

Остановимся на конкретной исследовательской проблеме. Список, представленный выше, в какой-то степени упрощает выбор. В изученных статьях, эссе, диссертациях, монографиях наиболее объективна, на наш взгляд, постановка проблемы «двойственности мотивов молодежи» в отношении своего здоровья. Стоит также отметить, что в целом рассмотрение проблем здоровья в социологической литературе встречается довольно редко.

Проблема, как мы ее обозначаем для себя, «двойственности мотивов молодежи» в отношении к своему здоровью артикулируется авторами в разных контекстах. Некоторые исследуют самосохранительное поведение молодежи, другие – ценностные установки, факторы риска или социальное неравенство. И те, и другие приходят к выводу о том, что молодежь недостаточно осознает ценность своего здоровья, но при этом подчеркивает ее важность.

В данном случае мы наблюдаем парадокс, известный еще со времен античности. Он обусловлен двойственностью природы человека, противоречиями, существующими между его душой и телесной конституцией. Однако мы не будем углубляться в философский аспект. Скажем только, что с особой остротой эта парадоксальность описана Аласдером Макинтайром в статье «Ошибка каузальности в социальной науке» [8], где автор рассматривает данную проблему в теоретическом плане и стремится решить ее аналитически.

Применительно к нашему исследованию можно сказать, что эта парадоксальность не возникла сама по себе. Молодежь еще не может поднять проблему своего здоровья до уровня общественного сознания. В интервью отражена сложность и для исследователя, и для исследуемого в обосновании того, что данное противоречие действительно существует. Но мы его принимаем как данность, как

одно из априорных методологических положений, которое не сформировалось в общественном сознании, а сложилось из результатов стандартизированных массовых исследований (сам автор проводил подобное исследование, в рамках которого также столкнулся с этим явлением).

Важно отметить, что некоторые авторы считают проблему здоровья молодежи потенциально актуальной для своих исследовательских задач, однако стремятся решить ее с помощью количественных методов. На выходе же они получают совершенно другие, нерепрезентативные, выводы, что, к сожалению, приводит к утрате интереса к данной теме.

Так, А.А. Ковалева (2010) в своей диссертации «Социологический анализ здоровья молодежи» пишет: «Главной проблемой, которая изучалась в диссертационном исследовании, стала противоречивая связь между оценочной, когнитивной составляющими отношения к здоровью и поведенческим аспектом. Зачастую у индивидов имеются определенные представления о том, какие меры необходимо предпринимать с целью сохранения и поддержания здоровья, и их мнения вполне соответствуют социальным нормам, однако имеющиеся представления не приводят к выбору позитивного типа поведения, который был бы направлен на сохранения здоровья» [7, с. 3].

Автор данного исследования шел в направлении, в котором вела его логика социологического исследования и сама социальная реальность. Но при этом эмпирический, исследовательский акцент сделал на структурировании типов поведения молодежи в сфере здоровья с их последующим приложением к типологии социальных норм поведения по Р. Мертону (конформизм, мятежность, ритуализм, инновационизм и пр.).

Другие авторы работают по аналогичным схемам. Так, например, Г.А. Ивахненко описывает количественное исследование здоровья молодежи в Москве. Работа строится на базе лонгитюдного исследования в двух временных контекстах: в 2001 г. было опрошено 1200 молодых людей и в 2004 г. – 400 человек. Выводы, которые отмечает автор, следующие: «В сознании большинства наших респондентов основными факторами, определяющими состояние их личного здоровья, являются внешние, т.е. объективные факторы, – условия жизни, наследственность. Пагубная роль в ухудшении здоровья человека субъективных факторов, таких как табакокурение, чрезмерное употребление алкоголя, наркомания, по мнению автора статьи, студентами недооценивается» [5, с. 56–59].

Данный вывод является предвосхищением той проблемы, о которой пишет А.А. Ковалева. Г.А. Ивахненко делает вывод о недостаточности осознания молодежью факторов риска от вредных привычек, в той мере, в какой они проявляются в нашей стране, и у данной группы населения, в частности.

В данном случае стоит сказать о высоком уровне потребления алкоголя в России на душу населения (18 литров в год); высокой смертности от алкогольных отравлений; огромных средствах, которые тратит молодежь на алкоголь (около 23 млн руб. ежегодно) [14, с. 98].

Недооценка роли вредных привычек в социальной жизни является одной из характеристик проблемы «двойственного мотива поведения молодежи» в сфере здоровья.

Другую характеристику мы обнаружили в исследованиях С.Г. Сокурченко. Автор изучает ценности молодежи, студенческой ее части, в Тюмени в 2008 г. Выборка данного исследования составляет опрос 443 студентов, из них 140 юношей и 303 девушки первых и третьих курсов. Автор делает следующий вывод: «Таким образом, в ценностном сознании студентов пока не сформировано отношение к здоровью, как к главной жизненной ценности. Большинство студенческой молодежи воспринимает здоровье на уровне физического благополучия и считает основными условиями его сохранения отказ от вредных привычек, двигательный режим и правильное питание» [11].

С.Г. Сокурченко так же, как и Г.А. Ивахненко, указывает на то, что здоровье у молодежи имеет низкий уровень отрефлексированности, а следовательно, и значимости. Но, добавляет автор, «...основными условиями сохранения здоровья, помимо всего прочего, по мнению молодежи, является «отказ от вредных привычек». Таким образом, можно отметить, что в исследованиях С.Г. Сокурченко возникает проблематизация, утверждение, что молодые люди понимают, что вредные привычки оказывают негативное влияние на их здоровье, но при этом не отказываются от них.

Тогда возникает исследовательский вопрос: если молодежь в анкетах указывает на то, что здоровье является базовой ценностью, а на практике не следует правилам здорового образа жизни, то является ли она однородной социальной группой по отношению к данному противоречию?

Молодежь можно типологизировать, создав аналитическую (условную) шкалу, отражающую степень осознания того, насколько тот или иной субъект действия придерживается правил здорового образа жизни или насколько высоко осозна-

ет ценность своего здоровья. Диапазон задается с определенными пределами, начиная от ответа типа «говорит, что ведет здоровый образ жизни и на практике выполняет все действия» до «говорит, что ведет здоровый образ жизни, но на практике ничего не делает». Каждый молодой человек реализует свои жизненные проекты в форме своей индивидуальности, создавая свой жизненный мир.

Стоит отметить, что мы представили скорее идеальную модель крайних модальностей, которую в реальной жизни найти сложно. Это объясняется тем, что каждый раз, когда мы будем думать, что какая-то модель жизненного мира молодого человека является наиболее приемлемой, исследователь может натолкнуться на молодого человека, чей жизненный мир будет «более успешным» с точки зрения заданной нами рамки. Собственно говоря, эта же схема строится по аналогии с исследованием А.А. Ковалевой [7, с. 210].

Социологу, на наш взгляд, раскрыть данную проблему помешал тот факт, что автор свое исследование ограничил только логикой функционализма, методологическая установка которого состоит в рассмотрении человека как безличную механическую машину, подчиненную обстоятельствам жизни, структурирующим его логику. В данном исследовательском подходе человек не в силах влиять на свою жизнь, она является для него предзаданной и неуправляемой.

Однако если обратить внимание на нашу аналитическую схему, то можно констатировать, что есть молодежь, которая ведет здоровый образ жизни, и есть та, которая его не ведет. Но данные молодые люди являются одними и теми же людьми, в той степени, в какой они погружены в один и тот же пространственный контекст. Это значит, что молодежь имеет общее знание о данном контексте независимо от того, как она относится к своему здоровью. Исходя из этого, можно предположить, что контекст является как ресурсом, так и ограничителем для преодоления негативной ситуации в сфере здоровья молодежи. И чтобы понять, почему молодежь ведет себя так, а не иначе в данном историческом контексте, нам нужно понять, какой ресурс она использует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгина Л.В. Социальное здоровье городских подростков: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2009.
2. Белова Н.И. Основные направления формирования здорового образа жизни учащейся молодежи: дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2006.

3. Винер Б.Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114-130.

4. Гафиатулина Н.Х. Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социокультурном контексте: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

5. Ивахненко Г.А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социология медицины. 2007. № 2. С. 56-59.

6. Кирилук О.Г. Социальная ценность здорового образа жизни студенческой молодежи в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2007.

7. Ковалева А.А. Социологический анализ здоровья молодежи. 2010: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2010.

8. Макинтайр А. Ошибка казуальности в социальной науке // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 139-157.

9. Ноянзина О.Е. Особенности отражения проблем социального здоровья молодежи в массовом сознании населения в условиях распространения социально-обусловленных заболеваний: на материале социологических исследований в Алтайском крае: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2006.

10. Падиарова А.Б. Влияние социального неравенства на здоровье молодого поколения россия: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009.

11. Сокурченко С.Г. Здоровый образ жизни в системе ценностных ориентаций студентов (на примере ТГИМЭУП): материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008.

12. Тубчинова В.С. Проблема формирования здорового образа жизни среди подростков: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2005.

13. Усманов И.М. Здоровье молодежи как общественная ценность в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008.

14. Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования. 2004.

15. Шиняева О.В. Социальные проблемы здоровья школьников в трансформирующемся обществе: дис. ... канд. соц. наук. Уфа, 2002.

16. Шклярчук В.Я. Среда обитания и здоровье студента: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2003.

REFERENCES

1. Bulygina, L.V., 2009. Sotsial'noe zdorov'e gorodskih podrostkov [Social health of urban adolescents]. Avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. Stavropol'. (in Russ.)

2. Belova, N.I., 2006. Osnovnye napravleniya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni uchashesiya molodezh'yu [The main directions of a healthy lifestyle formation among students]. Dis. ... kand. sots. nauk. Moskva. (in Russ.)

3. Viner, B.E., 2005. Postmodernistskii konstruktivizm v rossiiskoi ehtnologii [Postmodern constructivism in the Russian ethnology], Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, Vol. 8, no. 3, pp. 114-130. (in Russ.)

4. Gafiatulina, N.H., 2007. Spetsifika otnosheniya uchashesiya molodezhi Rossii k zdorov'yu v sotsiokul'turnom kontekste [The specifics of the Russian students' attitude toward health in socio-cultural context]. Avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. Rostov-na-Donu. (in Russ.)

5. Ivakhnenko, G.A., 2007. Zdorov'e moskovskikh studentov: analiz samosohranitel'nogo povedeniya [Health of Moscow students: an analysis of self-preservation behavior], Sotsiologiya meditsini, no. 2, pp. 56-59. (in Russ.)

6. Kirilyuk, O.G., 2007. Sotsial'naya tsennost' zdorovogo obraza zhizni studencheskoi molodezhi v sovremennom rossiiskom obshestve [Social value of a healthy lifestyle of students in contemporary Russian society]. Avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. Saratov. (in Russ.)

7. Kovaleva, A.A., 2010. Sotsiologicheskii analiz zdorov'ya molodezhi [Sociological analysis of young people's health]. Dis. ... kand. sots. nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

8. Macintyre, A., 2013. Oshibka kauzal'nosti v sotsial'noi nauke [Causality error in social sciences], Sotsiologicheskoe obozrenie, Vol. 12, no. 1, pp. 139-157. (in Russ.)

9. Noyanzina, O.E., 2006. Osobennosti otrazheniya problem sotsial'nogo zdorov'ya molodezhi v massovom soznanii naseleniya v usloviyah rasprostraneniya sotsial'no-obuslovlennykh zabolevanii: na materiale sotsiologicheskikh issledovaniy v Altaiskom krae [Reflection of the problem of young people's social health in the mass consciousness of the population under the spread of socio-caused diseases (results of sociological research in Altai region)]. Avtoref. ... dis. kand. sots. nauk. Moskva. (in Russ.)

10. Padyarova, A.B., 2009. Vliyanie sotsial'nogo neravenstva na zdorov'e molodogo pokoleniya rossiyan [The impact of social inequalities on the

health of the younger generation of Russians]. Avtoref. ... dis. kand. sots. nauk. Saratov. (in Russ.)

11. Sokurenko, S.G., 2008. Zdorovyi obraz zhizni v sisteme tsennostnykh orientatsii studentov (na primere TGIMEHUP) [Healthy lifestyle in the value orientations system of students (on the example of TGIMEUP)]. In: Materialy 3 Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa. Moskva: Institut sotsiologii RAN; Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov. (in Russ.)

12. Tubchinova, V.S., 2005. Problema formirovaniya zdorovogo obraza zhizni sredi podrostkov [The problem of the healthy lifestyle formation among adolescents]. Avtoref. ... dis. kand. sots. nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)

13. Usmanov, I.M., 2008. Zdorov'e molodezhi kak obshchestvennaya tsennost' v soremennom rossiiskom

obshestve: sotsila'no-filosofskii analiz [Health of young people as a social value in modern Russian society: socio-philosophical analysis]. Avtoref. ... dis. kand. sots. nauk. Moskva. (in Russ.)

14. Sheregi, F.E., 2004. Sotsiologiya deviatsii: prikladnye issledovaniya. [Sociology of deviation: applied research]. Moskva: Centr sotsial'nogo prognozirovaniya. (in Russ.)

15. Shinyaeva, O.V., 2002. Sotsial'nye problemy zdorov'ya shkol'nikov v transformiruyushemsya obshestve [Social problems of schoolchildren's health in a transforming society]. Dis. ... kand. sots. nauk. Ufa. (in Russ.)

16. Shklyaruk, V.Ya., 2003. Sreda obitaniya i zdorov'e studenta [Habitat and student health]. Avtoref. ... dis. kand. sots. nauk. Saratov. (in Russ.)

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 327

К.Е. Короткова*

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ РОССИИ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНА В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНОЙ ПРЕССЫ

В статье освещается взгляд западной прессы на роль Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в процессе развития интеграции на постсоветском пространстве. Автор выделяет три основных сюжета, наиболее интересующие западную прессу: в них рассмотрена роль Таможенного союза при вступлении России в ВТО, при выборе Украиной интеграционного вектора и в ходе дальнейшего развития интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: интеграция, Таможенный союз, ВТО, Украина, Европейский союз, западная пресса

The Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan in the mirror of Western press. KIRA E. KOROTKOVA (N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod).

The article analyzes a point of view of western press on the role of the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan in the integration development on post-soviet space. The author identifies three main topics that are most interesting for the press. The first has to do with the role of the Customs Union at the entry of Russia into the World Trade Organization. The second topic is connected with the aspiration of Ukraine to Europe and the need of a choice between various vectors of integration. The third topic deals directly with the integration on post-soviet space where the Customs Union acts as a certain step for further development of the unifying processes aspiring to the Euroasian Union.

Keywords: integration, Customs Union, WTO, Ukraine, the European Union, the Western press

Тема интеграции на постсоветском пространстве в силу своей актуальности вызывает понятный интерес западных СМИ. Объединительные процессы здесь затрагивают не только экономический аспект взаимоотношений, на что обращает внимание мировая общественность. Главным результатом интеграционных процессов является Таможенный союз (ТС) России, Беларуси и Казахстана, поэтому в данной статье будет дан обзор публикаций западной прессы, посвященных именно этой организации. Прежде всего, конечно,

иностраные СМИ интересуют роль и место ТС на мировой арене.

Еще до реального запуска в жизнь соглашений о тарифном и нетарифном регулировании и Таможенного кодекса ТС, который должен был способствовать объединению стран, западная пресса уже отводила ТС определенную роль на мировой арене. Прежде всего такой интерес был связан с вопросом вступления России в ВТО. «В Москве все чаще раздаются голоса с требованием прекратить переговоры с ВТО и создать

* КОРОТКОВА Кира Евгеньевна, аспирант кафедры истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: kirakorotkova@yandex.ru

© Короткова К.Е., 2014

аналогичный таможенный союз с Казахстаном и Белоруссией» [12]. Корреспондент «Le Temps» Г. Меттан в 2009 г. отмечал, что «...это еще не возрождение СЭВ, но что-то близкое по духу». Определенно формируется мнение, что «Запад и, в частности, Европа очень многое потеряют при таком варианте развития событий: прозападный, пролиберальный лагерь, выступающий за открытость и пока еще имеющий большинство в Кремле, может уступить позиции протекционистскому, националистическому лагерю, отстаивающему замкнутость и культ славянских ценностей. В самой России такой сценарий поставит под удар программу преобразования экономики, разработанную Кремлем на ближайшее десятилетие» [12], высказывали свои опасения западные СМИ.

Как альтернативный путь развития интеграции, являющийся антиподом ВТО, ТС продолжал фигурировать до самого вступления России в эту организацию, хотя уже при его формировании закладывался приоритет норм ВТО. Несмотря на это, по мнению западной прессы, наличие ТС способствовало вступлению России в ВТО. Комментируя заявление главы российского правительства (на тот момент, 2009 г.) Владимира Путина о том, что после 16 лет переговоров Москва отзывает заявку на вступление в ВТО, собираясь теперь войти туда лишь в составе ТС с Казахстаном и Белоруссией, «The Financial Times» отметила, что такой шаг на Западе некоторые сочли переговорной тактикой, «призванной надавить на западных партнеров: либо они откажутся от дополнительных условий и примут Россию сейчас, либо процесс затянется на неопределенный срок». Указанное издание рассматривало «этот резкий поворот как часть общего сдвига российских приоритетов, нацеленного на расширение сферы влияния в бывшем Советском Союзе» [1].

По оценкам западных СМИ, ТС продолжал оставаться препятствием для вступления в ВТО вплоть до приема России в эту организацию. Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель, пишет автор статьи в «Handelsblatt» М. Брюггманн, отмечала, что создание ТС, «...а также перманентное повышение импортных пошлин» затрудняет вступление России в ВТО [2]. «Бизнесмены и чиновники США, ЕС и самого ВТО полагают: прием России в ВТО далеко не предрешен», пишет журналист Д.У. Миллер. В качестве основных проблем названы противоречия в оценке импортных товаров и коррупция, высокие пошлины и «запутанный Таможенный союз с Казахстаном и Белоруссией» [13].

Отмечая, что Россия, будучи единственной из крупных стран мира, не вступивших во Всемирную торговую организацию, выразила намерение позже присоединиться к ВТО, уже в рамках ТС с Казахстаном и Белоруссией, немецкая газета «Frankfurter Allgemeine» высказала мнение о том, что это отодвинуло бы вступление России в ВТО «на неопределенное время». По мнению корреспондента издания Г. Хоспа, причиной такого поворота в российской политике могло стать то, что из-за экономического кризиса присоединение к ВТО для Москвы может быть «небезопасным». Также важно помнить, что переговоры о вступлении шли достаточно давно и, возможно, создание ТС как раз и способствовало этому процессу. При этом, по мнению Г. Хоспа, «создание таможенного союза не может служить заменой интеграции России в мировые рынки через ВТО». Корреспондент отмечает, что доля объема российской внешней торговли со странами СНГ составляет лишь около 15 %. Россия путем создания ТС стремится избежать посягательств на «свою зону влияния» [21].

ТС России, Белоруссии и Казахстана вступил в действие 1 января 2010 г. При этом ему сразу отводилась достаточно большая роль. Договор о создании ТС «устраняет препятствия торговле и инвестициям, возникшие после распада Советского Союза», хотя и «не отменяет полностью всех сборов и пошлин», сообщает «The New York Times». Вследствие этого данное нововведение является определенной победой российского руководства. С ним же связана и смена курса экономической политики России на постсоветском пространстве. «Раньше это была игра в одни ворота, при которой Россия оказывала экономическую поддержку в обмен на поддержку политическую», отметил главный экономист московского подразделения «Deutsche Bank» Я. Лисоволик. По его мнению, «конкуренция поможет России диверсифицировать [экономику и побороть] зависимость от природных ресурсов, в то же время укрепив позиции Москвы как регионального центра финансовой и деловой активности» [9]. ТС сыграл свою роль и способствовал укреплению интеграции на постсоветском пространстве, прежде всего опираясь на экономические интересы стран-участниц. Хотя существует мнение, что «за тот путь, который проделала Россия, она пришла к выводу, что ей никогда не стать участницей ВТО, следовательно, она стала создавать свои торговые альянсы, включая Свободную торговую зону СНГ и Таможенный союз» [7]. А пересмотр правил, противоречащих нормам ВТО, был начат «не для подготовки к своему вступлению во Всемирную торговую ор-

ганизацию, а к расширению Таможенного союза странами, являющимися членами ВТО, таких как Киргизия» [7]. Следовательно, ТС рассматривался как антипод ВТО. Являясь определенным противовесом европейской интеграции, ТС способствовал вступлению России в ВТО.

Еще один сюжет, который изначально интересовал мировые СМИ, это ситуация с участием Украины в интеграционных процессах. Известно было ее стремление получить выгоды от европейской интеграции и при этом держать как запасной вариант вступление в ТС. Начиная с предвыборных заявлений, президент Украины уже занял определенную позицию. «Янукович уверяет, что будет более дельным президентом, чем Тимошенко», цитирует «The Financial Times». И далее: «Тимошенко много говорит, но мало что делает. Я говорю мало, но работаю не покладая рук и достигаю результатов», – это выдержка из интервью Януковича. Издание отметило, что новый президент Украины поклялся продолжать интеграцию своей страны в ЕС, в т.ч. планируемое соглашение о свободе торговли, и поддерживать хорошие отношения с Россией. Он уверил, что его «планы вступить в Таможенный союз, который возглавит Москва, не противоречат интеграции Киева в ЕС, если все это будет делаться в рамках ВТО», – подчеркивает «The Financial Times». При этом «Янукович воздержался от ответа на вопрос, выполнит ли он обещание признать Абхазию и Южную Осетию (такой шаг вызовет трения с Брюсселем и Вашингтоном). Он поклялся сотрудничать с МВФ, но обвинил эту организацию во вмешательстве в дела Украины путем поддержки кандидатуры Тимошенко» [18].

Несмотря на уклончивые заявления первого лица, иностранная пресса определила четкую линию поведения Украины после выборов президента. С. Пайфер, в прошлом посол США на Украине, заметил: «Россия вела тонкую и умную игру. Кто бы ни победил на Украине, камней преткновения в отношениях с Москвой станет меньше». При этом, по мнению Пайфера и других аналитиков, «и Тимошенко, и Янукович будут сопротивляться попыткам втянуть Украину в таможенный союз с Россией ценой соглашения с ЕС о торговле» [3]. Данный прогноз подтвердился. Теперь «главным экзаменом для Януковича станет его выбор между соглашением о свободе торговли с ЕС и таможенным союзом с Россией, Белоруссией и Казахстаном», пишет Р. Будро в «The Wall Street Journal». По заявлению Брюсселя, эти соглашения нельзя совместить, «а Путин на встрече в Кремле без обиняков сказал: «Вступайте в таможенный союз»».

«Янукович усмехнулся и промолчал» [4], – отмечает далее издание.

Для России вопрос интеграции является во многом приоритетным, поскольку «Путин сделал возрождение экономической сращенности времен СССР стержнем своей региональной внешней политики», полагает «The Christian Science Monitor». Во вторник, 12 апреля 2011 г., он сказал, «что возможно воссоединение российской и украинской промышленности в сферах нефти и газа, авиации, космоса и атомной энергетики». Д. Выдрин, советник Януковича, ответил на это, что слишком далеко разошлись за двадцать лет российская и украинская экономики: «У нас в экономике доминирует частный бизнес, а в России госкапитализм с жестким контролем из центра». Соглашение с ЕС, по его мнению, включит Украину в европейскую сферу, «а от России исходят только слова об интеграции и идеи отдельных сделок» [19]. Для Украины интеграция с Россией сравнима с угрозой, означающей частичную потерю суверенитета. «Чем же объясняются предпочтения Януковича?» – задает вопрос автор статьи в «Foreign Policy» Р. Менон, отмечая, что украинскому президенту нравится, когда его радушно встречают в европейских коридорах власти. «Поговаривают, что он недолюбливает Путина. Возможно, он мечтает, что его восславят и запомнят как человека, который привел Украину в Европу. Вступление в Таможенный союз, как выразился один киевский дипломат, сведет его до роли губернатора одной из российских провинций». Издание отмечает, что украинские олигархи боятся, что их «слопают» российские. «Пусть ныне у руля на Украине стоят не демократы, но они и не дураки» [11], – пишет автор статьи.

Россия заинтересована во вступлении Украины в ТС. «Financial Times» отмечает, что Москва в четверг, 7 апреля 2011 г., «попыталась сорвать переговоры о свободной торговле между Украиной и Европейским союзом, предложив своему южному соседу ежегодную скидку в 8 млрд долл. на природный газ, если она вместо этого присоединится к торговому и таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана». Автор статьи Р. Оларчик считает, что «предложение заманчиво для Киева, чья экономика во многом полагается на импорт российского топлива и все еще пытается выбраться из глубокой рецессии». По мнению Т. Эша, руководителя по исследованию развивающихся рынков Royal Bank of Scotland в Лондоне, «это серьезное предложение со стороны русских, которые, похоже, отчаянно пытаются привязать к себе Украину и заручиться уверенностью, что она

не подпишет соглашение о свободной торговле с ЕС». Но «Украина, как всегда, колеблется между двумя сторонами, пытаясь поживиться и там, и тут». Желаемым и наилучшим вариантом для нее было бы подписание соглашения о свободной торговле как с Европой, так и с Россией. Вступление Киева в ТС, на котором настаивает Москва, несовместимо с соглашением о свободной торговле с Евросоюзом, уточняет издание [15].

Далее «Financial Times» признает, что для Украины было бы выгодно принять предложение России. Соглашение о свободной торговле с ЕС в краткосрочной перспективе может нанести удар по экономике страны из-за неконкурентоспособности украинских товаров. Т. Эш считает, что предложение российской стороны «могло бы сделать сальдо украинского платежного баланса положительным». Однако, по утверждениям украинских чиновников, соглашение с ЕС выгодно в долгосрочной перспективе. Исходя из мнения аналитиков, «сблизить с Евросоюзом Украину, считающуюся одним из важнейших мировых производителей стали, зерна, вооружений и химикатов, будет нелегко». При этом «слабая экономика и устаревающая инфраструктура страны отчаянно нуждаются в мощных инвестициях для финансирования модернизации», отмечает автор статьи [15]. Несмотря на то что Украина нуждается в газе, она пытается отстаивать свою позицию. «The Wall Street Journal» отмечает, что, по словам премьер-министра Украины Н. Азарова, «Украина не может вступить в Таможенный союз, так как состоит в ВТО». При этом, по заявлению министра энергетики Ю. Бойко, «Украина не продаст России свои ключевые газопроводы и не согласится на объединение своей и российской госкомпаний в сфере энергетики», – говорится в издании, также отмечая, что российская сторона добивалась продажи газотранспортной системы и объединения компаний двух стран [10].

Украина стремилась на Запад, но он пока ее не принял. Это связано в первую очередь с тем, что ЕС не видит в ней надежного партнера, сомневается «в том, что Украина сможет отвечать государственно-правовым требованиям партнера» [6]. Вопрос европейской интеграции для Украины в подвешенном состоянии. «Риторика президента Виктора Януковича кажется проевропейской, но его поведение заметно постсоветское», отмечает «The Economist». Подтверждением этому является суд над Ю. Тимошенко, которая была главным соперником Януковича и бывшим премьер-министром Украины. Для переговоров Украины с ЕС ее арест послужил камнем преткновения, чего не

ожидал Янукович. Видимо, он полагал, что неприсоединение к ТС с Россией и отказ России в отношении запасов высокообогащенного урана перевесят арест Тимошенко [8]. Но, как утверждается, для Запада правовые ценности на первом месте. Международное сотрудничество с Западом для стран постсоветского пространства не ведет к вступлению в ЕС, о чем свидетельствует, в частности, Декларация о программе «Восточное партнерство» [20, с. 46–48], подписанная в Праге в мае 2009 г. руководством ЕС и лидерами шести постсоветских государств (Украины, Молдавии, Грузии, Белоруссии, Армении и Азербайджана). Желание российской стороны видеть Украину в составе ТС наталкивается на стремление последней получить выгоды от европейской интеграции. При этом Европа пока не готова принять Украину.

Западные СМИ, помимо рассмотренных сюжетов, интересовали роль и место ТС на мировой арене в процессе развития интеграции на постсоветском пространстве. Перспективы развития интеграции на постсоветском пространстве во многом связаны с ТС России, Белоруссии и Казахстана, причем важно учитывать экономические и геополитические факторы, действующие на территориях бывшего СССР и влияющие на ход ситуации. По мнению «Stratfor», «республики, которые раньше входили в состав Советского Союза, горят желанием войти в торговый или экономический альянс с западными странами» [16]. Такая практика присоединения к экономическим организациям по политическим мотивам или для обеспечения своей безопасности уже сложилась на территории бывшего СССР. Пока в Европе продолжается кризис, Россия может стать привлекательной в экономическом плане для стран постсоветского пространства

Иностранные СМИ видят глубокие корни заинтересованности России в интеграции, что объясняется началом объединительных процессов задолго до образования ТС: «Россия форсировала свои попытки по восстановлению гегемонии над “ближним зарубежьем”», – пишет «Foreign Policy». По мнению автора статьи Л.Р. Миллера, для России «инструментом гегемонии» является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), «которая одно время дышала на ладан». Как известно, при основании ОДКБ ШОС уже существовала и справлялась с координацией экономических и военных вопросов в регионе, «однако, когда российско-китайское соперничество в регионе обострилось в связи с проблемами в сферах энергетики и торговли, Москва решила задействовать альтернативный региональный ме-

ханизм, оттеснявший Пекин с лидирующих позиций», – отмечает Л.Р. Миллер. При этом «Foreign Policy» пишет, что создание ТС на постсоветском пространстве «для России... ценный первый шаг к укреплению ее влияния на бывших вассалов и закладке фундамента более широкого общего экономического пространства, которое Москва надеется создать к 2012 году». Автор статьи полагает, что «ключевой вопрос состоит в том, превратятся ли ТС и ОДКБ в более широкий экономический и валютный союз, который распространит влияние на все постсоветское пространство. По-видимому, Россия стремится в итоге заманить в ТС остальные страны Центральной Азии, возможно, путем абсорбции Евразийского экономического сообщества. ОДКБ – еще не СССР, но Москва охотно заимствует советские методы» [14]. «Stratfor» же отмечает, что для России создание альянса подразумевается не только в рамках экономической сферы. «Так, на примере ОДКБ и Таможенного союза отчетливо видно, как Кремль искусно начинает с военного или таможенного договора, а в процессе этого параллельно расширяет свое влияние и на другие области политики» [16].

Стремление к развитию интеграции на постсоветском пространстве в первую очередь связывали с предвыборной ситуацией в России. «Владимир Путин подумывает о возвращении в Кремль, а Советский Союз постепенно воссоздается», – пишет «The Times». «Новейшее доказательство – предложение первого вице-преьера Игоря Шувалова упразднить российский рубль и ввести единую валюту для России, Казахстана и Белоруссии», – отмечает корреспондент Т. Хэлпин, указывая на то, что ТС уже создан тремя государствами. При этом если Украина войдет в ТС, «то от границ ЕС до Китая протянется общее экономическое пространство с 213-миллионным населением и центром в Москве. У Путина появится противовес евро и доллару – региональная резервная валюта, и другим бывшим республикам СССР будет трудно противостоять притяжению единой валюты и экономического пространства» [23]. Как известно, заявление Владимира Путина об образовании Евразийского союза привело к тому, что некоторые аналитики заговорили о воссоздании СССР. «Сам премьер-министр отрицает связь Советского Союза и Евразийского союза» [16], хотя Запад уверен в стремлении России вернуть свои былые позиции. Отмечается роль ТС, по мнению «Die Welt», он сможет принципиально изменить геополитические очертания всего евразийского пространства [5]. «Кремль стремится восстановить господство России над

бывшей советской империей», – полагает «The Times» [22]. По мнению СМИ, это возможно лишь в связи с тем, что «только на фоне бедности и нестабильности бывших вассалов Москвы путинская “управляемая демократия” представляется силой, способной навести порядок. Их экономическая беспомощность может привести и к тому, что они отдадут стратегически важные части компаний российским олигархам или спруту в лице монополиста “Газпрома”» [5]. Вследствие этого несколько позже зарубежные СМИ отмечают, что экономический характер интеграции является преобладающим: «Президент РФ Владимир Путин хочет создать общее евроазиатское экономическое пространство. Таможенный союз – первый шаг в создание Евразийского союза. При помощи торговли, а не оружия восстанавливается влияние России на бывшие республики СССР» [17].

В интеграции, несмотря на экономический характер, отчетливо видна геополитическая стратегия. Россия стремится создать Евразийский союз, «который станет попыткой Кремля объединить бывшие советские республики, не восстанавливая СССР. Для России создание этого союза является не просто желанием состоять в каком-нибудь союзе и не создание лучших условий для торговли, а сохранение доминантных позиций на территории бывших республик СССР» [7]. Насколько приоритетна эта задача, покажут время и шаги по ее реализации. При этом следует принять во внимание многочисленные препятствия на пути развития интеграции. Прежде всего это стремление стран сохранить свой суверенитет и на равных участвовать в объединительных процессах вне зависимости от размера территории и величины экономики. Также важно учитывать уровень развития экономик стран постсоветского пространства, их сырьевую ориентированность, асимметричность экономических связей, трудности унификации тарифов и пошлин, многовекторную политику. Здесь на первое место выходит задача согласования интересов, с чем Россия, Белоруссия и Казахстан столкнулись еще в процессе формирования ТС.

Рассмотрев роль и место ТС России, Белоруссии и Казахстана на мировой арене в процессе развития интеграции, исходя из мнения западных СМИ, следует отметить, что Таможенный союз является определенной ступенью для дальнейшего объединительного процесса в развитии интеграции на постсоветском пространстве. Стремление к объединению большего числа государств бывшего СССР на основе экономического взаимо-

действия, несомненно, учитывает вопрос суверенитета, который для стран после распада СССР все еще остается актуальным.

Обзор прессы иностранных СМИ позволил осветить роль и место ТС на мировой арене с точки зрения Запада, а также отразить отношение СМИ к данному процессу и возможные его перспективы. Все три основных сюжета, которые входят в круг интересов западной прессы, посвящены развитию интеграции на постсоветском пространстве, которая предстает в виде действующего ТС: первый, где Таможенный союз выступает в качестве противовеса европейской интеграции как организация, способствовавшая вступлению России в ВТО; второй связан со стремлением Украины в ЕС и необходимостью выбора между различными путями интеграции; третий освещает роль ТС в связи с возможными перспективами развития интеграции на постсоветском пространстве, в частности, образованием будущего Евразийского союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белтон К., Горст И. ВТО пытается понять, почему Россия изменила свое мнение // *Financial Times*. 15.06.2009. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/15Jun2009/ft/wto.html>
2. Брюггманн М. Путин делает шаг навстречу Европе // *Handelsblatt*. 26.11.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/26Nov2010/handelsblatt/putin.html>
3. Будро Р. После первого тура выборов Кремль испытал облегчение и «разморозил» отношения с Киевом // *The Wall Street Journal*. 27.01.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/27Jan2010/wsj/ukraina.html>
4. Будро Р. Янукович попросил у России дешевый газ и предложил установить тесные связи // *The Wall Street Journal*. 08.03.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/08Mar2010/wsj/ukraina.html>
5. Гнаук Г. Новый Советский Союз? // *Die Welt*. 14.06.2011. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/14Jun2011/welt/sowjetunion.html>
6. Гнаук Г., Мюльхерр З. Украина ведет войну на трех фронтах // *Die Welt*. 26.02.2013. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/26Feb2013/welt/ukraine1.html>
7. Грузия под давлением США соглашается принять Россию в ВТО // *Stratfor*, США. 28.10.2011. [Электронный ресурс] : <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/217-gruziya-pod-davleniem-ssha-soglashaetsya-prinyat-rossiyu-v-vto-stratfor-ssha.html>
8. Диллема Виктора // *The Economist*. 25.09.2011. [Электронный ресурс] : <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/32-dillema-viktora.html>
9. Крамер Э. Россия и два соседних государства образовали Таможенный союз // *The New York Times*. 06.07.2010. [Электронный ресурс] : http://www.inopressa.ru/article/06Jul2010/nytimes/economic_union.html
10. Марсон Дж. Украина надменно отвергла российские усилия, направленные на сближение // *The Wall Street Journal*. 02.09.2011. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/02Sep2011/wsj/ukraina.html>
11. Менон Р. Прощание с Россией // *Foreign Policy*. 13.07.2011. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/13Jul2011/foreignpolicy/ukraine1.html>
12. Метан Г. России начинает надоедать 15-летнее ожидание у дверей ВТО // *Le Temps*. 03.06.2009. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/03Jun2009/letemps/vto.html>
13. Миллер Д.У. Для приема России в ВТО возникли препятствия // *The Wall Street Journal*. 23.02.2011. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/23Feb2011/wsj/wto.html>
14. Миллер Л.Р. Страх и отвращение в Центральной Азии // *Foreign Policy*. 06.08.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/06Aug2010/foreignpolicy/mos2.html>
15. Оларчик Р. Москва искушает Украину дешевым газом // *Financial Times*. 08.04.2011. [Электронный ресурс] : http://www.inopressa.ru/article/08Apr2011/ft/mos_ukr.html
16. Пока Евросоюз занят своим кризисом, Кремль будет стараться воспользоваться этим для расширения сфер своего влияния // *Stratfor*, США. 19.10.2011. [Электронный ресурс] : <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/179-poka-evrosoyuz-zanyat-svoim-krizisom-kreml-budet-staratsya-vospolzovatsya-etim-dlya-rasshireniy-svoih-sfer-vliyaniya-stratfor-ssha.html>
17. Советский Союз? Нет, мечта Путина – ЕВРАСоюз // *Limes*, Италия. 05.09.2012. [Электронный ресурс] : <http://world-prensa.ru/russia/1446-sovetskiy-coyuz-net-mechta-putina-evrasoyuz-limesitaliya.html>
18. Уэгстил С., Оларчик Р. Янукович уверяет, что суть важнее, чем стильность // *Financial Times*. 19.01.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/19Jan2010/ft/ukraine5.html>
19. Уэйр Ф. Украина пытается нащупать равновесие между соблазном Европы и притяжением России // *The Christian Science Monitor*. 14.04.2011. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/14Apr2011/csmonitor/ukraina.html>
20. Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве: монография. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012.
21. Хосп Г. Ностальгия по СССР – это не торговая политика // *Frankfurter Allgemeine*. 17.06.2009. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/17Jun2009/faz/torg.html>
22. Хэлпин Т. Вашингтон отворачивается, а Россия укрепляет власть над бывшими республиками СССР // *The Times*. 11.10.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/11Oct2010/times/rus1.html>
23. Хэлпин Т. Путин продолжает осуществлять мечту о евразийской империи // *The Times*. 10.03.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.inopressa.ru/article/10Mar2010/times/putin1.html>

REFERENCES

1. Belton, K. and Gorst, I., 2009. WTO pytaetsya ponyat', pochemu Rossiya izmenila svoe mnenie [WTO tries to make sense of Russia's big rethink], *Financial Times*, 15.06.2009. URL: <http://www.inopressa.ru/article/15Jun2009/ft/wto.html> (in Russ.)
2. Bruggmann, M., 2010. Putin delaet shag navstretchu Evrope [Putin takes the first step to Europe], *Handelsblatt*, 26.11.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26Nov2010/handelsblatt/putin.html> (in Russ.)
3. Budro, R., 2010. Posle pervogo tura vyborov Kreml' ispytal oblegchenie i "razmorozil" otnosheniya s Kievom [Kremlin ends freeze with Kiev, in relief over election], *The Wall Street Journal*, 27.01.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/27Jan2010/wsj/ukraina.html> (in Russ.)
4. Budro, R. Yanukovich poprosil u Rossii deshevyi gaz i predlozhit ustanovit' tesnye svyazi [Yanukovich asks Russia for tight ties, cheap gas], *The Wall Street Journal*, 08.03.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/08Mar2010/wsj/ukraina.html> (in Russ.)
5. Gnauck, G. Novyi Sovetskii Soyuz? [Is it new Soviet Union?], *Die Welt*, 14.06.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Jun2011/welt/sowjetunion.html> (in Russ.)
6. Gnauck, G. and Mulherr, Z., 2013. Ukraina vedet voinu na treh frontah [Ukraine is at war on three fronts], *Die Welt*, 26.02.2013. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26Feb2013/welt/ukraine1.html> (in Russ.)
7. Gruzija pod davleniem SSHA soglashaetsya prinyat' Rossiyu v VTO [Georgia under pressure of the USA agrees to admit Russia to the WTO], *Stratfor*, 28.10.2011. URL: <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/217-gruziya-pod-davleniem-ssha-soglashaetsya-prinyat-rossiyu-v-vto-stratfor-ssha.html> (in Russ.)
8. Dillema Viktora [Victor's dilemma], *The Economist*, 25.09.2011. URL: <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/32-dillema-viktora.html> (in Russ.)
9. Kramer, A.E., 2010. Rossiya i dva sosednih gosudarstva obrazovali Tamozhennyi soyuz [Russia and two neighbours form economic union], *The New York Times*, 06.07.2010. URL: http://www.inopressa.ru/article/06Jul2010/nytimes/economic_union.html (in Russ.)
10. Marson, J., 2011. Ukraina nadmenno otvergla rossiiskie usiliya, napravlennye na sblizhenie [Ukraine snubs Russian push for closer ties], *The Wall Street Journal*, 02.09.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/02Sep2011/wsj/ukraina.html> (in Russ.)
11. Menon, R., 2011. Proshhanie s Rossiei [A farewell to Russia], *Foreign Policy*. 13.07.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/13Jul2011/foreignpolicy/ukraine1.html> (in Russ.)
12. Metan, G., 2009. Rossii nachinaet nadoedat' 15-letnee ozhidanie u dverei VTO [15 years' expectation at WTO doors starts bothering Russia], *Le Temps*, 03.06.2009. URL: <http://www.inopressa.ru/article/03Jun2009/letemps/vto.html> (in Russ.)
13. Miller, J.W., 2011. Dlya priema Rossii v VTO vznikli prepyatstviya [Russia's membership in World Trade group faces hurdles], *The Wall Street Journal*, 23.02.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/23Feb2011/wsj/wto.html> (in Russ.)
14. Miller, L.R., 2010. Strah i otvrashhenie v Central'noi Azii [Fear and loathing in Central Asia], *Foreign Policy*, 06.08.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/06Aug2010/foreignpolicy/mos2.html> (in Russ.)
15. Olarchyk, R., 2011. Moskva iskushaet Ukrainu deshevym gazom [Moscow lures Ukraine with cheap gas], *Financial Times*, 08.04.2011. URL: http://www.inopressa.ru/article/08Apr2011/ft/mos_ukr.html (in Russ.)
16. Poka Evrosoyuz zanyat svoim krizisom, Kreml' budet starat'sya vospol'zovat'sya etim dlya rasshireniya sfer svoego vliyanija [While the European Union is occupied with the crisis, the Kremlin will try to use it for expansion of spheres of the influence], *Stratfor*, 19.10.2011. URL: <http://world-prensa.ru/inostrannaya-prensa-o-rossii/179-poka-evrosoyuz-zanyat-svoim-krizisom-kreml-budet-staratsya-vospolzovatsya-etim-dlya-rasshireniy-svoih-sfer-vliyaniya-stratfor-ssha.html> (in Russ.)
17. Sovetskii Soyuz? Net, mechta Putina – EVRASoyuz [Is it Soviet Union? No, it is Putin's

dream – EVRAunion], Limes, 05.09.2012. URL: <http://world-pressa.ru/russia/1446-sovetskiy-coyuz-net-mechta-putina-evrasoyuz-limesitaliya.html> (accessed 21 April 2013). (in Russ.)

18. Wagstyl, S. and Olearchyk R., 2010. Yanukovich uveryaet, chto sut' vazhnee, chem stil'nost' [Yanukovich asserts substance over style], Financial Times, 19.01.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/19Jan2010/ft/ukraine5.html> (in Russ.)

19. Weir, F., 2011. Ukraina pytaetsya nashhupat' ravnovesie mezhdub soblaznom Evropy i prityazheniem Rossii [Ukraine tries to grope balance between temptation of Europe and attraction of Russia], The Christian Science Monitor, 14.04.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Apr2011/csmonitor/ukraina.html> (in Russ.)

20. Halevinskaya, E.D., 2012. Integratsiya, sotrudnichestvo i razvitie na postsovetskom

prostranstve [Integration, cooperation and development on post-soviet space]. Moskva: Magistr; INFRA-M. (in Russ.)

21. Hosp, G., 2009. Nostal'giya po SSSR – eto ne trgovaya politika [Nostalgia on the USSR is not a trade policy], Frankfurter Allgemeine, 17.06.2009. URL: <http://www.inopressa.ru/article/17Jun2009/faz/torg.html> (in Russ.)

22. Halpin, T., 2010. Vashington otvorachivaetsa, a Rossiya ukreplyaet vlast' nad byvshimi respublikami SSSR [As Washington looks away Russia tightens grip on former Soviet states], The Times, 11.10.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/11Oct2010/times/rus1.html> (in Russ.)

23. Halpin, T., 2010. Putin prodolzhaet osushhestvlyat' mechtu o evrazijskoj imperii [Putin continues to achieve dream of the Euroasian empire], The Times, 10.03.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/10Mar2010/times/putin1.html> (in Russ.)

УДК. 159.9.01

А.Ф. Минуллина, Э.И. Муртазина*

ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В статье исследуются характеристики эмоционального интеллекта и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин, выявляются сходные и отличительные особенности мужского и женского эмоционального интеллекта. Авторы изучают особенности реагирования мужчин и женщин на ситуации, содержащие ту или иную степень неопределенности, а также наличие и специфику взаимосвязей между характеристиками эмоционального интеллекта и толерантностью к ситуациям неопределенности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоции, управление эмоциями, толерантность, адаптивность, неопределенность, совладающее поведение.

Investigation of characteristics of emotional intelligence and tolerance to uncertainty indicators of men and women. AIDA F. MINULLINA (Kazan (Volga region) Federal University), ELMIRA I. MURTAZINA (Kazan (Volga region) Federal University).

The article investigates characteristics of emotional intelligence and indicators of tolerance to uncertainty of both men and women. The authors reveal similar and distinctive features of emotional intelligence of men and women and focus on the difference in responses of men and women to situations that contain some degree of uncertainty. The article also investigates the interactions between the characteristics of emotional intelligence and tolerance to situations of uncertainty.

Keywords: emotional intelligence, emotions, managing emotions, tolerance, adaptability, uncertainty, coping behavior.

Феномен эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности тесно связан с актуальными проблемами современности. Эмоциональный интеллект – способность эффективно разбираться в эмоциональной сфере человеческой жизни: понимать эмоции и эмоциональную подоплеку отношений, использовать свои эмоции для решения задач, связанных с отношениями и мотивацией. Все возрастающие потоки информации и

стремительное увеличение темпа жизни породили проблему глобальной неопределенности человеческого существования. Вопросы взаимосвязи эмоционального интеллекта, толерантности к неопределенности и стратегий поведения мужчин и женщин недостаточно изучены, несмотря на работанность данной темы в зарубежной психологии и повышенный интерес к ней среди отечественных ученых.

* МИНУЛЛИНА Аида Фаридовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии и образования Казанского федерального (Приволжского) университета.

E-mail: aidamin@rambler.ru

МУРТАЗИНА Эльмира Ильдусовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии и образования Казанского федерального (Приволжского) университета.

E-mail: elil@inbox.ru

© Минуллина А.Ф., Муртазина Э.И., 2014

Нами было проведено исследование, целью которого стало выявление взаимосвязи характеристик эмоционального интеллекта и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин. Важно было не только изучить их эмоциональный интеллект, но и выявить взаимосвязь характеристик последнего и показателей толерантности к неопределенности.

Исследование проводилось с июня по октябрь 2012 г. на базе инспекции Госстройнадзора Казани. Общий объем выборки составили 50 человек – 25 мужчин и 25 женщин в возрасте 30–40 лет.

В качестве гипотезы выдвинуты следующие предположения: 1. Характеристики эмоционального интеллекта и показатели толерантности к неопределенности имеют различную степень выраженности у мужчин и женщин; женщины обладают более высокими показателями эмоционального интеллекта, чем мужчины; мужчины – более высокими показателями толерантности к неопределенности, чем женщины. 2. Существует взаимосвязь между характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у мужчин и женщин.

Исследование проводилось с помощью следующих методов: 1) беседа с испытуемыми с целью прояснения, дополнения, анализа информации, полученной при применении методик; 2) тестирование с помощью следующих методик: «Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ» (Люсин Д.В.); PCRS «Толерантность к неопределенности» (Родник, Хезер, Голд, Хал) в адаптации Бажановой Н.А., Бардиер Г.Л.; 3) методы математической обработки данных (вычисление среднего, стандартного отклонения, методы оценки достоверности различий изучаемых показателей (t-критерий Стьюдента), метод линейного корреляционного анализа по Пирсону).

Исследование характеристик эмоционального интеллекта (ЭИ) у мужчин и женщин проводилось с использованием методики «Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ» (Д.В. Люсин) [2]. Необходимо отметить, что подобные опросники, включая и данную методику, измеряют не саму способность понимать эмоции или управлять ими, а представления людей о своем эмоциональном интеллекте. По мнению автора методики, представления человека о каком-то своем свойстве отличаются от истинной выраженности этого свойства, но измерение представлений о своем ЭИ, с одной стороны, дает важные для психолога сведения о человеке, с другой – предоставляет косвенную информацию и о подлинном уровне его ЭИ [2].

В нашем исследовании принимали участие испытуемые в возрастном диапазоне от 30 до 40 лет без дробления на возрастные периоды на основании полученного автором (Д.В. Люсина) вывода об отсутствии влияния возраста испытуемых на результаты опросника и возможности проводить статистический анализ и выводить тестовые нормы без учета этой переменной [3].

Среднее значение выраженности характеристик эмоционального интеллекта в мужской и женской выборке представлены на рис. 1.

К низким значениям у мужчин можно отнести такие характеристики эмоционального интеллекта, как: понимание чужих эмоций (19,8); понимание своих эмоций (16,04) и, соответственно, общая шкала понимания эмоций (35,84). К средним значениям можно отнести выраженность таких характеристик эмоционального интеллекта, как: межличностный эмоциональный интеллект, т.е. способность к пониманию эмоций других людей и управление ими (43,40); внутриличностный эмоциональный интеллект, т.е. способность к пониманию собственных эмоций и управление ими (45,24). К высоким значениям можно отнести выраженность таких характеристик эмоционального интеллекта, как: управление своими эмоциями (17,52); управление эмоциями других людей (23,60); контроль внешних проявлений эмоций (59,56); общий эмоциональный интеллект (195,40).

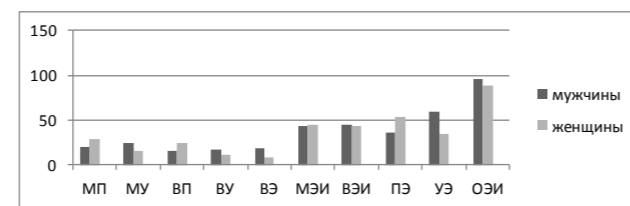

Рис. 1. Различия в выраженности характеристик эмоционального интеллекта у мужчин и женщин

Примечание. Обозначены характеристики эмоционального интеллекта: МП – понимание чужих эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВП – понимание своих эмоций, ВУ – управление своими эмоциями, ВЭ – контроль экспрессии, МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект, ПЭ – понимание эмоций, УЭ – управление эмоциями, ОЭИ – общий эмоциональный интеллект.

Таким образом, у мужчин выражены характеристики эмоционального интеллекта, связанные с процессом контроля и управления эмоциями,

и менее всего – с процессом понимания как собственных эмоций, так и эмоций других людей.

К низким значениям у женщин можно отнести такие характеристики эмоционального интеллекта, как: управление собственными эмоциями (10,7); управление чужими эмоциями (15,92); контроль внешних проявлений эмоций (7,8); общий эмоциональный интеллект (34,44). К средним значениям можно отнести такие характеристики эмоционального интеллекта, как: внутриличностный эмоциональный интеллект – способность к пониманию и управлению собственными эмоциями (42,6); межличностный эмоциональный интеллект – способность к пониманию и управлению эмоциями других людей (45,24); общий эмоциональный интеллект (87,84). Высокие значения наблюдаются по следующим характеристикам эмоционального интеллекта: понимание собственных эмоций (24,08); понимание эмоций других людей (29,32); общая шкала понимания эмоций (53,4).

Было определено, что у женщин высоко развиты характеристики эмоционального интеллекта, связанные с пониманием как собственных эмоций, так и эмоций других людей; и менее развиты характеристики, связанные с процессом управления и контроля эмоций.

Достоверность различий между средними значениями выраженности характеристик эмоционального интеллекта у испытуемых обеих групп определялась с помощью t-критерия Стьюдента.

Выраженность у мужчин характеристик эмоционального интеллекта, связанных с процессом понимания собственных эмоций и эмоций других людей, достоверно ниже, чем у женщин (tэмп = 2,79; при p < 0,01; tэмп = 4,86 при p < 0,001, соответственно). Но в то же время выраженность характеристик, связанных с процессом управления собственными и чужими эмоциями, с контролем внешних проявлений эмоций, у мужчин достоверно выше, чем у женщин (tэмп = 2,34; при p < 0,05; tэмп = 2,15; при p < 0,05; tэмп = 5,02; при p < 0,001). Кроме того, если сравнивать общий уровень эмоционального интеллекта, то у испытуемых-мужчин он достоверно выше, чем у женщин (tэмп = 4,08; при p < 0,001).

Стоит отметить, что полученные результаты противоречат общепринятой точке зрения об обладании женщинами более высокого эмоционального интеллекта [1]. Возможное объяснение состоит в том, что в рамках самоотчета испытуемые мужского пола демонстрируют большую уверенность в своей компетентности и более высокую самооценку. Обращает на себя внимание и то, что наибольшие различия наблю-

даются по тем шкалам, где преимущество мужчин соответствует гендерным стереотипам, например, представлениям о том, что мужчины лучше контролируют эмоциональную экспрессию и вообще собственные эмоции.

Таким образом, мужчины обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта, чем женщины, а также его характеристиками, связанными с процессом управления эмоциями и их контролем. У женщин же лучше развиты те характеристики эмоционального интеллекта, которые связаны с процессом понимания эмоций.

Исследование показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин. Конструктивное отношение к неопределенности выражается в принятии неизбежности неопределенности (С.Г. Хорошавина); признании неопределенности (М.В. Ручкина, А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн); выработке позиции по отношению к реальности и ее оценка (Н.В. Круглова), осознаваемой и принимаемой ответственности за действия в условиях неопределенности, понимании и принятии невозможности однозначного, единственного, «самого правильного со всех точек зрения» решения; внутренней готовности принять двойкий, прогнозируемый и непрогнозируемый, результат действия [4, 5].

Средние значения выраженности показателей толерантности к неопределенности у испытуемых мужской и женской выборки представлены на рис. 2.

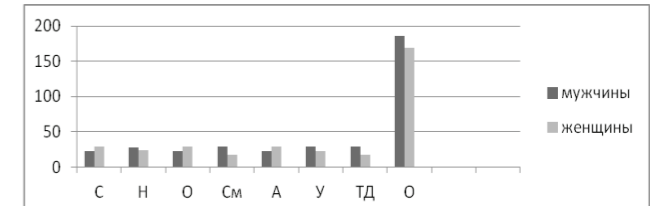

Рис. 2. Различия в выраженности показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин

Примечание. Цифрами обозначены показатели толерантности к неопределенности. Буквами следующие показатели: С – «страстность», Н – «находчивость», О – «оптимизм», См – «смелость», А – «адаптивность», У – «уверенность», ТД – «толерантность к двусмысленности», ИП – «интегративный показатель толерантности».

У мужчин низкий уровень выраженности не имеет ни один показатель толерантности к неопределенности. К среднему уровню выраженности можно отнести показатели: «страстность» (эмоциональность, импульсивность) (22,64); «оп-

тимизм» (22,5); «адаптивность» (22,44). К высокому уровню выраженности относятся такие показатели толерантности к неопределенности, как: «находчивость» (28,2); «смелость» (29,44); «уверенность» (29,28); «толерантность к двусмысленности» (28,40); интегративный (общий) показатель толерантности (185,56).

Полученные результаты можно объяснить, опираясь на исследования Е.С. Балабановой, Д.А. Жукова, И.С. Клециной, Н.П. Ребровой, М.П. Чернышевой. Анализ их гендерных исследований по проблеме особенностей реагирования мужчин и женщин в ситуациях, содержащих ту или иную степень неопределенности, показывает, что мужские особенности совладающего поведения связаны с ориентацией на независимое поведение, самоэффективность. Мужчины часто либо замыкаются в себе, либо демонстрируют жесткие авторитарные стили взаимодействия. Также у мужчин более выражен когнитивный компонент восприятия неопределенности [4]. Кроме того, согласно Ю.А. Саликову, О.Г. Шереметовой, мужчины склонны при принятии решения к более высокой степени риска, что обусловлено их большей степенью агрессивности, независимости в действиях, более выраженной потребностью в преобладании, самоутверждении [4, 5].

Таким образом, испытуемые-мужчины обладают высокой уверенностью в своих возможностях; тягой к поиску нового, неизвестного; высокой способностью находить выход из сложных ситуаций; самообладанием в ситуации отсутствия или дефицита информации, что и определяет их высокий уровень толерантности к неопределенности в целом.

Как видно из рис. 1, у испытуемых-женщин наблюдается низкий уровень выраженности двух показателей толерантности к неопределенности: «смелость» (17,76), «толерантность к двусмысленности» (17,60). Средний уровень выраженности диагностируется по показателям «находчивость» (22,4), «уверенность» (22,56) и по интегративному (общему) показателю толерантности к неопределенности (168,56). Высокий уровень выраженности отмечается по показателям «страстность» (эмоциональность) (29,4), «оптимизм» (29,36), «адаптивность» (29,40).

Полученные результаты находят свое подтверждение и в исследованиях Е.Г. Луковицкой. По ее оценке, у женщин более выражен эмоциональный компонент восприятия неопределенности, что проявляется в большой эмоциональной насыщенности переживаний и противоречивости. Толерантность к неопределенности у жен-

щин зависит от их самооценки, степени удовлетворенности своей жизнью и оценки значимого окружения [4]. Анализ гендерных исследований Ю.А. Саликова, О.Г. Шереметовой показал, что, принимая решения в условиях риска и неопределенности, женщины выбирают более осторожные стратегии [4]. А также, по мнению Е.С. Балабановой, Д.А. Жукова, И.С. Клециной, Н.П. Ребровой, М.П. Чернышевой, им свойственно не столько преодоление трудной жизненной ситуации, сколько приспособление к ней [4, 5].

Таким образом, испытуемые-женщины малопредприимчивы и малотерпимы к незавершенным и двусмысленным ситуациям, с низким стремлением к поиску нового, но при этом обладают повышенной эмоциональностью, оптимистичностью и способностью адаптироваться, менять свои планы и решения.

Достоверность различий между средними значениями выраженности толерантности к неопределенности у испытуемых обеих групп определялась с помощью t-критерия Стьюдента. По результатам проведенного исследования были обнаружены достоверные различия между испытуемыми обеих групп по всем показателям толерантности к неопределенности.

У мужчин достоверно выше, чем у женщин, показатели «находчивости» (tэмп = 2,03; при p < 0,05); «смелости» (tэмп = 4,86; при p < 0,001); «уверенности» (tэмп = 3,55; при p < 0,001); «толерантности к двусмысленности» (tэмп = 4,87; при p < 0,001); интегрального показателя толерантности к неопределенности (tэмп = 4,98; при p < 0,001). У женщин же достоверно выше, чем у мужчин, показатели «страстности» (эмоциональности) (tэмп = 3,73; при p < 0,001); «оптимистичности» (tэмп = 3,43; при p < 0,01); «адаптивности» (tэмп = 2,92; при p < 0,05).

Полученные результаты находят свое подтверждение и в гендерных исследованиях. Многие авторы подтверждают обусловленность способа психологического преодоления жизненных сложностей и ситуаций неопределенности полоролевыми стереотипами: женщины (и фемининные мужчины) склонны, как правило, защищаться и разрешать трудности эмоционально, а мужчины (и маскулинные женщины), напротив, инструментально, путем преобразования внешней ситуации (Н.П. Фетискина, О.А. Филатова) [4, 5].

Таким образом, мужчины имеют высокие показатели толерантности к неопределенности, связанные с предприимчивостью, смелостью, тягой к новому, самоуверенностью, самообладанием, и являются более толерантными к ситуации неопре-

деленности, чем женщины. Женщины же в большей степени обладают теми показателями толерантности к неопределенности, которые связаны с эмоциональностью, оптимистичностью, способностью подстроиться к сложившейся ситуации.

Исследование взаимосвязи между характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у мужчин и женщин. С целью выявления связи между характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у мужчин и женщин был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона. Результаты корреляционного анализа представлены в корреляционных плеядах на рис. 3.

В результате проведенного корреляционного анализа между характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у мужчин мы можем предполагать следующее: 1. Чем выше способность у мужчин к контролю эмоций, тем менее они эмоциональны, импульсивны. 2. Чем выше способность у мужчин управлять своими эмоциями, в частности и эмоциями других людей, тем менее они оптимистичны (а скорее реалистичны) и обладают более высоким эмоциональным интеллектом и толерантностью к ситуации неопределенности. 3. Чем менее выражены способности у мужчин к пони-

манию своих эмоций и эмоций других людей, тем более высоким уровнем эмоционального интеллекта они обладают. Вероятно, такую закономерность можно объяснить тем, что низкие показатели понимания эмоций компенсируются у мужчин высокими показателями управления эмоциями. 4. Чем более высоким эмоциональным интеллектом обладают мужчины, тем менее они способны и готовы адаптироваться, приспосабливаться к сложившимся обстоятельствам, и тем более терпимы к неоднозначным, незавершенным ситуациям. 5. Чем более высокий уровень толерантности к неопределенности у мужчин, тем более они реалистичны при оценке ситуаций и в меньшей степени готовы к ней адаптироваться.

В результате проведенного корреляционного анализа между характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у женщин, можно предположить следующее: 1. Чем выше способность женщин к пониманию своих эмоций, тем лучше они понимают эмоции других людей и обладают более высоким эмоциональным интеллектом и более низкой толерантностью к ситуации неопределенности. 2. Чем более низкой способностью к управлению собственными эмоциями обладают женщины, тем хуже они могут управлять эмоциями других людей и имеют более низкий уровень эмоциональ-

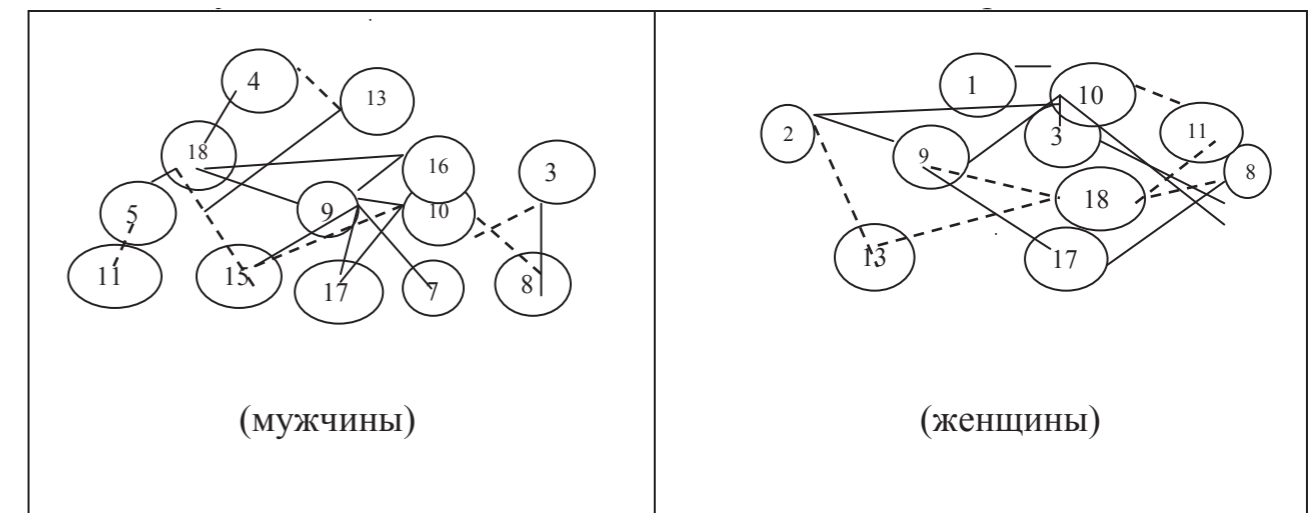

Рис. 3. Корреляционные плеяды (мужская и женская выборка)

Примечание. Цифрами обозначены шкалы: 1 – МП (понимание чужих эмоций); 2 – МУ (управление чужими эмоциями); 3 – ВП (понимание своих эмоций); 4 – ВУ (управление своими эмоциями); 5 – ВЭ (контроль экспрессии); 7 – ВЭИ (внутриличностный эмоциональный интеллект); 8 – ПЭ (понимание эмоций); 9 – УЭ (управление эмоциями); 10 – ОЭИ (общий эмоциональный интеллект по методике «Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ»); 11 – «Страстность»; 13 – «Оптимизм»; 15 – «Адаптивность»; 16 – «Уверенность»; 17 – «Толерантность к двусмысленности»; 18 – «Интегративный показатель» (по методике PCRS «Толерантность к неопределенности»). Сплошной линией обозначены прямые корреляционные связи, пунктирной – обратные.

ного интеллекта. 3. Чем более оптимистичными, надеющимися только на лучшие варианты исхода событий, являются женщины, тем в меньшей степени они способны управлять эмоциями других людей и менее терпимы к ситуации неопределенности. 4. Чем более эмоциональны и импульсивны женщины, тем более низким уровнем эмоционального интеллекта и толерантностью к неопределенности они обладают.

Полученные результаты позволили нам сформулировать следующие выводы: 1. Мужчины обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта, чем женщины, а также его характеристиками, связанными с процессом управления эмоциями и их контроля. У женщин же лучше развиты те характеристики эмоционального интеллекта, которые связаны с процессом понимания эмоций. 2. Мужчины имеют высокие показатели толерантности к неопределенности, обусловленные предприимчивостью, смелостью, тягой к новому, самоуверенностью, самообладанием, и являются более толерантными к ситуации неопределенности, чем женщины. Женщины же в большей степени обладают теми показателями толерантности к неопределенности, которые связаны с эмоциональностью, оптимистичностью, способностью подстроиться к сложившейся ситуации. 3. Представление о характеристиках эмоционального интеллекта и отношении к ситуациям неопределенности обусловлены полоролевыми стереотипами. 4. Все обнаруженные взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и толерантностью к неопределенности носят опосредованный характер. Опосредующими звеньями в данных связях выступают их характеристики и показатели.

Таким образом, выдвинутые нами в ходе исследования гипотезы подтвердились частично. Предположение о том, что характеристики эмоционального интеллекта и показатели толерантности к неопределенности имеют различную степень выраженности у мужчин и женщин нашло свое подтверждение. Второе положение о более высоких показателях эмоционального интеллекта у женщин, чем мужчин, было опровергнуто. Вторая гипотеза о существовании взаимосвязи между

характеристиками эмоционального интеллекта и показателями толерантности к неопределенности у мужчин и женщин также подтвердилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко С.П. Эмоциональный интеллект: проблемы категориальности // Психология в современном информационном пространстве: материалы междунар. науч. конфер. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. Ч. 1. С. 108–112.
2. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 29–36.
4. Человек в ситуации неопределенности / гл. ред. А.К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007.
5. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: «Прогресс_Традиция», 2008.

REFERENCES

1. Derevyanko, S.P. 2007. Emotsionalnyy intellekt: problemyi kategorialnosti [Emotional intelligence: categorical issues]. In: Psikhologiya v sovremennom informatsionnom prostranstve: materialyi mezhdunar. nauch. konfer. Smolensk: Izd-vo SmolGU. (in Russ).
2. Lyusin D.V. 2006. Novaya metodika dlya izmereniya emotsionalnogo intellekta: oprosnik EmIn [A new technique for measuring emotional intelligence: a questionnaire EmIn], Psikhologicheskaya diagnostika, no. 4, pp. 3-22. (in Russ).
3. Lyusin, D.V. ed., 2007. Sovremennyye predstavleniya ob emotsionalnom intellekte [Modern concepts of emotional intelligence]. In: Sotsialnyy intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya. Moskva: In-t psikhologii RAN. (in Russ).
4. Bolotov, A.K. ed., 2007. Chelovek v situatsii neopredelennosti [Man in a situation of uncertainty]. Moskva: «TEIS». (in Russ).
5. Shipilov, A.V., 2008. «Svoi», «chuzhie» i drugie [«Self», «alien», and other]. Moskva: «Progress-Traditsiya». (in Russ).

ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВО ПРЕКРАСНОГО

УДК 81-13, 81'34, 81'344.3, 81'344.6

В.Л. Завьялова*

КОГНИТИВНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ**

В статье проведён анализ состояния когнитивных фонологических исследований в современном языкознании, выявлены психологические и философско-семиотические корни отечественного когнитивного подхода к изучению звуковых средств языка, отмечена прикладная направленность исследований в русле когнитивной фонологии за рубежом. В фокусе внимания автора находится когнитивная природа фонологических средств языка как продуктов человеческого сознания и их роль в процессе лингвосомиозиса. В статье обсуждается модель описания фонетико-фонологического модуля языка как динамического нейрокогнитивного образования, действующего на основании принципов кроссуровневой координации.

Ключевые слова: языкознание, когнитивная фонология, звуковые средства языка, лингвосомиозис.

Cognitive phonological research in linguistics. VIKTORIYA L. ZAVYALOVA (Far Eastern Federal University).

The article analyses the status of cognitive phonological research in modern linguistics. The author reveals the deep psychological and philosophical-semiotic roots of the domestic cognitive approach to the study of language sound means, noting the applied character of cognitive phonology studies abroad. The interdisciplinary approach is recognized as the most efficient. The focus is also on the cognitive nature of the language phonological means as the products of human mind, and on their role in the process of linguistic semiosis. A model for describing the phonetic-phonological module as a multidimensional dynamic neurocognitive formation operating on the basis of the cross-level coordination principles is discussed.

Keywords: linguistics, cognitive phonology, language sound means, linguistic semiosis.

Изучение любых аспектов речевой деятельности на современном этапе развития науки о языке невозможно без обращения к лингвокогнитивным механизмам «получения, хранения, переработки и передачи языковых образов в процессе речепо-

изводства и речевосприятия вербальной информации» [37, с. 11]. Подобная методология в своей основе антропоцентрична, поскольку строится на изучении вопросов взаимосвязи языка и человеческого сознания, языка и высших мыслитель-

* ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, директор НОЦ «Прикладная лингвистика и речевые технологии» Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

E-mail: zavyalova.vl@dvfu.ru

© Завьялова В.Л., 2014

** Исследование выполнено при поддержке Научного фонда ДВФУ, проект № 14-08-05-14_и.

ных операций, роли языка в процессе познания мира человеком и во взаимодействии с другими членами языкового сообщества. Несмотря на то, что антропоцентрический и когнитивный подходы считаются характерными для лингвистики рубежа веков, классическая проблема «мышление – язык» занимала умы великих философов и языковедов-мыслителей на протяжении всего развития человечества: от античности до настоящего времени.

Современные когнитивные исследования в отечественной лингвистике можно считать новым мощным витком развития психологических концепций языка XIX – начала XX вв.⁵⁴, идущих от В. Фон Гумбольдта, В. Вундта, Х. Штейнтала, А.А. Потемби, И.А. Бодуэна де Куртене, Ф.Ф. Фортунатова, А.Б. Богородицкого, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.С. Выготского и других выдающихся языковедов, которые «признавали в языке и речи несомненное психическое начало и не отрывали эти явления от самого человека» [38, с. 18]. Достижения в области разработки интеллектуальных информационных компьютерных систем, искусственного интеллекта, физиологии, нейрофизиологии и нейролингвистики⁵⁵, решение задач автоматического распознавания, анализа и синтеза речи, а также результаты собственно лингвистических изысканий XX–XXI вв. способствовали бурному развитию психолингвистики. Именно в рамках психолингвистики третьего поколения в середине прошлого столетия зародились первые когнитивные исследования механизмов порождения и восприятия речи как психофизиологического процесса, что впоследствии (в 70-х гг. XX в.) привело к выделению в качестве отдельного научного направления когнитивной психолингвистики (об этом см.: [12; 15; 29; 40]).

Многие теоретические постулаты психолингвистики и когнитивной психолингвистики послужили основой методологии исследований языка, направленных на изучение взаимодействия ментальных структур человеческого разума и средств их вербальной репрезентации, в рамках когнитивной лингвистики (об этом см.: [36]). Хотя подоб-

ные исследования стали неотъемлемой частью современной науки о языке, лингвокогнитивный подход до настоящего времени применяется к анализу далеко не всех областей лингвистического знания. Основными направлениями когнитивной лингвистики являются лингвокультурологическое, логическое, семантико-когнитивное и философско-семиотическое, причем наибольшее число работ посвящено исследованиям в области когнитивной семасиологии и лингвоконцептологии [3; 5; 6; 12; 16; 19; 28; 34; 46]. Так, И.А. Стернин и З.Д. Попова, определяя предмет исследования когнитивной науки, отмечают, что «когнитивная лингвистика изучает соотношение семем, их сочетаний, типовых пропозиций, нашедших выражение в языке, со сферой концептов (как денотатов, так и смыслов)» [36, с. 15].

Анализ российских работ по фонетике и фонологии, а также фонетических исследований, выполненных в общелингвистическом когнитивном ключе последнего времени, позволяет признать тот факт, что исследователи либо вообще не прибегают к использованию терминологического аппарата когнитивной лингвистики [10; 21; 23], либо с осторожностью употребляют термин *когнитивная фонология*, ограничиваясь, как правило, оборотами типа: *когнитивный подход в фонологии, когнитивные аспекты фонологии, когнитивно-ориентированные исследования в области фонологии* и подобными [1; 11; 17; 22; 26; 45; 47; 48]. По мнению Н.Н. Болдырева и В.Г. Куликова, «если семантическая природа лексических и грамматических единиц языка не подвергается сомнению, то сама возможность репрезентации концептуальных структур средствами фонологических единиц часто оспаривается и поэтому требует специальной аргументации» [7, с. 43; 8].

Тем не менее отечественные лингвисты признают необходимость развития особого направления лингвокогнитивных исследований, связанного с изучением роли фонологических средств в процессе символизирования результатов концептуализации мира. А.А. Абдуазизов, со ссылкой на Д. Кристала⁵⁶, заключает, что «...категоризация явлений в сознании человека в качестве стереотипов, фрейм-структур, т.е. когнитивных единиц, формируемых клише или штампами сознания, требует выделить наряду с когнитивной семантикой особую часть когнитивной лингвистики, называемой нами «когнитивной фонологией»» [1,

⁵⁶ А.А. Абдуазизов ссылается на определение термина когнитивная грамматика (*cognitive grammar*) в словаре по лингвистике и фонетике Д.Кристалла [53, с. 84].

с. 36]. В задачи когнитивной фонологии, по мнению автора, входит анализ способов разграничения значения слов, морфем и предложений в тексте, которые после сложной обработки в памяти, в мозге человека сознательно соотносятся со своими значениями [1, с. 36]. Автор учебника нового поколения по фонетике Т.И. Шевченко, подчеркивая необходимость увеличения наукоёмкости содержания обучения по курсу *Теоретической фонетики английского языка*, отмечает значимость включения наряду с антропоцентрическим подходом «[...] современного когнитивного аспекта фонологии» [48, с. 6]. В предисловии автор делает акцент на том, что «[...] в книге впервые дается представление о когнитивной фонологии как теории становления, развития и функционирования фонологической системы английского языка в современном социуме» [48, с. 6]. Исходя из тезиса о том, что «фонема и составляющие её признаки – это ментальные единицы, ментальные образы физической действительности», Т.И. Шевченко резюмирует: «[...] звуковая система языка в такой же степени является аспектом когнитивной деятельности, как и её грамматика и лексикон» [48, с. 90].

Российские фонетисты обращались к когнитивным аспектам исследования звуковых средств языка и ранее, например, при выявлении психолингвистических, концептуальных, социолингвистических и функционально-коммуникативных особенностей слогаделения, с учетом требований речевой ситуации в рамках когнитивной силлабики⁵⁷ [17], а также при описании психокогнитивных основ интерференционных явлений, возникающих в результате взаимодействия систем родного и изучаемого языка в сознании и речи билингвов [45]⁵⁸. Тем не менее едва ли можно говорить об активном применении новых методов лингвокогнитивного анализа и о широком распространении лингвокогнитивных терминов в отечественной фонетике и фонологии.

Между тем за рубежом в период зарождения когнитивной науки о языке одними из первых

⁵⁷ По мнению С.В. Дечевой, «изучать слогаделение когнитивно значит выйти за пределы описательной науки, и сосредоточить внимание на роли слогаделения в коммуникативно значимом, развернутом произведении речи, когда выделение слогов имеет риторическую нагруженность и служит для выражения различных содержаний-намерений высказывания» [17, с. 2].

⁵⁸ Л.Г. Фомиченко полагает, что интерференция представляет собой отклонения от нормы изучаемого языка под воздействием когниций (совокупности психических, ментальных процессов, влияющих на мировосприятие) родного языка [45].

становятся работы именно в области, называемой *когнитивной фонологией* (*cognitive phonology*) [58; 59; 60; 62; 65]. Впоследствии концепция когнитивной фонологии получила развитие и в книгах других исследователей [49; 51; 54; 55; 56; 57; etc.]. Следует отметить, что исторически фонология всегда была флагманом всех направлений и подходов к исследованию языка, таких как структурализм (см., например, [41]) или генеративная лингвистика (см., например, [50]). Теория когнитивной фонологии за рубежом стала логическим продолжением, точнее, отрицанием, основных положений генеративной грамматики⁵⁹ Н. Хомского. В 1989 г. в презентации на конференции, посвященной проблемам недеривационной фонологии, Дж. Лакофф, подвергая критике идеи генеративной грамматики, в частности генеративной фонологии, приходит к формулировке нового научного подхода, рассуждая следующим образом: нейронные процессы протекают в режиме реального времени, а фонологические деривации протекают в режиме некоего абстрактного «времени», которое не имеет прямого соответствия с реальным [58]. Говорящий обрабатывает акустический сигнал слева направо, а не сверху вниз, поэтому не существует принципиальной возможности обработки промежуточных фонологических дериваций новых протяженных предложений в режиме реального времени. По мнению автора, отследить процесс обработки фонологических единиц можно только в терминах прямых кроссмерных корреляций (*direct cross-dimensional correlations*). Если считать, что когнитивная фонология представляет собой интегральную часть когнитивной грамматики, то это означает, что фонологическая система, как и все остальные ярусы языка, оперирует общими когнитивными механизмами, а именно кроссмерными корреляциями [58]. Поскольку когнитивная фонология характеризует соответствия между морфемами и фонетической последовательностью, предлагается выделять морфемный (М) и фонетический (Р) уровни, а также ввести промежуточный фонематический уровень, на котором, среди прочего, указываются ограничения на уровне фонологии слова (W). Три указанных уровня представляют собой минимальный набор параметров фонологической структуры.

⁵⁹ В рамках генеративной лингвистики грамматика рассматривается как устройство манипулирования символами, причем такие устройства всегда начинают работу с какого-либо символа и последовательно переходят к другому, а значит, не могут предполагать долгосрочное планирование; когнитивная же грамматика не имеет таких ограничений.

Со всей очевидностью можно констатировать, что в когнитивном фонологическом интерпретационном подходе порождающие правила генеративной грамматики заменяются структурами (конструкциями), которые определяют правильность ограничений в пределах отдельных уровней и в контексте кроссуровневых корреляций. В случае соблюдения критериев правильности и удовлетворения требования синхронной межуровневой координации (или корреляции) структур происходит идентификация (или распознавание) языковых единиц и речевого сообщения в целом. Комбинация фонологических структур осуществляется на базе принципа *суперпозиции*: при условии, что каждая конструкция налагает ряд собственных внутренних ограничений, ограничения нескольких конструкций реализуются одновременно, т.е. синхронизируются⁶⁰. Таким образом, когнитивная фонология, по Дж. Лакоффу, определяется в рамках общей автосегментной фонологии, формальной основой которой служит PDP⁶¹ коннекционизм⁶² (или *параллельная распределенная обработка, система одновременного удовлетворения ограничений, распределённая репрезентация в когнитивной системе*) [58].

Фонологические структуры, как замечает С. Элиассон, работают в тесном взаимодействии с общекогнитивными схемами, составляющими внеязыковую систему ментальной компетенции, примером чего служит использование универсального механизма когнитив-

ного вычисления при обработке и восстановлении слушающим реального речевого сигнала, подверженного действию феномена нейтрализации («*cognitively-aided recovery*») [54, с. 57]. Действие в реальной речи многочисленных аллофонических процессов требует расширения формата правил обработки фонетической информации, включая опцию структурного восстановления и экстраструктурных процедур, поскольку нейтрализованные формы и правила нейтрализации сами по себе не смогут помочь слушающему или обучающемуся вывести уникальные ментальные репрезентации. Именно в этом случае начинают действовать ментальные вычисления лингвистических форм, действующие как аналог универсального когнитивного исчисления [54, с. 57]. Заметим, что работы зарубежных авторов в области когнитивной фонологии преимущественно связаны с решением задач компьютерного моделирования процессов ментального вычисления, лежащих в основе речезыковой способности человека. Такая практическая направленность является основополагающей для зарубежной когнитивной лингвистики в целом, в то время как российские лингвисты-когнитивисты в большей степени заняты семантической стороной как важнейшим компонентом языкового представления, свойственной русской лингвистической традиции (см. [33; 3; 5; 6; 12; 16; 19; 28; 34; 46]).

По мнению Х. ван дер Халста, знание звуковых событий (*sound events*) предполагает композиционную ментальную репрезентацию этих событий, что делает звуковую сторону лингвистического знака такой же абстрактной и когнитивной, как и сторону значения [56]. Подобно тому как значение (слова) можно интерпретировать в терминах концептов, которые определённым образом соотносятся с миром реальных объектов, фонологию необходимо понимать как концептуальную систему, которая также находится в некоторых отношениях с миром реальных объектов (а именно: определенных типов шумов, или определенных типов артикуляторного поведения). Существующая в фонетических исследованиях традиция разграничения артикуляторного⁶³ и

⁶³ См., например, положения моторной теории речевосприятия, согласно которой слушающий ментально «видит» артикуляторные движения, лежащие в основе акустических событий. Основная идея заключается в том, что воспринимаемые речевые стимулы внутренне связаны с соответствующим артикуляторным планом, который может быть соотнесён с основанной на артикуляции фонологической формой лексических элементов [61].

перцептивного⁶⁴ аспектов речевой деятельности интерпретируется в когнитивной фонологии в терминах двух слоев (*two layers*) когнитивной репрезентации звуковых событий: артикуляторного плана и перцептивного образа [56].

Несмотря на сравнительно большой объём зарубежных фонологических исследований Дж. Тейлор с сожалением отмечает, что в современной когнитивной лингвистике сохраняется большой уклон в сторону изучения концептуальных структур, в то время как фонология остается без должного внимания, а порой вообще признается сферой, лежащей за пределами её предметной области [66, с. 195]. По мнению авторов коллективной монографии «*Cognitive phonology*», фонология языка ничуть не в меньшей степени подлежит когнитивному осмыслению, чем значение слова, поскольку, равно как и значение, производительные характеристики слова получают ментальную репрезентацию [51].

Действительно, когнитивная природа фонологических средств языка как продуктов человеческого сознания не вызывает сомнения: слушающий способен опознать воспринимаемый органами слуха акустико-фонетический комплекс как слово того или иного языка, только на базе предшествующего лингвокогнитивного опыта, в результате которого в его сознании был сформирован акустический образ этого слова. Уникальность речезыковой системы заключается в осознанном использовании человеком реальной звуковой информации, которую можно представить как продукт сознания, воспроизведенный в ответ на внешние раздражители «на уровне нейрофизиологических структур – моделей звуковых образов головного мозга» [27, с. 9]. Нейрокогнитивная способность к дифференциации многомерных звуковых контрастов (по высоте, громкости, длительности и тембральным характеристикам) используется человеком для общей ориентации в пространстве с древних времён, поэтому в его мозгу филогенетически формируется особый психоакустический модуль. Принципы устройства и работы этого модуля лежат в основе формирования языковых структур, семиотически связывающих артикуляторно-акустические контрасты с

⁶⁴ В отличие от представителей моторной теории речевосприятия, сторонники идеи о приоритетной значимости перцептивного аспекта фонологических черт (включая Р. Якобсона) полагают, что в основе восприятия лежит перцептивный образ, поскольку он предполагает тесную взаимосвязь с акустическим аспектом звуков речи, который разделяют и говорящий и слушающий (об этом см.: [56]).

определёнными значениями (смыслами). Представляется, что каждый язык характеризуется построением уникального фонетико-фонологического модуля, используемого для передачи речезыковых сообщений между его носителями. Такой модуль складывается в раннем онтогенезе, причём механизмы его в известной степени преднастроены: «они осуществляют в пространстве наличного сенсорного материала активный поиск информации, которая может быть перекодирована в некоторое символическое представление, отвечающее системе данного языка» [13, с. 55].

Когнитивная сущность звуковых средств очевидна и в семиотической трактовке языка, где подчеркивается наличие ингерентной связи между звуковым телом языкового знака как идеальной сущности⁶⁵ и заключенным в нём смыслом [2; 24; 25; 30; 39; 44; 49; 55; 56]. Исходя из утверждений Ф.де Соссюра о том, что языковой знак идеален, поскольку инкорпорирует значение в звуковом образе [64], и А.Ф. Лосева о том, смысл воплощается в звуковом теле слова [30], можно говорить о синергетических когнитивных основаниях лингвосомиозиса при формировании языкового знака, который может пониматься, в зависимости от угла зрения, как озвучивание смысла или как осмысление звука в сознании индивида. Язык, в свою очередь, это частный случай общекогнитивной семиотической функции, которая «является центральным механизмом человеческой психики» [42, с. 247]. При этом следует понимать, что смысл обретает звуковое тело исключительно для того, чтобы быть переданным другому индивиду, что составляет интерпсихичность языка как распределённой семиотической системы⁶⁶. Знак «своим означаемым («телом» знака) укоренен во внешнем формальном языке и в психике индивида, а означаемым (значением, социальным знанием) в культуре и опять же в психике индивида (в его образе мира)», что обеспечивает постоянный контакт индивида с культурой и её другими членами [42, с. 248].

Человек выступает в различных коммуникативных ситуациях попеременно как говорящий и как слушающий. Двупаправленность речевой коммуникации, а именно реализация артикуляторной программы при производстве речи говорящим и нейропсихологическая интерпретация принимаемого в виде акустического сигнала сообщения слушающим, предполагает идеализацию зву-

⁶⁵ Выбор звукокомплекса для озвучивания значения слова признаётся произвольным [64].

⁶⁶ О распределённом характере языка как элемента когнитивной системы см.: [52].

кового тела знака в языковом сознании индивида как многомерной и многоуровневой нейропсихологической когнитивной фонологической структуры. Представляется, что такая структура может включать признаки артикулемы (моторной схемы – образа произнесения того или иного звука / звукокомплекса), акустемы (образа звуковой оболочки слова, т.е. образа реальной звуковой материи) и лингвемы⁶⁷ (образа слова или его составляющих: фонемы, силлабемы, акцентемы, интонемы и т.д.) как отдельных фонологических подмодулей, причем каждый из них характеризуется комплексом внутренних ограничений и синхронизируется с другими, удовлетворяя правилу кроссмодульной координации. При этом формирование фонетико-фонологических структур можно трактовать как активный когнитивный психофизиологический процесс, основанный на принципах действия динамических временных связей⁶⁸. Более того, если исходить из вывода Н.Ф. Алефиренко о существовании когнитивно-дискурсивной дихотомии знаков языка и речи, в которой идеальные двусторонние языковые знаки, выполняющие когнитивную функцию, объективируются в двусторонних материально-идеальных знаках речевых, выполняющих коммуникативную и прагматическую функции в реальном акте речевого общения [2, с. 12], тогда звуку как речезыковому феномену можно приписать роль медиатора между языковыми и речевыми знаками, планом выражения которых, в одном случае, выступает акустический образ, а во втором – непосредственно артикуляторно-акустический сигнал. Перекодировка ментальной репрезентации сообщения в речевую (дискурсивную) и наоборот в таком случае происходит посредством синхронизации акустического образа языкового знака и реального артикуляторно-акустического речевого сигнала, способных активировать семиотически связанные с ними смыслы в сознании говорящего и слушающего.

Подводя итоги описания существующих классических трактовок и собственных рассуждений о нейрокогнитивной природе и когнитивно-семио-

тической сущности звуковых средств языка, представляется закономерным сделать вывод о принципиальной непродуктивности их рассмотрения вне когнитивного подхода. С этой позиции становится понятно, что, несмотря на различия в терминологическом аппарате, российская классическая фонетика и фонология (Л.В. Щерба, В.А. Артёмов, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Н.Д. Светозарова, Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, Л.П. Блохина и многие др.), признавая действительность психолингвистических подходов⁶⁹ и допустившая возможность их применения в собственно лингвистических описаниях⁷⁰, подошла к глубокому теоретическому осмыслению роли звуковой стороны языка как элемента общекогнитивной семиотической системы, лежащей в основе функционирования человеческой психики, и как психофизиологической основы речезыковой деятельности в целом.

Можно констатировать, что практическим аспектом когнитивной фонологии (безусловно, вне данной терминологии) с начала 1930-х гг. занимались языковеды Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи 1-го МГПИИЯ им. Мориса Тореза под руководством В.А. Артёмова⁷¹. В ряду направлений исследования Лаборатории – разработка проблем общей психологии, психологии речи и психологии обучения иностранным языкам, а также экспериментальной фонетики (вопросы производства, восприятия и понимания речи). В комплексных исследованиях Лаборатории, где принимали участие не только психологи, но и языковеды, акустики, инженеры связи, было установлено, что в речи представлены как система языка, так и психические особенности и личностные качества человека. В настоящее время преемниками школы В.А. Артёмова являются учёные Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ (научный руководитель Р.К. Потапова). Смежные исследования с начала прошлого века осуществлялись и в Лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания Академии наук УССР им. А.А. По-

тебни, в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета им. Л.В. Щербы и ряде других.

На наш взгляд, принципы антропологического и когнитивного подходов в фонетике и фонологии изложены, без обращения к современному терминологическому аппарату когнитивной лингвистики, в знаковой работе Л.В. Бондарко «Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи» [9]. По мнению автора, единицы звукового уровня языка обеспечивают процесс переработки информации человеком на базе сложных правил: от непрерывной звуковой последовательности, формируемой в результате артикуляторных движений и производимых ими акустических эффектов, к последовательности значимых единиц. «Именно на уровне звуковой системы происходит переход от материальных, физических характеристик используемых в языке знаков к их функциональным, «идеальным» в определённом смысле слова характеристикам. И именно человек, носитель данного конкретного языка, является той таинственной реторгой, в которой «материальное олово» переплавляется в «функциональное золото»» [9, с. 9].

Когнитивно-фонетическим можно признать подход, используемый С.В. Кодзасовым и О.Ф. Кривновой в базовом современном учебнике «Общая фонетика» [23]. В разделе «Представление звуковой информации в словаре знаков»⁷² авторы отмечают, что «звуковые средства языка можно рассматривать как смыслоориентированную систему звуковой транскрипции, которая вырабатывается в мозге человека в процессе обучения языку и используется далее в звуковой коммуникации» [23, с. 25]. Говоря далее о сложности

процесса звуковой коммуникации, когда человек оперирует двумя языками (кодами): символьным (языковым) и субстанциальным (двух разновидностей – двигательной и слуховой), – авторы указывают на очевидность существования правил «переходов из символьного описания звучания в артикуляционное и из слухового описания снова в символьное» [23, с. 26].

По сути, отмечаемые вышеуказанными авторами правила межкодовых переходов и являются когнитивными операциями, непрерывно осуществляемыми человеком в процессе речевой (звуковой) коммуникации, а значит, должны быть предметом изучения когнитивной фонологии. С другой стороны, поскольку звуковые средства языка обеспечивают формирование и функционирование языка как деятельностной структуры⁷³, их изучением должна заниматься и когнитивная психолингвистика.

Таким образом, можно утверждать, что проблемы формирования и функционирования звуковых средств как базового элемента языковой и общекогнитивной систем человеческого сознания, с одной стороны, и как основы звуковой коммуникации между членами одного языкового сообщества, с другой – являются центральными не только для фонетики и фонологии, но и для таких направлений научного знания, как психолингвистика, перцептивная лингвистика, нейролингвистика, психоакустика и многих других. Поэтому когнитивные исследования в фонологии должны осуществляться с учетом достижений смежных наук в области изучения звуковых средств языка, т.е. следовать принципу междисциплинарности. Важно также понимание различий в истоках когнитивных фонологических подходов в отечественном и зарубежном языкознании: если в российской лингвистике данное направление формировалось в русле психологического и философско-семиотического подходов, то за рубежом когнитивная фонология исходно носила прикладной характер, т.к., вслед за генеративной фонологией, была призвана решать задачи формализации компьютерного моделирования ментальных вычислительных операций, осуществляемых в процессе речезыковой деятельности. Кроме того, очевидная фраг-

⁷² Способы представления звуковой и иной информации в словаре знаков активно изучаются сегодня в ряду общих проблем восприятия речи в рамках психолингвистики (А.А. Залевская и др.) и перцептивной лингвистики (А.В. Венцов и др.) [20; 14]. Исследователи пытаются построить функциональную модель восприятия через анализ принципов устройства фонологического компонента ментального лексикона. В русскоязычной литературе широко используется предложенный А.В. Венцовым термин перцептивный словарь, принимаемый для обозначения той части ментального лексикона, которая соответствует подуровню звуковых форм (примеч. в англоязычных источниках называется фонологическим или фонетико-фонологическим уровнем). Результаты экспериментов свидетельствуют о том, что формальная группировка слов в перцептивном словаре осуществляется по таким фонетическим признакам, как сходство начала словоформы, акцентно-ритмический класс и т.п.

⁷³ Определение языка как деятельностной структуры, состоящей из двух языков: «внутреннего концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, не имеющего отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнего, формального, предназначенного для общения с другими носителями той же культуры», – присуще психолингвистическому подходу в лингвистике [43, с. 122–123].

⁶⁷ О базовых понятиях когнитологии см. [44].

⁶⁸ Согласно концепции Е.И. Бойко относительно механизмов умственной деятельности, динамические временные связи образуются в результате усиления определённых элементов взаимодействующих функциональных структур благодаря суммированию возбуждения в общих нейронных комплексах и подавления несовпадающих нейронных структур, участвующих в реакции. Как следствие происходят видоизменения структур действующих связей в соответствии с предметными ситуациями и предшествующим опытом индивида и образуются новые психические продукты [4].

⁶⁹ Еще в 1974 г. Л.В. Бондарко и Л.Р. Зиндер, говоря о направлениях исследований в фонетике, отмечали, что «[...] фонетика во всех аспектах, включая и фонологический, обратилась к исследованию речевого поведения носителя языка. Это и сблизило современную фонетику с психолингвистической проблематикой» [35, с. 160].

⁷⁰ См., например, о критике психологизма Л.В. Щербы со стороны И.С. Трубецкого [9, с. 11–16].

⁷¹ См. обзор исследований по экспериментальной фонетике за период 1917–1957 в работе В.А. Артёмова Экспериментальная фонетика за 40 лет)

ментарность и разрозненность исследований, выполняемых в когнитивном фонологическом ключе, требует совершенствования терминологического аппарата и выработки принципов описания анализируемых явлений.

Тем не менее продуктивность когнитивных исследований в фонологии не вызывает сомнения, поскольку позволяет преодолеть ограничения, налагаемые требованиями структурного подхода к изучению звуковых средств языка, и выйти на уровень моделирования процессов межкодového звукового перехода в процессе звуковой коммуникации между людьми. С позиций когнитивной фонологии возможно также понимание звуковой системы языка как ключа к его семантике: поскольку в языковом сознании индивида идеальный звук и смысл находятся в отношениях взаимоопределения – смысл определяет звуковой образ, а звуковой образ определяет смысл, любое значимое изменение звукового тела языкового знака неминуемо влечёт за собой изменение семантическое. Когнитивный подход эффективен и при моделировании способов организации, хранения и извлечения языковой информации в процессе речевой коммуникации⁷⁴. Исходя из представления о том, что осознанное использование человеком реальной звуковой информации для активизации языковых смыслов строится на общей нейрокогнитивной способности к различению акустических противопоставлений, можно предположить, что речезыковой обмен информационными сообщениями на том или ином языке возможен при условии наличия в мозговых структурах говорящего и слушающего фонетико-фонологического подмодуля этого языка. Сформированный фонетико-фонологический подмодуль языка обеспечивает возможность автоматизированного использования человеком *знаний* о системе координации артикуляторно-акустических и фонологических контрастов на различных уровнях (отдельных фонем, слогов, слов, акцентно-ритмических схем, просодических и интонационных моделей), а также *правил* внутри- и межуровневой корреляции при построении и восприятии (интерпретации) речевого сообщения.

В заключение подчеркнём, что признание лингвистами факта обработки фонетико-фонологической информации с помощью неязыковых ментальных операций когнитивного вычисления, еще более настоятельно диктует необходимость проведения дальнейших когнитивных исследований в области фонетики и фонологии речевой деятельности.

⁷⁴ О понимании речи как проводника информации см.: [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуазизов А.А. О составных частях когнитивной лингвистики // Преподавание языка и литературы. 2007. № 6. С. 36–39.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-дискурсивная дихотомия знаков языка и речи // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 11. Вып. 1. С. 11–15.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. 4-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности. М.: Педагогика, 1976.
5. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронежский государственный университет, 2001. С. 25–36.
6. Болдырев Н.Н. Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 219–231.
7. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. 2006. Т. 65, № 3. С. 3–13.
8. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. Диалектные концепты и категории // Филологические науки. 2006. № 3. С. 41–50.
9. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981.
10. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.
11. Бурая Е.А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина, Т.И. Шевченко. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
12. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
13. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. 2-е изд. М.: УРСС, 2003.
14. Венцов А.В. Восприятие устной речи и ментальный лексикон // Русская языковая личность: материалы шестой выездной школы-семинара. Череповец: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2007. С. 63–69.
15. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ; Астрель, 2008.

16. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

17. Дечева С.В. Слоговое деление в английской речи (когнитивная синтагма): автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 1995.

18. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

19. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1998. С. 6–9.

20. Залевская А.А. Ментальный лексикон с позиций разных подходов // Введение в когнитивную лингвистику: хрестоматия, учебные задания и вопросы / сост. Л.Г. Золотых. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 23–27.

21. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика / под ред. Р.К. Потаповой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997.

22. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно-ориентированного описания: проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 марта 2007. М., 2007. С. 466.

23. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.

24. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001.

25. Кузнецова Н.В. Ещё раз о понятии фонемы // Тр. международной конференции «Диалог-2005», 2005. [Электронный ресурс]: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/KuznetsovaN/KuznetsovaN.htm>

26. Куликов В.Г. Формирование новых фонологических категорий в процессе изучения иностранного языка: усвоение американскими студентами палатализации в русском языке // 2-й Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2008.

27. Кульбиков В.П. Звуковая интеграция как процесс эволюционного развития функциональной системы психической деятельности человека: монограф. Хабаровск: ОПП Крайкомстата, 1999.

28. Лебедев М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002.

29. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

30. Лосев А. Философия имени // Самое само: Соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 29–204.

31. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

32. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Издательство: ФЛИНТА, 2011.

33. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры». 1999. I–XXII.

34. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

35. Основы теории речевой деятельности / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974.

36. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток – Запад, 2007.

37. Потапова Р.К. Нанотехнологии и лингвистика: прогнозы и перспективы взаимодействия // Материалы конференции «Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ», 2007. С. 8–11

38. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЭР СЭ; Логос, 2004.

39. Серебренников Б.А. (ред.) Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.

40. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.

41. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Высшая школа, 1960.

42. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.

43. Уфимцева Н.В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.

44. Фефилов А.И. Основы когитологии. Ульяновск: УлГУ, 2004.

45. Фомиченко Л.Г. Когнитивная модель просодических интерферируемых систем. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1996.

46. Фрумкина Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? // Язык и речевая деятельность. 1999. № 2. С. 80–93.

47. Черкасов Л.Н. Когнитивный и системный подходы в лингвистике и лингводидактике // Ярославский педагогический вестник. (Гуманитарные науки). Т. 1, № 3. 2012. С. 105–108.
48. Шевченко Т.И. Фонетика и фонология английского языка. Курс теоретической фонетики для бакалавров. Дубна: Феникс+, 2011.
49. Burton-Roberts, N., 2011. On the grounding of syntax and the role of phonology in human cognition. *Lingua*, Vol. 121(14), pp. 2089–2102.
50. Chomsky, N. and Halle, M., 1968. The sound pattern of English. New York: Harper & Row.
51. Mompean, J.A. ed., 2006. Cognitive phonology. *International Journal of English Studies*, Vol. 6, no. 2.
52. Cowley, S.J., 2006. Distributed language: biomechanics, functions and the origins of talk. In: Lyon, C., Nehaniv, C. and Cangelosi, A. eds., 2006. The emergence and evolution of linguistic communication. London: Springer, pp. 105–129.
53. Crystal, D., 2003. A dictionary of linguistics and phonetics. Fifth edition. Blackwell Publishing Ltd.
54. Eliasson, S., 1991. An outline of a cognitively-based model of phonology. In: Ivir, V. and Kalgojera, D. eds., 1991. Languages in contact and contrast. New York: Mouton de Gruyter, pp. 155–178.
55. Hale, M. and Reiss, C., 2000. Phonology as cognition. In: Burton-Roberts, N. et al. eds., 2000. Phonological knowledge. Oxford: Oxford University Press, pp. 161–184.
56. Hulst, H.G. vander., 2003. Cognitive phonology, Germania at alia. A linguistic webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday, pp. 1–24. URL: <http://homepage.uconn.edu/~hdv02001/Articles-pdfs/108%20-%20Cognitive%20Phonology.pdf>
57. Kuhl, P. and Iverson, P., 1995. Linguistic experience and the “perceptual magnet effect”. In: Strange, W. ed., 1995. Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research, pp. 121–154.
58. Lakoff, G., 1989. Cognitive phonology. URL: <http://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/cognitive-phonology-lakoff-1989.pdf>
59. Lakoff, G. 1993. Cognitive phonology. In: Goldsmith, J. ed. 1993. The last phonological rule: reflections on constraints and derivations. Chicago: University of Chicago Press, pp. 117–145.
60. Langacker, R., 1987. Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.
61. Liberman, A.M. and Mattingly, I.G., 1985. The motor theory of speech perception revised. *Cognition*, Vol. 21, pp. 1–36.
62. Nathan, G.S., 1986. Phonemes as mental categories. *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, pp. 212–223.
63. Oldfield, R.C., 1966. Things, words and the brain. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 18, Issue 4, pp. 340–353.
64. Saussure, F. de, 2001. Course in general linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, Gerald Duckworth & Co. Ltd.
65. Taylor, J.R., 1989. Linguistic categorisation: prototypes in linguistic theory. Oxford: Oxford University Press. URL: https://www.academia.edu/1855217/Prototypes_in_Cognitive_Linguistics
66. Taylor, J.R., 2006. Book review: cognitive phonology in construction grammar. *Analytic Tools for Students of English*. Berlin: Mouton de Gruyter. Välimaa-Blum, Riitta, *IJES*, Vol. 6.2, pp. 195–200.

REFERENCES

1. Abduazizov, A.A., 2007. O sostavnykh chastyakh kognitivnoi lingvistiki [On the constituents of cognitive linguistics], *Prepodavanie yazyka i literatury*, no. 6, pp. 36–39. (in Russ.)
2. Alefirenko, N.F., 2008. Kognitivno-diskursivnaya dihotomiya znakov yazyka i rechi [Cognitive-discursive dichotomia of language and speech], *Nauchnye vedomosti BelGU, Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 11, vyp.1, pp. 11–15. (in Russ.)
3. Baranov, A.N., 2013. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics], izd. 4-e, ispr. i dop. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM». (in Russ.)
4. Boiko, E.I., 1976. Mehanizmy umstvennoi deyatel'nosti [Mechanisms of mental activity]. Moskva: Pedagogika. (in Russ.)
5. Boldyrev, N.N., 2001. Kontsept i znachenie slova [Concept and word meaning]. In: Sternina, I.A. ed., 2001. Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: nauchnoe-izdanie. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, pp. 25–36. (in Russ.)
6. Boldyrev, N.N., 2010. Problema znacheniya i smysla yazykovykh edinic v kontekste poznavatel'nykh processov [Meaning and sense problem of language units in the context of cognitive processes]. In: V prostranstve yazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl: Sb. st. v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, pp. 219–231. (in Russ.)
7. Boldyrev, N.N. and Kulikov, V.G., 2006. O dialektnom kontsepte v kognitivnoi sisteme yazyka [On the dialect concept in the cognitive system of the language], *Izvestiya RAN*, Vol. 65, no. 3, pp. 3–13. (in Russ.)
8. Boldyrev, N.N. and Kulikov, V.G., 2006. Dialektnye kontsepty i kategorii [Dialect concepts and categories], *Filologicheskie nauki*, no. 3, pp. 41–50. (in Russ.)
9. Bondarko, L.V., 1981. Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad: Izdatel'stvo leningradskogo universiteta. (in Russ.)
10. Bondarko, L.V., Verbitskaya, L.A. and Gordina, M.V., 2000. Osnovy obshei fonetiki [Basics of general phonetics], 3-e izd., dop. i pererab. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russ.)
11. Buraya, E.A. I.E. Galochkina, T.I. Shevchenko, 2014. Fonetika sovremennogo angliiskogo yazyka. Teoreticheskii kurs: uchebnik dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya [Phonetics of modern English. Theoretical course: textbook for students of higher educational institutions], 4-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel'skii centr «Akademiya». (in Russ.)
12. Velichkovskii, B.M., 2006. Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya [Cognitive science. Basics of cognition psychology], Vol. 2. Moskva: Izdatel'skii centr «Akademiya». (in Russ.)
13. Ventsov, A.V. and Kasevich, V.B., 2003. Problemy vospriyatiya rechi [Problems of speech perception], 2-e izd. Moskva: URSS. (in Russ.)
14. Ventsov, A.V., 2007. Vospriyatie ustnoi rechi i mental'nyi leksikon [Perception of oral speech and mental lexicon], *Russkaya yazykovaya lichnost': Materialy shestoi vyeznoi shkoly-seminara. Cherepovets: GOU VPO «Cherepoveckii gosudarstvennyi universitet»*, pp. 63–69. (in Russ.)
15. Gluhov, V.P., 2008. Osnovy psikholingvistiki: ucheb. posobie dlya studentov pedvuzov [Basics of psycholinguistics]. Moskva: ACT; Astrel'. (in Russ.)
16. Dem'yankov, V.Z., 1994. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushhego podhoda [Cognitive linguistics as a variety of interpretational approach], *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 17–33. (in Russ.)
17. Decheva, S.V., 1995. Slogodelenie v angliiskoi rechi (kognitivnaya sillabika) [Syllable division in English speech], *Avtoref. diss... dokt. filol. nauk.* (in Russ.)
18. Zhinkin, N.I., 1982. Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a transmitter of information]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
19. Zalevskaya, A.A., 1998. Kognitivizm, kognitivnaya psihologiya, kognitivnaya nauka i kognitivnaya lingvistika [Cognitivism, cognitive psychology, cognitive science and cognitive linguistics], *Kognitivnaya lingvistika. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Tambov*, pp. 6–9. (in Russ.)
20. Zalevskaya, A.A., 2007. Mental'nyi leksikon s pozitsii raznykh podhodov [Mental lexicon from different perspectives], *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: hrestomatiya, uchebnye zadaniya i voprosy*, sost. L.G. Zolotykh. Astrahan': Astrahanskii universitet, pp. 23–27. (in Russ.)
21. Zlatoustova, L.V., Potapova, R.K., Potapov, V.V. and Trunin-Donskoi, V.N., 1997. Obshhaya i prikladnaya fonetika [General and applied phonetics]. Moskva: Izd-vo moskovskogo un-ta. (in Russ.)
22. Kobozeva, I.M. and Zakharov, L.M., 2007. Oznachayushhee diskursivnykh slov russkogo yazyka kak ob'ekt kognitivno-orientirovannogo opisaniya: problema metayazyka [Signifier of Russian discourse words as an object of cognitively oriented description: the problem of metalanguage]. In: III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka «Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». Moskva: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova. (in Russ.)
23. Kodzasov, S.V. and Krivnova, O.F., 2001. Obshhaya fonetika [General phonetics]. Moskva: RGGU. (in Russ.)
24. Kravchenko, A.V., 2001. Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoi filosofii yazyka. Irkutsk: Izdanie OGUP «Irkutskaya oblastnaya tipografiya no. 1» (in Russ.)
25. Kuznetsova, N.V., 2005. Escho raz o ponyatii fonemy [One more time on the notion of phoneme], *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2005»*. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/KuznetsovaN/KuznetsovaN.htm> (in Russ.)
26. Kulikov, V.G., 2008. Formirovanie novykh fonologicheskikh kategorii v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka: usvoenie amerikanskimi studentami palatalizatsii v russkom yazyke [Formation of new phonological categories in the process of learning a foreign language: acquisition of palatalization in Russian by American students]. In: 2-i Mezhdunarodnyi kongress po kognitivnoi lingvistike. Tambov. (in Russ.)
27. Kul'bikov, V.P., 1999. Zvukovaya integratsiya kak process evolyutsionnogo razvitiya funktsional'noi sistemy psichicheskoi deyatel'nosti cheloveka: monografiya [Sound integration as a process of evolutionary development of the functional system of psychic activity]. Habarovsk: OPP Kraikomstata. (in Russ.)
28. Lebed'ko, M.G., 2002. Vremya kak kognitivnaya dominanta kul'tury. Sopostavlenie amerikanskoi i russkoi temporal'nykh kontseptosfer [Time as a cognitive dominant of culture. Comparison

of American and Russian temporal concept spheres]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. (in Russ.)

29. Leont'ev, A.A., 1997. Osnovy psikholingvistiki [Basics of psycholinguistics]. Moskva: Smysl. (in Russ.)

30. Losev, A., 1999. Filosofiya imeni [The philosophy of name]. In: Losev, A., 1999. Samoe samo: Sochineniya. Moskva: EKSMO-Press, pp. 2-204. (in Russ.)

31. Luriya, A.R., 2009. Osnovnye problemy neirolingvistiki [Fundamental problems of neurolinguistics], izd. 3-e. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM». (in Russ.)

32. Maslova, V.A., 2011. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie [Introduction to cognitive linguistics]. Moskva: Izdatel'stvo FLINTA. (in Russ.)

33. Mel'chuk, I.A., 1999. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst» [Practice of the linguistic models theory "Sense ↔ Text"]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». I–XXII. (in Russ.)

34. Nikitin, M.V., 2003. Osnovaniya kognitivnoi semantiki: Uchebnoe posobie [Basics of cognitive semantics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. (in Russ.)

35. Leont'ev, A.A. ed., 1974. Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti [Fundamentals of speech activity theory], Moskva: Izd-vo «Nauka». (in Russ.)

36. Popova, Z.D. and Sternin, I.A., 2007. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moskva: AST, Vostok-Zapad. (in Russ.)

37. Potapova, R.K., 2007. Nanotehnologii i lingvistika: prognozy i perspektivy vzaimodeistviya [Nanotechnologies and linguistics: prognosis and perspectives of interaction], Materialy konferentsii «Nanotehnologii v lingvistike i lingvodidaktike: mif ili real'nost'»? Opyt sozdaniya obshhego obrazovatel'nogo prostranstva stran SNG», pp. 8–11. (in Russ.)

38. Rumyantseva, I.M., 2004. Psikhologiya rechi i lingvopedagogicheskaya psikhologiya [Psychology of speech and linguo-pedagogical psychology]. Moskva: PER SE. (in Russ.)

39. Serebrennikov, B.A., ed., 1970. Obshee yazykoznanie. Formy sushhestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka [General linguistics. Forms of language existence, functions, and history]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

40. Solso, R., 2002. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive psychology]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

41. Trubetskoi, N.S., 1960. Osnovy fonologii [Basics of phonology]. Moskva: Vysshaya shkola. (in Russ.)

42. Ufimtseva, N.V., 2011. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: dynamics and variation]. Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN. (in Russ.)

43. Ufimtseva, N.V., 2013. Sistemno-tselostnyi printsip i analiz yazykovoi kartiny mira [Systemic-holistic principle and picture of the world analysis]. In: Kovshova, M.L., Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. and Zykova, I.V. eds., 2013. Yazyk, soznanie, kommunikatsii: sb. statei. Moskva: MAKS Press, Issue 46, pp. 122–127. (in Russ.)

44. Fefilov, A.I., 2004. Osnovy kogitologii [Basics of cogitology]. Ul'yanovsk: UIGu. (in Russ.)

45. Fomichenko, L.G., 1996. Kognitivnaya model' prosodicheskikh interferiruemyykh sistem [Cognitive model of prosodic interfered systems]. Volgograd: Izd-vo VolGU. (in Russ.)

46. Frumkina, R.M., 1999. Kognitivnaya lingvistika ili «psikholingvistika naoborot»? [Cognitive linguistics or "psycholinguistics inside out?"]. Yazyk i rechevaya deyatel'nost', no. 2, pp. 80–93. (in Russ.)

47. Cherkasov, L.N., 2012. Kognitivnyi i sistemnyi podhody v lingvistike i lingvodidaktike [Cognitive and systemic approaches in linguistics and linguo-didactics], Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, Gumanitarnye nauki, no. 3, issue 1, pp. 105–108. (in Russ.)

48. Shevchenko, T.I., 2011. Fonetika i fonologiya angliiskogo yazyka. Kurs teoreticheskoi fonetiki dlya bakalavrov [Phonetics and phonology of English]. Dubna: Feniks+. (in Russ.)

49. Burton-Roberts, N., 2011. On the grounding of syntax and the role of phonology in human cognition. Lingua, Vol. 121(14), pp. 2089–2102.

50. Chomsky, N. and Halle, M., 1968. The sound pattern of English. New York: Harper & Row.

51. Mompean, J.A. ed., 2006. Cognitive phonology. International Journal of English Studies, Vol. 6, no. 2.

52. Cowley, S.J., 2006. Distributed language: biomechanics, functions and the origins of talk. In: Lyon, C., Nehaniv, C. and Cangelosi, A. eds., 2006. The emergence and evolution of linguistic communication. London: Springer, pp. 105–129.

53. Crystal, D., 2003. A dictionary of linguistics and phonetics. Fifth edition. Blackwell Publishing Ltd.

54. Eliasson, S., 1991. An outline of a cognitively-based model of phonology. In: Ivir, V. and Kalgojera, D. eds., 1991. Languages in contact and contrast. New York: Mouton de Gruyter, pp. 155–178.

55. Hale, M. and Reiss, C., 2000. Phonology as cognition. In: Burton-Roberts, N. et al. eds., 2000. Phonological knowledge. Oxford: Oxford University Press, pp. 161–184.

56. Hulst, H.G. van der., 2003. Cognitive phonology, Germania at alia. A linguistic webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday, pp.1–24. URL: <http://homepage.uconn.edu/~hdv02001/Articles-pdfs/108%20-%20Cognitive%20Phonology.pdf>

57. Kuhl, P. and Iverson, P., 1995. Linguistic experience and the "perceptual magnet effect". In: Strange, W. ed., 1995. Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research, pp. 121–154.

58. Lakoff, G., 1989. Cognitive phonology. URL: <http://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/cognitive-phonology-lakoff-1989.pdf>

59. Lakoff, G. 1993. Cognitive phonology. In: Goldsmith, J. ed. 1993. The last phonological rule: reflections on constraints and derivations. Chicago: University of Chicago Press, pp. 117–145.

60. Langacker, R., 1987. Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.

61. Liberman, A.M. and Mattingly, I.G., 1985. The motor theory of speech perception revised. Cognition, Vol. 21, pp. 1–36.

62. Nathan, G.S., 1986. Phonemes as mental categories. Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, pp. 212–223.

63. Oldfield, R.C., 1966. Things, words and the brain. Quarterly Journal of Experimental Psychology, Vol. 18, Issue 4, pp. 340–353.

64. Saussure, F. de, 2001. Course in general linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, Gerald Duckworth&Co.Ltd.

65. Taylor, J.R., 1989. Linguistic categorisation: prototypes in linguistic theory. Oxford: Oxford University Press. URL: https://www.academia.edu/1855217/Prototypes_in_Cognitive_Linguistics

66. Taylor, J.R., 2006. Book review: cognitive phonology in construction grammar. Analytic Tools for Students of English. Berlin: Mouton de Gruyter. Välimaa-Blum, Riitta, IJES, Vol. 6.2, pp. 195–200.

УДК 7.03;7:001.12

О.Н. Филиппова*

М.А. ВОЛОШИН – ПОЭТ И ХУДОЖНИК

Имя М.А. Волошина вошло в историю русской поэзии XX в., однако Волошину-художнику повезло в значительной мере меньше, чем Волошину-поэту. Анализ его стихотворного наследия дан в десятках монографий и сотнях статей, однако живописи и графике посвящены только разрозненные заметки. В данной статье автор предпринимает попытку на основе библиографических и архивных источников раскрыть творчество М.А. Волошина-живописца.

Ключевые слова: М. Волошин, поэт, художник, Коктебель, пейзаж, акварель.

Maximilian Voloshin: a poet and a painter OLGA N. FILIPPOVA (Moscow State Academic Art Institute named after V.I. Surikov).

Maximilian Voloshin has left a significant mark in the history of Russian poetry of the XXth century. However, his talent as an artist is not so famous as his poetry. Dozens of books and hundreds of articles are devoted to the analysis of his poetic heritage, while there is only few works dedicated to his paintings and drawings. The article is devoted to the analysis of M. Voloshin's heritage as a painter.

Keywords: M. Voloshin, poet, painter, Koktebel, landscape, watercolour.

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился в Киеве в 1877 г. и корнями был связан с Украиной: его предками были запорожские казаки. Еще мальчиком тринадцати лет он начал писать стихи, рано полюбил А.С. Пушкина и русскую историческую живопись. В марте 1893 г., будучи в Москве, мать поэта, Е.О. Кириенко-Волошина, решила навсегда переехать в Крым, в Коктебель (в переводе – «страна голубых скал»). Несомненно, это был судьбоносный поворот и в жизни самого М.А. Волошина, однако Коктебель полюбился ему не сразу [5, с. 165]. В 1925 г. поэт признавался, что лишь постепенно смог осознать эту местность как подлинную родину своего духа [5, с. 165].

Окончив гимназию в Феодосии, где, по легенде, на художественные способности М.А. Волошина обратил внимание престарелый И.К. Айвазовский, юноша в 1897 г. поступил на юридический факультет Императорского Московского университета, откуда, однако, в связи с участием в сту-

денческих волнениях через полтора года он был исключен «за агитацию», без права поступления в какой-либо русский университет, и выслан в Ташкент [7, с. 1].

Начинается жизнь, полная странствий: Волошин интересуется географией, природой, культурой и искусством народов Азии, Африки, Европы. Необычайно одаренный и обладающий поразительной работоспособностью, он изучает древнейшие цивилизации Востока и Запада, современные ему художественные течения Европы, не оставляя в то же время и собственное поэтическое творчество.

Живя в 1900-х гг. в Париже, Волошин посылает в русские журналы корреспонденции о выставках, театральных постановках, новых книгах, обнаруживая эрудицию и тонкое художественное чутье. Тогда же он стал пробовать свои силы и в изобразительном искусстве. Вот как об этом вспоминал сам М.А. Волошина: «Впервые я подошел к живописи в Париже в 1901 г.,

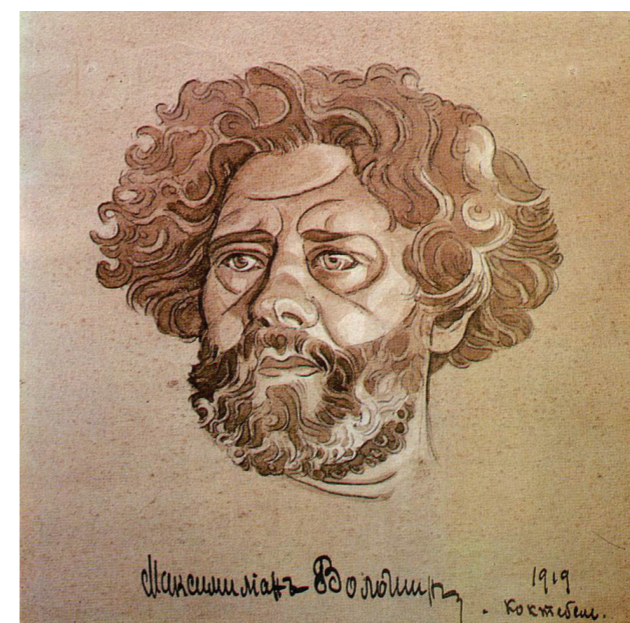

Рис. 1. М. Волошин «Автопортрет». 1919 г.

Рис. 2. На террасе дома Волошина. Слева направо: М.А. Волошин (третий), М.Н. Кларк, А.Н. Толстой, М.К. Гринвальд, С.И. Дымшиц-Толстая. Коктебель, 1909 г.

когда только что вернулся туда из Ташкента, где был в ссылке около года. Я весь был переполнен зрительными впечатлениями и совершенно свободен в смысле выбора жизни и профессии. Юридический факультет не влек меня обратно. А единственный серьезный интерес, который в те годы во мне намечался, – искусствоведение. В Москве в ту пору – в конце 1890-х гг. – оно еще никак не определилось, а в Париже я сейчас же записался в Луврскую школу музееведения, но лекционная система меня мало удовлетворяла, так как меня интересовало не старое искусство, а новое, текущее. Цель моя была непосредственная: подготовиться к делу художественной критики. Воспоминания университета и гимназии

были слишком свежи и безнадежны. В теоретических лекциях я не находил ничего, что бы мне помогало разбираться в современных течениях искусства. Оставался один более практический путь: стать самому художником, самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства» [3, с. 164].

Уже в 1902 г., побуждаемый талантливой русской художницей Е.С. Кругликовой, Волошин начинает заниматься живописью абсолютно сознательно. Он берет уроки в студии Колларосси, делает беглые зарисовки с натуры в духе рисунков Стейнлена. Многому он научился, работая в парижской студии Дж. Уистлера [7, с. 3].

В годы учения в Париже М.А. Волошин регулярно посещал выставки художников-импрессионистов и внимательно всматривался в их картины, с первого взгляда поражающие его своей необычностью. Выходя на улицу, он начинал видеть такие цвета и оттенки, которых раньше не замечал.

Постепенно, благодаря импрессионистам, учившим начинающего художника видеть мир, Волошин изменяет свое восприятие предметной среды, у него появляется новое видение. Таким образом, в Париже он в полной мере обретает зрение художника-живописца, улавливающего в окружающем мире малейшие оттенки цвета.

Время от времени М.А. Волошин приезжает в Россию, как это было ранее в его летние приезды в Крым (в Коктебель) с 1903 г., когда он начал подолгу заниматься живописью. Тогда под влиянием К.Ф. Богаевского (1872–1943) он пишет много этюдов с натуры. Следует отметить определенное влияние последнего на творческую жизнь поэта. Знакомство с ним состоялось в 1903 г., а сближение произошло летом 1906 г. и продолжалось до смерти Волошина. В августе 1911 г. поэт напишет замечательную статью о соратнике, в которой поделится своими взглядами на исторический пейзаж: «Для того, чтобы дать почувствовать лик земли во всей его сложной жизни, художник должен перестрадать ту землю, которую он пишет. Он должен пережить историю каждой ее долины, каждого холма, каждого залива. Опыт сердца, исходившего тоской в ее сумерках, и опыт ступней, касавшихся всех ее тропинок, ему дают не меньше, чем впечатления глаза» [2, с. 185].

Странствия сами по себе не могут быть конечной целью – они важны лишь для того, чтобы найти путь на родину. Для Волошина

* ФИЛИПОВА Ольга Николаевна, аспирант кафедры теории и истории искусств Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова.

E-mail: iscusstvo0891@mail.ru

© Филиппова О.Н., 2014

такой родиной становится Коктебель, куда он попадает только в 1917 г. после своего возвращения из Европы. В истории мировой культуры отыщется немного примеров столь тесной связи между человеком-творцом и местом, где он творит. Коктебель и Волошин представляют собой то редкое и ценное в русской культуре явление, когда художник и природа соединяются для прекрасного дуэта [2, с. 173]. Из очерка М.А. Волошина «О самом себе» мы узнаем об эволюции его художественной техники: «Оказавшись в Коктебеле, я воспользовался вынужденным перерывом в работе, чтобы взяться за самовоспитание в живописи. Прежде всего, я взялся за этюды пейзажа: приучил себя писать всегда точно, быстро и широко. И вообще, все неприятности и неудачи в области литературы сказывались в моей жизни успехами в области живописи» [3, с. 166]. Так предельно распаханувшийся мир сужается до одной географической точки – Киммерии, – где уже окончательно оформился выработанный за «годы странствий» взгляд художника, воплотившийся не только в живописи (гуашь, акварель), но и в поэзии [6, с. 18].

Природа Коктебеля отличается изменчивыми и необычными эффектами освещения, вносящими всякий раз новое соотношение света и тени в окраску холмов и мысов, неба и моря. В соответствии с движением солнца и состоянием воздуха и моря меняется в течение дня, особенно с наступлением вечера, вся видимая картина. Вот почему в коктебельских поэтических пейзажах Волошина мы видим такое разнообразие гармоничных сочетаний неярких цветовых оттенков пейзажа: растений, неба, моря, воздуха, облаков. На фоне этого подчеркнуты четкие формы горных складок и мягкие переливы светлых акварельных оттенков на дальних планах, что создает цельные образные решения. Не будучи профессиональным художником, М.А. Волошин нашел свою манеру изображения любимых им мест – предельно конкретную в рисунке, с четким ритмом линий, воспроизводящим неповторимые очертания коктебельских заливов и мысов, холмов и гор, по содержанию эта манера обобщенно-эпическая. Именно в Коктебеле Волошин нашел себя как художник, и именно Коктебель дал ему возможность того прочтения природы, которое он сам называл «исторический пейзаж» [7, с. 6].

М.А. Волошин необычайно гордился тем, что его стихи, его акварели настолько точны в описании потока ветра, движения облаков, что это помо-

гало ориентироваться на местности планеристам, а геологи смогли почерпнуть важные сведения о структуре Киммерийских гор в его поэтике камня. Интересно, что акварели Волошина были даже воспроизведены в геологическом издании Томского университета (Российский государственный архив литературы и искусства, далее РГАЛИ. Ф. 833. Оп. 1. Д. 504. Л. 10об). М.А. Волошин писал: «Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы» [2, с. 185].

Акварели Волошина действительно явление редкое и даже уникальное в русском искусстве первой половины XX в. В них определяющую роль играют пространство и время. Поэт видит Коктебель почти в космической беспредельности, а художник стремится запечатлеть в акварелях «земли отверженной застывшее усилие», «которому слова нет» [2, с. 184]. Его пейзажи – это область молчания, область интуиции. Несомненно, исчерпав возможности слова, ощутив его границы, автор приходит к акварельной живописи, в которой выражены такие мысли и образы, которые перекликаются с мыслями и образами, содержащимися в его стихах. Он говорил: «Мои стихи о природе утекли в акварели и живут в них, как морской прибой, – с приливами и отливами» (РГАЛИ. Ф. 2171. Оп. 4. Д. 117. Л. 17).

В работах автора нет изображения людей, но чувствуется взгляд одинокого наблюдателя, умеющего в линиях и красках передать свое ощущение пустынности и первозданности ландшафта. В них присутствует чувство вечности, мысль о том, что так было и так будет всегда. В постижении тонкостей колорита и акварельного искусства М.А. Волошину, кроме Уистлера и японских мастеров Хокусаи и Утамаро (работы которых он изучал в Парижской Национальной библиотеке), многое дало творчество русских художников-реалистов, оценивших в то время акварель как самостоятельный вид искусства: В.И. Сурикова, В.А. Серова, И.И. Левитана, А.П. Остроумовой-Лебедевой, А.Н. Бенуа [7, с. 5].

Из воспоминаний А.Н. Бенуа о М.А. Волошине как о художнике: «Мало кто знает, сколько времени он посвящал живописи, и что эти его работы имеют настоящее художественное значение. Кое-что тут было навеяно К.Ф. Боггаевским, кое-что являлось отзвуком искусства Пуссена и Тернера, но при всем том эти живописные работы М.А. Волошина очень самобытны» [1, с. 335].

Необходимо отметить, что в течение жизни Волошин создал, помимо пейзажей, не менее пятидесяти графических автопортретов, значительная часть которых была обычными набросками в альбомах. Впервые он нарисовал себя еще в 1897 г., перед окончанием гимназии. Интересен ранний автопортрет, выполненный в стиле кубизма. Но подлинный всплеск в этом жанре начнется для М.А. Волошина во второй половине 1910-х гг. [5, с. 250]. Тогда им была написана значительная часть известных автопортретов. Несомненное влияние на них оказало пребывание поэта в Париже. Можно определенно сказать, что Волошин был доволен своими опытами графических автопортретов, иначе он бы не решился поместить один из них в своем поэтическом сборнике «Демоны глухонемые», вышедшем в 1918 г. [5, с. 250].

Соотношение в М.А. Волошине поэта и самобытного художника вызывало массу вопросов. В 1920-е годы его часто спрашивали: кто же он – поэт или художник? И он неизменно отвечал: «Конечно, поэт». А затем, после короткого раздумья, добавлял: «И художник» [5, с. 245]. Таким образом, автор не придавал своей живописи большего значения, чем поэзии, но любил ее и имел на это полное основание, ибо в ней пленительная легкость сочеталась с отличным знанием природы. Именно знанием, потому что Волошин не писал этюдов с натуры, но строил и расцвечивал свои пейзажи «от себя» и делал это с тем толком, который получается лишь «при внимательном и вдумчивом изучении» [1, с. 335].

Пик прижизненного признания М.А. Волошина-художника – его персональная выставка в Москве в 1927 г., которая позже экспонировалась и в Ленинграде. К этому времени он достиг максимальных успехов в работе над акварелями, создавая неповторимый художественный образ Киммерии: он запечатлел горы вокруг Коктебеля в условной манере «Мира искусства», небо и, главное, море, без которого, как утверждал Стендаль, ни один пейзаж не может достигнуть совершенной красоты [4, с. 5].

На Московском вернисаже С.Н. Дурьлин говорил о «вымышленном пейзаже» Волошина: «Как в своих акварелях, так и в сонетах он не пишет «с натуры». Если взять в руки его акварель и пойти с нею отыскивать то место, которое на ней запечатлено, можно исходить весь Коктебель, обойти все окрестные лукоморья и каньоны, излазить по всем вершинам Кара-Дага, Святой горы и Сюрю-ка-я – и не найти такого места» [5, с. 244].

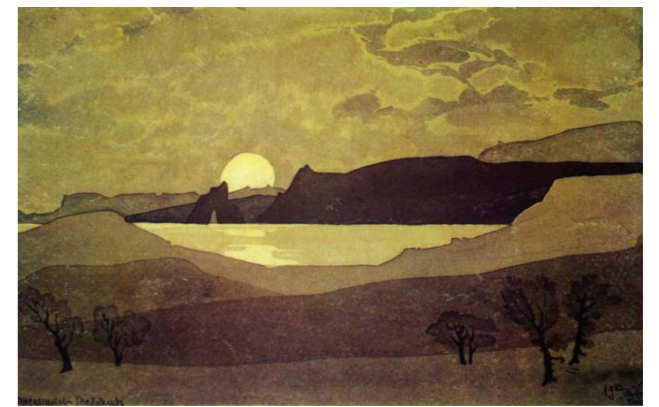

Рис. 3. М. Волошин «Восход луны встречали чаек клики». 1926 г.

Рис. 4. М. Волошин «Вид Коктебеля». 1931 г.

В творчестве М.А. Волошина на редкость гармонично слились дарования поэта, живописца и ученого-исследователя. Высоко ценя личные впечатления от восприятия природы, он считал столь же важным и ее изучение. Он обладал обширными познаниями в геологии, географии, ботанике, астрономии, археологии. Но и личное восприятие, и научное постижение были для него не самоцелью, а необходимой основой для поэтического претворения, для творчества.

Ко всему вышеперечисленному можно прибавить то, что Волошин был наделен еще и даром особого гостеприимства, щедрой доброжелательностью. Дом, выстроенный им в Коктебеле по его собственному проекту, во многом отражал черты характера, философские и эстетические представления своего хозяина. В этом смысле его можно назвать своеобразным автопортретом в архитектуре. Он был неким перекрестком русской духовной культуры начала XX в., местом творческого общения выдающихся деятелей искусства, литературы, науки, где за лето гостило иногда более трехсот человек. Здесь читались только что написанные стихи, новые прозаические вещи, обсуждались публикации. Обязатель-

ным ритуалом стали беседы в мастерской и на верхнем балконе дома Волошина, откуда открывался вид на массив Карадага и Коктебельский залив [2, с. 197].

Любой человек был интересен для М.А. Волошина, любой представлял ценность как отдельная неповторимая личность. «Человек единственно важное в мире и притом такой, как он есть, – писал Волошин в сентябре 1917 г. – И никогда не надо ничего ни ждать, ни требовать от людей. Но всему прекрасному в них радоваться, как личному дару» (РГАЛИ. Ф. 833. Оп. Д.04. Л. 16).

В доме Волошина, который стал не просто уютным жилищем, но и местом творческого общения самых разных людей, маленькой «академией», где постоянно гостили: литераторы – В.В. Вересаев, И.А. Бунин, В.Я. Брюсов, А.К. Толстой; художники – В.Д. Поленов, А.Е. Архипов, К.С. Петров-Водкин, А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, А.П. Остроумова-Лебедева; историки искусства – А.Г. Габричевский, Э.Ф. Голлербах, А.А. Сидоров [7, с. 2]. В дополнение к этим именам можно назвать и множество других. Обмен мыслями, опытом, знаниями, творческими идеями шел и в непринужденной беседе, и в шуточных розыгрышах, и в костюмированных, с песнями и танцами, самодеятельных спектаклях.

М.А. Волошин умер в 1932 г., его посмертные выставки акварелей были проведены в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и в городах Крыма. И всюду прошли с большим успехом (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 504. Л. 11).

После смерти поэта его дом, согласно воле хозяина, был передан в дар Союзу писателей СССР. Богатейшее собрание акварелей М.А. Волошина, рукописи, уникальную библиотеку и всю обстановку бережно сохранила его жена – М.С. Волошина. Дом в Коктебеле с 1984 г. стал музеем, и теперь мы пишем это слово с большой буквы.

Таким образом, можно сказать, что одна из заслуг Волошина – это создание художником и поэтом в Коктебеле художественно-культурного центра не только России, но и Европы, получившего название «Дом поэта». Этот скромный «Дом» на восточном берегу Крыма принял участие в большом и сложном процессе: он оказал влияние на формирование новой советской интеллигенции (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 504. Л. 16об), популярен он и сегодня.

Другой немаловажной заслугой Волошина было художественное – и в стихах, и в живописи –

открытие утонченно-зорким глазом художника Киммерии. Киммерийские пейзажи, которые он создавал ежедневно (по две-три акварели в течение почти двадцати лет), как бы посвящены одной теме. Сам художник говорил так: «Главной темой моих акварелей является изображение воздуха, света и воды» [2, с. 184].

Творчество М.А. Волошина как поэта, художника, критика, публициста занимает особое место в отечественной культуре и искусстве. Несметными богатствами и талантами одарила природа этого человека, всю жизнь стремившегося, по его собственным словам, «прорасти сознанием до недр природы» (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 504. Л. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенуа А.Н. О Максимилиане Волошине // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель, 1990. С. 333–336.
2. Бужор Е.С. Жизнь и эпоха Максимилиана Волошина. М.: Компания Спутник, 2003.
3. Волошин М.А. О самом себе // Максимилиан Волошин. Путник по вселенным. М.: Советская Россия, 1990. С. 164–169.
4. Дар Михаила Барышникова. Акварели Максимилиана Волошина. 1 ноября – 26 ноября 2006. Каталог. М.: ГМИИ, 2006.
5. Жарков Е.И. Страна Коктебель: Культурные очаги: середина XIX – середина XX веков. Киев: Болеро, 2008.
6. Ковтунова И.И. Живопись и графика в поэзии Максимилиана Волошина. Владимир: Изд-во А. Ковзуна, 2005.
7. Попова Р.И. Максимилиан Волошин (1877–1932 гг.). Каталог. М.: Б.и., 1971.

REFERENCES

1. Benois, A.N., 1990. O Maksimiliane Voloshine [About Maximilian Voloshin]. In: Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine, pp. 333–336. (in Russ.)
2. Bujor, E.S., 2013. Zhizn' i epoha Maksimiliana Voloshina [The life and epoch of Maximilian Voloshin]. Moskva: Kompaniya Sputnik. (in Russ.)
3. Voloshin, M.A., 1990. O samom sebe [About myself]. In Voloshin, M., 1990. Maksimilian Voloshin. Putnik po vselennym. Moskva: Sovetskaya Rossiya, pp. 164–169. (in Russ.)
4. Dar Mihaila Baryshnikova. Akvareli Maksimiliana Voloshina. 1 noyabrya-26 noyabrya 2006. Katalog [The gift of Mikhail Baryshnikov. Watercolors of Maximilian Voloshin. 1 November –

26 November 2006. Catalogue]. Moskva: GMII. (in Russ.)

5. Zharkov, E.I., 2008. Strana Koktebel': Kul'turnye ochagi: seredina XIX – seredina XX vekov [Koktebel Country: Cultural centers: the middle of the XIX-th and beginning of the XX-th centuries]. Kiev: Bolero. (in Russ.)

6. Kovtunova, I.I., 2005. Zhivopis' i grafika v poezii Maksimiliana Voloshina [Painting and graphic arts in poetry of Maximilian Voloshin]. Vladimir: Izd. A. Kovzuna. (in Russ.)

7. Popova, R.I., 1971. Maksimilian Voloshin (1877–1932 gg.). Katalog [Maximilian Voloshin (1877–1932). Catalogue]. Moskva. (in Russ.)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ ВЕНЕДИКТА МАРТА: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД**

В статье рассматривается дальневосточный период творчества Венедикта Марта (1896–1937), реконструируемый на основе архивного материала. В генезисе творчества нашли отражение дореволюционное увлечение русских писателей Востоком, собственный опыт этнокультурного общения автора, а также «эмигрантский» и «советский» тексты художественной этнографии. До 1923 г. Март во Владивостоке и затем в Харбине развивался в свободном поиске. Он испытал себя и как поэт-декадент, и как футурист, и как прозаик-реалист. Благодаря знанию китайского и японского языков, а также семейной традиции Март путешествует, собирает этнографический материал, а затем обращается к переводам древних и средневековых текстов. В его арсенале и стилизации, и лирические зарисовки, и беллетризованные очерки, и повести в духе китайской прозы, и стихотворные легенды. Дальневосточный багаж Марта не только остался фактом его биографии, но и помог писателю сказать новое слово в отечественной литературе.

Ключевые слова: В. Март, поэзия, Дальний Восток, художественная этнография, китайская мифология, повседневность, Харбин.

Ethnographic aspect of the art of Venedikt Mart: Far Eastern period. ANNA A. ZABIYAKO (Amur State University), ANNA A. LEVCHENKO (Amur State University).

The article is devoted to the Far Eastern period in the art of Venedikt Mart (1896–1937), a prominent Russian poet and writer who was born in Vladivostok. During these years he became a true Far Eastern writer with a special type of mentality, cultural orientation, attachment to special themes and subjects. It also was a fruitful period of his creative life when he wrote his best works which reflected his knowledge of Japan, China, and the Russian Far East.

Keywords: Venedikt Mart, poetry, Russian Far East, ethnographic aspect of art, Chinese mythology, daily life, Harbin.

Венедикт Март (1896–1937) занимает особое место среди представителей дальневосточной художественной этнографии [13]. В генезисе его разнообразного творчества нашли отражение дореволюционное увлечение русских писателей Востоком, собственный опыт этнокультурного общения, а также «эмигрантский» и «советский» тексты художественной этнографии [14]. Такому необычному сочетанию писатель был обязан географии рождения, этнокультурным

и общественно-политическим установкам, заложенным семейным воспитанием и собственным художественно-эстетическим пристрастиям. Его творчество можно вполне логично разделить на два периода: «дальневосточный» и «советский». Они – в прямом смысле хроно-топические координаты его жизненного и творческого сюжета. До 1923 г. Март, невзирая на свои «левые» умонастроения во Владивостоке и затем нищенское существование в Харбине, развивался в свободном поиске. Его отъезд в Москву знаменовал совсем иной способ идентификации и самореализации, зависящий напрямую от политики советского государства в целом и в области литературы, в частности. Однако дальневосточный багаж Марта, как оказывается, не только остался фактом его биографии, но и помог писателю оставить заметный след в отечественной литературе.

Чтобы сказать свое слово в художественной этнографии, Марту не нужно было совершать путешествия – по крайней мере, в молодости. Он родился и вырос в Приморье, его детство и юность прошли во Владивостоке, где китайская, японская, корейская речь звучала почти в каждом квартале. Прислуга, прачки и парикмахеры, богатые и мелкие торговцы, владельцы притонов и проститутки, хозяева опикурилен, представители бандитских группировок – таков был пестрый социокультурный портрет этой части населения города в 1910–20-е гг. «По большей части, русские эту землю обрусели. Но даже теперь легко поверить, что Вавилонскую башню строили в Сибири [имеется в виду российский Дальний Восток. – прим. авт.], поскольку здесь слышишь тьму языков и видишь великое разнообразие национальных обычаев», – писал в 1920 г. посетивший Приморье и Владивосток известный американский журналист Коуди Марш [35, с. 230–235].

География рождения Венедикта Марта совпала с фамильными культурными ориентирами: будущий писатель был воспитан в семье, где увлечение историей края и ее изучение стояли на первом месте. Если не с молоком матери, то уже с первыми звуками отцовского голоса маленькому Венедикту был привит интерес к восточной культуре: отец Марта Н.П. Матвеев родился в Хакодате (Япония), в семье фельдшера духовной миссии, «став первым русским ребенком, появившимся на свет на японской земле», к тому же выросшим под присмотром японской кормилицы [49, с. 212]. Для Николая Матвеева японский язык – второй родной [4,

с. 8]. Он был известным журналистом и краеведом, прославившимся как автор первой, до сих пор не утратившей своей актуальности, «Истории города Владивостока», прославился и как поэт Н. Амурский.

Интерес отца, Н.П. Матвеева, к краеведению протекал в общем русле развития дальневосточной этнографии, поощряемого российским государством в переломное для истории страны и общества время. Вторая половина XIX – начало XX вв. характеризовались небывалым подъемом экспедиционно-исследовательской деятельности под руководством Российской академии наук и Русского географического общества (А.Ф. Миддендорф, Р.К. Маак, Л.И. Шренк, К.И. Максимович, Ф.Б. Шмидт, И.С. Поляков, Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский и др.). В 1884 г. было создано Общество изучения Амурского края, снаряжен ряд научных экспедиций в труднодоступные районы Приморья, Южно-Уссурийского края, на Амур, остров Сахалин, побережья Японского и Охотского морей [39]. Геополитические интересы империи стимулировали научные изыскания Н.М. Пржевальского, а затем – вдохновленных им В.К. Арсеньева, Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина. Работа Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (1914) и дважды переизданная более чем 400-страничная книга Н.А. Байкова «В горах и лесах Маньчжурии» (1914; 1915) становятся бестселлерами далеко за пределами Приморья. Десятые годы XX в. знаменовали начало уже собственно художественного освоения писателями-путешественниками культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта разнообразных этносов, населяющих пространства Дальнего Востока (китайцев, японцев, корейцев, удэгейцев, эвенков, и т.д.), того, что мы называем *художественная этнография* [12].

До революции Н.П. Матвеев около пятнадцати раз самостоятельно ездил в Японию. Интерес к этой стране и её народу был профессиональным – с 1896 г. он вступил в Общество изучения Амурского края, в 1898 г. стал его секретарем, а в 1901 г. – действительным членом [41, с. 375–391]. После октябрьских событий он принимает решение эмигрировать в Японию с женой и младшими детьми. Там Матвеев продолжил занятия журналистикой, стал представителем журнала «Русский Дальний Восток» в Осаке, писал статьи, издавал детские книги [50, с. 19–24], а также знакомил российских эми-

* ЗАБИЯКО Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета.

E-mail: sciencia@yandex.ru

* ЛЕВЧЕНКО Анна Александровна, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета.

E-mail: a.a.levchenko@mail.ru

© Забияко А.А., Левченко, 2014

** Статья подготовлена в рамках работы по проекту НИР «Литература и культура русского зарубежья. Художественное своеобразие литературы дальневосточного зарубежья в контексте отечественной россии».

грантов с наиболее известными достижениями этой страны [43, с. 83]. Потому в своих заметках для журнала «Рубеж» Матвеев обращался к обычаям самих японцев, к проблемам мусульман и православных в Японии, традиционного воспитания детей и звероводства, к адаптации русских и восприятию русской культуры и литературы японцами, жизни японских айнов, и т.д.

Стиль очерков Н.П. Матвеева выдает в нем продолжателя «знаньевской» традиции, берущей, в свою очередь, начало в натуралистических очерках середины XIX в. Это и неудивительно: наряду с культивируемым в семье интересом к этносам и культурам Дальнего Востока клан Матвеевых исповедовал народно-демократические ценности. Н.П. Матвеев увлекался революционными идеями, даже преследовался царской полицией за распространение нелегальной литературы и бывал арестован. Не случайно крестным В. Марта стал ссыльный отец Д. Хармса И. Ювачев. Все это наложило отпечаток на революционную настроенность старших сыновей Матвеевых – и в политике, и в искусстве. Тем более что в 1920-е годы на короткое время эти две стихии счастливо совпали, что определенным образом сказалось и на генезисе творческого пути одного из старших сыновей, Венедикта.

Детство Марта протекало в атмосфере семейного увлечения литературными опытами. Каждый из детей уже прославившегося отца пробовал себя в написании стихов, которые они размещали в домашнем журнале «Мысль». За несколько лет было исписано два толстых тома [10, с. 269]. Первые опусы гимназиста Венедикта Матвеева появились в 1913 г., а дебютный сборник стихов «Порывы» под именем «В. Марьян» был издан в 1914 г. в типографии отца (на первой странице надпись: «Мои первые юношеские стихотворения посвящаю дорогому отцу») [36, с. 3]. Об этой книжке вспоминал старший брат поэта Н.Н. Матвеев-Бодрый: «Распространение шло без какой-либо предварительной подписки, и сборник вскоре же вошел в категорию “библиографических редкостей”» (Архив Н.Н. Матвеева-Бодрого // Хабаровский краевой музей, далее – ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 723).

Таким образом, в творчестве Марта наблюдается, с одной стороны, безмерное уважение к отцу и авторитет проповедуемых им ценностных установок. А с другой (по аналогии с Д. Хармсом, всячески отталкивающим морализаторские установки отца Ювачева-Миролюбова) – стремление выразиться совсем иным

способом, чем позитивист-отец, и склонность к одиозным поступкам и аффектации. Пространство художественных увлечений Марта юных лет – модернизм в его декадентском изводе: мрачные предсмертные и даже «загробные» настроения (сборник «Мартелии» и др.), преобладание черного цвета (стихи «Черная тщета», «Черная грозная ночь» и т.д.), декадентская символика и при этом – эстетизация Востока. В 1914 г. Март выехал в Москву, затем по 1918 г. пребывал в Петербурге и его окрестностях – возможно, учился в каком-либо заведении, возможно, общался со столичной богемой (сведений о чем, к сожалению, нет). О значимости этого периода для художника мы можем судить по сборникам, вышедшим уже во Владивостоке: «Черный дом» [34], «Черный хрусталь» [34], «Лепестки сакуры» [27], «Песенцы» [30], стихотворения которых сопровождаются датировкой и указанием места написания: «Дар Мака» (СПб., 22 ноября 1915 г.) [34, с. 9], «Ночью» (СПб., 31 января 1916 г.) [34, с. 11], «Белая Земля» (СПб., 1 мая 1917 г.) [34, с. 15] и др. В архиве сохранилась фотография Марта 1916 г. в военной форме – очевидно, он был мобилизован в годы Первой мировой, однако ничего не известно об участии писателя в этих событиях.

В марте 1918 г. Март подготовил рукописный вариант сборника «Русь – кровь моя», где в заметке «От автора» писал: «В эту книгу вошли стихи, созданные в угарные годы войны и святые Дни Революции. Стихотворения эти весьма незакончены, некоторые – грубо отрывочны, но я не хотел работать над ними, ибо –

«Померкло солнце днесь!»
– «И слову не сиять!»
– ибо нет Форм и Слова неизжитому текущему.
Все же выпускаю эту книгу
Ради безграничной веры своей в Русь,
Ради Слова Востока,
Ради смутного Духа тая душой»⁷⁵.

Итак, наблюдается: символистская нагруженность слов смыслами, вольные цитаты из Священного Писания; при этом – рваный син-

⁷⁵ Неизданный сборник представляет собой сплетенные автором разноцветные листы. Стихотворения написаны также чернилами разных цветов, но преобладающий – красный. На обложке: «Кн-во Хай-шинвей», в котором, по-видимому, должен был выйти сборник. Страницы не пронумерованы (Русь – кровь моя!, 1918).

таксис, внимание к «Форме» и «Слову», «неизжитому текущему», загадочному «Слову Востока» (образ не случаен; повторится затем уже в танка собственного сочинения); полное приятие революции и – апелляция к «смутному Духу». Налицо – воплощенная эклектика, предтеча авангардистских изысков. В общем, Март (постоянно семантизирующий свой псевдоним – и в символистском ключе: «жду марта», и в футуристическом: «Мартелии», и т.д., вплоть до абсурдистских датировок своих сочинений исключительно мартом) весьма органично вписался в фантазмагорическую владивостокскую атмосферу.

Культурная и литературная жизнь Владивостока тех лет была необыкновенно насыщенной и интенсивной. Революционная сумятица и последующее буферное положение Дальневосточной Республики всемерно способствовали тому, что начиная с 1920-х гг. город представлял собой «бурно кипящий творческий котел» (В. Марков). Владивосток стал прибежищем для многих писателей и художников, спасающихся от лихолетья, голода [26]. Причем это были люди, зачастую принадлежащие к враждующим политическим лагерям: в эти годы во Владивостоке бок о бок работали А. Несмелов, Вс.Н. Иванов, Н. Чужак, Л. Ещин, приезжал из Харбина Скиталец. Среди направлений господствовал, конечно, футуризм. В 1920 г. под руководством Н. Насимовича-Чужака во Владивостоке было создано литературное общество «Творчество», издавался одноименный журнал. А затем сюда перебрался предприимчивый и дальновидный «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Одна из местных газет тех лет писала после его приезда: «Тут уже целая армия деятелей всех видов искусства и течений, которые со всех концов волею судеб причалили к берегам Великого Океана...» [53]. Тесное содружество художников и поэтов всех направлений (С. Третьякова, Н. Асеева, Д. Бурлюка, В. Марта, Я. Варшавского, А. Зиновьева, В. Пальмова и др.) способствовало работе театра-кабаре («Би-Ба-Бо»), ЛХО (литературно-художественного общества) и одноименного кафе («Балаганик»), открытию всевозможных выставок, конкурсов (литературных, драматических и художественных), провоцировало бесконечные словесные баталии о будущем искусстве.

Если судить по публикациям Марта той поры, то футуризм его (и символизм) был немало «доморощенный» – сказывалась, оче-

видно, провинциальная почва, на которой он возрос. Надо признать четко и определенно: несмотря на несомненный интерес к словотворчеству, визуализацию образов, заумь, футуристические опыты, равно как и символистско-абсурдистские, Марту не удавались. Читать его «Изумрудные черви» (1919), «Мартелии» (1918) и т.д. невозможно. В этих текстах соединились аллюзии на Э. По, символистскую прозу Белого и Сологуба, лирику Кузьмина и т.д. Создается впечатление, что человек, не лишенный филологического запала и склонный к ритмизации, фиксирует свои ночные кошмары либо наркотические фантазии в момент их острого переживания:

«Я растерзал ночь. Черные клочья я расшвырял
по углам комнаты...
Но за окном!!!
Она давилась в стекла!
Упорная мгла просочилась черной кровью в
стекла!.. У подоконника – на полу запекалась.
Черное пятно – лужа мглы!
Я смысл и это пятно: Смысл лучами свечи. По-
ставил свечу на подоконник!
Язык желтый лизал фитиль и мглу заоконную.
Трепетали в углах скомканные клочья ночи.
Уязвленно и пытливо моргали углы комнаты...
Вдруг раскрылась дверь.
Вошла тусклая Пустыня...» (и т.д.)
[29, «Слезы черные», с. 3]

Не стоит удивляться тому, что на футуристическом поприще Март не снискал себе славы. Более того – даже позднее заработал скептическое отношение у более успешных в этой области писателей. Так, в романе К. Вагинова «Козлиная песнь», написанном в 1927 г. и посвященном не нашедшим себя в новой советской реальности писателям, весьма саркастически оцениваются футуристические потуги поэта Сентября (под которым выведен в карикатурном виде не кто иной, как Март, перебранный недавно из Харбина в Москву): «В общей ритмизованной болтовне изредка попадались нервные образы, но все в целом было слабо» [3, с. 45–50]. Здесь же приводятся образчики этой поэзии и «комментарии» самого Сентября-Марта:

«Весь мир пошел дрожащими кругами,
И в нем горел зеленоватый свет.
Скалу, корабль и девушку над морем
Увидел я, из дома выходя.

По Пряжке, медленно. За парой пара ходит,
И рожи липкие. И липкие цветы.
С моей души ресниц своих не сводят
Высокие глаза твоей души.

«Я написал это стихотворение, – снова заходил Сентябрь по комнате, – еще до выхода из лечебницы. Я его тогда понимал, но теперь совсем не понимаю. Для меня это, сейчас, набор слов».

Вагинов гиперболизирует недоученность Сентября, умножая недостаток образования на безумие: «Я кончил только четырехклассное городское училище, затем я сошел с ума. По выходе из больницы стал писать символистические стихи, ничего не зная о символизме. Когда, затем, мне случайно попались рассказы По, я был потрясен. Мне казалось, что это я написал эту книгу; я только недавно стал футуристом».

Очевидно, в этих репликах Сентября-Марта – отзвуки его питерских откровений о владивостокской юности. Если посыл Вагинова с необразованностью у Сентября нужно поделить на откровенно субъективное отношение к Марту (личная неприязнь, возможно – зависть) и роль художественной условности (так, мол, требовала логика создания образа, за которым не следует искать прямых соответствий с прототипом), то на некоторые детали образа Сентября обратить внимание следует. Тот же Вагинов (правда, в травестированном виде) подмечает и «экзотизм» Сентября-Марта (в книге он приехал из Тегерана, а ходит в сапогах и косоворотке). Очевидно, в среде питерской-ленинградской творческой интеллигенции Март все же выделялся своей «инокультурной ориентированностью» (правда, косоворотки он не носил, но дома ходил в восточном халате и китайской шапочке). На наш взгляд, такая «китайскость» была не просто внешним качеством. Об этом сразу после его появления в Москве стали говорить советские критики. В 1924 г. А. Киржниц писал: «... Камышнюк и Март великолепно знают Японию и Китай». А также упоминал о том, что «...Венедикт Март, давший в первые годы своей деятельности ряд ярких и красочных произведений», имел в своем художественном арсенале и «прекрасную поэму из жизни японской девушки» (возможно, имеется в виду произведение «Лепестки сакуры» (Владивосток, 1920) [20, с. 44–45]).

Культура и литература Китая и Японии были близки Марту в первоисточниках. Отцовский

авторитет сыграл решающую роль в изучении юным Венедиктом китайского и японского языков. Его дебюты в художественном освоении Китая и Японии начались с лирических «зарисовок с натуры», вернее – по памяти. Юношей, в пору пребывания в Петербурге, он пишет стихотворения «Песенцы» (1915) [30, с. 5], «На Амурском заливе» (19 февраля 1916) [30, с. 6] и «В курильне» (4 февраля 1916) [30, с. 8].

Свое лирическое высказывание, передающее картину мира китайца, в которой доминируют покой и созерцание, Март создает либо в форме трехстиший, либо пятистиший, написанных белым, сплошь инверсированным, стихом. В этом явственно чувствуется гумилевская традиция «восточной поэзии» [48] – Март отдает дань литературному опыту авторитетов («Китайские стихи» Н. Гумилева были написаны в июле 1914 г.). Но он и оригинален, – в первую очередь в том, что его лирический герой не просто эстетствует в петербургском кафе, а действительно плоть от плоти – носитель ментальности дальневосточного фронта [15, 16], сам переживший описываемые ситуации:

«Юлит» веслом китаец желтолицый.
Легко скользит широкая шаланда
По тихой глади синих вод залива...
[33, «На Амурском заливе», с. 7]

Примечательно, что свои рукописные сборники Март постоянно «топонимизирует» именно китайским названием Владивостока: «Хай-шин-вей» (с указанием года написания и улицы)⁷⁶. Создается впечатление, что поэт – сам немного китаец, ведь именно его глазами он наблюдает за скрытым в тумане Хай-шин-веем:

Как всплески под кормою, монотонно
Поет тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей – «трепангов град великий».

Над ним в даях небес светло-зеленых
Полоски алые в томленьи тают,
И звезды робко открывают лики.
[33, «На Амурском заливе», с. 7]

Уже в ранних «китайских» стихах Март полностью «вживается» в создаваемые им образы.

⁷⁶ На обложке манускрипта «Русь – кровь моя» [манускрипт]: Хай-шин-вей, 1918. То же и в сборнике «Мартелии». Заглавие второго издания «Песенцев»: Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи.

Так, в стихотворениях, позднее вошедших в сборник «Песенцы», лирический субъект лирики Марта – сам участник сеанса опиокурения:

Зорко и пристально взглядом стеклянным
Смотрит курильщик на шкуру тигрицы –
Некогда хищного зверя Амура.

Чтобы отдаться объятиям пьяным,
Женщина с юношей ею прикрылись.
Смотрит курильщик, как движется шкура...

Мак, точно маг-чаротворец багровый,
Явь затемняет обманом дурмана,
Чадные грезы тревожит и будит.
[33, «В курильне», с. 6; 23]

Для натуралистичного воссоздания атмосферы курильни и ощущений опиумного дурмана поэту не нужно было предаваться полету фантазии – известно, что этому пагубному пристрастию был подвержен он сам, а его брат (Гавриил) [10] даже получил второе имя – Фаин [38] (от китайского «фаин», обозначающего дозу опиума и одновременно состояние после ее употребления) [54]. Эти «фаины» Гавриила и сгубили, а вот Март сумел выкарабкаться и избавиться от пагубной страсти.

Художественные опыты Марта начала 1920-х гг. соединяли в себе тягу к эксперименту (в визуализации поэзии, в ритмике и образности) и живой интерес к культурной традиции Востока. Он проявляет себя как поэт и прозаик, беллетрист и очеркист, модернист и реалист, символист и футурист. И на этом фоне балансирует между любовью к великим культурам Китая и Японии.

В 1917 г. появляется сборник В. Марта «Песенцы» [30, 33]. В своей первой редакции текст сборника синтезировал произведения китайской и японской ориентации: собственно «Песенцы» (пиджинизированное название жанра песни одним знакомым китаецем Марта) и «Бисер» (танка и хокку Марта и переводы императора Микадо Мацухито). «Китайская часть» в этом сборнике изначально продемонстрировала интерес автора к разным сторонам культурной традиции Китая, базовым установкам национальной культуры, растворившимся в обыденной жизни китайцев. Объектом его лирических зарисовок становятся их религиозные представления о посмертном существовании («У Фудзядяня»), пристрастие к опиокурению («В курильне»). Но стихотворения обращены и

к повседневной жизни китайцев, их ментальности («На Амурском заливе», «В чайном домике»).

В 1918 г. Март путешествует по Японии, посылая путевые заметки в дальневосточные журналы [24, с. 125]. Так, например, о своем визите в Страну Восходящего Солнца и о встрече со знаменитой четой японских поэтов Ёсано Хироси и Акико он рассказал в краткой статье «Современные японские поэты» для журнала «Природа и люди Дальнего Востока» [40]. Здесь же в качестве приложения он поместил собственные стихи и переводы танка супругов Ёсано, которые явили собой «настоящий пример поэтического переосмысления инокультурного опыта» [43, с. 86]. Одновременно Март обратился к переводам поэзии Китая и Японии [27, Танка «Из Юсано Акико», с. 7]. Он пробует себя и в жанре японских хокку и танка [27], и в переводах выдающихся китайских поэтов Ван Вэя и Ли Бо.

После поездки в Японию Март пишет странный – полумистический, полуэтнографический – рассказ «Каппа» (Март В. Каппа // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. Л. 31–33). Каппа – персонаж японского бестиария, разновидность водяных [19, 44], до сих пор не потерявший свое значение в народной культуре и массовом сознании японцев. Путешествующий по Японии автобиографический рассказчик, поселившийся в районе Тигровых ворот Токио (постоянное место, указываемое Мартом в его «японских» стихах), погружается в мир старинных японских лубков. Его привлекает один из них, сделанный с работ «бессмертного Хокусая» [5], изображающий «странного душелюбца чудовищного Каппу». Повествование строится весьма изощренно: первоначально мы попадаем в атмосферу японской столицы, затем окунаемся в мир древнего искусства и, наконец, углубляемся в тайны этнической мифологии. Сопрежение импрессионистических впечатлений от рассматривания лубка с Каппой «чужестранным пришельцем» и подробностей, раскрывающих «вымыслы желтоликих мудрецов», переданных японским гидом рассказчика, г-ном Канадой, придают событию рассказывания диалогический ракурс. Так, чужестранец-рассказчик рассматривает лубок и выстраивает свой сюжет о Каппе: «Корявый, треннажисто-бородавчатый, слизистый, отвратительный Каппа уродливый и гадней всех гадов, кошмарней самой отвислой гнилостной фантазии безумца». А затем следует «информация» о Каппе из уст самого японца,

для которого Каппа – не «кошмарная чуждь», а реальный обитатель водоемов, которого надо опасаться (действительно, о поимке Каппы на пляже города Мито, префектура Тиба, сообщалось в 1801 г.; в 1836 г. писали о нападении Каппы на ребенка в реке Сингай) [55].

Март – интуитивно – использует то, что в современной этнографии называется «методом включенного наблюдения» и методом интервью: вначале исследует рисунок сам, затем внимательно и дотошно расспрашивает своего собеседника: «Какого приблизительно размера Каппа?», узнает у него о сроках жизни Каппы (он бессмертен), местах обитания («живет он одиночкой в окава – больших реках на берегах, в затонах. Любит ютиться под ивами, в тенях и тишине»), гастрономических предпочтениях (наряду с человеческими душами Каппа обожает... огурцы). И затем автор на полном серьезе сообщает, как можно уберечь душу при встрече с Каппой: «Надо взять огурец и тушью четко написать на нем свое имя, и бросить огурец с начертанием именным в воду для Каппы. И смело после этого можно броситься в воду, выкупаться возле самого Каппы – чудовище, отвлеченное огурцом, даже и не прикоснется купальщика».

Создается впечатление, будто сталкиваются две точки зрения на это существо: вымысел чужестранца-писателя и факты о жизни Каппы японца. На самом деле все наоборот: рассказчик лишь описывает лубок (это и есть фактический материал), а Канада с уверенностью носителя мифологического сознания передает бытующие в народе мифологические представления об этом демоне.

Переплетение в единое целое самых разных жанров (путевой очерк, рассказ в рассказе, интервью, былички и бывальщины) завершается утопленными в прозе танка: «Говорливый ветерок набежал на сакуру и небрежно обронил несколько лепестков на циновку. Один лепесток упал на лубок, шаловливо прикрыл собой уродливый лик чудовища Каппы». Так Март одновременно проявляет себя и как скрупулезный очеркист-этнограф, и как захватывающий беллетрист, и как мастер орнаментальной прозы – продолжатель Ремизова и Белого, и как талантливый стилизатор японской литературы.

Чуть позднее появятся его «Распечатанные тайны» (1920) – странный сплав модернистского эротизма и стилизации под японскую средневековую литературу [31]. «Миниатюры» были опубликованы в литературно-художественном

ежемесячнике «Окно», издание которого имело своей целью установление связи между Харбином и Советской Россией (вышло, правда, всего два номера⁷⁷). Первый журнал с автографом на обложке был даже специально отправлен из Харбина в Москву М. Горькому, но ответа дальневосточные поэты не дождались. Журнал просуществовал недолго, однако дал возможность опубликоваться многим авторам: С. Алымову, Ф. Камышнюку, С. Третьякову, А. Несмелову, М. Щербакову, в т.ч. и В. Марту [8, с. 428–429].

Жанр миниатюры, определенный автором уже в подзаголовке, вполне соответствовал и самой малой форме произведений, и их содержательной наполненности. Генетически миниатюра (жанр живописи) – это картинка, заставка, иллюстрация старинных рукописей [9]. Известно, что искусство Древнего Китая и Японии являет роскошные образцы миниатюр, выполненных на предметах утвари (сосудах, веерах), дощечках-раскладушках, лубках и т.д. Особый пласт составляют китайские и японские миниатюры эротического содержания. Март был знаком с такого рода искусством: в очерке «Каппа» он напишет о «старинных лубках, собранных у антикваров на Гинзе и в случайных предместных лавчонках» (Март В. Каппа // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. Л. 31–33), в цикле «Желтые рабыни» расскажет о китайских миниатюрах непристойного содержания, создаваемых подневольными художницами [28]. Но он обращается к словесному жанру миниатюры в прозе, которую часто называют «картинкой», «сценкой» и т.п. (А. Квятковский) [18]. Русская литература начала XX в. была ориентирована на подобного рода эксперименты, которые, с учетом их синтаксической ритмизованности, можно определить так: «либо проза, либо стих» [6, с. 15–16]. По форме миниатюры соответствуют известному в отечественной литературе жанру – «стихотворению в прозе» (вспомним хотя бы И.С. Тургенева). Но содержательно они весьма экзотичны для русского литературного сознания. «Распечатанные тайны» Марта – зарисовки (напоминающие дневниковые записи) из его мужского опыта постижения женщины. Всего их пять: «Женщина», «Старая дева», «Камень безымянный», «Уют», «За окном». На первый взгляд, они никак между собой не связаны, но при прочтении перед читателем возникает

⁷⁷ «Окно» – литературно-художественный ежемесячник, выходивший в Харбине в 1920 г. (№ 1, ноябрь. № 2, декабрь).

образ мужчины, «распечатывающего» «тайны» своей и женской сексуальности.

Символическое название, эротическое содержание, особая форма произведений обнаруживают переключки с восточной традицией литературы, а именно с японской средневековой поэзией и прозой, генетически связанными между собой [25, 37, 52]. Для представителя клана Матвеевых это было не удивительно. Как и его брат Фаин, Венедикт любил, читал и переводил Басё. Увлекался он, как мы видим, и японской прозой. Японская литература знает жанр «тайбун» – сжатый маленький прозаический отрывок, исполненный своеобразных намеков [25, с. 42], или прозу в стиле хайкай [21, с. 178].

Будучи увлеченным японской литературой, Март не мог не знать мастера в этом направлении прозы – Ихара Сайкаку [21, с. 166–170]. Сайкаку сочинял хокку на популярные любовные сюжеты, которые были интересны японским поэтам еще с древности. В отличие от своих прославившихся предшественников (Ман-ёсю, Мурасаки Сикибу), взор Сайкаку был обращен не к придворной среде, а к жизни простолюдинов. Новые темы, к которым обратился поэт в хайкай, легли в основу его любовных и бытовых новелл (хёбанки). Многие из них носили явно непристойный характер, но тем и были интересны публике: описание жизни публичных домов Киото, Осаки и других городов увлекало читателей больше, чем отражение строгих нравов представителей высших классов. Сайкаку воспевал любовь в ее физиологической форме, любовь «веселых кварталов» феодальной Японии, случавшуюся между женщиной и мужчиной, которым по общественным законам нельзя было быть вместе. Именно такие истории о несчастной любви находили отклик у читателей, запоминались и пересказывались. В его произведениях особое развитие получил женский характер: его героини хотя и легкомысленны, но сильны и полны достоинства («История любовных походов одинокой женщины», «Пять женщин, предавшихся любви»). Сайкаку прославился, создав литературу о современной ему жизни и нравах, подобной которой до него еще не было [21, с. 160–182].

Венедикт Март, как видно, в своих миниатюрах соединил особенности каждого из перечисленных жанров. Подобно творцу танка, автор метафоризирует язык своих произведений (например, «Камень безымянный» – метафора скротечной, но полной страсти жизни). Его «тай-

ны» – это и вариация на тему средневекового эротического романа. Эротические мотивы мы видим уже в первой миниатюре Марта «Женщина»: «Я много ласкал их – и всегда они были непонятны мне» [31, с. 8]. Или в «Старой дева»: «Синие глаза в темных рамках век горели желанием. На щеках ярко рдели лепестки румянца. Губы пылали» [31, с. 9].

В начале 1920-х гг. Март примкнул к футуристам, сам таковым не являясь: слишком увлекательно протекала жизнь в их окружении, давая новые стимулы и художественные импульсы. Из Владивостока Д. Бурлюк посылал в Москву свои знаменитые программные статьи. Владивостокский шутник на «футуристическом жаргоне» фиксировал творческие штудии «Балаганчика»: «Кто-то где-то уж бурлючил, кто-то что-то футурил», Третьяков, разумеется, «третьяковил», Асеев – «асеил», а Март реализовывался, «стихи венедиктиня...» [7]. Марту за теоретическим опытом и поэтическим вдохновением и ходить далеко не было нужды – некоторое время Давид Бурлюк проживал у них дома [2]. Но Марта в футуризме привлекали не просто эксперименты, богемная среда. Его владивостокский футуризм был неотделим от соприродного ему увлечения Востоком. У некоторых ревнителей «теоретически чистого», урбанистического футуризма возникнет закономерный вопрос: каким образом связать это с футуризмом, если Восток – заповедная епархия модернизма, а футуризм – это стеклобетонный, «жестяной» урбанизм и т.д.? Надо учитывать, что владивостокские футуристы созданы из «особого теста»: они были всецело ориентированы на Восток и его эстетику (С. Третьяков, С. Алымов, Д. Бурлюк). Помимо сердечного влечения, очевидно, это были продолжатели хлебниковского порыва сказать свое ««я» Азии» [51, с. 603]. Потому так настойчиво устремился в Китай чуть позже С. Третьяков, а Д. Бурлюк стал еще и «отцом японского футуризма» [26].

Март был и продолжателем народно-демократического начала в литературе. Его с юных лет привлекает образ простого человека, и наиболее интересен ему представитель инокультуры – китаец, японец, позднее – нанаец. Наряду с претенциозным эротизмом и эстетизмом «Распечатанных тайн», в которых восточная подоплека была видна только «посвященному оку», а на поверхности был интерес к вопросам пола в духе Ф. Ницше, О. Вейнингера и З. Фрейда вместе взятых, Март-прозаик явно тяготеет и к линейному повествованию в духе

древних китайских новелл. Этот тип прозаического текста, отражающий национальную картину мира китайцев, был и адекватен запросам русской беллетристики той поры в целом [11], и соответствовал тем опытам в художественной этнографии, что были предприняты уже Н.А. Байковым, П.В. Шкуркиным, М.В. Щербаковым [13].

Все в том же 1920 г. Март публикует сборник «Тигровьи чары». В него вошли два рассказа и стихотворение («Гадальщик»). Заметим – название сборника словообразовательной моделью перекликается с названием романа Ф. Сологуба «Навь чары» [42], чего многие не замечают и используют, неверное, с точки зрения русского языка более понятное написание: «Тигровые чары». На наш взгляд, переклички с Сологубом вызваны не просто более предпочтительной мелодикой словосочетания (хотя и в этом есть смысл с учетом мартовского увлечения футуризмом), а именно религиозными коннотациями. Март словно перекликается с Сологубом – тот изобретает, «творит» легенду о России и русской жизни, а Март погружается в мир живых и действенных преданий, определяющих быт китайского народа [22, с. 227]. Это определено самим названием сборника. В мифопоэтических представлениях китайцев тигр – царь зверей и владыка леса и гор. Он является одним из четырех священных животных и ассоциируется с землей [47, с. 511]. «Ван» и «Дэ» («Царь» и «Великий») – многосмысленные иероглифы, природой выведенные на лбу дальневосточного хищника. «Великий Ван», «Хозяин тайги», «Повелитель тайги», «Акбар», «Семь полосок на спине», «Амба» и прочие иносказательные именованья этого животного используются у разных народов вместо прямого его имени [17, с. 155]. Отсюда представления об огромной животворящей силе тигра: китайцы верили и верят, что это животное защищает от демонов, приносящих болезни, исцеляет человека. В китайской мифологии маги, выступающие как устрашители демонических существ, обычно изображаются восседающими на тигре [47]. Именно с тигром – Духом Леса – и сопровождающими его мифологическими образами, в которые он способен воплощаться (женьшень, горные хребты, священные места), – связаны произведения Н. Байкова, П. Шкуркина, М. Щебакова, написанные ранее, одновременно с Мартом либо позднее, и посвященные мифологии дальневосточного фронта [17]. Таким образом, писатель самим названием настраи-

вает читателя на то, что в его книге речь пойдет о мифологических представлениях жителей Дальнего Востока. В книгу вошли произведения, семантически связанные: два рассказа – «Лапа Мин-Дзы», «Долг покойного» – и стихотворение «Гадальщик». Их всех объединяют традиционные верования китайцев в судьбу, переселение душ и посмертное существование.

Графический и синтаксический рисунок текста обращает читательское сознание к ритмизованной прозе символистов:

«Так и состарилась на чужбине Мин-Дзы. Лет тридцать назад – еще бойкой, расторопной – выбралась она случаем из родной деревушки. Зазвал ее на чужбину заезжий проходец Ван-со-хин, бывалый делец, не однажды посетивший и таежный Амур, и тихие берега спокойной Кореи, и дальний приют белого дьявола Хай-шин-вей.

Ван-со-хин развозил по китайским незатейливым селеньям побережья, ближайшего в Чифу, всякую ходкую всячину: и спрессованную морскую капусту, и лакомые трепанги, и чечунчу прочную, и напраздничные раскрашенные картины театрального действия с изображениями длиннобрадых старческих ликов богов, и наряды готовые, и безделушки любимые, и всякую неожиданную чужестранную невидаль» [32, с. 3].

Но, как видно уже из первых абзацев, повествование Марта далеко от сверхсмысловой нагруженности символистского текста. Писатель обращается к религиозным верованиям китайцев сквозь призму их повседневной жизни, и самое главное – с точки зрения самих китайцев. Потому перед нами уже не опозитизированный одурманенный Хай-шин-вей (Владивосток, куда из Чифу попадает Мин-Дзы), а шокирующий своей реальностью приют торговцев, насильников и убийц:

«Запекшиеся в комьях почерневшей крови, отрубленные головы уличных опийщиков все чаще свешивались на придорожных столбах в назидание еще не уличенным опийщикам» [32, с. 4]. Судьба Мин-Дзы в этом городе – «приюте белого дьявола» – отличается от судеб многих таких же бедолаг тем, что ей сопутствует удача, приносимая таинственной тигровой лапой, – «наследной» лапой-амулетом. «С необычайным вниманием и осторожностью, пуще всего берегла Мин-Дзы эту вещь. Еще дед завещал отцу, а отец ей передал тигровую лапу» [32, с. 4]. Вскоре жестокая участь обитательницы притона сменилась на тепло и уют: девуш-

ка подружилась с богатой китайкой Кун-ны и до старости прожила у этой доброй и ласковой женщины. После смерти своей покровительницы Мин-Дзы пришлось вернуться в грязь и нищету. Вот тут и пригодилась тигровая лапа.

На старости лет Мин-Дзы стала пользоваться уважением и почетом. Она прославилась тем, что избавляла человека от застрявшей в горле рыбной кости при помощи лапы. Так и закончила свой век «в черных, сумрачных провалах среди бесконечных грязных пристроек, надстроек и построек одного из затхлых, потускневших домов китайского Владивостока... слепнущая, еле движущаяся крохотная старушонка Мин-Дзы – «знаменитая и единственная специалистка по вытаскиванию рыбных костей из горл» [32, с. 10].

Мин-Дзы пользуется древней магической практикой, непременным атрибутом которой является таинственная тигровая лапа, дарующая жизнь: «Цап-царап, цап-цапыньки – сверху вниз, и еще, и опять, и потом... водит, проводит старушонка без толку кропотливой ручонкой... минута, другая – глянь! – кость-то и выскочила из места насиженного...» [32, с. 10]. Не случайно лапа тигра словно срастается со старушкой – это вполне соответствует мифологической логике подвижности пребывания сферы божества. Потому и рассказ назван не «Тигровая лапа», а «Лапа Мин-Дзы»; в названии процесс мифологической аппелятивизации зафиксирован как нельзя более убедительно [46].

Взгляд на жизнь китайцев сквозь призму их повседневной религиозности становится основой сюжета другого рассказа сборника – «Долг покойного» [32, с. 11–18]. Начинается рассказ с небольшой экспозиции – китайского поверья:

«Три души у человека. После смерти расходятся они.

Одна душа уходит в иной, загробный, мир и повторяет земную жизнь усопшего.

Душа другая остается в могиле с мертвецом.

А третья душа покидает прах, вселяется в родную фанзу, ютится в дощечке родовой с начертанным именем покойного.

Как будто бы и умер человек – ан, нет! Жива его душа и бродит в мире...» [32, с. 11–12].

Сюжетная ситуация рассказа – мифема о том, что нет успокоения душе того, кто взял в долг.

Согласно древнему представлению китайцев, у человека несколько душ, например, души

хунь и по, одна из которых улетает после смерти, а другая остается с умершим до полного разложения тела. Кроме того, есть душа лин, которая находит жизнь во всех вещах и существах [45]. По-видимому, о душе лин и повествует Март.

Душа Ку-юн-суна после смерти переселилась в жеребенка, чтобы конем отработать долг, взятый при жизни. Пример подобной реинкарнации мы можем встретить в уже упомянутом рассказе «Лапа Мин-Дзы».

Настоящим сокровищем становится стройный красавец-жеребец для Син-дзы. Однажды юноша решил взять коня на ярмарку, где он впервые расстроил хозяина – учинил разгром в горшечной лавке. Впоследствии оказалось, что хозяин лавки был должен дяде Син-дзы. Таким образом, душа Ку-юн-суна вернула долг. Миф, сказка и реальность переплетены в рассказе, как и в традиционной китайской прозе. Март сотворяет свою легенду о жизни и верованиях китайского народа.

Бытописание у Марта сочетается с особой словесной вязью – стиль рассказов сборника сближается с орнаментальной прозой. И здесь его ближайшими предшественниками выступают, очевидно, все тот же Ф. Сологуб и А. Ремизов. Разговорная лексика, просторечия, которыми он мыслит воссоздать речь простых китайцев («шевели мозгой», «пень расторопный»), перемежаются тавтологическими повторами, инверсиями («с детства далечайшего», «родовых рассказней» и др.), помещается в особую графическую систему абзацев-предложений. Автор не старается выглядеть отстраненным – повествование изобилует эмоционально-экспрессивной лексикой: «дядюшка», «старушка», «соседушка», «мелюзга» и др., выражающими авторское отношение к объекту изображения. Образ «седого, горбатого» старика Ку-юн-суна становится сквозным персонажем «китайского» текста В. Марта – позднее он появится и в лирике, и в прозе.

Дальневосточное творчество Марта – начальный этап становления художественной этнографии. Являясь непосредственным наблюдателем жизни представителей дальневосточных этносов, обладая книжными знаниями об этом, Март привносит в свое творчество личный опыт взаимодействия с другой культурой. Первый рассказ сборника «Тигровьи чары» предваряет посвящение: «Посвящаю китайскому поэту Сыкун-Ту, автору бессмертных стансов «Поэма о поэте». Автор». Очевидно, с поэзией этого

классика танской эпохи Март мог познакомиться в издании Алексева [1]. Обращение к творчеству поэта-критика, по всей видимости, было не случайным для Марта. Сборник «Тигровьи чары» стал этапом окончательной китайской ориентации Марта.

Пребывание в многонациональном Харбине (1920–1923) лишь усилило направленность писательского сознания на этнографизм. Во-первых, в Харбине Март переиздает свои «Песенцы», дав иное название – «Хай-шинвей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи» – и обновив содержание. Из владивостокского в харбинский сборник перекочевали почти все стихотворения: «Песенцы», «В курильне», «У Фудзядяна», «На Амурском заливе», «Мой гипсовый череп». Исключение составило лишь стихотворение «В чайном домике» (оно посвящено японцам). Новыми для второго сборника стали «Три души», «У моря», «Гадальщик» (которое уже встречалось в сб. «Тигровьи чары») и «Ду-Хэ (одиноким журавль-аист)».

Весьма характерно, что новую редакцию «Песенцов» (которую по праву можно считать новым сборником) пронизывает просветительский посыл Марта: он сопровождает стихотворения комментариями, поясняющими читателю ту или иную сторону жизни китайцев, их художественную традицию. В стихотворении «Три души» два комментария, касающиеся мифологии посмертного существования и определяющие сюжет лирической зарисовки.

Китайская легенда о переселении душ теперь дается в поэтическом переложении. В стихотворении «Три души» она воссоздается при помощи причудливого сочетания лирического «повествования» и акцентного стиха с прихотливой аграмматической рифмовкой:

... Три души его покорно
Разбрелись. Дороги
Их решили боги:
Брак трех душ его расторгнуть.

Страж душа одна осталась
С мертвецом в могиле...
С новой ясной силой
В теле брэнном засияла.

Отошла душа другая,
Труп покинув в гробе, –
В мир иной загробный,
Жизнь земную повторяя.

Третья – в фанзу возвратилась.
И дощечка в доме –
Память о покойном –
Третью душу приютила [33, с. 9–10].

Такой стих, по замечанию М.Л. Гаспарова, почти не употребителен [6, с. 154–155], что приводит к определенной прозаизации художественного текста [6, с. 18]. И если бы текст не был заведомо графически разбит Мартом на четверостишия, он действительно мог бы читаться как ритмизованная проза⁷⁸. В результате же графической сегментации создается особый ритмический рисунок, имитирующий китайскую поэзию, – для знатоков. А для «профанов» эта лирика несет на себе печать версификационного эксперимента.

А. Киржниц писал (о Марте вкуче с Камышнюком), что «в гнилой и засасывающей обстановке Харбина их творчество получило специфический уклон, и они сами так погрязли в харбинском болоте, что вряд ли им уже удастся выбраться из него» [20]. Справедливости ради скажем: кроме «Распечатанных тайн» и «Песенцов» Мартом были изданы в Харбине сборники «Луна. Стихи» (1922), «На перекрестках смерти. Украденная смерть» (1922) и несколько стихотворений, напечатанных в газетах и журналах [23, с. 87–88].

А что касается харбинского болота, – действительно, писатель оказался в Харбине в те годы, когда не просто литературной среды – культурной жизни дальневосточного зарубежья как таковой еще не сложилось. Потому немудрено, что в Харбине Март (по владивостокской привычке) вел беспутный образ жизни: «что у него было – пропивалось, прокуривалось и расходовалось на <зачркн.>, в ущерб семье» (Архив Н.Н. Матвеева-Бодрого // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 723). Но гривуазные похождения Марта оказались чреватые для писателя и открытиями – в художественной этнографии. По крайней мере об этом можно судить по циклу очерков «Желтые рабыни» [28] – в них Март проявился и как этнограф, и как очеркист, и как про-

⁷⁸ Весьма любопытно, что в издании «Русская поэзия Китая: Антология» Крейда это стихотворение опубликовано отрывком, словно издатели взяли только первую страницу текста оригинала «Песенцов» с первым комментарием. Вероятно, это просто ошибка составителей (либо был опубликован фрагмент текста, имеющийся в копии). Как бы то ни было, в результате текст стихотворения утратил свой смысл.

заик. Как ученый-этнограф, Март предпринимает настоящее путешествие в естественную среду. Только среда эта не выходит за пределы Харбина, а располагается в специфическом его районе – Фудзядяне, месте притонов и других значных мест. Цикл открывает просветительски заряженное предуведомление автора:

«Европейцы – жители Полосы Отчуждения – китайской территории – буквально отчуждены, вовсе изолированы от территории китайского повседневия.

Смешавшись вплотную, перепутав свои важнейшие интересы и потребности с местными желтолицыми аборигенами, мы все же допущены, проникли к ним лишь в сфере уличной поверхности...

Наше знакомство, по преимуществу, шапочно через прилавок, по мере необходимости.

Мы за китайской стеной быта.

Поэтому вряд ли не представит интерес наш очерк, приоткрывающий несколько двери в интимнейший мир туземного Харбина и к его де-тищу – Фудзядяну!..» [28. № 124].

В цикле «Желтые рабыни» под специфическим углом зрения Март исследует рынок любви в Китае, успевая при этом рассказать и о традиционной китайской семье, и об устройстве ее в отдельных районах, и о нравах простолюдинов. Несмотря на сомнительную, с точки зрения обывательской морали, тему, он проводит настоящее научное исследование, вновь обращаясь к интервью, используя методы, которые сегодня активно применяют социологи и антропологи: сощопрос, контент-анализ.

И при этом Март остается истинным художником, сохраняя интригу в повествовании, душевно проникаясь своими героями. По ходу путешествия (которое он предпринимает с китайским проводником) Март успевает поведать поэтическую быль о губительной любви бедного юноши к проститутке и историю о куртизанке Куа-хуа – поклоннице театра и других видов искусств. Этот цикл, без сомнения, представляет собой ценный, с точки зрения этнографии и художественной этнографии, материал, ждущий детального исследования.

В 1923 г. Март уехал с семьей в Москву. Киржниц писал, что его «спас <...> отъезд в Совроссию» [20]. Соотнеся эти слова с датой смерти писателя, осознаешь горькую иронию судьбы. Конечно, советский критик в середине 20-х гг. не мог и предположить, сколь коротка

окажется жизнь писателя в Советской республике.

Но Киржниц писал о другом: о творческом спасении. Вот с чем можно поспорить. Дальневосточный период творчества В. Марта, вместивший 27 лет его жизни, стал не только временем становления истинно дальневосточного художника слова – с особым типом ментальности, культурной ориентации, своеобразными темами и сюжетами. Это был важнейший период формирования его художественной этнографии. Это был плодотворнейший этап его творческой жизни. Именно в эту пору Март написал свои лучшие произведения как писатель-виртуоз, вместивший в себя и Японию, и Китай, и русский Дальний Восток, и европейскую часть литературной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкунь Ту (837–908): пер. и исслед. – Пг.: Тип. А.Ф. Дресслера, 1916.
2. Афанасьева Л. Владивосток, Бурлюк, «Балаганчик». Мемуары // Рубеж. 2012. № 12 (874). С. 220–224.
3. Вагинов К. Козлиная песнь. М.: Художественная литература, 1991.
4. Витковский Е. Состоявшийся эмигрант // И. Елагин. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1998. С. 5–40.
5. Воронова Б.Г. Искусство суримоно Кацусика Хокусая // Сообщения Музея изобразительных искусств им. Пушкина. 1966. Вып. 3. С. 66–73; Графика. М.: Искусство, 1975.
6. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: «Фортуна Лимитед», 2001.
7. Голос Родины. 1920. 2 марта.
8. Диао Шаохуа. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Диао Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 403–445.
9. Дынник В. Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского и др. М.; Л., 1925. Т. 1. А–П. С. 443.
10. Дьяченко Б. Клан Матвеевых // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2003. № 4. С. 265–272.
11. Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия: в 4-х томах. Т. 1.

Проза: в 3-х частях. Ч. 1 (А-К) / сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. С. 3–36.

12. Забияко А.А. Религиозные традиции амурских эвенков в художественной этнографии Гр. А. Федосеева // Религиоведение. 2012. № 1. С. 164–175.

13. Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 20–40 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. С. 84–102.

14. Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. С. 270–290.

15. Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. Вып. 9. С. 5–10.

16. Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Пократова / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. С. 9–35.

17. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–170.

18. Квятковский А.П. Миниатюра // Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 160.

19. Кёгоку Н., Тада К. Иллюстрированная энциклопедия демонов. Токио: Кокусёкан Кокай, 2000.

20. Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924.

21. Кирквуд К.П. Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988.

22. Левченко А.А., Забияко А.А. Художественная этнография В. Марта: образы китайцев в прозе 1920-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. С. 219–236.

23. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Дiao Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 87–88.

24. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия: в 4-х томах. Т. 1. Проза: в 3-х ч. Ч. 2 (Л-П) / сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013.

25. Логинов В. Хайкай // Луч Азии. 1940. № 65. С. 42–44 (Русский Харбин, запечатленный в слове. К 70-летию профессора О.И. Федотова: сб. науч. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2010. Вып. 4. С. 235–240).

26. Марков В. Русский след в Японии (Давид Бурлюк – отец японского футуризма) // Рубеж. 2010. № 10 (872). С. 261–279.

27. Март В., Безе. Лепестки Сакуры. Владивосток: Свободная Россия, 1919.

28. Март В. Желтые рабыни // Копейка. 1923. № 123–126, 159.

29. Март В. Мартелии. Владивосток: Кн-во Хай-Шин-Вей, 1918.

30. Март В. Песенцы. Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева, 1917.

31. Март В. Распечатанные тайны. Миниатюры // Окно. 1920. № 2. С. 8–10.

32. Март В. Тигровьи чары. Владивосток: Типография «Эхо», 1920.

33. Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи / предисл. С. Гусева-Оренбургского. 2-е изд. Харбин: Камень, 1922.

34. Март В. Черный дом. Черный хрусталь. Владивосток: Кн-во Хай-Шин-Вей, 1918.

35. Марш К. Знакомство с российским «Диким Востоком» (Нэшл Джигрографик, декабрь 1920 г. Т. 38, № 6) / пер. с англ. М. Немцова // Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 230–235.

36. Марьин В. Порывы. Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева, 1914.

37. Миямори А. Хайкай древний и современный. Токио, 1932.

38. Несмелов А. О себе и о Владивостоке // Собр. соч.: в 2-х т. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары / А. Несмелов. Владивосток: Рубеж, 2006. С. 642–660.

39. Пальчевский Н.А. В общее собрание ОИАК... // Рубеж. 2003. №4. С. 309–337.

40. Природа и люди Дальнего Востока. 1918. № 2.

41. Савада К. Н.П. Матвеев в харбинском журнале «Рубеж» // Матвеев Н.П. «Ваш япон-

ский корреспондент...». Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 375–391.

42. Сологуб Ф. Капли крови («Навы чары» – первая часть трилогии «Творимая легенда»). М.: Центурион, 1906.

43. Сулейменова А. Япония глазами поэтов-иммигрантов – от увлечения японской сказкой к глубокому анализу // Сб. статей № 2 по результатам конференции «На периферии и на чужбине – сравнительное исследование маргиналий русской культуры» / отв. ред. Цунэко Мотидзуки. Саппоро, 2011. С. 76–93.

44. Тада К. Обитатели потустороннего мира. Токио: Синкигэнся, 1990. Т. 4.

45. Токарев С.А. Душа // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1 / под ред. С.А. Токарева. М.: «Советская Энциклопедия», 1987. С. 414.

46. Топоров В.Н. Очир // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 271.

47. Топоров В.Н. Тигр // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / под ред. С.А. Токарева. М.: «Советская Энциклопедия», 1988. С. 511–512.

48. Федотов О.И. «Китайские стихи» Николая Гумилева (версификационная поэтика цикла) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. Вып. 3. С. 494–501.

49. Хисамутдинов А.А. Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1992.

50. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: монография: в 2 ч. Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000.

51. Хлебников В. Письмо двум японцам // Творения / общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парнича. М.: Советский писатель, 1986. С. 603–605.

52. Хьюз Г. Предисловие к «Трем поэтам современной Японии». Брошюры Вашингтонского университета. 1927. № 9.

53. Эхо. 1920. 25 января.

54. Юльский Б. Возвращение г-жи Цай // Рубеж. 1937. № 28.

55. Каппа. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс] : <http://myfholology.info/monsters2/kappa.html>.

REFERENCES

1. Alekseev, V.M., 1916. Kitaiskaya poema o poete. Stansy Sykun' Tu (837–908): [Chinese poem about the poet. Stanzas of Sykun Tu (837–908)]. Petrograd: Tip. A.F. Dresslera. (in Russ.)

2. Afanas'eva, L., 2012. Vladivostok, Burlyuk, «Balaganchik». Memuary [Vladivostok, Burlyuk, Puppet Show. The memoirs], Rubezh, no. 12 (874), pp. 220–224. (in Russ.)

3. Vaginov, K., 1991. Kozlinaya pesn' [The goat song]. Moskva: Hudozhestvennaya literatura. (in Russ.)

4. Vitkovskii, E., 1998. Sostoyavshiisya emigrant [Accomplished emigrant]. In: Elagin, I., 1998. Sbranie sochinenii v 2 t. T. 1. Stihotvoreniya. Moskva: Soglasie, pp. 5–40. (in Russ.)

5. Voronova, B.G., 1966. Iskusstvo surimono Katsusika Hokusaya [Surimono by Katsushika Hokusai], Soobshheniya Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. Pushkina, no. 3, pp. 66–73. (in Russ.)

6. Gasparov, M.L., 2001. Russkii stih nachala XX veka v kommentariyah [Russian verse of the beginning of XXth century in the comments]. Moskva: Fortuna Limited. (in Russ.)

7. Golos Rodiny [The voice of homeland], 2 March 1920. (in Russ.)

8. Diao Shaohua, 2001. Kratkii obzor istorii russkoï pechati v Harbine [A brief overview of the history of Russian press in Harbin]. In: Literatura russkogo zarubezh'ya v Kitae (v g. Harbine i Shanhae): Bibliografiya (spisok knig i publikatsii v periodicheskikh izdaniyah). Harbin: Izd-vo Beifan Ven-i, pp. 403–445. (in Russ.)

9. Dynnik, V., 1925. Miniatyura [Miniature], Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2-h t. T. 1, p. 443. (in Russ.)

10. Dyachenko, B., 2003. Klan Matveevykh [The Matveevs], Rubezh. Tihookeanskii al'manah, no. 4, pp. 265–272. (in Russ.)

11. Zabayako, A.A., 2013. Na proselochnykh dorogakh russkoy literatury: kazus kharbinskoy belletristiki [On the country roads of Russian literature: the case of Harbin fiction]. In: Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv': hrestomatiya v 4-h t. T. 1. Proza. Chast' 1 (A-K). Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 3–36. (in Russ.)

12. Zabayako, A.A., 2012. Religioznye traditsii amurskikh evenkov v hudozhestvennoi etnografii Gr.A. Fedoseeva [Religious traditions of Amur Evenks in the art ethnography of Gr.A. Fedoseyev], Religiovedenie, no. 1, pp. 164–175. (in Russ.)

13. Zabayako, A.A., 2012. Tekstologicheskie tropy dal'nevostochnoi etnografii (problema autentichnosti tekstov pisatelei 20–40 gg.) [Textological tropes of the Far Eastern ethnography (the issue of authenticity of the writers' texts of 1920s–40s)]. In: Russky Harbin, zapechatlenny v slove, Vyp. 5. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 84–102. (in Russ.)

14. Zabiyaiko, A.A., 2014. Hudozhestvennaya etnografiya Dal'nego Vostoka: sovetskii i emigrantskii tekst [Art ethnography of the Russian Far East: soviet and immigrant texts]. In: Traditsionnaya kultura Vostoka Azii. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 270–290. (in Russ.)
15. Zabiyaiko, A.P., 2010. Porubezh'e [Frontier]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhah. Russkie i kitaitsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviy: sbornik materialov mezhdunarodno-nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vol. 9. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 5–11. (in Russ.)
16. Zabiyaiko, A.P., 2009. Russkie v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira: etnicheskii opyt XVII – nachala XX vv. [Russians at the Far Eastern frontier: ethnic experience of XVIIth – the beginning of XXth century]. In: Zabiyaiko, A.P., Kobyzov, R.A. and Ponkratova, L.A., 2009. Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 9–35. (in Russ.)
17. Zabiyaiko, A.A., 2011. Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v soznanii pisatelei-emigrantov [Mythology of the Far Eastern frontier in the imagination of immigrant writers], Religiovedenie, no. 2, pp. 154–170. (in Russ.)
18. Kvyatkovskii, A.P., 1966. Miniatura [Miniature]. In: Poeticheskii slovar'. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, p. 160. (in Russ.)
19. Kyogoku, N. and Tada, K., 2000. Illyustrirovannaya entsiklopediya demonov [Illustrated encyclopedia of demons]. Tokio: Kokushokan Kokai. (in Japanese)
20. Kirzhnic, A., 1924. U poroga Kitaya [At the threshold of China]. Moskva: Krasnaya nov'. (in Russ.)
21. Kirkvud, K.P., 1988. Renessans v Yaponii. Kul'turnyi obzor semnadsatogo stoletiya [Renaissance in Japan. Cultural overview of the XVIIth century]. Moskva: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izd-va «Nauka». (in Russ.)
22. Levchenko, A.A., Zabiyaiko, A.A., 2013. Hudozhestvennaya etnografiya V. Marta: obrazy kitaicev v proze 1920-h gg. [Ethnographic aspect of the art of V. Mart: images of the Chinese in the prose of 1920s]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhah. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta, pp. 219–236. (in Russ.)
23. Diao Shaohua, 2001. Literatura russkogo zarubezh'ya v Kitae (v g. Harbine i Shanhae): Bibliografiya (spisok knig i publikatsii v periodicheskikh izdaniyakh) [Literature of Russian emigrants in China]. Harbin: Izd-vo Beifan Ven-i, pp. 87–88. (in Russ.)
24. Zabiyaiko, A.A., Yefendieva, G.V., 2013. Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv': hrestomatiya: v 4-h tomah. T. 1. Proza: v 3-h ch. Ch. 2 (L-P). [Literature of Russian emigrants. Eastern branch]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurks. gos. un-ta. (in Russ.)
25. Loginov, V., 1940. Haikai [Haikai], Luch Azii, no. 65, pp. 42–44. (in Russ.)
26. Markov, V., 2010. Russkii sled v Yaponii (David Burluk – otets yaponskogo futurizma) [Russian trace in Japan (David Burluk – the father of Japanese futurism)], Rubezh, no. 10 (872), pp. 261–279. (in Russ.)
27. Mart, V., 1919. Beze. Lepestki Sakury [Kiss. Sakura petals]. Vladivostok: Svobodnaya Rossiya. (in Russ.)
28. Mart, V., 1923. Zheltye rabyni [Yellow bondmaids], Kopeika, no. 123–126, 159. (in Russ.)
29. Mart, V., 1918. Martelii [Martelii]. Vladivostok: Izd-vo Hai-Shen-Wai. (in Russ.)
30. Mart, V., 1917. Pesentsy [Songs]. Vladivostok: Tip. N.P. Matveeva. (in Russ.)
31. Mart, V., 1920. Raspechatannye tainy. Miniatury [Unsealed secrets. Miniatures], Okno, no. 2, pp. 8–10. (in Russ.)
32. Mart, V., 1920. Tigrov'i chary [Tiger's spells]. Vladivostok: «Ekho». (in Russ.)
33. Mart, V., 1922. Hai-Shen-Wai: Pesentsy: Kitayskie etyudy: Stikhi [Hai-Shen-Wai: Songs: Chinese etudes: Poems:]. Harbin: Kamen'. (in Russ.)
34. Mart, V., 1918. Chernyi dom. Chernyi hrustal' [Black house. Black crystal]. Vladivostok: Izd-vo Hai-Shen-Wai. (in Russ.)
35. Marsh, K., 2011. Znakomstvo s rossiiskim «Dikim Vostokom» [Meeting the Russian «Wild East»], Rubezh, no. 11 (873), pp. 230–235. (in Russ.)
36. Mar'in V., 1914. Poryvy [Impulses]. Vladivostok: Tip. N.P. Matveeva. (in Russ.)
37. Miyamori, A., 1932. Haikai drevnii i sovremennii [Ancient and modern haikai]. Tokio. (in Japanese)
38. Nesselov, A., 2006. O sebe i o Vladivostoke [About myself and Vladivostok]. In: Nesselov, A., 2006. Sobranie sochinenii v 2-h t. T. 2. Rasskazy i povesti. Memuary. Vladivostok: Rubezh, pp. 642–660. (in Russ.)
39. Pal'chevskii, N.A., 2003. V obshhee sobranie OIAK... [To the general meeting of OIAK], Rubezh, no. 4, pp. 309–337. (in Russ.)
40. Priroda i lyudi Dal'nego Vostoka [Nature and the people of the Far East], 1918, no. 2. (in Russ.)
41. Savada, K., 2011. N.P. Matveev v harbinskom zhurnale «Rubezh». Matveev N.P. «Vash yaponskii korrespondent...» [N.P. Matveev in Harbin magazine «Frontier». N.P. Matveev «Your Japanese correspondent ...»], Rubezh, no. 11 (873), pp. 375–391. (in Russ.)
42. Sologub, F., 1906. Kapli krovi («Nav'i chary» – pervaya chast' trilogii «Tvorimaya legenda») [Drops of blood]. Moskva: Centurion. (in Russ.)
43. Suleimenova, A., 2011. Yaponiya glazami poetov-immigrantov – ot uvlecheniya yaponskoi skazkoi k glubokomu analizu [Japan in the eyes of immigrant poets]. In: Sbornik statei no. 2 po rezul'tatam konferentsii «Na periferii i na chuzhbine – sravnitel'noe issledovanie marginalii russkoi kul'tury». Sapporo, pp. 76–93. (in Russ.)
44. Tada, K., 1990. Obitateli potustoronnego mira [The inhabitants of the underworld]. Tokio: Sinkigiensya, T. 4. (in Japanese)
45. Tokarev, S.A., 1987. Dusha [Soul]. In: Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-h t. T. 1. Moskva: «Sovetskaya Entsiklopediya», p. 414. (in Russ.)
46. Toporov, V.N., 1988. Ochir [Ochir]. In: Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-h t. T. 2. Moskva: «Sovetskaya Entsiklopediya», p. 271. (in Russ.)
47. Toporov, V.N., 1988. Tigr [Tiger]. In: Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-h t. T. 1. Moskva: «Sovetskaya Entsiklopediya», pp. 511–512. (in Russ.)
48. Fedotov, O.I., 2002. «Kitaiskie stihy» Nikolaya Gumileva (versifikatsionnaya poetika tsikla) [«Chinese poetry» of Nikolai Gumilev]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhah, no. 3. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, pp. 494–501. (in Russ.)
49. Hisamutdinov, A.A., 1992. Vladivostok. Etyudy k istorii starogo goroda [Vladivostok. Etudes to the history of the old city]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. un-ta. (in Russ.)
50. Hisamutdinov, A.A., 2000. Po stranam rasseyaniya: monografiya: v 2 ch. Ch. 2. Russkie v Yaponii, Amerike i Avstralii [Russians in Japan, America and Australia]. Vladivostok: Izd-vo VGUES. (in Russ.)
51. Hlebnikov, V., 1986. Pis'mo dvum yapontsam [Letter to two Japanese]. In: Tvoreniya. Moskva: Sovetskii pisatel', pp. 603–605. (in Russ.)
52. Hews, G., 1927. Predislovie k «Trem poetessam sovremennoi Yaponii» [Foreword to «Three women poets of modern Japan»]. In: Broshury Vashingtonskogo universiteta, no. 9. (in Russ.)
53. Eho [Echo], 25 January 1920. (in Russ.)
54. Yul'skiy, B., 1937. Vozvrashhenie g-zhi Tsai [The return of Ms. Tsai], Rubezh, no. 28. (in Russ.)
55. Kappa. Entsiklopediya mifologii [Kappa. Mythology encyclopedia]. URL: <http://myfology.info/monsters2/kappa.html> (in Russ.)

УДК 821.161.1

Лю Чжицян*

СТИХОТВОРЕНИЕ СЮЙ ЧЖИМО «Я НЕ ЗНАЮ, КУДА ВЕТЕР ДУЕТ»
В ПЕРЕВОДЕ Л.Е. ЧЕРКАССКОГО

Автор статьи обращается к особенностям переводческой манеры выдающегося русского синолога и исследователя китайской культуры Л.Е. Черкасского, который уделял пристальное внимание известному направлению в китайской поэзии «Четвёртое мая». В статье проанализирован его перевод стихотворения «Я не знаю, куда ветер дует», написанного наиболее известным представителем этого направления Сюй Чжимо. В заключение делается вывод о степени адекватности переводного текста Черкасского оригиналу и о значимости просветительской позиции переводчика.

Ключевые слова: поэтический перевод, типология перевода, Л.Е. Черкасский, «Четвертое мая», Сюй Чжимо.

Poem by Xu Zhimo «I do not know which way the wind blows» translated by Leonid E. Cherkasskiy. LIU ZHIQIANG. (Far Eastern Federal University).

The article explores the patterns of the translation style of Leonid E. Cherkasskiy, the prominent Russian sinologist and active promoter of Chinese culture in Russia. He paid close attention to the famous “May 4th” movement in Chinese poetry. The article analyzes Cherkasskiy’s translation of the poem «I do not know which way the wind blows», written by Xu Zhimo, the most significant representative of this movement. The paper evaluates the degree of Cherkasskiy’s translation relevance and the significance of his culture promotion position.

Keywords: poetic translation, translation typology, Leonid E. Cherkasskiy, «May 4th» movement, Xu Zhimo.

Выдающийся российский синолог Леонид Евсеевич Черкасский (1925–2003) известен не только в своей стране. Его знают повсеместно и как глубокого литературоведа, и как заинтересованного литературного критика, и как талантливого поэта-переводчика, и как издателя-просветителя. Более всего исследователь занимался китайской культурой.

Л.Е. Черкасский является автором семи книг литературно-исторической прозы и многих статей, посвященных проблемам истории и теории китайской литературы, взаимосвязям национальных литератур, теории и практике художественного перевода. Он – составитель и редактор произведений

восточных авторов, издаваемых в России. В этих книгах были представлены и сочинения наиболее известных китайских поэтов: от Хуан Цзуньсяня (黄遵宪), Цю Цзинь (秋瑾) и Су Маньшу (苏曼殊), писавших на старом литературном языке, до создателей подлинно новой поэзии на современном языке – Вэнь Идо (闻一多), Го Можо (郭沫若), Цюй Цюбо (瞿秋白), Ай Цин (艾青) и др. Указанные публикации становились возможными благодаря широчайшему творческо-переводческому диапазону Черкасского. Как отметил китайский исследователь Гао Ху, «Л.Е. Черкасскому принадлежит актуальное исследование важного периода в истории китайской литературы 1920–30-х годов»,

он дал обстоятельный «анализ китайской поэзии в период сопротивления японским захватчикам (1937–1945) и народно-освободительной войны (1946–1949)» [3, с. 17]. Благодаря переводческому таланту ученого в русской литературе сложился устойчивый интерес к китайской поэзии.

Всё вышеперечисленное даёт нам основание обратиться к изучению переводческой манеры Черкасского. Прежде всего, необходимо уточнить характер его переводческих предпочтений. В большой мере такую возможность предоставляет обращение к сборнику «Дождливая аллея» (1969). В 1960–1980 гг. литературовед оставался, в сущности, единственным переводчиком новой поэзии КНР. Ни до ни после него в России не было таких основательных книг о китайской поэзии, какие писал Черкасский, а его переводы, представленные в сборнике «Дождливая аллея», до сих пор остаются уникальными (об этом подробнее см.: [5]). Таким образом, для русской читательской аудитории Л.Е. Черкасский выступил первооткрывателем новой китайской поэзии, однако в России более глубокое изучение его перевода в настоящее время ещё не состоялось.

В сборнике «Дождливая аллея» представлены китайские поэты, которые относятся к периоду известного в Китае литературного движения, названного «Четвёртое мая». Это направление появилось в 1919 г., когда в Пекине произошла мощная антиправительственная студенческая демонстрация, послужившая началом антиимпериалистического и антифеодалного движения. Оно затронуло все сферы культурной жизни Китая, оказав сильное влияние и на китайскую литературу. Большая группа китайских поэтов была увлечена идеями этого движения.

Л.Е. Черкасский представил в сборнике «Дождливая аллея» 17 поэтов. Наиболее значимыми из них являются Лю Баннун (刘半农, 1891–1934); Се Бинсинь (谢冰心, 1900–1999); Чжу Сян (朱湘, 1904–1933); Дай Ваншу (戴望舒, 1905–1950) и др. В данной работе мы выделили Сюй Чжимо (徐志摩, 1897–1931), сыгравшего особенно яркую роль в становлении новой китайской поэзии.

Сюй Чжимо пользуется очень большой популярностью в Китае. Изучение его произведений началось сразу после их выхода в свет. Многие китайские исследователи и сегодня продолжают заниматься творчеством Сюй Чжимо. Среди них есть и современники поэта – Мао Дунь (茅盾), А Ин (阿英), Вэй Идо (闻一多), Чжу Цзыцин (朱自清), – а также работающие в настоящее время литературные критики – Ван Цяньцунь (王建军), Ван Суцзе (王素婕), Вэнь Хуэй (文慧), Лю Зисинь (刘继新), Джуан Линьху (庄林湖), Гао Вэй (高

伟), Ли Сяофэн (李晓峰), Лю Зинлань (刘景澜), Сюн Хуэй (熊辉) и многие другие.

Исследователи Сюй Чжимо единодушны в признании безусловной значимости его исключительного места в китайской поэзии. Так, в уже первой половине XX в. Мао Дунь говорил о том, что «среди поэтов особенное внимание надо обратить на Чжимо» [2, с. 5]. Назвав Сюй Чжимо «поэтом последней династии» [1, с. 19–25], учёный как бы подчеркнул, что после него стихотворцев такого уровня в Китае больше не было. Чжу Цзыцин также считает, что «в первую очередь из современных поэтов можно назвать Сюй Чжимо и Го Можо» [2, с. 5]. А Ин указал на то, что «Сюй Чжимо внес большой вклад в становление новой поэзии» [2, с. 5]. Признавая особую значимость Сюй Чжимо в истории национальной поэзии, его называли даже «китайским Байроном» [7, с. 88–91]. Самыми известными произведениями Сюй Чжимо исследователи назвали «Прощание с Кембриджем» (再别康桥) и «До свидания» (沙扬娜拉), отличающиеся особой лёгкостью, нежностью и тонкостью. Эти стихи были включены в школьную программу по китайской литературе.

Большой интерес к поэзии Сюй Чжимо проявляли и издатели. Показательно, что в «Сборнике новой китайской литературы» (中国新文学大系·诗集, 1935), напечатанном под редакцией Чжу Цзыцин, Сюй Чжимо отведено одно из главных мест [2, с. 5]. В книге «Современная поэзия» (现代诗钞, 1948), вышедшей под редакцией Вэй Идо, Сюй Чжимо занимает первое место по количеству напечатанных там стихотворений [2, с. 5]. Это в достаточной мере свидетельствует о популярности автора в читательской среде.

Конечно, в России Сюй Чжимо остаётся пока ещё малоизвестным и малоизученным, но Черкасский всё-таки открыл его русской читательской аудитории, издав в 1969 г. сборник своих переводов новых китайских поэтов «Дождливая аллея», где стихам Сюй Чжимо отведено очень заметное место: издатель представил в нём переводы 14 стихотворений поэта. Наиболее известны из них это «В поисках яркой звезды» (为要寻一个明, 1924); «Человеческая серая жизнь» (灰色的人生, 1928); «Трусливый мир» (这是一个怯懦的世界, 1928); «Странствие» (云游, 1932) и др.

Л.Е. Черкасский выступил в издании «Дождливой аллеи» не только переводчиком, но и просветителем-исследователем. Сборник открывается его авторским предисловием, в котором изложена краткая история новой китайской поэзии. Подборку стихотворений каждого из представленных в книге авторов предваряет составленный литерату-

* ЛЮ ЧЖИЦЯН, аспирант кафедры русского языка как иностранного Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

E mail: liuzhiqiang@mail.ru

© Лю Чжицян, 2014

роведением мини-очерк, где указаны основные биографические данные и особенности писательской манеры данного автора. Говоря о Сюй Чжимо, Черкасский называет его поэтом «яркого дарования» [4, с. 86]. Поэтическое своеобразие автора состоит в том, что его лирика, по мнению Черкасского, «медитативна», а его «раздумья над сущностью бытия были глубокими» [4, с. 86]. Исследователь говорит и о творческой эволюции поэта: «Оптимистичны были его думы, романтичен порыв, но скоро они поблекли и увяли под ударами жизни, слишком отличной от созданной воображением поэта» [4, с. 86]. Исследователь указал на то, что произведения первого периода творчества автора носили «социальный, гуманистический характер» [4, с. 86]. В это время поэт, как выражается Черкасский, бродит по земле с «чистым идеалом в сердце» [4, с. 86], и поэзия его постоянно сталкивается с грубой реальностью. Поэтому в своих ранних стихах он пишет «о солдатах, гибнущих в бессмысленной войне, о женщине, потерявшей ребёнка, о девочке, просящей милостыню для больной матери, об усталом старике-рикше на тёмной дороге» [4, с. 86].

Необычайная сострадательность и ранимость Сюй Чжимо, по мнению Черкасского,

привели его к творческому кризису. Нам очень важно, как определил исследователь состояние этого кризиса, утверждая, что поэт не знал, «куда дует ветер» [4, с. 86]. Это выражение взято из названия стихотворения самого Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» (我不知道风是在哪一个方向吹, 1928). Как видим, переводчик таким образом указал на большое значение данного стихотворения в творчестве поэта. Конечно, об этом ещё раньше заговорили в Китае. Так, исследователь Сяо Цзян (萧疆) отметил, что «именно в этом стихотворении особенно очевидны идейно-художественные достижения поэта» [7, с. 88–91]. Вэнь Идо, также высоко оценив стихотворение, отметил, что оно «обладает мелодической красотой, рисованной красотой» [7, с. 88–91], которые стали отличительными чертами новой китайской поэзии. Как отмечается на официальном сайте поэта [6], именно по этому произведению можно сразу определить авторство Сюй Чжимо.

Сказанное даёт нам основание в первую очередь проанализировать перевод именно этого стихотворения, выполненный Черкасским. Прежде всего, обратимся к переводу заглавия стихотворения.

Сюй Чжимо	Перевод Л.Е. Черкасского	Наш подстрочный перевод
我不知道风是在哪一个方向吹 <i>Во бу чжи дао фэн ши зай на и гэ фан сянь чуй</i>	Я не знаю, куда ветер дует	Я не знаю, ветер в какой стороне дует.

Как видим, Черкасский изменил в заглавии порядок слов, в некоторой мере изменив таким образом смысл заголовочной конструкции. В его тексте говорится о направлении движения ветра, а в оригинале речь идёт о том, что герою в принципе неизвестно само местонахождение этого ветра.

Теперь сопоставим оригинальный и переводной тексты:

Сюй Чжимо	Перевод Л.Е. Черкасского	Наш подстрочный перевод
我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 在梦的轻波里依洄。	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, В лёгких волнах грёз кружу я.	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, В лёгких волнах мечты кружиться.
我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 她的温存，我的迷醉。	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, Ласкова она, и я ликую.	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, Её нежность, моё очарование.

我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 甜美是梦里的光辉。	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, Красоты сияние найду я.	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, Сладость и красота есть сияние мечты.
我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 她的负心，我的伤悲。	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, Холодна она, и я тоскую.	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, Её обман, моя печаль.
我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 在梦的悲哀里心碎！	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, Муки грёз – от них в бреду я!	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, Сердце разбилось в скорби мечты.
我不知道风 是在哪一个方向吹—— 我是在梦中， 黯淡是梦里的光辉。	Я не знаю, Куда ветер дует, – Я в мечтах витаю, Мрак – сиянье грёз, туда иду я.	Я не знаю, ветер В какой стороне дует, Я пребываю в мечте, Мрачность есть сияние в мечте.

Конечно, прежде всего нам необходимо обратить внимание на стиховую организацию произведения. Как видим, в оригинальном стихотворении шесть катренов. В нём используется подчёркнутый нами рефрен, повторяющийся в первых трёх строках каждой строфы. Рифмический рисунок каждой строфы постоянен – *абаб*. В переводе Черкасского сохранены и другие формальные компоненты стиха Сюй Чжимо: повторяющийся рефрен, шесть катренов, рифмический рисунок каждой строфы по схеме *абаб*. Но стихотворные ритмы подлинника и перевода не всегда совпадают. Приведём для примера первый катрен, указав количество слогов в каждой строке.

Сюй Чжимо	Перевод Л.Е. Черкасского
我不知道风 <i>Во бу чжи дао фэн 6</i> 是在哪一个方向吹—— <i>Ши зай на и гэ фан сянь чуй 8</i> 我是在梦中， <i>Во ши зай мэнь чжу 5</i> 在梦的轻波里依洄。 <i>Зай мэнь дэ цин бо ли и хуэй 8</i>	Я не знаю, 4 (– 2) Куда ветер дует, 6 (– 2) Я в мечтах витаю, 6 (+ 1) В лёгких волнах грёз кружу я. 8

Но вряд ли возможен адекватный перевод стихотворения с сохранением звуковой организации, так как ритм и рифма обусловлены спецификой каждого языка. Поэтому оригинал и перевод отличаются просодией и размером стихотворения. В русском языке есть только ударные и безударные слоги, а в китайском гласные звуки различаются не по ударной / безударной позициям, а по их тональности. В Китае существуют четыре звуковых тона. Естественно, звучание русского переводного текста объективно не может повторить звучание китайского текста.

Сюй Чжимо	Перевод Л.Е. Черкасского
我(3 тон)不(4 тон)知(1тон)道(4тон)风(1тон)	Я не знаю, / - / -
是(4тон)在(4тон)哪(3тон)一(1тон)个(4тон)方(1тон)向(4тон)吹(1тон)——	Куда ветер дует, - - // - / -
我(3тон)是(4тон)在(4тон)梦(4тон)中(1тон),	Я в мечтах витаю, / - / - / -
在(4тон)梦(4тон)的(без тона)轻(1тон)波(1тон)里(3тон)依(1тон)洄(2тон)。	В лёгких волнах грёз кружу я. / - - // - / -

Как видим, ритмический рисунок стиха, задаваемый гласными звуками, у Сюй Чжимо сложнее, мелодически он более музыкален, у Черкасского этот рисунок более чётко, более ритмичен.

На звуковую картину стихотворения влияют не только гласные, но и согласные звуки. Они очень выразительны у Сюй Чжимо. Так, в его рефрене активно повторяются звуки «ч», «ш», «чж», «ф», в рефрене Черкасского эта аллитерация отсутствует. Образ ветра у Сюй Чжимо передан через звукоподражание *ф-ф-ф*, у Черкасского его нет.

В построении лирического сюжета стихотворения активно используется принцип контраста. В первых трёх строках говорится о прекрасной мечте лирического героя: «*в лёгких волнах мечты кружусь*», «*её нежность, моё очарование*», «*сладость и красота есть сияние мечты*». Но с четвертой строфы в стихотворении начинает звучать мотив страдания героя: «*её обман, моя печаль*», «*в сердце разбилось в скорби мечты*», «*тоска есть сияние в мечте*». У Черкасского в основном воссоздана эта сюжетная схема. Первые три строфы в его тексте завершаются выражениями «*в лёгких волнах грёз кружу я*», «*ласкова она, и я ликую*», «*красоты сияние найду я*», последние – другими, в которых преобладают мотивы скорби, печали: «*холодна она, и я тоскую*», «*муки грёз – от них в бреду я*», «*мрак – сиянье грёз, туда иду я*».

Однако называть этот перевод вполне адекватным оригиналу всё-таки нельзя. Вспомним, что в первых двух строках рефрена повторяется выражение, использованное автором в заглавии стихотворения, – «*я не знаю, ветер в каком направлении дует*». Как уже было отмечено, Черкасский привнёс в это выражение несколько иной смысл. Его лирический герой пребывает не в таком широком художественном пространстве, какое намечено у Сюй Чжимо. Этот герой не осведомлён о том, каково в целом состояние местонахождения *вокруг* него, у Черкасского герой не знает направленности ветра, который начинает дуть *из* того места, где находится герой.

Это более активное присутствие лирического субъекта стихотворения усилено у Черкасского не только рефреном. В заключительных строках каждой строфы он, в отличие от Сюй Чжимо, переводит читательское внимание именно на героя. Так, в оригинале в четвёртой строке этих шести катренов зафиксировано следующее: «*в лёгких волнах мечты кружиться*», «*её нежность, моё очарование*», «*сладость и красота есть сияние мечты*», «*её обман, моя печаль*», «*в сердце разбилось в скорби мечты*», «*тоска есть сияние в мечте*». У Черкасского же несколько иное: «*в лёгких волнах грёз кружу я*», «*ласкова она, и я ликую*», «*красоты сияние найду я*», «*холодна она, и я тоскую*», «*муки грёз – от них в бреду я*», «*мрак – сиянье грёз, туда иду я*». В этих предложениях поэт Сюй Чжимо как бы

рассказывает об этой существующей истории, а в переведённом тексте Черкасский открывает субъективного героя («я»), который лично сам действительно испытывает такое чувство, от радости до страдания.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что в соответствии с существующей в России типологией поэтического перевода (об этом см.: [8]) Черкасский осуществил вольный перевод стихотворения Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» (я не знаю, в каком направлении дует). Сохранив строфику и рифмический рисунок оригинала, переводчик отступил от его ритмики и, конечно, изменил национальный звуковой колорит стихотворения. Самое главное то, что Черкасский, сделав более сильный акцент на лирическом субъекте стихотворения, усилил таким образом его лиризм и привнёс в него несколько новый смысл, более привычный для русского читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Цзяньцзюнь. Таинственный свет поэта последней династии // Вестник педагогического училища Пиндиншань. Пиндиншань, 1994. С. 19–25. (王建军. 末代诗人的灵光. 平顶山师专学报. – 平顶山: 1994. 19–25.)
2. Гао Вэй. Исследование литературного переводчика Сюй Чжимо: дис. ... канд. филол. наук. Шанхай, 2007. (高伟. 文学翻译家徐志摩研究. 博士学位论文. 上海, 2007.)
3. Гао Ху. Переводческая китайская книга в СССР (1949–1990 гг.): проблемы издания и тематико-типологический анализ: дис. ... канд. пед. н., Москва, 2001.
4. Дождливая аллея: сб. стихов. Китайская лирика 20–30-х годов / пер. Л.Е. Черкасский. М.: Наука, 1969.
5. Лю Чжицян. Об издательской презентации в России группы китайских поэтов «Четвёртое мая» // Сборник докладов 60-й международной молодёжной научно-технической конференции «Молодёжь. Наука. Инновации». (Гуманитарная часть), 28–29 марта 2013 г. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2013. Т. 2. С. 166–168.

6. Сайт поэзии Сюй Чжимо (徐志摩诗网)[Электронный ресурс] : <http://www.xzmsw.com/default.aspx>
7. Сяо Цзян. Анализ типичной поэзии Сюй Чжимо // Вестник Шаньдунского педагогического университета. 1995. С. 88–91. (萧疆. 徐志摩诗歌代表作辨析. 山东师大学报. 1995. 88–91.)
8. Чайковский Р.Р. Реальность поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997.

REFERENCES

1. Wang Jianjun, 1994. Miraculous brightness of poets of the last generation // Journal of Pingdingshan Normal training college. Pingdingshan, pp. 19–25. (in Chinese)
2. Gao Wei, 2007. A study on Xu Zhimo as literary translator: Doctoral dissertation. Shanghai, 2007. (in Chinese)
3. Gao Hu, 2001. Perevodcheskaya kitaiskaya kniga v SSSR (1949–1990 gg.): problemi izdaniya i tematiko-tipologicheskii analiz [Translated Chinese books in the USSR (1949–1990): problems of editing and thematic-typological analysis]. Dissertatsiya kand.ped.n., Moskva. (in Russ.)
4. Dozhdlivaya alleya. Sbornik stihov. Kitaiskaya lirika 20–30-h godov [Rainy alley. Collected poems. Chinese lyrics of 1920–1930s. Translated by Leonid E. Cherkassiy]. Moskva: Nauka, 1969. (in Russ.)
5. Liu ZhiQiang, 2013. Ob izdatel'skoi prezentatsii v Rossii gruppi kitaiskih poetov «Chetvortoe maya» [On book presentation of the group of Chinese poets «May Fourth» in Russia]. In: Sbornik dokladov 60-i mezhdunarodnoy molodyozhnoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii «Molodyozh. Nauka. Innovatsii» (Gumanitarnaya chast'). Vol. 2. Vladivostok: Mor. gos. un-t, pp. 166–168. (in Russ.)
6. Poetry of Xu Zhimo. URL: <http://www.xzmsw.com/default.aspx> (in Chinese)
7. Xiao Jiang, 1995. Analysis of typical poetry of Xu Zhimo // Journal of Shandong University, pp. 88–91. (in Chinese)
8. Chaikovskiy, R.R., 1997. Realnosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sotsiologicheskie aspekti) [Reality of poetic translation (typological and sociological aspects)]. Magadan: Kordis. (in Russ.)

ЮБИЛЕЙ: К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА ИСАЕВИЧА ПРУЖИНИНА

БОРИСУ ИСАЕВИЧУ ПРУЖИНИНУ – 70 ЛЕТ

1 декабря 2014 г. исполнилось 70 лет со дня рождения отечественного философа, доктора философских наук, профессора Бориса Исаевича Пружинина. Борис Исаевич является крупнейшим ученым в области философии науки, эпистемологии и методологии естественнонаучного и гуманитарного познания. Кроме того, Б.И. Пружинин осуществляет крупнейшую организаторскую работу – является главным редактором главного и старейшего философского журнала России – «Вопросы философии». Юбилей продолжает успешно трудиться и на университетской ниве, являясь профессором и консультантом многих ведущих университетов.

Редакция журнала «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» с особым удовольствием и восторгом

поздравляет члена редколлегии журнала и ведущего российского философа с замечательным юбилеем, желает дальнейших творческих успехов и с нетерпением ждет последующих книг и статей Б.И. Пружинина, которые всегда находили позитивный отклик в отечественном философском поле.

В этом номере мы публикуем статью И.И. Мюрберг, посвященную оценке творчества Б.И. Пружинина, а также отрывки из книги «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина», вышедшей в свет в этом году.

*Редакция журнала
«Гуманитарные исследования
в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке»*

Б.И. Пружинин

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА ИСАЕВИЧА ПРУЖИНИНА» (М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2014)

Историзм устной истории

Устная история вплетена в жизнь и наполняет ее смыслом на самом главном, на собственно историческом уровне, на уровне индивидуальных воспоминаний. Все прочие истории, все эти политические, экономические, военные и т.д. истории надстраиваются над этим фундаментальным уровнем и лишь в силу этого приобретают историзм и возвращаются в историческое сознание отдельного человека, корректируя это сознание или корректируясь им. Ибо именно на уровне индивидуального жизненного опыта формируется смысл жизни человеческой, и лишь потом этот смысл переносится на все остальные контексты человеческого бытия. Если жизнь отдельных людей теряет смысл, бессмысленными становятся государственные установления и политические системы, войны и реформы, т.е. все то, что от века составляет контекст человеческого бытия, но повторю, приобретает смысл только от человека. Зато все эти установления, в свою очередь, способны очень даже эффективно обесмысливать жизнь человека. Однако я – о другом.

Интерес к устной истории, к воспоминаниям окружающих людей появился у меня, когда в сферу моих профессиональных интересов попала история русской философии. Сначала этот интерес был довольно абстрактным. Признаюсь в своей некомпетентности: я был просто поражен, уяснив, что именно исследования историков были самой продвинутой областью гуманитарной науки в России, и именно философия истории была целостной областью русской философии. Пожалуй, только применительно к философии истории мы и можем говорить о контурах складывающейся русской философской школы. При этом я для себя обнаружил, что в русской философии сложилось понимание истории как процесса, который не исчерпывается полностью направленностью к конечной цели (наподобие гегелевского историзма). Наличие такой цели не оспаривалось, телеологические идеи отнюдь не отрицались в размышлениях русских мыслителей, но акцент

смещался. В центре оказывалось представление об истории как процессе, протекающем в человеке, а не вне его, – процессе, обретающем смысл в сознании и историческую конкретность реального исторического действия в поступках. История здесь предстает как процесс принципиально незавершенный, причем не в том смысле, что он не достиг еще конечной цели, но прежде всего в том, что он открыт действию, открыт осмысленному поступку и его неожиданным последствиям, открыт всему событийному и конкретному. За опытом экзистенциально нагруженного осмысления человеком истории, за ощущением так понятого историзма и обращается, по мнению русских мыслителей, наука история к опыту прошлого – к реальности событий и реальности их переживания человеком (переживания не только в психологическом смысле, но и в смысле экзистенциальном). Этим русский историзм отличается от историзма его «немецких учителей». Лежащие в его основании идеи не успели в свое время приобрести четкое концептуальное выражение, но они достаточно явно обнаруживают себя в эпистемологической стилистике, в способах обсуждения проблем и в понимании исследовательских перспектив. Совокупность этих идей я обозначаю как культурно-историческую эпистемологию, представляющую в качестве исходной формы философско-исторического материала «беседу», «разговор», в котором воспоминание раскрывает экзистенциальные истоки смысла человеческой жизни и смысла событий.

Форма эта восходит к работам Вл. Соловьеву. И позднее никогда она не уходила из отечественной философии. Степун как-то заметил: «русская философия – бесконечная череда разговоров, причем разговоров на одну и ту же тему» – о смысле жизни, о ее исторической наполненности. Надо сказать, этот интерес к беседам и воспоминаниям оживился у нас вопреки всему во второй половине XX столетия. Разговор вообще – это, наверное, специфическая черта стилистики русской философии. Беседовали В. Дубакин с М. Бахтиным, раз-

говаривал М. Мамардашвили, Л. Митрохин подготовил целую книгу диалогов. В том же ключе воспоминаний написана книга Н. Мотрошиловой. И в журнале, где я начал работать, есть традиция обращения к «живым разговорам». Эту традицию активно поддерживал В. Лекторский. Очень любил публиковать воспоминания в журнале Владимир Мудрагей. Мы с Мудрагеем участвовали в подготовке изданного Лекторским двухтомника⁷⁹. Став главным редактором, я старался поддерживать в журнале эту традицию. Зачастую форму бесед с элементом воспоминаний принимали «Круглые столы», проводившиеся в редакции, а также многочисленные интервью. И наконец, мой интерес к этому жанру был стимулирован моим участием в работе с книгами серии о русской философии второй половины XX века. Большое впечатление произвел на меня том «Как это было», обстоятельная рецензия на который была опубликована в журнале, а также моя работа с томом, который я редактировал «Философия продолжается». Тогда я понял, что без осмысления этого периода отечественной философии, понять русскую философию как культурно-исторический феномен невозможно, но при этом его осмысление невозможно без обращения к экзистенциальной беседе.

Позднее, став редактором серии томов о русских философах первой половины XX века, я понял, точнее, опять же уяснил, два обстоятельства. Во-первых, русская философия целостный культурный феномен, и мы настолько сможем приобщиться к ее культурным традициям, насколько полно мы представим ее в ее целостности. Без купюр и изъятий по идеологическим соображениям – пусть и самым оправданным. Во-вторых, именно вторая половина XX века, т. е. «советский период» русской философии, является наиболее сложным периодом в этом плане. В работе над томами о философах начала века неопределимую помощь мне оказывала Татьяна Геннадьевна Щедрина. Она готовила материалы, связанные с личными судьбами русских философов – архивы, эпистолярное наследие, жизнеописание и, особенно, фоторяды, основательно представленные в изданных томах. Но если от русских философов остался «архив эпохи»⁸⁰, пусть и с пробелами, пусть и зачастую деформированный, но тем не менее сохранивший очертания их экзистенциально-личностных позиций, то от философов

второй половины XX века практически ничего не сохранилось.

Я был свидетелем дискуссий, весьма острых и в социально-политическом и в экзистенциально-смысловом плане, разворачивавшихся в курилке на черной лестнице пятого этажа Института философии СССР. Еще более острые дискуссии разворачивались в «стекляшке», напротив Института, куда, кстати, приходили научные сотрудники и Института экономики, и Института русского языка. Но, так сказать, материальных следов этих дискуссий не сохранилось. Конечно, при внимательном чтении книг многих из участников этих разговоров (В. Межуев, Н. Трубинов, М. Виткин, А. Абрамов, Н. Юлина, А. Зиновьев, Э. Ильенков, Е. Никитин) можно реконструировать живую, ищущую, вырывающуюся из-под обязательных идеологических идиом, мысль. Мы тогда ее просто вычитывали. Но сегодня... Ведь даже фотографии 60–70-х годов XX века хуже по качеству и менее доступны, чем фотографии начала этого века. Конечно, можно все эти усилия мысли проигнорировать и прямо обратиться к западным мыслителям шестидесятых-семидесятых. Но они-то жили в своем культурном и историческом контексте, и потому такое обращение вне собственной истории может привести лишь к подражанию внешней форме их мысли. Расплатой за игнорирование собственной истории мысли, какой бы наивной сегодня она ни казалась, может быть только аисторизм – смертельное заболевание для философа (впрочем, заболевание хроническое для «философоведов»).

Все эти обстоятельства моей жизни (ну и еще ряд обстоятельств личного характера) подвигли меня к тому, чтобы воспользоваться данным изданием для публикации ряда материалов по устной истории второй половины XX века. Я жил в своем времени. Вокруг меня были люди, которые помогали сохранить мне смысл моей жизни – мои стремления, цели моей деятельности, мое ощущение истории. Истории этих людей я попытался собрать в этой книге.

<...>

Разговор Б.И. Пружинина с Н.С. Автономовой и Т.Г. Щедриной

Автономова: Воспоминания – вещь коварная, есть такие, что кажутся ясными и четкими, но не соответствуют никакой реальности (Пиаже убедительно об этом рассказывает), есть другие, они, казалось бы, еле мерцают, но за ними – реальное жизненное содержание. Никогда невозможно объяснить, почему что-то запоминается, а что-то

нет... Начну со студенчества. Я училась на вечернем отделении филфака МГУ. Вместе со мной кто там был? Володя Кантор – на русском отделении, Лида Александрова – на немецком.

Пружинин: А давай еще глубже. Ты помнишь имена учителей, первой учительницы?

Автономова: Валентина Ивановна Савельева. Разбуди ночью.

Пружинин: А мою звали Нина Николаевна Ушакова. Но она учила нас только в 1-м классе. А потом пришла, как я помню, Полина Максимовна. Жуть была страшная...

Автономова: А у нас была простая задушевная женщина, невероятно добрая.

Пружинин: У нас был дом напротив 281-й школы, где я и начал учиться. Рядом по переулку был дом, где жили ассирийцы – чистильщики обуви в Москве. Чтобы в школу попасть, надо было с ними подражаться. Чтобы из школы уйти, надо было тоже подражаться. Мой сосед по парте был из ассирийцев, и он меня опекал. Он у меня списывал все подряд.

Автономова: У него была какая-то особенная внешность?

Пружинин: Не помню... Чем он поразил школу: пришел в буфет со сторублевкой и решил расплатиться за пирожки. Если деньги со всей школы собрать за все купленные пирожки, то сдачи на эти сто рублей не набралось бы. Пирожок стоил пять копеек.

Автономова: А ты помнишь какие-нибудь интересные студенческие истории?

Пружинин: Я учился с Лешей Радугиным (автор нескольких учебников по философии). Мы звали его Лёша. Мы с ним были в одной группе. Свообразный парень такой. Поэзию любил. Ходил на первом курсе в зеленом смокинге. Мы сидим, ждем нашу «французенку», у нас вела Ирина Владимировна Барышева. Интеллигентнейшая дама. Мы ее дождаемся, а он обе ноги задвинул в стол, сидит и раскачивается на стуле. Она заходит, говорит «Бон жур». Он говорит: «Бон жур» и падает на спину, а ноги вынуть из стола не может, они там застряли. А она ему: «Лёша, что с Вами?»

И еще одну веселую историю вспоминаю. Про Женю Сидоренко. Это прелесть! Мы с ним на одном курсе были. Идет какой-то экзамен. Я захожу, сажусь. Столы раздвинуты, все сидят, готовятся. Я опускаю глаза влево: на полу лежит учебник, а рядом – босая нога... Смотрю, а это Женкина нога. Он длинный был, ногой перелистывал страницы и, перегнувшись через стол, читал учебник.

Автономова: Чего только не бывает!

Пружинин: А ведь это был будущий секретарь парторганизации Института философии. Блестящий логик. Его вычисления проверяли на компьютере и ни одной ошибки не нашли. Он аспирант Зиновьева был.

А еще я помню, как сдавал экзамен последний, государственный. Истматчики сидят. Решается вопрос: быть мне в аспирантуре или не быть. Истмат я сдаю. И такой вот вопрос задает мне Разин: «А скажите, в чем суть социально-экономической программы анархистов? К чему они стремились?» И так смотрит на меня... А я накануне, ну, как всегда на нервной почве листал книжку Бакунина. И там в конце абзац как раз про эту суть (я его и прочитал). С радостью объявляю Разину: «Программа такая, как писал Бакунин: и на своем черном знамени мы напишем “свободная ассоциация и т. д. и т. п.”». Почему она мне запала, я не знаю. Видимо, понравилась. И я ему наизусть. – «Пять».

Автономова: А еще кто у вас вел?

Пружинин: Я слушал лекции В. Ф. Асмуса, А. С. Богомолова. Бегал слушать лекции А. Ф. Лосева. Я уже не помню по какому случаю. Слушал М. К. Мамардашвили. Да мы с тобой, по-моему, ходили в Институт психологии. Он читал, я его слушал.

Автономова: Да, ходили. Но это уже, стало быть, позже.

Пружинин: Да, это позже.

Автономова: Это даже не аспирантское, уже мы были молодыми младшими научными сотрудниками. Мы познакомились с тобой в 1972 году в секторе диалектического материализма, где я только что закончила аспирантуру и была научно-техническим сотрудником в ожидании места младшего. Ты пришел вместе с другими молодыми для работы над эпохальным проектом, заду-

⁷⁹ Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. / Под ред. В. А. Лекторского. М., 1998.

⁸⁰ См.: Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.

манным высокими инстанциями: многотомным трудом по теории диалектики.

Пружинин: Да, у меня на диалектику, точнее на диалектическую логику, была аллергия. Наверное, Елена Дмитриевна Смирнова нам здорово лекции по матлогике читала. Хотя мне четверку всадила. У меня было три или четыре четверки за все время учебы. Вот одна из них была по матлогике. Математику я сдал нормально. У нас если кто-то не сдавал математику, то на втором курсе уходил на научный коммунизм. Естественный отбор. Там математика не нужна была.

Автономова: А ты здорово помнишь многие вещи...

Пружинин: Ну да, это было интересно.

Автономова: И сейчас тебе для курсов, которые ты читаешь, помогает твое образование философское с уклоном в естественно-научное знание?

Пружинин: Ну, иногда да. Я какое-то представление о естественной науке имею.

Автономова: Я не знаю, сейчас так же учат?

Пружинин: Думаю, что нет. Мы в те времена слушали очень серьезный курс по естествознанию. Наш курс специализировался по биологии. В те времена шли битвы с лысенковщиной, и химия с биологией (генетика) были очень актуальны. Мы много чего делали. Значит, мы препарировали мышей на биофаке. Анатомию животных на них изучали. Однажды мышей не хватило на группу. И меня посылают в какую-то комнату за мышами: «Возьми и принеси». Ну, я побежал. Забегаю. Банки стоят. На них цифры какие-то написаны. Я в одну банку руку запускаю, и тут сзади голос: «Не смей!» Я оборачиваюсь... – «Они чумные!» Я чуть не это самое...

Автономова: Это где было?

Пружинин: Это на биофаке, мы туда ходили слушать лекции по химии, по биологии.

А еще я помню, была такая история. Это было у нас на факультете. Я вечером вышел, а с философского окна в коридоре выходили на анатомичку медицинскую, прям напротив там была. Стоишь вечером, куришь и смотришь, тогда курить можно было везде, смотришь туда вниз, в коридор. Занимался я в кабинете философии, чего-то читал. Вы-

шел, уже темно, вечер поздний, зимой дело было. Это здание на Моховой, старое здание философского факультета. Там сейчас психологи. Все это здание отдали психфаку. Стою. А в это время там дверь открытая была прямо вот у окна. И там была каптерка Ученого совета. Там какой-то ремонт делали, и высыпали дела оттуда. Я поднимаю дело и читаю: очередной разнос Асмуса. Вот как его это самое... И я упер это дело. И вот сейчас не помню, я кому-то отдал его сдуру. А там стенограмма обсуждения. Кому-то из ребят я дал почитать. Интересная штука – память. Что-то высвечивает, что-то наоборот совсем как бы убирает, как будто этого и не было.

Автономова: Самое интересное, что, судя по современным каким-то естественно-научным данным, ничего абсолютно не пропадает (у нас в голове)...

Пружинин: Да, наверное... Но ведь воспоминания возвращаются не сами по себе, а по каким-то причинам, обстоятельствам. Они требуют контекстов, и потому, что-то важное забывается, что-то случайное всплывает. Вот и наш с тобой разговор очень неупорядоченный. Конечно, мы с тобой обязательно забудем то, что следовало бы сказать, но зато вспомним что-то другое, не менее яркое.

Щедрина: А как вы жили в шестидесятые, семидесятые. Что вообще было в быту?

Автономова: Я жила, когда уже от родителей ушла, на аспирантскую стипендию в семьдесят рублей. Рядом был рыбный магазин. На эти деньги можно было нормально жить, если делать рыбный суп и разные другие блюда.

Пружинин: Да. Не шиковать, но прожить месяц можно было на эти деньги.

Автономова: Еще я пекла пироги с рисом и луком. Большие такие. Они очень сытные были. Иногда у нас в доме, у родителей, делали пироги с селедкой, невероятно сытно. И потом был такой салат «для гостей», самый дешевый: из копченой трески, риса, лука и майонеза. То есть получалось довольно вкусно, большое количество еды.

Пружинин: Знаю я этот салат.

Автономова: Его все делали.

Щедрина: А у нас в Приморье делали такой же только из сайры в банках.

Пружинин: Сайра в Москве – это по праздникам.

Автономова: Это деликатес.

Пружинин: А еще были рыбные дни: по четвергам. День был присутственный, кончался в стекляшке, а там так пахло рыбой... Жуть!

Автономова: А сейчас из этой стекляшки, по-моему, сделали рестораник.

Пружинин: Иль Патио, да. О, какой был центр интеллектуальной жизни! Институт философии, Институт экономики, Институт русского языка. И вот как начиналось с десяти часов утра. Она зимой запотевала изнутри, стекляшка. Столы сдвигались, сидели интеллигенты. Как правило, тарелочка, восемь, девять, десять вилок вокруг, и один огурчик, такой остаток от салата. И ля-ля-ля-ля. И стаканы. А под столом...

Автономова: В портфеле иногда.

Пружинин: В портфеле, да. Стаканы стояли на столе. Где-то в районе пяти появлялись военные из Генштаба. В чине до полковника. Они не садились, брезговали, брали стаканы. Разливали, стоя, коньяк. Выпивали и уходили сразу. В районе восьми часов появлялся разрозненный гегемон откуда-то из ближайших предприятий. Но тоже очень ненадолго. А мы – ля-ля-ля-ля-ля до закрытия.

Автономова: Когда было закрытие, я уже даже не помню.

Пружинин: Я тоже не помню. Поздно сидели. До десяти точно. А само это предприятие – «стекляшка» – жила своей жизнью. Я помню, однажды какая-то была выставка в музее Пушкина зимой. И интеллигенты там стояли в очереди, замерзали и, видимо, погреться прибегали. Какая-то старушка открыла дверь, сказала «ой» и закрыла тут же. Налеты были. Местные милиционеры иногда совершали большие налеты на это заведение. Но местного участкового Швырев, например, прикармливал. И грозился, когда выпивал, взять его к себе в аспирантуру. Участковый млел и позволял нам очень многое. Совершенно особая жизнь была. Еще одну историю расскажу. Значит, мы задержались в секторе. А ребята: Сашка Сорокин, Швырев и еще кто-то, пошли в стекляшку первыми. Мы выходим. Идем

мимо здания. Мы почему-то решили обойти, и идем не вниз сразу туда, к бассейну, ныне к Храму, а решили обойти помещение, ныне там музей Глазунова и с той стороны сегодня к стекляшке (Иль Патио) не пройдешь. Мы обходим и видим – странно как-то: стоит машина, микроавтобус и два человека у входа с повязками «дружинник». И вдруг мы, я, Трубников, Нэлла Мудрагей, ну вот всей компанией, Володя Мудрагей – мы его, по-моему, ждали и поэтому задержались. И вдруг оттуда выходят «руки за спину». Первый идет Сорокин, за ним еще какие-то ребята, Мареев, по-моему, там, а за ними понуро – Швырев. И Сашка, как в хорошем фильме времен войны, руку вскидывает: «Ребята, там засада!» Мы развернулись, вернулись в сектор, обсуждаем событие. Их всех в воронок запихнули и Швырева тоже. Сорокин прибегает и говорит: «Ребята, у нас денег не хватает откупиться». Там, говорит, со всех брали по два рубля, а Швырев раскричался: «Я доктор, я доктор!», а ему офицер и говорит: «Тогда с тебя три». Мы собрали деньги, вместо того, чтобы выпивать, мы скинулись, и Швырева выкупили из милиции. Это, между прочим, тоже стилистика времени.

Автономова: А Сорокин, это тот, который переходил в неполюженном месте и сказал милиционеру: «А я Митрохин»...

Пружинин: Да-да! Он назвался Митрохиным. Скандал такой в институте был.

Щедрина: А как его вычислили?

Пружинин: Он сам признался, что он назвался. Пришла бумага из милиции о том, что Митрохин подвергал свою жизнь опасности, переходя улицу в неполюженном месте. Митрохин рассердился. Это было после овощной базы.

Щедрина: Вот! Кстати, про овощную базу расскажите.

Пружинин: В другой раз. Это особая история. Ну, хорошо, расскажу. В качестве заместителя заведующего сектором (я им стал в 1978 году) я должен был обеспечивать явку философов на переборку гнилых овощей (это была наша реальность, которую очень хорошо помянул Рязанов в фильме «Гараж»). Как я завлекал народ: брал термос с водкой, подкрашивал ее чаем, и в обеденный перерыв мы садились, я разливал... Постепенно наш разговор становился все более оживленным. А все говорили: «Какой у вас дружный коллектив, за столом сидят, весело разговаривают». Чай пьют и бурно беседуют.

Щедрина: Такое ощущение, что у вас «алкоголистый» коллектив.

Пружинин: Между прочим, пьянство было формой гусарства, как йога. Это форма ухода была от социальной реальности. Но отнюдь не надо представлять себе дело так, будто мы только пили. Есть такая манера, посмотрев в прошлое, выдергивать из него то, что хочется. Мы работали, мыслили, искали выходы, переигрывали реальность. Пьянство было одной из таких «игр». Умный и жутко пьющий Швырев, например. Это ум колоссальный...

Автономова: Редкостный!

Пружинин: Редкостный, да. Интуиция, схватывание налету всего. Он пил запойно. Видимо, для того, чтобы не все понимать в происходящем. И как говорят, я этого не знаю, что он очень быстро протрезвлялся. Он пьяным приходил домой и ложился спать, в шесть он просыпался и утром работал. Его пьянство совершенно не отражалось на его производительности. И на блестящих его статьях.

Автономова: До самых последних дней жизни Швырева для нас было значимо его мнение. Не важно, о чем он размышлял (круг его интересов был очень широк). Помню, как мы обсуждали в секторе статьи. Если он заинтересуется – значит, в тексте что-то есть... Он невероятной цепкости интеллектуальной, конечно, был. И если его что-то трогало в тексте, он начинал рассуждать, даже если это его совершенно не касалось. И уместно при этом.

Пружинин: Уместно и интересно. Всегда интересно. Эвальд пил, но при этом его труды ценили все философы страны (и не только философы). А кто там не пил? Один Батищев. У того свой тип запоя был, да. Духовный запой. Мне Трубников рассказывал, что когда у Батищева родилась первая дочка, Яночка, он был сторонником деятельности теории. И если с нее ночью одеяльце сползло, он брал ее руку, в руку зажимал одеяльце и накрывал. Как это не похоже на нынешних отстраненных философов-специалистов... А для Батищева философия была формой жизни, но не формой борьбы за престиж и деньги. Он писал о глубинном общении, хотя сам общаться не мог.

Это, кстати, Швырев сказал про него: «Даже когда Генрих говорит правильные вещи, хочется встать и возразить». Это у него очень ловко получалось. Даже если он говорил, что дважды два четыре, то хотелось встать и сказать: «Нет, не согласен! Не принимаю я этого!»

Автономова: Когда он умер? Ильенков умер в семьдесят девятом.

Пружинин: Генрих Степанович умер, если я не ошибаюсь, в конце октября 1990 года, я уже тогда был заместителем в секторе у В. А. Лекторского. Я не был на его отпевании, только на похоронах. Помню, как ехали на кладбище... Народу было не очень много.

Щедрина: А как ты стал замом Лекторского?

Пружинин: Когда я пришел в сектор Борис Дынин у него был замом. Дынин уехал. Лекторского чуть за это дело не уволили, прошло некоторое время. Недолго замом был Никитин. Вдруг я получаю от него предложение стать его замом. Я ему говорю прямым текстом: «Владислав Александрович, второй еврей вот так с ходу?» Но он настоял на своем.

Щедрина: И тридцать пять лет замом.

Пружинин: И тридцать пять лет замом, да.

Автономова: А с ним легко было. Интересно, что отношения между поколениями тогда были совсем иными, нежели сейчас. В те времена мы – молодые сотрудники, которым было по 27–28 лет, явно чувствовали себя очень младшими по отношению к старшему поколению, хотя заведующему сектором, Владиславу Александровичу Лекторскому, тогда не было и сорока! В общем и целом – не только в секторе, но и шире, эта разница в 10–15 лет постепенно переставала восприниматься со стороны как значимая (мы-то ее всегда чувствовали и чувствуем!), как разница поколений, а в глазах нынешних молодых – мы, наверное, все вместе становимся неразличимо одним общим поколением старших. Время уплотняется, спрессовывается.

УДК 165

И.И. Мюрберг*

ДОСТОИНСТВО НАУЧНОГО МЕТОДА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

В статье с позиций современной политической философии дается оценка культурно-исторической эпистемологии как новому тренду в философии науки, инициированному Б.И. Пружининым на рубеже веков. Автор признает дисциплинарную релевантность культурно-исторической эпистемологии идейной направленности западноевропейской гуманитаристики в том ее виде, который она обрела в результате своего развития на протяжении всего XX века. Утверждается, что особое значение новой эпистемологии связано с присущей ей нацеленностью на осознание современной наукой своего нового этико-когнитивного статуса.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология, политическая философия, дискурс наук, междисциплинарность, этизация разума, феноменология свободы, этико-когнитивный статус науки.

The worth of a scientific method: cultural-historical epistemology in the mirror of political theory. IRINA I. MYURBERG (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

“Cultural and historical epistemology” is the name of a new trend initiated by Boris Pruzhinin, who’s life-long specialization has been philosophy of science. The article is an appreciation of the trend done from vantage point of modern political philosophy. The author acknowledges disciplinary relevance of cultural and historical epistemology to the concerns of humanities as they formed throughout West-European twentieth century. The new epistemology is said to be of special import for contemporary science as it acquires a better awareness of its new cognitive and ethical status.

Keywords: cultural-historical epistemology, political philosophy, scientific discourse, interdisciplinary principle, ethization of reason, phenomenology of freedom, ethico-cognitive status of science.

В последние годы в рамках отечественной философии науки появилось интересное направление, заслуживающее, на мой взгляд, внимания весьма далеких от теории науки социально-гуманитарных дисциплин, таких как политическая философия, экспонентом которой является автор этих строк. Речь идет о направлении, обо-

значенном его инициатором Б.И. Пружининым как «культурно-историческая эпистемология» [См.: 3]. Являясь представителем философии науки, Пружинин формулирует собственную исследовательскую проблему в терминах, отражающих специфику этой дисциплины, как то: «Наши индивидуальные соображения по поводу устройства

* МЮРБЕРГ Ирина Игоревна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

E-mail: irina.myrberg@gmail.com

© Мюрберг И.И., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336.

мира и его отдельных фрагментов (можно сказать, наши мнения о мире) становятся научным знанием только в том случае, если существует метод, позволяющий эти соображения (в принципе) воспроизвести. <...> Совокупность социальных и культурных условий, а также мыслительных норм и процедурных стандартов, обеспечивающих такого рода воспроизводимость информации о мире, собственно, и образует науку как коллективную деятельность особого рода» [2, с. 136].

Данное определение, на мой взгляд, очень точно описывает выполняемую наукой важную социальную функцию. Кроме того, Б.И. Пружинину удастся, не порывая с собственными дисциплинарными стандартами описания проблемы (в данном случае, это проблема того, ««быть или не быть» европейской культуре адекватной своим истокам, которые отмечены непреходящей ценностью Разума и пафосом поиска Истины, или погибнуть, низведя Разум до суетливого слуги сиюминутных, меркантильных интересов?» [4, с. 181]), держать открытыми двери для участия в ее обсуждении других философских дисциплин. Такое участие способно не только привнести новые смысловые акценты в предлагаемый исследователем подход, но и переформулировать саму проблему. Собственно говоря, возможность переформулировки проблемы в соответствии с иными дисциплинарными нормами есть неотъемлемое условие включения в теоретический дискурс как других наук, так и вообще альтернативных направлений мысли. Реализуемый Пружининим подход к теме культурно-исторической эпистемологии, несомненно, не только допускает, но и предполагает такую возможность, и это представляется мне очень сильной стороной инициированного им направления⁸¹.

Для иллюстрации последнего утверждения выскажу следующую гипотезу: современная проблема выживания Разума в качестве адекватного своим истокам (т.е., в формулировке Н.М. Смирновой, в качестве некой непреходящей ценности, проникнутой «пафосом поиска Истины») – эта проблема выглядит неразрешимой в режиме «или-или»: либо вечная ценность, либо «суетливый слуга меркантильных интересов». С позиций

современной политической философии составные части этой дилеммы все отчетливее обнаруживают себя в теории как две ипостаси разума, связанные между собой гораздо более тесным и неуловимым образом, чем это способна допустить позиция их жесткого противопоставления. На протяжении Нового времени статус разума как неперемного участника коллективной деятельности людей претерпевал (и продолжает претерпевать) существенные преобразования. Последние – и это особенно важно для политической философии – никогда не были плодом исключительно теоретической деятельности, деятельности Науки; более того, наука практически никогда не была их единственным или даже главным инициатором. Так, по крайней мере, представляет себе историю развития научного знания политическая теория XXI века.

Историческая рациональность как критическая рефлексия разума

Соответственно, гипотеза заключается, во-первых, в том, что шансы на сохранение достоинства науки соразмерны в наше время ее, науки, способности сойти с пьедестала и заняться теоретической рефлексией того типа, о котором прекрасно сказал в своей последней книге другой современный философ науки: «Вопросы о том, каким образом человеческая деятельность породила естественные науки и как смогли эти науки обрести столь огромный авторитет в качестве олицетворений объективного знания, что в ряде повседневных избавило их (и только их) от обязанности осуществлять рефлексивный анализ собственных исходных допущений – хотя именно эти последние являются источником действительности авторитета – подобные вопросы остаются открытыми для дальнейшего изучения» [11, р. 121].

В этой связи уместно напомнить об общепризнанном ныне уходе в прошлое эпохи просвещенческого рационализма. В наше время уже никто в ученом мире не станет призывать к возврату к *такой* рациональности. Ее исчерпанность в качестве ресурса участия науки в развитии общества ощутили уже мыслители середины прошлого века. Мне представляется, что именно в тот период под эгидой философии науки закладывались (часто наобум, методом проб и ошибок) принципы междисциплинарности как нового подхода, предполагающего более гибкое, чем в классическом рационализме, отношение к плюрализму принципов внутреннего строения наук разного типа.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что принцип междисциплинарности находится в ряду

важных исследовательских приемов, которыми пользуется ныне все большее число ученых, анализирующих те или иные проблемы современного мира. Среди сегодняшних теоретиков трудно найти тех, кто не согласился бы с утверждением о возрастании роли этого принципа. Причины такого возрастания представляются самоочевидными: по мере того, как множится число объектов исследования, возрастает и многозначность предлагаемых трактовок порождающих их процессов и явлений, усиливается потребность в подходах, способных отразить внутреннюю эволюцию не только отдельно взятых понятий, но и предельно широких, «рамочных» концепций. Обращение в связи с этим к понятийным средствам сопредельных научных дисциплин представляется вполне законной и даже естественной практикой.

Иначе обстоят дела с принципом междисциплинарности в применении его к попыткам нащупать опосредования между естественными и гуманитарными науками. Здесь мы сталкиваемся с задачей нахождения неких общих исходных философско-мировоззренческих позиций. Классический пример поиска таких позиций дает творчество выдающегося философа науки Карла Поппера. Нельзя не сказать о том, что исходной точкой зрения являлась для Поппера позиция отнесения всей социально-гуманитарной сферы в разряд теоретически несостоятельного знания⁸². Как теоретик середины прошлого века он имел право на подобные суждения потому, что способен был предложить наиболее продвинутой для своего времени философию науки. Надо сказать, в рамках его концепции естественнонаучное мировоззрение продолжало уверенно удерживать за собой роль наставника (чтобы не сказать «поводыря») для всех прочих познавательных практик, претендующих на статус научных. При этом научного чутья Поппера хватало на то, чтобы признать, что в действительности он и сам не представляет себе, какой должна быть «истинно научная» гуманитаристика и особенно обществознание как ее часть. Предложенный философом науки метод «социальной инженерии»

⁸² См., напр.: «Хотя основная сфера моих интересов лежит в области методологии физики, <...> долгие годы меня интересовало во многих отношениях неудовлетворительное состояние общественных наук, и в особенности социальной философии. В этой связи немедленно возникает вопрос об их методах. Мой интерес к данной проблеме был в значительной степени усилен возникновением тоталитаризма и неспособностью общественных наук и социально-философских учений его осмыслить» [6, с. 30].

очевидным образом отнесен им в низший разряд теоретизирования⁸³.

Категориальные пересечения естествознания и гуманитаристики: возможен ли консенсус?

Что касается высшего уровня попперовской концепции, то на нем царит проблема свободы. Именно в этом понятии философ науки надеялся найти связующее звено двух (естественного и социально-гуманитарного) уровней теоретически корректного мышления. Подобное «междисциплинарное» начинание было навеяно ему далеко не беспочвенными опасениями, согласно которым общая логика развития науки в современности способна привести человечество к самозакрепощению. Бурное развитие науки в Новое время привело к значительной систематизации знаний в самых разных областях человеческой деятельности. Рост системных знаний, как известно, поддерживался им же порожденной новой рационалистической идеологией обеспечения господства человека над силами природы. Образ человека-господина, человека, во власти которого находится все сущее, к XX в. успел утвердиться в сознании представителей европейской цивилизации в качестве своеобразного этоса общества нового типа, общества, все более освобождавшегося от присущей средневековому сознанию чувству приниженности, беспомощности людей перед лицом сил, более величественных и всемогущих, чем силы человеческие.

Но в этом привнесённом модерном упоении собственными возможностями таился подвох, и Карл Поппер, разумеется, был не единственным, кто этот подвох заметил. Однако именно его дисциплинированный высокой теорией ум оказался способен оценить все коварство развернувшейся пропасти: всеисилие человека прямо на глазах оборачивалось его рабством. В самом деле: если совершенной является та система, части которой составляют целое и подчинены этому целому (а как раз такое понимание системы связано с идеалом достижения полного контроля), то «правильной» картиной мира должна была бы быть картина «холистская», где целое всегда больше своих частей, а мироздание, это «главное целое», суть не что иное как система систем. Иначе говоря, начав с роли господина природы, познавшего ее детерминистические связи, человек постепенно пришел к

⁸³ Эта мысль получила более обстоятельное развитие в моей статье «Карл Поппер: теория социальной инженерии» [См.: 1].

⁸¹ Здесь необходимо заметить, что конец XX – начало XXI в. отмечен появлением на Западе в целом схожего направления, известного как «историческая эпистемология». Не входя в подробное сравнение, адресую желающих к обзору О.Е. Столяровой «5 книг об исторической эпистемологии» (<http://postnauka.ru/books/3374>), из которого при желании можно составить представление об общности и различиях двух трендов.

сознанию также и собственной подчиненности детерминизму. К победе физического детерминизма привела, по утверждению Поппера, состоявшаяся 250 лет назад ньютоновская революция. «Теория Ньютона оказалась первой в истории человечества действительно успешной научной теорией, и ее успех превзошел все ожидания. Она несла настоящее знание – знание, превосходившее самые дерзновенные мечты самых смелых умов <...> Большинство непредвзятых людей и большинство ученых думали, что в конечном счете она сможет объяснить все, и в том числе не только электричество и магнетизм, но и облака и даже живые организмы» [5, с. 205].

Одновременно Поппер выделяет формирование, наряду с ньютоновским, детерминизма иного рода, образец которого дал младший современник Ньютона Давид Юм, понимавший под детерминизмом чисто психологическое состояние веры человека в то, что «одна и та же причина всегда производит одно и то же действие», «одно и то же действие всегда вызывается одной и той же причиной» [10, р. 87, 173, 174; 8, с. 282–283, 184–185; 5, с. 212–213]. Юму также принадлежит первый опыт противопоставления понятий детерминизма и свободы: «любой зритель обычно может вывести наши действия из руководимых нами мотивов и из нашего характера, а даже если он не может этого сделать, он приходит к общему заключению, что мог бы это сделать, если был бы в совершенстве знаком со всеми частностями нашего положения и темперамента и самыми тайными пружинами <...> нашего настроения. В этом и заключается сама сущность необходимости...» [10, р. 408; 8, с. 549]. Сказав это, шотландский мыслитель широко распахнул двери для воцарения философской веры, согласно которой наши действия, наши намерения, вкусы и предпочтения психологически «определяются» нашим же предыдущим опытом («мотивами»), т.е., комментирует Юма Поппер, в конечном счете, оказываются предопределены, с одной стороны, наследственностью, а с другой – внешней средой.

В данном пункте и возникает то, что Поппер (заметим, весьма непоследовательно) назовет «кошмаром физического детерминиста». На деле, речь пойдет о ситуации, при которой ньютоновская и юмовская разновидности детерминизма сливаются до неразличимости, будучи поставлены перед необходимостью решать уже не физическую, а *этическую* проблему, как об этом пишет А. Комптон: «Фундаментальная проблема морали, жизненно важная для рели-

гии, и предмет постоянных исследований науки, заключается в следующем: свободен ли человек в своих действиях? Ведь если <...> атомы нашего тела подчиняются физическим законам столь же неуклонно, как и планеты, то к чему стараться? Что за разница, какие усилия мы прикладываем, если наши действия уже предопределены законами механики...?» [9, р. 1]. Собственное решение проблемы свободы Комптон находит в физике малых частиц, в факте непредсказуемости поведения последних. По его мнению, человеческая свобода коренится в свободе электрона. Она способна реализовываться в свободном действии в той мере, в какой случай позволяет отдельным электронам вызывать цепную реакцию громадного взрыва. Конкретно, феномен человеческой свободы (в отличие от свободы «физической») обязан своим существованием самосознанию: каждый индивид обладает уникальной (по сравнению с окружающими) осведомленностью относительно собственных намерений, эта-то разница в степени осведомленности и делает его «свободным» относительно детерминации его другими людьми. Но тем самым Комптон, вопреки мнению Поппера, ничего не добавляет к позиции Юма. Ведь гипотеза о свободе, «коренящейся в природе электронов», фактически оказывается необязательным, избыточным элементом данного типа обоснования феномена свободы *человеческой*. И там, и там локусом человеческой свободы назначается самосознание – с той лишь разницей, что Юм считает свободу индивида (коль скоро она есть простое незнание действительных причин) его «самомнением», а Комптон обосновывает принципиальную правоту плодов индивидуальной интроспекции ссылкой на цепную реакцию атомного распада. Но и в том, и в другом случае индивид с его самосознанием в равной степени ощущает себя свободным (и действует согласно этому самоощущению!), поскольку, образно говоря, не знает, «чего от себя ожидать». Различие между трактовками этого факта ничтожно: у Юма индивид детерминирован, но не понимает, почему он хочет поступать так, а не иначе (что дает Юму основания объявлять свободу иллюзией); у Комптона же, всякий человек, не ведая причин изначальных побудительных мотивов своего поведения (электроны!), вместе с тем (в той мере, в какой он способен глубже окружающих приблизиться к первоначальным следствиям действия этих скрытых причин) имеет возможность ранее других прогнозировать, каким образом это определит его поведение, и в этом

смысле он самосознателен и автономен в своей свободе. Но ведь подобную степень сознающей себя свободы не отрицал и Юм!

Из сказанного видно, что подобная феноменология свободы в состоянии вовсе обойтись без физических изысканий, отсекая их как не имеющие отношения к сути дела, коль скоро речь идет о свободе *человеческой*. Так, «объективная действительность» спокойно приемлет и комптоновский индетерминизм, и юмовский детерминизм: последний «кошмарен» вовсе не для природы, а для человека, этот детерминизм исповедующего. Как бы там ни было, перед нами методологическая развилка. Можно принять за очевидное то, что «атомы нашего тела подчиняются физическим законам столь же неуклонно, как и планеты», – и тогда проблема свободной воли есть указание на особое качество *человеческого* универсума; тогда, помимо общей картины мира как «системы систем», возникают основания говорить о каком-то особом уровне функционирования этого мира, не укладывающемся в строго детерминистическую картину, но пользующуюся «кирпичиками» этого мира для строительства чего-то принципиально нового. В этой логике работает противопоставление естественнонаучной философии и философской антропологии, ставшее возможным благодаря И. Канту: последний увидел в свободе не что иное, как самоопределение человеческой воли. Правда, между этой по-кантовски понимаемой свободой и столь важной для Поппера темой творчества (создания нового) опосредования отыскать не так просто, как кажется.

В основе альтернативного подхода лежит убеждение, что коль скоро феномен свободы невозможно отрицать, то и принцип физического детерминизма в целом следует признать несостоятельным. Этому направлению мысли следует Поппер, причисляющий себя к лагерю индетерминистов. «*Индетерминизм* – или, точнее, физический индетерминизм – представляет собой учение, утверждающее всего лишь, что не все события в физическом мире предопределены с абсолютной точностью во всех своих наимельчайших деталях» [5, с. 213]. Заметим, что подобная позиция оставляет без ответа довод Юма о том, что, в любом случае, кажущееся отсутствие детерминации свидетельствует лишь о недостатке знаний. Не общенаучные обоснования волнуют в данном случае теоретика науки. Следуя Комптону, Поппер, как и американский физик, не скрывает, что основу его интереса к индетерминизму составляет стремление решить отнюдь не физическую,

а эτικο-политическую проблему: «физический детерминизм был мечтой о всезнании, которая становилась все более реальной с каждым новым достижением физики, пока не стала, по сути дела, непреодолимым кошмаром. Соответствующие же мечтания психологов всегда были не более чем воздушными замками: это были утопические мечтания о том, чтобы сравняться с физикой, с ее математическими методами и ее мощными приложениями, а возможно даже добиться и превосходства над ней, формируя людей и общества (и хотя эти тоталитаристские мечты нельзя считать серьезными с научных позиций, они весьма опасны в политическом отношении)» [5, с. 215].

В общем и целом, представляется, что своим поворотом в сторону философии свободы Поппер добровольно отдал теоретическую инициативу в руки гуманитаристики и особенно социально-политических дисциплин – инициативу, которую, надо признать, эти науки до сих пор не сумели должным образом реализовать. Наиболее вероятная причина такого положения – недостаточное привлечение в ходе разработки понятия свободы культурно-исторической рефлексии: эта последняя все еще недостаточно интегрирована в научный дискурс.

Например, положенная Возрождением традиция оглядываться на античность в поисках ценностей, попорченных средневековьем, превратило последнее в некоего изгоя в ряду объектов культурно-исторического изучения. Акцент неизменно делался на том, что возвысив образ единого, всемогущего и всесовершенного бога, христианская средневековая культура вольно или невольно принизила человека в его собственных глазах; этот акцент полностью вывел из поля зрения мыслителей тот факт, что тема свободы воли красной нитью проходила через богословские дискуссии (этот апофеоз средневековой учености), несмотря на то, что изначально она несла на себе вердикт, исходивший из традиции августинианского благочестия: человек, будучи обласкан божьим милосердием, «не нуждается» в свободной воле. Между тем, сам термин *liberum arbitrium* – тем уже, что он никак не желал исчезать из христианского теистического дискурса (Св. Августин, Пелагий, Ф. Аквинский, У. Оккам, М. Лютер, Л. Валла и др.) – предопределил идейный мейнстрим Возрождения, каким оно заявило о себе в области политической философии. В XX в. Ханна Арендт справедливо указала на то, что одним из важнейших прообразов самосозидания человека в культуре Модерна стал древнегреческий полис, точнее его политическая структура, обе-

спечивавшая свободным гражданам мужского пола право (и обязанность) участвовать в политической жизни государства на условиях полного равенства. Именно этому институциональному тандему, свободе и равенству, оптимистично и, как оказалось, весьма опрометчиво распространяемому в духе теории естественного права «Декларацией прав человека и гражданина» 1789 г. на всю французскую нацию, а затем – на всю европейскую цивилизацию, суждено было надолго стать важнейшей точкой притяжения постхристианской политической теории. Однако, к XX в. всем крупным теоретикам политики уже было ясно, что содержательное развитие идеалов свободы и равенства как главных определений подлинно человеческого общежития на деле развело их по разным уровням политической теории. Если понятие равенства неизменно нуждалось в конкретизации, ситуационной привязке и пр. (тенденция, ответственная за едва ли не полное исчезновение в наше время «равенства» из политико-философского дискурса, где его с успехом заменило понятие справедливости), то проблематизация понятия свободы, напротив, объективно вела его по восходящей, побуждая теоретиков политики оперировать понятием свободы как «предельной» (не определенной, в рамках данной дисциплины, через любые другие понятия) философской категорией. Сегодня мы стоим перед необходимостью модернизации классической философии свободы в ее применении к сфере политики. Подобная модернизация предполагает дифференцированное использование термина «свобода», отличающее, например, «свободы» как права, фигурирующие в правовой теории либерализма (rights-oriented liberalism), от свободы как понятия философской антропологии.

К новой концепции междисциплинарности

Упоминание в данном контексте философской антропологии не означает, что политическая теория (она, как мне представляется, принципов культурно-исторической эпистемологии) готова заимствовать понятие свободы у антропологии – так сказать, в порядке междисциплинарного сотрудничества. Мне представляется, что принцип междисциплинарности вряд ли может вести к подобной эклектике, наоборот – объединение усилий различных наук вокруг единой проблемы (такой, например, как проблема «человеческого») должно способствовать углублению специализации каждой отрасли и, в конечном счете, оттачивать ее дисциплинарную идентичность. В частности, дисциплинарная идентичность политической

философии позволяет ей исследовать проблему человека с использованием собственных уникальных подходов. Попытаюсь в двух словах описать сущность одного такого подхода, заключенную, как мне кажется, в стремлении преодолеть традицию (последняя сохраняется со времен классической европейской философии) проводить анализ субъект-субъектных отношений посредством рационалистического преобразования их в отношении субъект-объектного типа.

Отправной точкой на этом пути стало осознание того факта, что классическая (а в лице А. Шопенгауэра также и постклассическая) немецкая философия – притом, что понятию субъекта в ней уделено чрезвычайно много внимания – фактически имела дело исключительно с субъект-объектным типом отношений. Политико-философская проблема заключена здесь в том, что представители немецкой классической философии верили, что субъект-субъектному отношению находится место в их системах. Между тем, учету подлежала только рациональная часть человеческого универсума и, как следствие, от внимания аналитика ускользало принципиальное различие между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями: второй субъект неизменно превращался в его изображение в объект воздействия (чаще всего «воздействием» становилась позиция отстраненного рассмотрения). На первый взгляд, по-другому и быть не может: понять, помыслить что-либо возможно только при известной неизменности точки зрения. Последняя и стала для философии точкой утраты «поступка», за которой стирается различие между восприятием субъектом «окружающей действительности» вообще и восприятием взаимодействующего с ним «другого» (понимая под «другим» когда индивида, когда группу, а когда и человечество).

Участникам любого диалога (вербального или практического) классическая философия предписывает «правило» пребывания в едином мыслительном пространстве, не замечая при этом, что в реальной жизни данное «правило» постоянно нарушается; более того, это нарушение составляет специфику «политического»! В этом плане любая утверждающая себя теория, которой эта специфика чужда, обладает несравненно большей ригидностью, авторитарностью, чем практика – в первую очередь, политическая практика любых эпох и народов. Теория, являясь в каждой конкретной жизненной ситуации «чужей-то», не желает слышать о «другом» как носителе иной морали и иной рациональности. Большую (по сравнению с теорией) подвижность пространства политической жизни

обеспечивает то, что оно, это пространство, является местом столкновения не только и не столько интеллектов, сколько «свободных волей», волений. Соответственно, для политики как особой жизненной сферы, в которой взаимодействуют не теоретические системы, а «воления», такая вещь, как перемена установок («смена парадигм»), является не эпохальным событием, как в науке, а «буднями», составленными из бесконечных и, как правило, микроскопических подвижек, соответствующих переходам на точку зрения нового субъекта. Микроскопичность изменений дает возможность *post factum* искусственно соединять разрывы в ткани рационального обоснования в единый «нарратив». Властная составляющая политического нарратива остается при этом сокрытой от теоретиков, не видящих за рациональной стройностью «фасада» единого повествования борьбы разнонаправленных волей. Увидеть эту борьбу выпало на долю позднего Модерна, характерным открытием которого стало признание: в эпохи крупных политических катаклизмов разрывы в единой ткани повествования достигают масштабов, не покрываемых наличными понятийно-идеологическими средствами и требующих замены одной картины мира другой.

Культурно-исторический подход как маркер отказа от научного «фундаментализма»

Темы, поднятые в предыдущих подразделах, сознательно ориентированы на выявление идентичности политико-философского видения культурно-исторической эпистемологии. Этот формат рассмотрения темы изрядно удалил нас от набора понятий, которыми пользуется в аналогичных ситуациях философия науки. Несмотря на это, мне хотелось бы указать на наличие у столь разных уровней рассмотрения неких объединяющих черт. Главная из них – современная тенденция противостояния теоретическому «фундаментализму». Надо сказать, в сфере гуманитарно-социальных наук позиция противостояния фундаментализму досталась в результате исправления собственных промахов. Речь идет о попытках той же политической теории копировать присущую естествознанию классического Модерна тягу к «вечному и неизменному». Самым ярким примером здесь может служить снискавшие себе скандальную известность мотивы политической философии Карла Шмитта, попытавшегося строить свое понятие политического на антиисторической вере в наличие в основании политического сознания

любого индивидуума некоего примордиального инстинкта⁸⁴. Превратности исторического развития очень скоро подтолкнули Шмитта как автора данной идеи к занятию одиозной позиции идеолога германского нацизма. Между тем, в долговременной перспективе такое развитие политических событий возымело благотворное воздействие на политическую теорию в целом, поставив современников Шмитта перед историческим вызовом, который и был принят. В результате, из эпохи этико-политического оглушения теория вышла с сознанием временности, относительности любого господства, будь то господство силы или разума (в виде той или иной конкретной реализации последнего). По моему мнению, именно такая позиция делает возможным новый тип междисциплинарности, который, как уже было сказано, берет за исходное идею конкуренции идей, научных направлений и научных дисциплин, но при этом не позволяет участникам состязания рассчитывать на достижение состояния, называемого в политике «покоящимся господством». Эта мысль неявно присутствует в исследовании Роджера Смита об историчности концепции «человек»; эта же мысль представляется мне незримым фоном определения научного метода как средства воспроизводимости наших знаний о мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мюрберг И.И. Карл Поппер: теория социальной инженерии // Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века / Под ред. Е.А. Самарской. М.: Идея-Пресс, 2010. С. 235–255.
2. Пружинин Б.И. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 135–141.

⁸⁴ См.: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различие невыводимо из иных критериев, такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: добруму и злему в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д. Во всяком случае оно самостоятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним» [7, с. 25–26]

3. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Смирнова Н.М. Рецензия на книгу Б.И. Пружинина «Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии» // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 181-185.
5. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
7. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966.
9. Compton, A.H., 1935. The freedom of man. New Haven: Yale University Press.
10. Hume, D., 1888. A treatise of human nature. London.
11. Smith, R., 2007. Being human: historical knowledge and the creation of human nature. New York: Columbia University Press.

REFERENCES

1. Myurberg, I.I., 2010. Karl Popper: teoriya sotsial'noy inzhenerii [Karl Popper: the theory of social engineering]. In: Samarskaya, E.A. ed., 2010. Filosofiya politicheskogo deystviya. Iz istorii levoy politicheskoy mysli XX veka. Moskva: Ideya-Press, pp. 235-255. (in Russ.)
2. Pruzhinin, B.I., 2014. Znaniye kak tsennost': etyud po kul'turno-istoricheskoy epistemologii [Knowledge as a value: an essay on cultural-historical epistemology], Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 1, pp. 135-141. (in Russ.)
3. Pruzhinin, B.I., 2009. Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoy epistemologii [Ratio serviens? The contours of the cultural-historical epistemology]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
4. Smirnova, N.M., 2010. Retsenziya na knigu B.I. Pruzhinina «Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoy epistemologii» [Review of the book «Ratio serviens? The contours of the cultural-historical epistemology» by B.I. Pruzhinin], Voprosy filosofii, no. 4, pp. 181-185. (in Russ.)
5. Popper, K., 2002. Ob'yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod [Objective knowledge: an evolutionary approach]. Moskva. (in Russ.)
6. Popper, K., 1992. Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona [The open society and its enemies. Vol. 1 The spell of Plato]. Moskva: Feniks; Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa». (in Russ.)
7. Smith, K., 1992. Ponyatiye politicheskogo [Concept of the political], Voprosy sotsiologii, no. 1, pp. 37-67. (in Russ.)
8. Hume, D., 1966. Traktat o chelovecheskoy prirode [A treatise of human nature]. In: Hume, D., 1966. Sochineniya v 2-h tomah. T. 1. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
9. Compton, A.H., 1935. The freedom of man. New Haven: Yale University Press.
10. Hume, D., 1888. A treatise of human nature. London.
11. Smith, R., 2007. Being human: historical knowledge and the creation of human nature. New York: Columbia University Press.

